

КОРОЛЕВА КАМЕЛОТА

Анна Белькова

18+

Анна Белькова
Королева Камелота

«Автор»

2026

Белькова А.

Королева Камелота / А. Белькова — «Автор», 2026

Король Артур мёртв. Да здравствует королева. Гвинебра осталась одна - с тронном, тайной и ребёнком под сердцем. Логрия в огне. Лорды точат зубы. Моргана ждёт своего часа. А Ланселот - лишь тень в её памяти. Рядом остались только самые верные и самые опасные. Первые не бросят в беде, вторые эту беду создадут. Но Гвинебра не сдаётся. Потому что королева играет по своим правилам.

© Белькова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Тайна	6
Глава 2. Весть	9
Глава 3. Расчёт или судьба?	16
Глава 4. Траур	23
Глава 5. Кнут	30
Глава 6. Пряник	39
Глава 7. Затишье	50
Глава 8. Совет	54
Глава 9. Новости	70
Глава 10. Смотр	77
Глава 11. Заточение	89
Глава 12. Бремя	110
Глава 13. Чем дальше в лес...	127
Глава 14. Кто друг? Кто враг?	149
Глава 15. За спиной	153
Глава 16. В тени	159
Глава 17. Возвращение	165
Глава 18. Игра начинается	175
Глава 19. Праздник урожая	181
Глава 20. Священный город	198
Глава 21. Осенний холод	209
Глава 22. Казнить нельзя помиловать	224
Глава 23. Последняя игра	234
Глава 24. Чудовища в темноте	243
Конец ознакомительного фрагмента.	255

Анна Белькова

Королева Камелота

Пролог

Над зелёными холмами Камланна расплзался густой утренний туман. Он разносил с собой запахи дыма, смерти и металла. В небольшой низине, среди десятков изуродованных тел, окропленных кровью, верный рыцарь помог подняться на ноги своему королю. Они вместе неуверенными шагами шлёпали по грязи, осторожно обступая павших воинов.

Артур Пендрагон упал на влажную зелёную траву, стоило им с сэром Бедивером взобраться на небольшой холм. Кольчуга короля, как и его королевский плащ, была пропитана кровью. Каждый вздох давался Артуру с трудом. Он лежал на траве, глядя в голубеющее небо, и всё ещё крепко сжимал в руке свой верный меч Эскалибур.

– Но я всё-таки победил... – прерывисто сказал король. Уголки губ едва заметно поползли вверх, – И проиграл... – Артур закашлялся. Из рта вылетели капельки крови. Времени оставалось всё меньше.

«Ах, время! Как неумолимо ты и жестоко порой. Сейчас мне кажется, что я столько всего не успел сделать... Сказать... Моя Гвиневра. Будешь ли ты лить по мне слёзы?»

Сэр Бедивер склонился над своим королём, взял его за руку.

– Артур, – позвал рыцарь, наблюдая за его блуждающим взглядом.

– Гвиневра... скажи ей... пусть будет сильной... моя Гвиневра... – взгляд Артура замер, грудь перестала вздыматься. Рука, что ещё миг назад яростно сжимала пальцы Бедивера, ослабла и рыцарь понял, что его король умер. Он прикрыл глаза Артура и поднялся на ноги, оглядываясь вокруг.

Рыцарь стоял среди поля битвы. Где-то раздавались крики и стоны раненных солдат, где-то было слышно карканье ворон, которые слетелись на свой пир. К Бедиверу подошли несколько воинов и устремили скорбные взгляды на павшего Артура.

– Нужно сообщить в Камелот, – проговорил рыцарь, – Но нельзя приносить лишь скорбь. Преподнесём голову Мордреда королеве и двору, чтобы все знали, что король погиб не зря! – воскликнул он громко и направился к той самой низине, где Артур и Мордред обменялись смертельными ранами.

Глава 1. Тайна

– Держи спину ровно! В каждом твоём жесте, в каждом движении должны быть достоинство и грация! – строго приговаривала настоятельница, легонько похлопав Гвиневру по спине. Девочка моментально натянулась, точно струна арфы и недовольно выдохнула. Даже находясь в собственной спальне, она не могла хоть на минутку расслабиться. И так день за днём. Настоятельница, которую нанял для девочки отец король Леодегранс, отличалась требовательностью и строгостью. Она не стеснялась наказывать Гвиневру, стоило ей допустить ошибку или скулиться.

– Милая настоятельница, – вежливо и с улыбкой произнесла девочка, – неужели мне и во сне придётся сохранять грацию и достоинство?

– Истинная королева – это и есть Грация, и венец её – Достоинство, – величаво ответила женщина, расплетая косы юной принцессы. Девочка не нашлась, что ответить, лишь поджала губы.

Она мысленно задавалась вопросом, как бы её воспитывала мама, если бы была жива? Была ли бы она такой же строгой, как настоятельница Сидгрейн? Рассказывала бы ей красивые сказки о рыцарях и принцессах?

«Хватит. Не хватало ещё расплакаться», – одёрнула себя мысленно принцесса, надевая ночную сорочку. Она запрещала себе думать о маме. Едва ли девочка её помнила, но она часто представляла себе, как же выглядела её мама. Отец говорил, что она чудесно пела, и что золото её волос ослепляло его.

– Если бы мама не умерла, рожая меня, отец был бы счастливее. И я была бы счастливее, – прошептала девочка темноте. Она уже закуталась в одеяло, а настоятельница покинула её спальню, потушив свечу. Юная Гвиневра медленно погрузилась в сон.

Гвиневра открыла глаза, чувствуя, как сильно замёрзла. Большое пуховое одеяло лежало на каменном полу подле кровати. По привычке королева повернулась на другой бок, надеясь прижаться к спине своего короля, чтобы согреться и молча уставилась на нетронутую подушку. Артура нет. Ни в её постели. Ни в Камелоте.

– Артур, пора бы тебе вернуться. Твоя королева замерзает без твоей любви, – со вздохом проговорила женщина, вставая с постели. Ноги коснулись мягкой медвежьей шкуры, и перед глазами королевы пронеслось воспоминание, в котором Артур вручил эту шкуру Гвиневре после охоты.

Покои короля и королевы Камелота были просторными, но уютными – воплощение тепла среди холодных каменных стен замка. Высокие стрельчатые окна, украшенные витражами с гербами Пендрагонов и рыцарскими символами, пропускали мягкий утренний свет, окрашивая комнату в переливы золота и лазури.

У широкой кровати с резными дубовыми столбами висел тяжёлый балдахин из тёмно-зелёного бархата, расшитый золотыми нитями в виде драконов и львов – знаков королевской власти. Постель, обычно такая тёплая и гостеприимная, сейчас казалась слишком большой, а мягкие простыни – жёсткими и холодными.

У камина, где ещё тлели последние угли от ночного огня, стояли два кресла с высокими спинками, обитые мягкой кожей. На низком столике между ними лежала раскрытая книга – Артур так и не закончил её читать. Гвиневра не смела её закрыть или хотя бы коснуться.

«Вернётся и дочитает», – утешила она себя. Не впервой Артур пропадал на недели. Жизнь мужчины – сражения и войны.

– Доброе утро, королева, – в комнату вошла наперсница Гвинеvры – Леди Элейна из Астолата. За ней в покои вошли две фрейлины – леди Диана и леди Мот. Леди Мот, несмотря на почтенный возраст, двигалась плавно, неся кувшин с водой. Леди Диана внесла небольшой поднос с едой. Гвинеvра сразу учуяла запах свежего ржаного хлеба. Тогда она и почувствовала, как сильно проголодалась.

Немного сдвинув книгу на столике, Элейна указала Диане, куда следует поставить поднос и убрала сверху салфетку из тонкой ткани. Мот поставила кувшин с водой рядом с подносом.

– Вам пора поесть, ваше величество. Вот уже несколько дней вы к еде почти не притрагивались. Что скажет король, когда увидит свою королеву такой изможденной? – леди Элейна с укором глянула на свою госпожу и та под её взором присела в кресло. Она надкусила хлеб и отпила тёплого овсяного отвара. Приятный вкус разбудил аппетит, однако, стоило Гвинеvре взглянуть на кусочки вяленого мяса, как она почувствовала подступающий к горлу ком и прикрыла рот рукой.

Элейна с недоумением поглядела на неё, а престарелая леди Мот насторожилась. Диана безучастно стояла у выхода из покоев. Она обратила на королеву внимание лишь, когда услышала взволнованный возглас леди Элейны.

– Что такое, госпожа?

– Убери это, – пробормотала Гвинеvра и подскочила с кресла. Она быстро подошла к окну и приоткрыла его, вдыхая свежий утренний воздух, – Вы свободны, дамы, – королева махнула рукой. Диана и Мот с любопытными взглядами покинули королевскую опочивальню. Леди Элейна же не спешила уходить. Её лицо сделалось задумчивым на какое-то мгновение, а потом она вдруг восхищённо вскинула брови. Её карие глаза будто засияли.

– Госпожа, в этом месяце у вас была кровь? – спросила наперсница, подойдя к королеве ближе и успокаивающе положив ладонь ей на спину.

Гвинеvра на короткое время задумалась. Последний раз у неё шла кровь ещё задолго до отъезда Артура, а его нет в Камелоте уже почти два месяца. Женщина невольно положила руку на живот и в глазах её отразилась целая буря эмоций. Радость, волнение, страх, вина...

– Наконец-то! – вздохнула Элейна, без ошибки считав жест королевы, – Король будет так рад узнать, что Господь благословил вас! Но лучше, чтобы вас осмотрели...

– Оставь меня, – попросила Гвинеvра голосом отстранённым, почти стальным, чем ввела в недоумение свою помощницу. Она оглядела королеву, которая вдруг обняла себя за плечи и потёрла их, будто озябла. Её взгляд – взгляд затравленного зверя, был устремлён куда-то в сторону, в пустоту. Лицо и губы Гвинеvры побледнели буквально в одно мгновение. Это не на шутку напугало наперсницу.

– Вам нехорошо? Может жар? Я позову лекарей! А лучше приведу сестру Агнесс! – забеспокоилась она и хотела уже броситься искать монахиню.

– Мне нужно немного времени, – взяв себя в руки, ответила Гвинеvра уже более тёплым тоном и поймала ладонь уходящей Элейны. Та обернулась на королеву и вгляделась в её лицо. Ей было необходимо убедиться, что с госпожой всё в порядке. Она приложила ладонь ко лбу королевы и та осторожно отстранилась, – Со мной всё хорошо. Я просто не хочу в очередной раз переживать всё это, – Гвинеvра поглядела выразительным взглядом на свою подругу, на что фрейлина коротко кивнула. Она понимала её, как никто другой. Думала, что понимала.

Семнадцать лет Гвинеvра мечтала забеременеть. И каждый раз, когда надежда на удачу начинала теплиться, всё оборачивалось печалью и разочарованием. В последние годы королева уже перестала питать эту призрачную надежду, и потому её обеспокоенность не была Элейне в новинку. Так было уже много раз. Только в этот раз беспокойство было вызвано другой причиной, о чём знала только сама Гвинеvра. Это не просто беспокойство. Это необузданный страх. Страх перед собой, перед мужем, перед Богом.

– И никому ничего не говори, – наказала королева напоследок, – Я приглашу сестру Агнесс, когда буду готова.

Элейна с взволнованным видом покинула королевские покои и Гвиневра села на каменный пол. Из глаз её выступили слёзы. Она сжала пальцами ткань ночной сорочки так, что побелели костяшки.

«Почему? Почему сейчас?»

Глава 2. Весть

Неприступный замок Камелот возвышался на Тёмном Мысу, подобно короне. Слева от него, серая и быстрая, несла свои воды река Эббу; справа – широкая и величавая река Уск. А у подножия скал они сливались в один мощный поток, уходя к морю. С этого мыса можно было увидеть, как цвет вод двух рек долго не смешивается: мутно-серая полоса Эббу упрямо бороздила бирюзовую гладь Уска, пока обе реки не покорялись общему течению.

Вокруг Камелота от берегов Эббу до берегов реки Уск раскинулся столичный город – Двуречье. Он огибал Камелот полумесяцем. Большой и шумный, полный различных запахов, звуков и жителей. Столица состояла из двух уровней, постепенно поднимающихся к стенам замка. Нижний город, полный бедняков, пьяниц, рабочих, рыбаков и небогатых ремесленников, имел доступ к обеим рекам. Здесь реки были источником жизни и смерти: из них пили, ловили рыбу, в них стирали, в них же сбрасывали нечистоты и иногда – тела.

От Нижнего города Верхний был отделён высокой каменной стеной с караульными башнями. «Стена Благородства» – называли её жители Нижнего города, которым путь через неё был почти заказан. Верхний город был предоставлен знати, купцам и зажиточным ремесленникам. Прямого выхода к рекам Верхний город не имел, но через него проходило несколько искусственно созданных каналов. Чистых и одетых в тесаный камень, словно акведуки древних римлян. Вода в них была прозрачной, и служила не для труда, а для красоты да для заполнения садовых прудов.

Улицы Верхнего города были выложены камнем и содержались в чистоте, в отличие от Нижнего города, куда богачи старались не соваться. Разве что под охраной, да и то лишь до определённых, «приличных» кварталов, где можно было найти дешёвые развлечения, узнать слухи или тайно встретиться с сомнительными личностями.

И тем не менее, в Нижний город стекалось всё больше людей с разных концов Логрии. Потому от самых берегов рек до каменной стены местность была застроена простенькими домишками, деревянными хижинами, созданными на скорую руку, которые перемежались с многовековыми постройками из камня и кирпича.

Несколько небольших церквей для прихожан неблагородного происхождения разместились в разных частях Нижнего города. В центральной части рядом с Собором Святого Роберта стоял и Приют для обездоленных, который был построен на средства королевы Гвиневры, и принимал в своих стенах сирот и бездомных стариков, а так же женщин, оставшихся без защиты мужа или отца. Там же в центральной части города расположился церковный госпиталь, где надеялись найти исцеление многие жители Нижнего города и ближайших к Двуречью поселений.

На многих улицах Нижнего города можно было найти таверны, трактиры и постоянные дворы с посредственной выпивкой и простецкой едой. Были в городе и общественные купальни, некоторые из которых совмещались с публичными домами, на которые монархам и священнослужителям приходилось смотреть сквозь пальцы. Публичные дома были как центром порока и разврата, так и одним из самых надёжных источников дохода в казну.

Нижний город являлся городом грязи, порока и бедности. Но он жил и разрастался, давя на стены Верхнего города.

Верхний город так же отделялся от замка ещё более неприступной стеной, за которой располагались рыцарские казармы, тюрьма, Камелотская церковь. Именно эта внутренняя цитадель, «Каменный Пояс», и была истинным Камелотом в глазах многих. Не прекрасный замок, а суровая функциональная крепость: кузницы, арсеналы, плацы для тренировок. Место, где решалась судьба королевства. А нависающая над всем этим, на самой вершине мыса, цитадель с королевскими покоями, тронным залом и Круглым столом, распложенным в самом сердце

Камелота, казалась уже почти небесным градом, обителью полубогов, чьи решения эхом отзвучивали внизу. В мире грязи, крови и золота.

За всем этим Гвиневра наблюдала почти ежедневно, выглядывая из окон башен Камелота. Она видела стоявший дым над столицей, народ, снующий по улочкам. Слышала обрывистые крики из казарм, стуки молота по наковальне из кузниц. И чувствовала в такие моменты что-то родное тоске. Она не была частью того мира, но должна была порой решать его проблемы и судьбы людей.

Близился полдень. Гвиневра восседала на своём троне. Спина её была прямой, руки покоились на подлокотниках. Королева была одета в серебристое платье с узорами, вышитыми синими и сиреневыми нитками. Голову украшал золотой обруч, который почти сливался с золотом волос, что были собраны в незатейливой причёске. Она выглядела, как всегда безупречно, только лицо было бледнее, чем обычно. А яркие зелёные глаза выражали некоторое беспокойство. Её взгляд блуждал по обстановке, надолго ни на чём не задерживаясь, будто всё это она видела впервые в жизни.

Тронный зал Камелота был строгим и неумолимым. Его сила была не в роскоши, а в безупречном порядке. Он представлял собой длинный прямоугольный зал, устланный ковром цвета тёмного вина. Этот ковер, как стрела, указывал путь от гулких дубовых дверей прямо к подножию власти.

В конце зала возвышалась невысокая каменная платформа. На ней, отливая глухим блеском старого дерева, стоял трон Пендрагонов – массивное кресло из чёрного дуба. Его спинку венчала резная голова дракона. Трон не выглядел удобным. Он выглядел решающим. Рядом стоял трон поменьше в похожем исполнении. Король Артур специально заказал и поставил его для своей королевы. Позволял разделить ей бремя власти.

Над троном, на голой каменной стене, висел огромный щит с главным гербом Логрии: золотые лев и дракон, бившиеся в схватке на зелёном поле. По бокам, ровными рядами, висели знамёна верных вассалов – безмолвный парад верности, обрамляющий главный символ.

Придворные стояли полукругом, разорванным ковровой дорожкой, лицом к трону, соблюдая дистанцию, которая чётко обозначала их статус.

В первом ряду, у самого края каменной платформы позволялось стоять только высшей знати – герцогам, графам, члены Круглого Стола и высшим представителям духовенства.

Следующим рядом выстроились бароны, благородные рыцари, придворные дамы, чиновники, приближённые. Придворные дамы по большей части держались отдельно от мужчин. Не потому, что того требовали правила, хотя когда-то так и было. А потому, что многие женщины ещё придерживались строгого уклада, который существовал в Логрии до приезда Гвиневры. Тогда женщины вовсе не имели права присутствовать в тронном зале при решении дел государства. Фрейлины, как и сама королева должны были сидеть в отдельных покоях, заниматься изучением Библии, рукоделием и воспитанием детей. Став королевой Логрии, Гвиневра совершила революцию в Камелоте. Постепенно, шаг за шагом, ей удавалось продавливать границы дозволенного для женской части двора. Это нравилось не всем мужчинам, и даже не всем женщинам, но молодой королеве недовольные взгляды и возгласы помешать не смогли. Теперь женщины могли не скрывать своих волос, не избегать встречи взглядами с мужчиной, не бояться высказать своё мнение. И они могли находиться в тронном зале среди мужчин, могли участвовать в делах государства и даже получать должности при дворе. Но, по-прежнему, главными задачами благородных женщин оставались замужество и рождение детей.

Позади всех представителей дворянства, ближе всех к выходу, толпились просители под надзором нескольких стражников. Чаще всего простолюдины, ищущие защиты и справедливости. Иногда приходили и купцы, и знать из Верхнего города. Их проблемы часто были связаны с финансовыми спорами, решать которые Гвиневра не любила. Слишком жадными порой оказывались некоторые люди.

У самых стен, в тени под знамёнами дежурили слуги, писцы, те, чьё мнение не спрашивают.

Воздух в зале был прохладен и зыбок даже в разгар лета. Он доносил до трона каждый шорох, каждый шепоток, делая аудиенцию не разговором, а публичной проверкой на прочность. Сидеть на троне означало видеть перед собой не толпу, а живую карту своего королевства – от блистательных и опасных фигур в первом ряду до безликой массы у дальних стен. А за спиной – чувствовать немую, железную уверенность гвардии Бедивера, последний аргумент короны.

Гвиневра окинула взглядом придворных. Ближе всех к трону стоял герцог Олдред Меллигенский или проще – лорд Меллигенс. Высокий мужчина пятидесяти лет с вытянутым суровым лицом и серыми, как его одежда глазами. Он служил ещё при Утере Пендрагоне, приходился ему кузеном, и одним из первых поддержал Артура в притязаниях на трон. Король ценил его опыт и его советы. Меллигенс был назначен лордом—маршаллом Камелота Артуром и очень гордился своим титулом.

Рядом с герцогом Меллигенсом стоял сэр Габатис. Молчаливый, грозный, всегда носивший броню. Он был поверенным лицом и ближайшим товарищем герцога. Они всюду ходили вместе, ведь Габатис был обязан защищать своего феодала. Это для Гвиневры было удивительным. Во всей Логрии не было места безопаснее, чем Камелот.

В нескольких шагах от трона в молчаливом карауле стоял сэр Ронан Камелиардский – рыцарь и покорный слуга короля Леодегранса, а теперь самой Гвиневры. Он приехал в Камелот вместе с Гвиневрой и теперь нёс службу в рыцарской гвардии Бедивера. Человек незаурядного ума и смекалки. Гвиневра ценила его службу. Через Ронана ей было проще поддерживать связь с отцом, ведь у рыцаря были свои каналы для обмена информацией. За годы службы он не дал ни разу усомниться в его верности и надёжности.

Гвиневра перевела взгляд в сторону женщин, которые, казалось, не переставали шептаться ни на минуту. Но хватало одного взгляда леди Элейны, как они смолкали и тупили взор.

Королева окинула взглядом представителей духовенства. В их главе стоял епископ Благий – высочайший духовный сановник в Логрии. Он не был высок или толст, не был красив или некрасив, как считала Гвиневра. Она вообще считала его человеком невзрачным и это не из-за простой рясы тёмно—серого цвета и маленького серебряного креста на груди. Это из-за землистого цвета лица, из-за водянистых серо—голубых глаз, из-за полуживого старческого голоса. Признаться, Гвиневре было неприятно не только находиться с ним рядом, но и просто смотреть на него.

Епископа окружали и другие служители дома Божьего. Среди них отец Луциус, верный епископу, его правая рука. Рядом стоял отец Эгидий – личный капеллан Гвиневры, который прибыл с ней в Камелот семнадцать лет тому назад. Только ему она могла исповедаться, не боясь за свои тайны. Но одну тайну она не могла доверить никому.

Гвиневра чуть вздрогнула от промелькнувшей мысли и невольно положила руку на живот. Она боялась и радовалась одновременно, что в этот раз Бог её одарил своей милостью. Но милость ли это или кара Господня? От волнения в груди словно завязался тугой узел. На мгновение стало трудно дышать, но королева сделала глубокий вдох и смогла взять себя в руки. Сейчас не было времени на эти переживания.

Взгляд Гвиневры устремился на человека, который стоял перед тронном. Очередной земледелец из села неподалёку жаловался на нападения диких зверей.

– Недавно задрали мою лучшую корову! Ваше величество, я прошу о милости! Эдак у нас совсем не останется скотины! Прошу, велите выловить зверюгу, будь она неладна!

– Не бойся, добрый человек. Я сегодня же отправлю с тобой лучших своих охотников и следопытов. Больше ни одна корова или другая домашняя животины не пострадает от когтей и зубов изувера, – спокойно и величественно ответила Гвиневра. Крестьянин стал кланяться, с

благоговением глядя на лик прекрасной королевы, – Сэр Глойн, – она обратилась к одному из рыцарей, – возьмите с собой помощников и псов. Отправляйтесь с этим человеком в его село. И не возвращайтесь без медвежьей шкуры!

Это была не просьба. Приказ. Твердый и непоколебимый. Сэр Глойн почтительно склонился и тотчас отправился собираться в дорогу. Королева подала знак рукой, и на место поклона подошёл следующий человек. Он неуклюже поклонился, но не успел и рта раскрыть.

Массивные дубовые двери со скрипом распахнулись, притянув к себе внимание всех собравшихся в тронном зале Камелота. Внутри вошёл сэр Бедивер. Он явно провел несколько дней в дороге и выглядел не просто уставшим, а измученным. В руках он держал грязный свёрток. Сердце Гвинеvры сжалось и пропустило несколько ударов. Плохое предчувствие обожгло её изнутри, но внешне она осталась непоколебимой. Как учила её настоятельница Сидгрейн – королева должна сохранять достоинство даже перед лицом смерти. Она, сохраняя внешнее спокойствие, поднялась с трона и сделала пару шагов навстречу рыцарю.

Бедивер, оттолкнув крестьянина, который так и не успел рассказать о своей проблеме, встал на его место и упал на одно колено. Его басистый голос раздался в повисшей тишине.

– Королева... Камланн... Мы одержали победу, но... – Он вдруг замолк, пытаясь найти силы сказать главное. Мужчина поднял на королеву взгляд и она вдруг про себя отметила, что за прошедшие с их последней встречи недели Бедивер словно состарился на многие годы. Хотя был он немногим старше Артура. Прервав размышления Гвинеvры, рыцарь продолжил, – Король... Артур... убил Мордред, но был смертельно ранен. Он пал в бою... и достойно принял свою смерть.

Сначала Гвинеvра не почувствовала ничего. Как будто слова не долетели до её ушей. Потом её тело стало мягким, словно масло, но она не упала. Она оцепенела. В ушах появился звон. Она не чувствовала ни ног, ни рук. Только ледяной ком в животе. Взгляд королевы упал на свёрток в руках Бедивера. Теперь она различила плащ Артура, который сама соткала когда-то. И она искренне верила, что Артуру не грозила никакая гибель, покуда он носил этот плащ.

Но теперь в её голове эхом раздавалось последнее слово, сказанное рыцарем.

«Смерть... Смерть... Смерть...»

В зале раздалась женские взволнованные и испуганные голоса, тревожный шёпот прокатился по рядам придворных. Многие из присутствующих в зале переглядывались друг с другом, пытаясь понять, как правильно реагировать на столь печальное известие. Некоторые крестьяне сняли головные уборы и в печальном жесте пали на колени. Артур Пендрагон был для них героем и защитником. Потеря его была для них плохим знаменем.

Гвинеvра, окинув всех коротким взглядом, медленно, как во сне, подошла к рыцарю. Заметив её движение, толпа снова стихла в ожидании. Голос женщины был тих, но слышен в мёртвой тишине:

– Встань, Бедивер. Говори. Какими были его последние слова?

Сэр Бедивер с трудом поднялся. Он протянул ей Эскалибур.

– Он сказал, что вам нужно быть сильной. И... он назвал ваше имя, королева. Только ваше имя.

Гвинеvра взяла в руки меч. Он оказался невыносимо тяжёлым. Это не оружие – это гробовая плита. Она чувствовала холод стали сквозь ткань плаща. Этот холод пробрал Гвинеvру до костей. Она невольно содрогнулась и обвела взглядом людей, которые молча наблюдали за ней. Ей вдруг захотелось, чтобы все эти люди исчезли. Чтобы она была тут совсем одна. Чтобы вообще всё это оказалось лишь дурным сном.

Из толпы придворных вышел епископ Благий. Его лицо выражало не скорбь, а торжествующее осуждение. Он встал рядом с Бедивером и впери в королеву тяжёлый взгляд водянистых глаз.

– Это кара Господня! Король пал из-за греха, что разъял его двор! – Он повернулся к людям, что так и продолжили безмолвно стоять, – И теперь Моргана, кровь Пендрагона, придёт забрать своё! – он вновь повернулся к Гвиневре и, игнорируя возмущенный вид Бедивера, сочувственно произнес, – Вам, леди, не удержать трон. Вам следует сложить бремя и удалиться в монастырь, дабы искупить свои прегрешения и спасти душу. Благородным лордам Логрии придётся выбрать нового достойного монарха.

Слова епископа будто обожгли Гвиневру. Оцепенение сменилось холодной, абсолютной яростью. Её пальцы сжали рукоять Эскалибура так сильно, что рука задрожала. Вся её скорбь отошла на второй план. И дело не в том, что слова Благия задела её за живое и он буквально обличал её своими словами. И не в том, что он будто только и мечтал упрятать её в монастырь. Её задело то, что старик сомневался в её силах. Не сможет удержать трон... Только потому, что она женщина? Или потому, что стала вдовой?

– Полно, господин епископ, – вдруг подал голос лорд Меллигенс. Он в сопровождении сэра Габатиса выступил вперёд, – Наша королева, как и все мы, полна скорби. Её женскому сердцу тяжело нести это бремя в одиночку. Вам не следует давить на её величество. Всё, что нам сейчас нужно – это сохранять стойкость, поддержать друг друга и порядок в королевстве, – он говорил громко и размеренно, глядел на Гвиневру снисходительно, будто на расплакавшееся дитя. Вызвался стать её заступником. Но королева понимала, что его цель взять узды правления в свои руки. Позволить ему это означало обречь Логрию на долгие междоусобицы. Ведь если кто-то кроме Пендрагонов может править в Камелоте, значит, это может делать любой. И желающих будет много.

«Из всех присутствующих только я способна сохранить былой порядок. Иначе Камелот захлебнётся кровью...» – подумала женщина, испепеляюще поглядев на епископа, и он невольно отступил на шаг. Она перевела взгляд на Меллигенса. В глазах Гвиневры, ещё минуту назад испуганных и растерянных, теперь была только сталь. Она говорила громко, чётко и уверенно. Каждый слог отдался эхом под сводами зала:

– Не стоит защищать меня, лорд Меллигенс. Я и сама способна за себя постоять, – она проигнорировала раздражённый взгляд герцога и повернулась к Благию, – А вам, господин епископ, я хочу сказать, что мой муж завещал мне не искупление. Он завещал мне королевство. Мне и нашему не рождённому ребёнку! И кто посмеет перечить его последней воле?

Меллигенс в удивлении вскинул брови. Весть о наследнике пришлась ему некстати. Он окинул Гвиневру взглядом, полным недоверия и насмешки. Королева не стала заикливать внимания на его реакции, ведь и так понимала, что только что испортила его планы.

Она резким движением сорвала окровавленный плащ с Эскалибура. Легендарный клинок сверкнул в солнечном свете, падающем из окна. Гвиневра не подняла его, а упёрла остриём в каменный пол перед собой, опираясь на эфес, как на скипетр. Её другая рука инстинктивно легла на ещё плоский живот.

– Этот меч и эта воля – вот что будет удерживать трон. Я – Гвиневра Пендрагон, вдова короля Артура Пендрагона, мать нашего наследника прошу благородных лордов признать меня королевой—регентом Логрии, – её голос звучно прокатился по сводам зала и утих. Королева оглядела всех присутствующих строгим, требовательным взглядом. Благородные лорды с сомнением переглядывались, ожидая увидеть реакцию других. Гвиневре это не понравилось. Она не стала выжидать и дополнила свою речь всё тем же громким спокойным голосом, – Если благородные господа не хотят видеть меня регентом и мечтают сами занять этот трон или вручить его Моргане, то прошу... Нет. Требую. Возьмите меч моего мужа и убейте меня здесь и сейчас. Ибо я не желаю видеть, как рушится то, что десятками лет строили король Артур и его предки.

Она поставила на кон всё. Знала, на что шла. Она знала, что даже если кто-то осмелится выйти вперед и взять в руки Эскалибур, чтобы лишить её жизни, на её защиту встанет сэр

Бедивер и его гвардия, а так же лояльные лорды. Никто не решится убить королеву в день, когда стало известно о гибели короля. Однако, какая—то часть её хотела, чтобы это случилось. Эта её часть не хотела существовать в мире, где Артура больше нет, и не хотела вынашивать дитя в постоянном страхе за его и свою жизнь.

В зале раздались взволнованные вздохи, тихие возгласы и вновь повисла тишина, более громкая, чем любой боевой клич. Лица некоторых лордов застыли в немом изумлении и ужасе от её слов. Если кто-то и хотел возразить, то после сказанного не мог решиться на это. Сэр Бедивер посмотрел на неё с беспокойством и надеждой. Но в то же время он настороженно прислушался к лордам за его спиной. Рука его готова была в любой момент выхватить меч и применить его для защиты Гвинеvры. Сэр Ронан, стоявший позади неё тоже напрягся, сильнее сжав эфес своего меча.

Епископ побледнел и плотно сжал губы от негодования. Он ненавидел, когда шли поперёк его слова. Он многообещающе посмотрел на Гвинеvру, чуть заметно покачав головой.

– Вы заявляете, что беременны? – Благий немного склонил голову и слегка вскинул седые брови, – Откуда нам знать, что это действительно так? – задал он вопрос, на который Гвинеvра даже не успела среагировать.

– Это правда, ваше преосвященство, – из группы духовников вышла сестра Агнесс и учтиво поклонилась, – Сегодня я произвела осмотр нашей королевы и подтверждаю, что она ждёт ребёнка и зачала его скорее всего незадолго до отбытия короля, – монахиня говорила уверенно и её словам верили. За многие годы службы при дворе, она уже не раз доказала свою безошибочность в определении беременности. Многие придворные дамы доверяли своё женское здоровье только ей.

Услышав слова сестры Агнесс, толпа придворных посмотрели на Гвинеvру с восхищением, воодушевлением и печалью. Бедивер первым преклонил колена. За ним последовали крестьяне и многие придворные. В их числе были: барон Алрик де Монфор, барон Теренс из Линдсей, барон Годвин – лорд—казначей Камелота, фрейлины королевы под предводительством леди Элейны, и другие знатные особы. Лишь несколько человек замешкались, как заметила Гвинеvра. Среди них были епископ Благий со своей свитой, лорд Меллигенс и Сэр Габатис. Но и они склонились, хоть и сохранили некоторое недовольство на своих лицах.

Гвинеvра не оставила это без внимания. Она знала, что это только начало её борьбы за корону Логрии и за идеалы Артура.

После нескольких часов, проведенных в тронном зале Камелота среди множества людей, Гвинеvра, сбросив с ног надоевшие неудобные туфли, обессилено опустилась на свою кровать. Она вжалась лицом в подушку Артура, которая ещё хранила его запах. Королева несколько раз глубоко вздохнула, а потом сдавленно прокричала в подушку, одним криком выплескивая свою боль.

«Мой Артур... Как мог ты меня покинуть?..»

Теперь Гвинеvра заплакала. Слёзы, сдерживаемые ей в тронном зале, хлынули неконтролируемым потоком. Она обняла подушку мужа, свернувшись калачиком на просторном супружеском ложе.

«Я не достойна твоей любви, мой любимый. Твоя Гвинеvра предала твоё доверие, поддавшись коварным чарам».

Она нежно гладила подушку, представляя, что водит пальцами по могучим плечам мужа. Она часто так делала в минуты покоя, когда им можно было на время забыть о титулах и долге перед королевством. В такие минуты в их спальне становилось по-настоящему тепло и уютно. В камине горел солнечный огонь, потрескивая дровами. Из распахнутого окна доносилось пение

ночных птиц. Темно-зеленый балдахин напоминал лесную зелень. И в целом мире больше никого не существовало. Только Артур и Гвиневра.

Теперь же покои стали неприветливыми, слишком большими и уродливыми. В холодном камине лежали истлевшие угольки. Из окна слышался тревожный лай собак и людские крики. И нет больше рядом возлюбленного, который мог спрятать Гвиневру в своих объятиях, укрыть от всего мира. Сейчас женщина чувствовала себя уязвимой, незащищенной и даже обнаженной. Будто каждый человек при желании мог бы нанести ей вред и никто не стал бы заступаться за неё.

От таких мыслей Гвиневре стало ещё беспокойней и уютней в своей спальне. Она спряталась под тяжелым пуховым одеялом с головой. Стало чуточку теплее и спокойнее. Так бывало, когда королева засыпала в объятиях своего короля. Бывало до той злосчастной ночи, за которую Гвиневра винила себя каждую минуту каждого дня.

Женщина встряхнула головой, прогоняя столь неуместные мысли. Она должна оплакивать мужа, а не вспоминать свой грех. Грех, который возможно дал плод.

«Никто не должен узнать. Не должен заподозрить. Я не должна сомневаться в том, что это дитя – наследник Артура».

Королева приложила ладонь к животу. Она отмела все переживания, все плохие думы и сконцентрировалась лишь на одном ощущении. Беременность. От мысли, что в ней теперь зародилась новая жизнь, на душе стало немного теплее. Долгие годы Гвиневра мечтала подарить Артуру множество сыновей и дочерей, но Бог не даровал ей такой милости. Теперь же она познает радость материнства. Но одной рукой Бог даёт, другой – забирает. И Гвиневра теперь будет хранить лишь в памяти счастливые моменты супружества. Начиная с первой встречи...

Глава 3. Расчёт или судьба?

Гвиневра была единственной дочерью короля Леодегранса. После смерти её матери Леодегранс так и не женился. У него не было сыновей. Даже незаконнорожденных, что многих удивляло и восхищало. Но так же это страшило многих лордов и советников. Без наследника королевство было обречено на смуты и долгую борьбу за трон между дальними и ближними родственниками короля.

Однако, король Леодегранс положил конец всем тревогам, объявив, что его наследница – Гвиневра. И королевством после его смерти будет править его дочь со своим мужем.

Так Леодегранс положил начало новым политическим интригам. Каждый лорд, от мала до велика, спал и видел себя или своего сына на троне рядом с юной Гвиневрой. Леодегранс же издал указ, что выберет мужа для своей дочери в день её шестнадцатых именин. И все ждали этого дня со страхом и надеждой.

Самой Гвиневре в эти времена пришлось даже труднее, чем её отцу. Она воспитывалась не просто как будущая жена короля, но как правительница. Целыми днями её учили не только танцам, манерам и рукоделию. Она училась принимать решения, разбираться в картах, стратегически мыслить. С малых лет отец брал её с собой на советы. Он всегда интересовался её мнением. И был очень доволен, если мнение принцессы совпадало с его личным.

Так и сложилось, что к своим шестнадцатым именинам Гвиневра стала и прекрасной юной девой и хитрым политическим деятелем. Она умела подкупать людей, узнавать сокровенные тайны придворных и заводить дружбу с нужными людьми.

Именно она рассказала Леодегрансу слухи о юном Пендрагоне, который занял трон Логрии.

– Он может стать блестящей партией для меня, отец, – констатировала Гвиневра, сидя в небольшом креслице. Они с королем Леодегрансом были вдвоем в небольшой затемненной комнате. Подальше от чужих ушей и глаз. Эта комната была их тайным местом. Здесь Леодегранс принимал своих приближенных. Здесь решал судьбы тех, кто стоял у него на пути.

Гвиневра узнала об этой комнате, когда отец принялся за её обучение. А было ей тогда не более двенадцати лет.

– Ты говоришь так, потому что он юн и красив, если судить по рассказам? – отец прищурился и усмехнулся. Он сидел в мягком большом кресле, закинув ноги на массивный дубовый стол. Его темная борода была тронута сединой, но Леодегранс вовсе не был старым. Он до сих пор уверенно орудовал мечом и булавой, а это многое значило.

– Да, он юн, – принцесса улыбнулась, метнув в отца хитрый взгляд зеленых глаз, – И, как говорят, красив. А ещё он сын и наследник твоего почившего союзника Утера Пендрагона. Он вселяет в народ надежду. Люди идут за ним. И это будет отлично, если нам удастся объединить Логрию и Камелиард. Объединенное королевство будет непобедимым. И я буду править этим королевством.

– Не сомневаюсь, моя милая, но...

– Но?

– Ты забыла о его сестре. Говорят, Моргана Пендрагон собирает свои силы, чтобы отнять у Артура трон. В Логрии грядет затяжная междоусобная война. Это королевство ослабнет и соседи разорвут его на части. И если представится такая возможность, я тоже не откажусь немного увеличить наши владения.

– Зачем брать силой малую часть, если можно оказать поддержку и взять всё? – Гвиневра улыбнулась, – Не думаю, что Моргана будет такой большой проблемой для Артура и его рыцарей.

– Слушаю тебя и слышу влюблённую девчонку, а не свою дочь, – король задумчиво провёл по усам пальцами. Его серые глаза сверкнули в тусклом свете нескольких свеч. Принцесса резко выпрямилась.

– Все нет, отец, – слегка надув губки, ответила девушка. Она теперь сделалась серьёзной, что ещё больше позабавило короля. После недолгого молчания Гвиневра добавила, – Может у тебя есть претенденты на мою руку?

– Есть парочка. Но что я за отец, если не учту твои пожелания? Так и быть. Посмотрим на юного Пендрагона. Мне и самому интересно узнать, что он из себя представляет.

Гвиневра кивнула, улынувшись. Ее интерес был не только политический. Герой, который столь внезапно появился и быстро оброс легендами и славой, казался Гвиневре достойным ее внимания. И, возможно, её руки.

– Чтобы собрать всех претендентов в одном месте и в одно время, нужен хороший повод, – проговорил Леодегранс, поднимаясь с кресла, – Турнир в честь именин моей наследницы будет прекрасным поводом. Мы сможем оценить каждого кандидата в мужа и выбрать достойнейшего.

– Как прикажешь, – Гвиневра учтиво поклонилась не скрывая довольной улыбки.

Вернувшись в свои покои после беседы с отцом, Гвиневра остановилась посреди комнаты, ощутив внезапную тяжесть на плечах. Её спальня, которая всегда была её надёжным убежищем, сегодня дышала тихим беспокойством. Высокие стены из тёплого песчаного камня были увешаны гобеленами с изображением пасторальных сцен и героических подвигов предков. Некоторые из этих гобеленов когда-то соткала мать Гвиневры, но большая часть полотен была создана руками самой принцессы.

Сквозь стрельчатое окно, обрамлённое тяжёлым парчовым занавесом, лился бледный свет угасающего дня, окрашивая резные дубовые сундуки и пуховую кровать с балдахином в мягкие сиреневые тона. На каменном подоконнике покоилась недавно подаренная отцом книга. Вечерами девушка читала её, но сегодня настроения не было.

Принцесса медленно подошла к окну и прижала ладонь к холодному стеклу. Внизу, за крепостной стеной, раскинулся город, уже зажигающий первые огни. Там кипела жизнь – простая, понятная, лишённая бремени королевской крови. А она стояла здесь, в своей позолоченной клетке, и чувствовала, как стены будущего смыкаются вокруг.

До её именин оставалось почти полгода. Чуть меньше шести месяцев... которые, она знала, пролетят с пугающей быстротой. Время, обычно тянувшееся лениво и плавно, внезапно обрело стремительность падающего камня.

«Кто он? – пронеслось в голове. – Кто этот мужчина, что определит всю мою дальнейшую жизнь? Будет это легендарный Артур или кто-то другой?»

Она представляла себе могучего воина с короной на голове. Лицо его было размыто, что не удивительно. Гвиневра не знала Артура в лицо. Но почему-то очень надеялась, что именно он станет её мужем. Почему надеялась? Быть может потому, что хотела полюбить так же сильно, как её отец когда-то полюбил её мать. И хотела полюбить не простого человека, а того, кто у всех на устах. Тут же Гвиневру обуял страх. Полюбит ли он её? Или его интерес ограничится её телом, её королевством и её предназначением рожать потомство? Будет ли он говорить с ней по вечерам, делиться мыслями, слушать её? Или её уделом станут тихие ужины в роскошной столовой и долгие ночи в ожидании, когда он почтит её своим вниманием?

Она вспомнила рассказы отца о матери, о его глазах, наполненных неизменной грустью и светлой любовью, когда он говорил о ней. Такой ли муж будет у неё в будущем?

«Если он не будет меня любить – это не страшно. Я буду королевой. И я буду править. И мои дети тоже» – успокоила себя принцесса.

Гвиневра глубоко вздохнула и отступила от окна. Её долг был ясен. Она – принцесса Камелиарда, единственная надежда и продолжение рода своего отца. Её личные страхи и

сомнения не должны были иметь значения. Благополучие королевства – вот что было понастоящему важно.

«Я буду сильной, – мысленно повторила она завет настоятельницы Сидгрейн. – Я буду достойной. Ради отца. Ради Камелиарда».

Но в глубине души, под слоем королевского долга, политической закалки и строгого воспитания, теплилась крошечная, упрямая надежда. Надежда на то, что брак по расчету сможет превратиться в союз по любви.

Она поймала своё отражение в полированной поверхности медного таза для умывания – юное, бледное, с большими и зелёными, полными тревоги глазами.

«Полгода, – ещё раз напомнила она себе, – И всё решится».

И эти полгода пролетели, как один миг. Теперь за стрельчатыми окнами замка Камелиарда стояло тёплое, душистое начало мая. Раннее утро только вступало в свои права, развеивая ночную прохладу золотистыми лучами солнца. Весь замок, от самых подвалов до высочайших башен, был охвачен лихорадочной подготовкой к турниру, приуроченному к шестнадцатилетию принцессы.

Со всех уголков Британии и из-за морей съезжались знатные гости и прославленные рыцари. Над крепостным рвом то и дело грохотал подъёмный мост, пропуская всё новые и новые пёстрые кавалькады. Герольды, охрипшие от крика, объявляли имена прибывающих, а слуги метались по двору, принимая лошадей и указывая дорогу к покоям.

Среди этого шумного водоворота почти незаметно прибыла и небольшая, но уже знаменитая группа всадников из Логрии. Впереди всех ехал молодой король Артур. Он был немногим старше Гвиневры, юный, хорошо сложен, уверенно сидел в седле. Тёмные волосы волнами обрамляли его лицо, едва доставая до плеч. Темные глаза изучающе обводили всё вокруг. Он взглядом искал ту, ради которой прибыл сегодня сюда. Без своих доспехов, в простом дорожном плаще, Артур выглядел скорее задумчивым юношей, чем грозным воителем, чьё имя уже начинало обрастать легендами. Единственное, что выдавало его – это герб, вышитый на груди. Золотые лев и дракон, сошедшиеся в смертельной схватке на зелёном поле.

По правую руку от короля скакал Ланселот – статный и светловолосый, с живым, пытливым взглядом голубых глаз. Вслед за своим монархом, рыцарь тоже принялся с интересом изучать окружающую суету. Он тоже был одет просто, без доспехов и украшений. На его груди был вышит герб рыцаря Озерного – восьмиконечная серебряная звезда над голубой гладью озера.

Слева от Артура, скупая в седле, ехал Бедивер. Его поза и выражение лица ясно говорили, что он предпочёл бы в это утро быть где угодно, только не здесь. Он с безразличием глядел куда-то в пустоту своими серыми глазами. Каштановые короткие волосы были чуть видны из-под темного капюшона. На его груди виднелся красный герб с черной головой быка. Из всех троих всадников Бедивер казался самым старшим.

Когда король Леодегранс с дочерью вышли на главную галерею, чтобы поприветствовать высоких гостей, именно Артур и Ланселот первыми подняли взгляды. И оба, как по команде, замерли, увидев Гвиневру.

Она стояла рядом с отцом в платье цвета утренней зари, и майское солнце играло в золотых нитях её вышивки и в самих её волосах. Для Артура её образ показался внезапным воплощением той благородной и чистой красоты, ради которой, как он верил, и стоит совершать подвиги. Взгляд Ланселота выражал скорее восторженное, почти поэтическое восхищение перед совершенством.

– Кажется, ради одной улыбки этой принцессы уже стоит сломать копье, – тихо, больше для себя, проговорил Ланселот, не отрывая от неё глаз.

Артур ничего не ответил, но в его обычно ясных и спокойных глазах вспыхнул неожиданный для него самый огонь заинтересованности и решимости.

Бедивер, наблюдая эту немую сцену, лишь раздражённо хмыкнул.

– Ну вот, начинается, – проворчал он, – Прекрасная дама, вдохновляющая на безумства. А мы-то думали, едем укреплять союз.

– А разве красота и добродетель – не основа для крепкого союза? – парировал Артур, наконец отведя взгляд от Гвинеvры.

– Союзы скрепляются договорами и верностью, а не вздохами и венками, – отрезал Бедивер, сплевывая через плечо, – Я воин, Артур, не артист. Моё место на поле боя, а не на этом позорище, где все наряжаются павлинами и бьются ради аплодисментов черни.

– Ты забыл наш спор у брода через Уск? – напомнил Артур, и на его губах дрогнула улыбка, – Ты проиграл. А условием было – исполнить моё желание. И я желаю, чтобы мой самый стойкий и неуступчивый друг сразился на этом турнире. Чтобы все увидели, что рыцари Логрии – не просто защитники, но и люди чести, умеющие держать слово, даже данное в шутку.

Бедивер мрачно скрипнул зубами. Он действительно проиграл тот дурацкий спор о том, чей конь первым ступит на противоположный берег.

– Чёрт побери, – выдохнул он, но в его серых глазах, вопреки ворчанию, мелькнула тень признательности. Этот спор и это «желание» были не прихотью короля, а знаком доверия и дружбы. Артур не приказывал ему как вассалу – он просил его как друга, зная, что Бедивер, даже ворча, не подведёт.

– Ладно, – сдался Бедивер, – Исполню твоё желание, мой король. Но если меня выбьют из седла каким-нибудь франтом в позолоченных латах, винить будешь только себя.

– Меня не интересуют позолоченные латы, – тихо, но твёрдо сказал Артур, и его взгляд снова устремился к галерее, где Гвинеvра, краснея под пристальными взглядами, старалась сохранять царственное спокойствие, – Меня интересует только одно. Победа.

Как позже поняла принцесса, Артур и его рыцари привезли свои доспехи с собой на вьючном муле вместе с дарами для неё.

Воздух на турнирном поле трепетал от зноя и возбуждения. Трибуны, увешанные гербами знатных родов, гудели от нетерпения. Гвинеvра сидела рядом с отцом на почётной галерее, её пальцы судорожно сжимали резные деревянные подлокотники кресла. Все взгляды гостей были устремлены на неё. Этот день должен был решить её судьбу.

По сигналу герольда на арену выехала первая пара – Ланселот и закованный в синие латы рыцарь из далёкого Нортумберленда. Ланселот был стремителен и изящен, как лесная кошка. Его конь, казалось, читал мысли всадника. Не прошло и минуты, как после первого же сокрушительного удара копья нортумберлендец с грохотом рухнул на песок. Победа была так молниеносна и легка, что трибуны на мгновение замерли в изумлении, прежде чем взорваться восторженными овациями. Ланселот, не приподняв даже забрала, грациозно склонил голову в сторону принцессы, и в его жесте была не только учтивость, но и вызов.

После Ланселота на арене выступили несколько ничем не примечательных пар. У одного рыцаря отказалась бежать лошадь. Другой по неосторожности свалился с седла до столкновения с противником. Бедолага сильно ушибся, чем вызвал волну взволнованных вздохов среди дам. Особенно все запомнили рыцаря в латах, которые явно были ему велики и отчаянно гремели при каждом движении. Его щит украшал герб с белым соколом на желтом фоне, а на шлеме красовалось перо такой невероятной величины, что оно хлопало по спине его лошади. Зрители уже готовились к быстрому и комичному поражению этого чудака, когда он, неловко размахнувшись, вдруг случайно попал древком копья точно в грудь своего серьёзного против-

ника. Тот, больше удивлённый, чем побеждённый, с грохотом свалился с седла. На мгновение воцарилась тишина, а затем арену взорвали радостные крики и восторженные аплодисменты. Нелепый рыцарь, сам того не поняв, одержал победу и скромно поклонился во все стороны, едва не уронив при этом свой гигантский шлем.

Следующей парой стали Бедивер и могучий барон с севера, слывший медведем в человеческом облике. Их поединок был полной противоположностью предыдущему. Это была не фехтовальная дуэль, а столкновение двух скал. С первого же залпа копья зазвенели, разлетаясь в щепки, а могучие кони обоих рыцарей осели на задние ноги от силы удара. Оба всадника, сцепившись стременами, с грохотом рухнули на землю.

Поднявшись, они без лишних слов обнажили мечи. Схватка на земле была тяжёлой, грубой и лишённой всякого изящества. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, хоть и с тупыми турнирными клинками. Бедивер, казалось, не фехтовал, а рубил дрова. Его удары были неотразимы в своей прямолинейной мощи. В конце концов, после очередного сокрушительного вертикального удара, меч барона вылетел из онемевших пальцев. Поле на мгновение затихло, а затем взорвалось таким гулом восхищения, от которого, казалось, задрожали стены замка. Это была победа силы и воли, понятная и близкая каждому. Бедивер, тяжело дыша, наконец поднял забрало, кивнул Артуру и, не глядя на трибуны, направился к своему коню.

Затем на поле выехали двое – лорд Кадвор и лорд Глэдвин. Давняя вражда их родов была известна всем, и толпа замерла в ожидании кровавой развязки. Первый удар копий пришелся в щиты, но уже во второй сшибке лорд Кадвор, грубо нарушив правила, нацелил острие не в грудь противника, а в его забрало. Тупой наконечник с грохотом вмял решётку, и лорд Глэдвин с тихим стоном осел в седле, из-под шлема у него потекла алая струйка.

– Остановите поединок! – громоподобный голос короля Леодегранса прокатился по арене, заглушая возмущённый ропот толпы. Он поднялся с места, и его лицо, обычно спокойное, пылало гневом. – Лорд Кадвор! Вы запятнали честь рыцаря и осквернили мой турнир подлым ударом! Вы дисквалифицированы и покинете поле немедленно! Немедленно приведите лекаря лорду Глэдвину!

И, наконец, настал черёд последней пары. Артур вышел на поле против герцога Гарольда из Уэссекса, высокомерного и опытного воина, известного своей жестокостью. Герцог с первого взгляда излучал презрение к молодому королю.

Их поединок стал испытанием на выносливость. Это была не быстрая победа Ланселота и не грубая сила Бедивера, а изматывающая, методичная битва. Гарольд был силен и коварен, его удары рассчитывались на то, чтобы сломить и утомить. Но Артур держался с невозмутимым спокойствием. Он не бросался в атаку, а оборонялся, изучая противника, подмечая каждую его слабость. Казалось, поединок длился вечно.

И когда герцог, измученный собственными яростными, но безрезультатными атаками, на мгновение опустил щит, Артур совершил единственное нужное движение. Точно рассчитанный удар пришёлся в цель. Гарольд, сражённый, с грохотом упал с коня.

Тишина повисла на поле, а затем сменилась оглушительной бурей ликования. Артур, тяжело дыша, приподнял забрало. Его взгляд, полный усталости, но и торжествующей ясности, встретился с взглядом Гвинеvры. Их зрительный контакт продлился пару секунд, но для Гвинеvры эти секунды обернулись вечностью. Вся её суть замерла на это мгновенье и растворилась под его взглядом. В следующее мгновенье Гвинеvра почувствовала, как сердце её забилось чаще, а щёки стали розоветь.

«Да что же это я?» – одёрнула себя принцесса и заставила отвести взгляд от молодого короля Логрии.

Воздух на турнирном поле снова наполнился напряжением. После конных поединков настал черёд второго испытания – бой всех против всех. Те, кто вышли победителями в про-

шлой схватке, теперь должны были биться друг с другом. Даже друзья должны на это время стать врагами.

На поле осталось больше дюжины воинов. Всех имён Гвиневра не знала. Да и ей это уже было не интересно. В душе она желала победы лишь Артуру.

Все рыцари встали полукругом перед галереей короля Леодегранса в ожидании напутственных слов. Леодегранс поднялся с места, оглядел рыцарей и кивнул Гвиневре. Девушка поняла его знак и встала рядом с отцом. Она подняла вверх руку, в которой держала вышитый золотой нитью носовой платок.

– Пусть победит сильнейший! – громко провозгласила она, обведя взглядом всех воинов и задержав взгляд на Артуре, и бросила в сторону поля свой платок. Стоило ему коснуться земли у ног рыцарей, как они сошлись в жесточайшей схватке.

На всю округу были слышны грозный рёв и крики мужчин, лязг мечей и звуки падений на землю. Те, кто падал на землю – выходили из битвы проигравшими. Принцесса следила только за Артуром. Как он отбивался то от одного, то от другого рыцаря. Как ловко он вывел из битвы сначала лорда Смолл-Шторма, затем рыцаря с птицей на гербе. К восхищению Гвиневры, Артур ловко парировал удары.

Вскоре на арене остались пятеро: Артур, Ланселот, Бедивер, гордый лорд из Корнуолла и невероятным везением пробившийся тот самый рыцарь в громадных латах с белым соколом на желтом гербе. Он попытался напасть на Артура, но Бедивер, не тратя времени на церемонии, просто оттащил его за шиворот к краю поля и легонько столкнул с арены. Тот кубарем скатился в солому под дружный смех трибун.

Лорд из Корнуолда бросил вызов Бедиверу, но Артур с Ланселотом перехватили его, и после короткой схватки их оппонент оказался на земле.

И вот на поле остались трое: Артур, Ланселот и Бедивер. Они стояли, образуя треугольник, тяжёло дыша после боя. Бедивер окинул взглядом своего короля и Ланселота, затем неожиданно опустил меч.

– Я воин, а не гладиатор, – проворчал он, – Сражаться против своего короля и друга – не в моих правилах, – И он, отсалютовав Артуру, добровольно сошёл с поля.

Теперь на поле остались только двое. Артур и Ланселот. Два друга. Два лучших рыцаря Логрии. Они сошлись в центре арены под пристальными взглядами тысяч зрителей и самой Гвиневры, которая не дышала, вцепившись в подлокотники своего трона.

Они скрестили мечи, и начался поединок, который все ждали с самого начала. Это был танец стали и мастерства. Молнии ударов, парирования, увёртки. Никто не мог получить преимущества. Они знали друг друга слишком хорошо, каждый предугадывал движения другого.

И в самый разгар битвы, когда исход казался совершенно неясным, Ланселот сделал шаг назад. Он опустил меч и склонил голову.

– Я уступаю, мой король, – произнёс он так тихо, что только Артур услышал. Но затем он поднял голову, и его голос прозвучал громко и ясно для всех, – Я уступаю королю Артуру! Да здравствует победитель!

Трибуны взорвались овациями. Но Артур смотрел на друга с пониманием и грустью. Они крепко пожали друг другу руки и повернулись к галерее. Король Леодегранс поднялся со своего места и поднял руки, давая людям знак сохранять тишину.

– Я хочу поблагодарить всех, кто сегодня храбро и достойно сражался на этом поле. Вы показали нам своё мастерство и доказали, что не из робкого десятка. Но турнир есть турнир, и победитель здесь может быть лишь один. Так давайте же поздравим с победой короля Логрии Артура Пендрагона! Он доказал нам всем, что достоин своей короны!

После этих слов толпа снова разразилась аплодисментами и восторженными криками. Гвиневра тоже сдержанно поаплодировала. Гул трибун, казалось, сотрясал самые камни замка

Камелиард. Тысячи голосов слились в единый ликующий рёв, провозглашающий имя победителя.

– Ну что, достоин он моей руки? – довольно улыбаясь, спросила Гвиневра отца. Тот сдержанно и даже смиренно кивнул.

Позднее, в сияющем огнями сотен свечей главном зале, состоялся грандиозный пир. Столы ломились от яств, а в кубках не иссякало вино. Король Леодегранс, покрасневшийся и весёлый, поднял свой кубок, и зал мгновенно затих.

– Друзья, союзники, благородные гости! – провозгласил он. – Сегодня не только день рождения моей дочери, но и день её помолвки! Да благословит Господь союз Камелиарда и Логрии и союз моей дочери Гвиневры с доблестным королём Артуром!

Зал взорвался аплодисментами и криками с поздравлениями. Леодегранс обнял за плечи Артура, сидевшего по его правую руку как самый почётный гость.

– На подготовку к свадьбе я даю две недели! – добавил король под одобрительный гул гостей. – Чтобы все достойные правители наших земель успели разделить с нами эту радость!

Тем временем Гвиневра отметила, что многие проигравшие знатные гости, включая герцога Гарольда и мрачного барона с севера, на пир не остались, демонстративно покинув замок со своими свитами. Это могло в будущем обернуться проблемами.

«Нужно не забыть подсказать отцу, что стоит их как-то задобрить. Не хватало ещё, чтобы они переметнулись к нашим врагам. Мужчины бывают такими обидчивыми», – подумала девушка, незаметно вздохнув.

Гвиневра, восседая по левую руку от отца, едва сдерживала раздражение. Отец, радостный и шумный, постоянно поворачивался к Артуру, заслоняя собой жениха и вовлекая его в беседу. Она видела лишь его плечо и слышала обрывки их разговоров. Всякий раз, когда она пыталась перегнуться, чтобы встретиться с Артуром взглядом, Леодегранс снова оказывался между ними, хлопая того по плечу или подливая ему вина. Это тревожило принцессу. Ей нужно было узнать Артура немного лучше. Ведь, несмотря на его боевые успехи и весьма привлекательную внешность, Артур оставался для Гвиневры незнакомым юношей с неизвестным ей характером.

«Обычно, когда человек пьян, он проявляет свои настоящие качества. И чаще всего они не самые лучшие», – вспомнила Гвиневра слова настоятельницы Сидгрейн.

Бедивер и Ланселот сидели подле своего короля. Они казались душой компании – Бедивер с неподдельным, хоть и грубоватым, весельем, Ланселот – с изящной улыбкой. Они пели застольные песни вместе с другими рыцарями, громко шутили, звенели кубками. Но тот, кто присмотрелся бы внимательнее, заметил бы: даже самая широкая и искренняя улыбка не могла скрыть глубокой, неизбывной печали в глазах Рыцаря Озёрного. Его смех был слишком громким, а взгляд слишком часто и беспечно блуждал по стенам зала, избегая останавливаться на Гвиневре. Она тогда заметила его избегающий взгляд. Но не поняла, в чем дело. Другие гости не стеснялись разглядывать её. Только спустя годы она узнает причины такого поведения Ланселота.

– Отец, – тихо произнесла Гвиневра, когда рыцари затянули очередную песню, – я хочу немного поговорить с женихом.

– У вас ещё будет время, – склонившись к дочери, ответил Леодегранс, – Могу только сказать тебе, что ты не ошиблась в выборе.

Больше принцесса ничего сказать не успела, ведь отец стал подпевать рыцарям на пару с будущим зятем. Гвиневре оставалось только наслаждаться пиром в свою честь и украдкой глядеть на жениха.

Глава 4. Траур

Весть о беременности Гвиневры за считанные часы пронеслась по Камелоту. Уже через несколько дней о наследнике Артура Пендрагона знало всё королевство.

– О смерти короля тоже знают многие, – произнесла Гвиневра, – И многие враги уже точат когти и зубы, чтобы растерзать Логрию на кусочки.

Бедивер угрюмо кивнул в ответ. Он сидел у камина в одной из зал Камелота, поникший и задумчивый, когда королева нашла его и решила составить компанию, оставив леди Элейну за дверью следить, чтобы никто их не побеспокоил.

– Моргана подозрительно затихла. Вам не кажется это странным? – Гвиневра присела в кресло по левую руку от Бедивера.

– Скорее опасным, – ответил он. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Он смотрел на огонь в камине и понемногу отпивал эль из большой железной кружки.

– Она наверняка уже знает о смерти своего сына. И скорее всего уже готовит коварную месть.

– Мне думается, что Моргана ослаблена после войны гораздо сильнее нас. По крайней мере, я надеюсь на это. Жаль, что мне не удалось найти тело этого изменника. Но солдаты ищут. И найдут. Они принесут его голову и мы сожжём её на костре, – рыцарь сделал очередной глоток. Гвиневра видела, как тяжкий груз печали, скорби и ненависти давит на плечи рыцаря. Ведь в том бою он потерял не только своего короля, но и близких друзей и соратников. Сэр Гавейн и сэр Кей пали от руки Мордредра, защищая Артура. Сэр Персиваль получил рану от ядовитой стрелы и погиб в агонии ещё до начала битвы. Сэр Галахад бесследно пропал с поля боя. В плену ли он у Морганы? Или же сбежал? Все надеялись на первый вариант, потому как мысль о его побеге с поля боя была невыносимой.

– Голова Мордредра не вернёт нам короля, – сказала женщина, покачав головой, – Сейчас нужно думать о том, как защитить страну в случае вторжения. Я уже написала отцу письмо. Гонец со дня на день будет в Камелиарде. Я попросила оказать нам поддержку в это трудное время. Отец не откажет.

– Его помощи может оказаться недостаточно. Или она может не поспеть в нужный час. Помимо Морганы есть и другие враги. Герцог Меллигенс уже отдал приказ собирать новую армию. От каждой семьи по одному мужчине не младше пятнадцати лет. В оруженосцы к рыцарям так же придут сыновья наших знаменосцев. Через несколько лет у Камелота будет достойная стража, – Бедивер допил эль и поставил кружку на столик, стоявший между их креслами. Теперь он, наконец, взглянул на королеву. Взгляд его не выражал никаких эмоций. Быть может только усталость.

Гвиневра не осмелилась сказать ему, что солдаты отца нужны в Камелоте конкретно ей. Не только, чтобы защитить от Морганы, но и от лордов, жадных до власти, которые наверняка считают, что сейчас благоприятное время для захвата трона. Если у Гвиневры будет личная, пусть небольшая армия, у неё появится больше шансов удержать корону на голове до того, как её ребёнок будет готов к правлению.

– Подготовка воинов требует много времени и ресурсов. А до тех пор... – сделав обеспокоенное лицо, произнесла Гвиневра, – Как не дать стервятникам разорвать наше королевство? Наш дом?

—Близится осень. В зиму никто не отправится в поход на Логрию. А до весны ещё есть время, – рыцарь пожал плечами и снова уставился на огонь, – Я знаю толк в военном деле, и сделаю всё возможное, чтобы к весне собрать новые силы. Но так же я знаю, что королевства существуют не только благодаря сильным армиям. Политика – дело тонкое. И оно мне не по

зубам. Тут мозговитые люди нужны. А в Камелоте таких я не наблюдаю. Сплошь все вояки да чопорные лорды, делающие умное лицо, – он грустно усмехнулся.

– Да, ты прав, – Гвиневра задумалась на минуту. Она вспомнила время, когда была ещё принцессой Камелиарда, – Нам нужен Совет. Но не такой, какой был у Артура. В короткое время я должна собрать Новый Совет Круглого Стола. Пока неформально в нем будем состоять только мы вдвоём. Но я уже знаю, без кого нам точно не обойтись.

Рыцарь вопросительно поглядел на Гвиневру, но в его усталом взгляде мелькнуло нечто новое – не удивление, а признание. Она говорила, не как несчастная вдова короля, а как стратег. Словно готовилась сыграть лучшую партию в шахматы и расставляла фигуры на доске. Она уже продумала все ходы наперёд. Потому что не хотела проигрывать. Потому что проиграть для неё означало – потерять всё.

– Это не епископ Благий, – с лёгкой улыбкой произнесла Гвиневра, – но он наверняка потребует своего места за Круглым Столом, когда я обозначу, что такой Совет есть. Мне так или иначе придется пойти на уступки и пригласить в совет епископа, как представителя духовенства, а так же лорда Меллиганса, лорда Годвина, лорда Теренса и лорда Алрика. Увы, положение моё слишком шатко и я ещё должна расположить лордов к себе, – королева сделала паузу, продолжая наблюдать за реакцией собеседника, – Но сейчас я хочу призвать ко двору лорда Кадваллона.

– Этого щёголя? – Бедивер, вскинув брови, неверяще посмотрел на королеву.

– Бедивер, он нам нужен! Кадваллон владеет крупными залежами железной руды, у него есть ресурсы, необходимые нам. Я дам ему место при дворе, он даст нам ресурсы. К тому же когда-то он предал Моргану и нужно не дать ему вновь повернуться к ней лицом.

– Вот именно! Он предатель, подлец и интриган! С ним нужно ухо держать востро!

– Я буду, не переживай. Мне пришлось взрослеть при дворе своего отца. И я знаю, что такие подлецы полезнее, когда они под присмотром. Когда-то он уже чуть не погубил честное имя Артура. Если он выступит на стороне моих недоброжелателей, то мне придётся непросто. Пусть уж лучше будет рядом, так его проще контролировать, – королева хитро улыбнулась. Она знала, что делала. Она делала всё, чтобы обеспечить будущее своему ребёнку.

– Я буду следить за ним в оба глаза, ваше величество, – после недолгой паузы произнёс рыцарь.

– Не сомневаюсь, – Гвиневра легко улыбнулась, – Есть у тебя предложения? Может, ты хочешь кого-то видеть в Совете?

– Если честно, то есть кое-кто на примете, – задумчиво ответил Бедивер и впервые за долгое время проронил улыбку.

– Кто же это? Какой-нибудь рыцарь?

– Ну, у неё поистине сердце воина, королева.

– Так это женщина? Как необычно... Хотя, у королевы в Совете должны быть женщины. Кто же она?

– Леди Морвенна из Гленмора. Она вдова моего давнего друга графа Эдана Гленмора. Вот уже тринадцать лет она самостоятельно правит в тех землях. Её опыт может оказаться полезным для вас. Так же она недурно разбирается в лекарственных растениях, но старается об этом не распространяться. Некоторые могут счесть это за колдовство. Но когда-то после сильного ранения она быстро поставила меня на ноги.

– Это интересно. Почту за честь принять её в Совет, – королева благосклонно улыбнулась рыцарю, и хотела было встать, чтобы уйти, но последовавший вопрос Бедивера пригвоздил её к креслу.

– Ваше величество, а что насчёт Ланселота? Я давно хотел спросить, но всё не находилось удобное время. Когда я вернулся с поля боя, я ожидал увидеть его в Камелоте, – он с искренним любопытством поглядел на Гвиневру, а она пыталась прочесть в его вопросе скрытый мотив.

Догадывается ли он? Подозревает? Или уже всё знает? Хочет вывести её на чистую воду? Но потом поняла, что зря переживает. Бедивер всегда отличался прямолинейностью. Если бы он и правда что-то знал или подозревал, то спросил бы прямо. Или молчал бы до конца своих дней.

Поняв, что пауза стала неприлично долгой, королева мысленно встряхнулась и заставила себя дать ответ.

– Сэр Ланселот и сэр Лионель с небольшим отрядом были отправлены Артуром к западным границам. Жители жаловались, что там беспокойно. С тех пор от них не было вестей.

– Я думаю, стоит их разыскать.

– Сейчас не время, Бедивер. Камелот нуждается в каждом мече, в каждом щите. Придёт время и Ланселот появится. Я верю в это. И ты не сомневайся.

– Он близкий друг Артура и его место здесь. Как и Лионеля. Их обязанность хранить короля и королеву, – твёрдо возразил Бедивер.

– Да, ты прав. Пожалуй, я распоряжусь, чтобы на его поиски отправили небольшой отряд. Но ты мне нужен здесь.

– Как скажете, королева.

Женщина коротко кивнула. В груди клубком змей копошилось беспокойство. Она переживала за рыцаря Озерного, хоть и не хотела этого признавать. И в то же время она боялась его возвращения в Камелот. Королева чувствовала, что приезд Ланселота только усложнит её положение. Ход её мыслей прервали.

– Покойного короля доставили в Камелот, – вдруг донёсся до собеседников голос леди Элейны, и сердце Гвинеvры ухнуло вниз. Она тут же поднялась с места. Следом за ней поднялся и сэр Бедивер.

– Я должна его увидеть, – преодолевая дрожь, сказала королева и направилась во двор замка. Верные рыцарь и наперсница шли за ней по пятам. А она не заметила, как быстро преодолела все лестницы, залы и коридоры замка. Ей почудилось, что она в один миг оказалась на улице. Там стояли солдаты, обступившие деревянную повозку со всех сторон. Они молча охраняли покой короля, находившегося в ней. Стоило им увидеть Гвинеvру, как они, не сговариваясь, сняли покрывало, которым в пути был укрыт король.

Так странно было Гвинеvре. Она до последнего питала призрачную надежду, что это какая—то ошибка. Что там в повозке не Артур. И быть может её муж где-то на поле брани лежит в беспомытстве, но живой...

Эти иллюзии были разрушены в миг, когда Гвинеvра взглянула в бледное лицо короля. Сначала она не узнала это лицо. Оно было неживым. Не было той мягкой улыбки на его губах. Глаза были закрыты. Кто-то наспех вытер кровь и грязь с лица Артура, но разводы остались.

Из любопытствующей толпы дворян выплыл Епископ Благий. Он перекрестился и скорбно уставился на короля.

– Церковь подготовит его величество к погребению, – произнёс он, готовясь отдать приказ нескольким монахам, что всюду сопровождали его.

– Нет, – возразила королева, поглядев на Благия, – Я сама омою тело мужа. Сама.

– Ваше величество! Это должны делать служители Господа, дабы душа короля предстала чистой. Женщине в вашем положении не подобает...

– Я сама всё сделаю, – резко оборвала Гвинеvра. В этот момент она была готова вцепиться в епископа. И он, словно почувствовав, как в ней вскипает ярость, отступил, хоть и продолжил причитать, что церковь такого не одобряет, – Отнесите тело короля в покои, – приказала она стражникам и те повиновались.

Придворные в скорбном почтении расступились перед Гвинеvрой и стражниками, которые следом за ней несли на носилках тело Артура Пендрагона. Когда процессия прошла, за ней проследовали Бедивер и леди Элейна.

– Сэр Бедивер, пожалуйста, помогите с доспехами, – обратилась к рыцарю королева, когда тело её мужа внесли в покои. На просьбу воин ответил лишь коротким кивком и незамедлительно вошёл внутрь, – Элейна, а вас я прошу принести мне тёплой воды, – та без лишних вопросов отправилась на кухню.

Задержавшись на секунду в дверях, Гвиневра наконец вошла в королевские покои. Только теперь она уловила ужасающий запах разложения, исходящий от тела Артура. Женщине захотелось выбежать вон, но она сдержала свой порыв. Она королева и должна быть стойкой. Иначе народ не пойдёт за ней. В голове прозвучали последние слова короля:

«Ты должна быть сильной...»

И Гвиневра повиновалась. Она будет сильной. Она взглянула в сторону ложа, стараясь не задерживать взгляд на покойном муже.

Бедивер стоял на коленях у ложа. Его могучие руки, привыкшие сокрушать врагов, теперь двигались с пугающей, почтительной медлительностью.

Он начал с поножей. Рыцарские руки дрогнули, расстёгивая ремни у истёртых сапог. Каждая металлическая пластина, падая на каменный пол, отзывалась глухим звоном, нарушающим гробовую тишину. После Бедивер с той же медленной осторожностью снял стальные наручи, и Гвиневра увидела синяк на запястье мужа.

Она стояла неподвижно, как изваяние, в нескольких шагах от Бедивера. Но ей казалось, что дух покинул её тело и женщина словно видела происходящее в покоях со стороны. Она видела, как Бедивер выпустил скупую мужскую слезу и обронил её на металлический, местами измятый, нагрудник Артура. Видела как сама она до побелевших костяшек сжала пальцами ткань своего платья. Но она не увидела слёз на своих щеках, не чувствовала кома в горле. Она не чувствовала ничего. Будто один лишь вид погибшего мужа разом лишил Гвиневру всех чувств.

Тем временем Бедивер уже снял с короля нагрудник и кольчугу, после чего поднялся на ноги. Теперь Артур лежал только в простёганном дублоне, разорванном в нескольких местах. Вся одежда в районе груди была окрашена кровью.

– Благодарю вас, сэр Бедивер, – произнесла Гвиневра, решительными шагами приближаясь к ложу, – дальше я справлюсь сама.

– Я выполняю свой долг, государыня, – склонив голову, сдавленно ответил рыцарь и покинул покои. А королева присела на край кровати рядом с мужем. Несколько минут она не решалась взглянуть на него. Смотрела пустым взглядом в стену напротив.

– Я любила тебя с первой нашей встречи, – наконец произнесла Гвиневра еле живым голосом, – Ты всегда был добрым. Ко мне. К своим подданным. Искал свет даже в полном мраке. Называл сестрой ту, которая всегда хотела тебя убить. Ты никогда не терял надежды. И всегда верил в лучшее.

Гвиневра говорила и представляла, что Артур за её спиной внимательно слушал. Будто он смотрел на неё со спины и не решался дотянуться до неё рукой, чтобы погладить её золотистые волосы, а затем притянуть к себе и обнять.

– Ты никогда не требовал от меня наследника, хоть я и знала, что ты мечтал услышать от меня добрую весть все эти годы, – продолжала она говорить, – А сейчас я не могу тебя обрадовать, – она инстинктивно приложила ладонь к своему животу, – И не только потому, что ты погиб, но и потому...

Дверь с тихим скрипом отворилась и в покои вошла леди Элейна в сопровождении двух служанок. Каждая из них держала по два ведра, полных тёплой воды.

– Государыня, я добавила в воду розмарин и лавр, – пролепетала Элейна, но смысл её слов дошёл до Гвиневры лишь спустя несколько мгновений. Она рассеяно кивнула, подошла к своей напернице и приняла из её рук губку.

– Спасибо. Вы все можете идти, – сказала королева и служанки, поставив вёдра с водой ближе к кровати, покинули покои, просеменив за леди Элейной. Дверь с тем же тихим скрипом закрылась и Гвиневра снова осталась одна в звенящей тишине.

Королева бросила губку в ведро и снова опустилась на край кровати. Она наконец решилась взглянуть на мёртвого Артура и заставила себя не отводить взгляд. Он был таким умиротворённым, все мышцы лица были расслаблены, веки прикрыты. Можно было подумать, что король спит, если бы не белая кожа и холодный сладковатый запах тлена, исходивший от него.

Гвиневра на миг спрятала лицо в ладонях, пытаясь остановить накатывающие слёзы. Но было поздно. Одна за другой солёные капли падали на руки женщины. И она вдруг встряхнулась, подгоняемая последними словами мужа.

– Я буду сильной, Артур, – прошептала она и принялась, наконец, за дело.

Первое прикосновение к холодному телу мужа далось ей с трудом. Но она, стиснув зубы, не отпрянула. Бережно сняла с Артура одежду, погладила его волосы, взяла напитанную водой губку и стала омыwać его тело. Сначала лицо, шею и плечи. Затем грудь, на которой зияла ужасающая смертельная рана. Вода в ведре окрасилась в мутный красноватый цвет, и королева отодвинула его в сторону. В ведро с чистой водой она вылила полфлакона лавандового масла, успокаивающий аромат которого сразу же наполнил собой покои.

– Мой бедный король, – плача, приговаривала женщина, пока натирала ароматными маслами покойного, – Я так хотела, чтобы ты прожил долгую жизнь. Я мечтала встретиться с тобою старость. Мечтала о большой и счастливой семье с тобой и нашими детьми. Но вот мои мечты разбиты. Я не была тебе хорошей женой, но я старалась... правда старалась.

Без помощи кого-либо Гвиневра облачила своего короля в его лучший наряд, зелёный с золотой вышивкой. Цвета дома Пендрагонов. Она постригла его бороду и причесала волосы.

Когда закончила, Гвиневра присела на пол у края кровати. Она держала в своих тёплых ладонях холодную руку Артура и просила прощенья за свой грех.

– Умоляю, прости свою глупую жену, – шептала она, – Да, я оступилась. Но то был лишь раз. Я знаю, что буду гореть за это в аду. Я лишь хочу, чтобы твоя душа не терзалась из-за этого. Из-за моей неверности. Прошу, молю тебя, мой король, упокойся с миром.

Так королева провела ночь, в мольбах о прощении перед погибшим мужем. Она пролила в эту ночь столько слёз, сколько не проливала за всю свою жизнь.

Проведя бессонную ночь в королевской опочивальне с телом Артура, Гвиневра наутро почувствовала себя разбитой. Разбитой, как хрупкая ваза из хрустала. Но перед рассветом она собрала себя по осколкам. Причесала свои длинные светлые волосы, умыла лицо ледяной водой. Леди Элейна помогла ей надеть черное платье, заплела её волосы в скромную причёску и надела тёмную вуаль.

Гвиневра ощущала внутри ледяную пустоту. Ей представлялось, что в её груди зияет дыра, которую уже ничем не заполнить.

– Государыня, вы такая бледная, – обеспокоенно сказала Элейна, – Что-то болит?

– Моя душа, – ответила Гвиневра со вздохом.

– Подумайте о малыше, госпожа, – произнесла Элейна. Она взяла Гвиневру за ладонь и приложила её к животу, – Вас Господь благословил. Не дайте трауру поглотить вас целиком. Вы нужны своему ребёнку. Вы нужны Логрии.

– Ты права, Элейна. Как всегда, – королева грустно улыбнулась.

– Вы готовы, Государыня? – спросила наперсница. Гвиневра только кивнула в ответ.

Траурная процессия двигалась в гробовой тишине, нарушаемой лишь завыванием ветра и раскатами грома. Гвиневра шла следом за рыцарями, нёсшими гроб. Её чёрный силуэт плыл впереди других таких же тёмных фигур. Она не плакала, потому что выплакала все свои слёзы прошлой ночью. Она чувствовала на себе сотни взглядов – сочувствующих, любопытных, испуганных. Эти взгляды уже надоели ей, но королева всегда в центре внимания. У неё нет такой роскоши, как уединение.

Вдоль пути, по которому продвигалась процессия, стояли простолюдины в траурных одеждах. Они прощались с любимым королём, бросая цветы на дорогу перед рыцарями, которые несли гроб. Плакали все: дети, старики, женщины и даже многие мужчины. Люди выглядели так, словно с Артуром погибла их надежда на счастливую спокойную жизнь. Это было несколько иронично, ведь при Артуре случилось больше военных конфликтов, чем при Утере Пендрагоне. Но Гвиневра знала: дело не в том, что Артур постоянно с кем-то боролся, а в том, что боролся он за будущее. Не для себя, а для новых поколений. Люди верили в него и боролись вместе с ним за будущее для своих потомков. И королеве-вдове теперь тоже предстояло вступить в эту борьбу, чтобы показать людям, что надежда не умерла, не погребена вместе с её мужем. Она живёт в ней, живёт у неё под сердцем и готовится прийти в этот мир.

Раздался очередной раскат грома, прервавший размышления Гвиневры, и с тёмного неба упали первые капли дождя. Сверкнула молния. Многие, в том числе и королева, подняли глаза к небу.

«Сам Господь Бог скорбит сегодня вместе с нами», – подумала женщина и на мгновение прикрыла глаза. На тёмную вуаль, скрывающую её лицо, попало несколько холодных капель дождя.

Вдруг из толпы, справа, послышался сдавленный, полный ненависти крик:

– Прелюбодейка! Грешница!

Что-то тёмное и влажное, комок грязи, вылетел из толпы и с глухим шлепком угодил Гвиневре в плечо, размазавшись по траурному покрывалу.

Время остановилось.

Она не вздрогнула. Она медленно повернула голову в ту сторону, откуда прилетело оскорбление. Её глаза, холодные, как лёд, встретились с испуганным взглядом какого-то мужчины в одежде ремесленника. Он на миг застыл среди растерянных, испуганных горожан, а потом бросился бежать. Стражники, что стояли вдоль дороги, ограждая процессию от простолюдинов, бросились в погоню за нарушителем спокойствия. Горожане отпрянули от них. Послышались вскрики, женские визги, детский плач.

Из ступора Гвиневру вывел рёв Бедивера, который стоял позади неё.

– ДЕРЖИТЕ ЕГО!

Королева не знала, как реагировать на подобное. Она никогда не сталкивалась с ненавистью подданных. В один миг ей стало страшно. Что, если это бунт? Вдруг сейчас растерянная толпа соберётся и набросится на неё? Гвиневра быстро огляделась вокруг. Стражники со всех сторон окружили её, ограждая от любых угроз. Рыцари Бедивера обнажили свои мечи и были наготове. Знатные лорды и леди, что тоже участвовали в процессии, замерли, такие же растерянные, как простолюдины.

Сверкнула молния. Раздался оглушающий раскат грома.

Бедивер, рыча, уже готовится ринуться в толпу, не надеясь на ловкость рядовых солдат, но внезапно откуда-то сбоку, из-за спин зевак, возникла стремительная тень. Рыцарь в лёгком дорожном костюме с вышитым на спине гербом Ланселота Озёрного. Он, как разъяренный барс, врезался в толпу в том месте, откуда были выкрики. Спустя мгновение мужчина выволок за шиворот того самого крестьянина и швырнул его к ногам королевы и та сделала несколько

шагов назад. Лицо Ланселота – маска холодной ярости. Он обнажил свой меч и приставил острие лезвия к горлу преступника.

Следом из-за толпы придворных явился сэр Лионель, как и брат, в дорожной одежде. Он не посмотрел на виновного. Его взгляд был прикован к толпе. Держа в руке меч, он встал в боевую стойку в ряды стражников между Гвиневрой и народом. Его ясные синие глаза выискивали новую угрозу. Люди же с нескрываемым страхом смотрели на рыцаря и старались отойти как можно дальше. Большинство присутствующих было напугано происходящим.

Появление рыцарей повергло Гвиневру в большой шок, чем комок грязи, несколько мгновений назад прилетевший в неё.

– Проси у королевы прощения перед тем, как отправиться на виселицу! – прорычал Бедивер, придавив ногой лицо крестьянина к земле.

Все замерли. Гроза и дождь, набирающий силу, не имели в этот момент никакого значения. Даже епископ Благий, готовившийся к проповеди, застыл с приоткрытым ртом, в его глазах читалось не осуждение, а любопытство – как она поступит?

Гвиневра медленно, с невероятным достоинством, подошла к лежащему в грязи человеку. Она смотрела на него сверху вниз.

– Поднять его, – тихо сказала она и стража грубо вскинула его на ноги. Королева лишь скользнула глазами по глупцу, не скрыв отвращения. Он был грязным, растерянным. О чём он думал? На что рассчитывал?

Гвиневра обвела взглядом замершую толпу, встречаясь глазами с одними, скользя по другим. Она видела страх, ожидание кровавой расправы.

– Сегодня мы хороним Короля, – её голос, тихий и чёткий, был слышен в абсолютной тишине, – Я не оскверню его память и его последний путь кровью глупца и невежи, – Она перевела взгляд на Бедивера, – Уведите его с глаз долой, запирайте в темнице. Правосудие свершится. Но не сегодня.

Затем она повернулась к гробу, выпрямила спину, словно сбрасывая с себя всю грязь, всё зло, и твёрдым голосом, не оставляющим места для возражений, произнесла:

– Продолжим.

Глава 5. Кнут

Похороны остались позади. В одной из малых зал Камелота, куда ещё не дотянулся траурный этикет, царила иная атмосфера. Бедивер, сбросивший на мгновение маску официальной скорби, с силой обнял Ланселота, а затем и Лионеля. В его хриплом голосе слышалось неподдельное облегчение.

– Чёрт возьми, где вы пропадали? Мы думали, вы в плену у Морганы или того хуже!

Ланселот ответил на объятие, но его собственные похлопывания по спине Бедивера были скорее формальными. Взгляд его был отсутствующим.

– Мы были в западне, – тихо, но чётко начал объяснять Лионель, всегда более словоохотливый, чем брат, – Артур отправил нас усмирять набег на западных рубежах и после велел присоединиться к его войску. Мы выполнили приказ, но на обратном пути попали в засаду. Отряд Морганы. Не большой, но подготовленный. Они не пытались нас уничтожить, они гнали нас, как дичь, отрезая все пути к Камелоту. Создавалось ощущение, что они просто хотели нас задержать, вывести из игры... – Лионель умолк, и тягостная догадка повисла в воздухе: их умышленно устранили с главного театра военных действий, чтобы оставить Артура без поддержки.

– Мы пробились только неделю назад, – наконец проговорил Ланселот, его голос был глух и лишён эмоций. – И первое, что услышали на подъезде к крепости... – Он не договорил, но все и так поняли. Они вернулись в Камелот, уже зная о гибели короля.

В этот момент в залу вошла Гвинебра, которая всё это время слушала разговор за прикрытой дверью. Она сняла испачканную вуаль и теперь держала её в руке. Траурный наряд делал её лицо неестественно бледным. Тем сильнее на бледном лице сияли её зелёные глаза.

– Сэр Ланселот. Сэр Лионель. Камелот рад вашему возвращению, – её голос был ровным, учтивым и безжизненным, как ледяная гладь озера. Она смотрела куда-то в пространство между братьями, целенаправленно избегая встречи взглядом с Ланселотом. – Ваши мечи и ваша преданность сейчас нужны королевству как никогда.

– Мы к вашим услугам, ваше величество, – с почтительным поклоном ответил Лионель. Чуть замешкав, Ланселот тоже сделал поклон, не сводя с королевы глаз. Она чувствовала на себе его взгляд. Будто этот взгляд оставлял на её коже следы, подобные ожогам. Но Гвинебра продолжала глядеть на Лионеля. Ей казалось, что стоит только обратить свой взор на Ланселота и вся правда вскроется.

– Ваш отчёт о западных рубежах крайне важен, – продолжила Гвинебра, обращаясь исключительно к Лионелю, – Я выслушаю его завтра на рассвете, перед советом. В зале Круглого Стола. Ваше возвращение меняет расстановку сил в Совете. Артур доверял вам больше, чем кому—либо. И я намерена воспользоваться вашим бесценным опытом. Я хочу видеть вас обоих в Новом Совете Круглого Стола.

Бедивер, до этого молча наблюдавший, мрачно хмыкнул.

– Совет – это хорошо. Но пока мы будем заседать, за стенами творится нечто худшее, – Он тяжело вздохнул, – Мы потеряли не только нашего короля. Сэр Персиваль погиб от ядовитой стрелы. Сэр Галахад пропал без вести. И... тело Мордредра так и не было найдено.

Имя «Мордред» прозвучало, как удар хлыста. По лицам всех троих мужчин пробежала судорога ярости. Лионель с силой сжал эфес меча. Бедивер оскалился, словно волк.

– Моргана – колдунья, – прошипел Ланселот, и его голос впервые за весь разговор приобрёл живость, отлитую из ненависти. – Она могла спасти его. Спрятать. И если этот выродок жив... – Он не договорил, но все поняли: это значит, что смерть Артура не стала полным поражением Морганы. Её наследник, её орудие мести, всё ещё может существовать.

Ланселот выпрямился, его голос стал твёрдым и решительным. Он обратился к Гвиневре. И она заставила себя взглянуть на рыцаря. Настоящие чувства по его лицу было невозможно прочесть. Но в глазах была видна лишь скорбь.

– Ваше величество, позвольте мне возглавить отряд. Я найду Галахада, живого или мёртвого. И я узнаю правду о Мордреде. Жив он или мёртв – я привезу вам его голову. Это будет мой последний долг перед Артуром. После этого я смогу всецело посвятить себя службе своей королеве и её будущему наследнику.

Он встал на колени перед ней и опустил голову. Сердце Гвиневры сжалось и пропустило удар, когда рыцарь упомянул о наследнике.

«Значит, эта новость достигла и твоих ушей. Наверное, ты уверен, что этот ребёнок твой по крови».

Она поняла это с мучительной ясностью. И, пряча дрожь в пальцах, сжатых в кулаки, она ответила с ледяным спокойствием:

– Хорошо. Вы правы, это дело важнее заседаний. Соберите отряд. У вас есть моё благословение.

Гвиневра подошла к стоявшему на колени рыцарю и положила руку ему на плечо. Она делала это непринуждённо, стараясь выглядеть естественно и не выдать своё волнение. Ланселот Озёрный поднял взгляд на неё и встал.

– Найдите пропавшего рыцаря, сэра Ланселот, – громко сказала она и тут же едва различимым шёпотом добавила, – Библиотека. Полночь.

И она вышла из зала, не оглянувшись, оставив за собой гробовую тишину, в которой смешались облегчение от возвращения братьев, горечь утраты и тяжёлое предчувствие грядущей бури.

Дверь в потайную комнату за библиотекой отворилась беззвучно, пропуская внутрь лёгкий тёмный силуэт, и так же бесшумно закрылась. Гвиневра откинула капюшон. В тесном помещении, хранящем запахи воска, старого пергамента и сушёных трав, воздух замер, словно прислушиваясь к стуку её сердца.

Ланселот стоял у стола, спиной к входу. Его плечи, обычно такие прямые под тяжестью доспехов, сейчас были ссутулены. Он не обернулся, но его спина, напряжённая струна, выдавала его. Стоило Гвиневре разглядеть его силуэт в полутьме, как она почувствовала лёгкое онемение в руках и ногах. Такое случалось редко и лишь в моменты сильного волнения.

– Моя королева рискует, назначая мне тайные встречи, – его голос прозвучал приглушённо, словно вобрав в себя всю тишину этой комнаты. Но он, как всегда был мелодичным и нежным. Именно таким голосом Ланселот говорил с Гвиневрой тогда, в ту самую ночь. От навеявших воспоминаний в сердце королевы вспыхнули стыд, вина и что-то такое, чего она испытывать не должна. В этот миг ей подумалось, что она и впрямь зря явилась сюда. Но эту мысль она заставила отступить.

Гвиневра прислонилась спиной к шершавой древесине двери, отсекая путь к отступлению.

– Этого больше не повторится. Это наша последняя приватная встреча, – произнесла она, пытаясь сохранить спокойствие в голосе.

Рыцарь резко обернулся. В его глазах, обычно таких ясных, бушевала буря – боль, ярость, надежда. Он сделал два стремительных шага вперёд, но замер, увидев, как её рука инстинктивно легла на живот. Этот жест обжёг его сильнее меча.

– Я мог бы забрать тебя отсюда, – выдохнул он, и слова понеслись стремительным потоком, – От этих стен, что стали тебе усыпальницей. От этих взглядов, что видят в тебе только

вдову, прибравшую власть к рукам. Я мог бы подарить покой тебе и твоему ребёнку. И неважно, чей он, – Ланселот наблюдал за реакцией королевы. Она стояла неподвижно, всё так же прикрывая живот рукой. Ни тени улыбки не проскользнуло на её лице. Рыцарь опустил глаза, – Но я знаю, что ты не пойдёшь со мной. Даже, если этого желает твоё сердце. Ты не пойдёшь...

– Логрия – королевство, которое мне доверил мой муж. Ты предлагаешь бегство? Предлагаешь снова предать его? – её голос был ровным, отточенным, как клинок, но в его глубине таилась бездонная усталость.

– Я лишь хочу, чтобы ты была в безопасности, – проговорил он. Его взгляд устремился на живот Гвинеvры и она поняла, к чему он клонит.

– Это дитя Артура. И мне нечего бояться.

– Тогда тем более тебе нельзя оставаться в Логрии! – настойчиво сказал рыцарь, – Моргана не даст покоя ни тебе, ни твоему ребёнку, который ещё даже не родился! Корона Пендрагонов – вот чего она жаждет. А ты и твоё дитя лишь препятствие на пути к ней. Отрекись, покинь королевство...

– Нет! – непреклонно ответила Гвинеvра. И Ланселот склонил голову.

– Что ж... Если таково ваше желание, то я буду верно служить вам до последнего вздоха, – сказал он. Королева смотрела на него прямо, не отводила взгляд. Часть её хотела согласиться на предложение сбежать. Но тяжкий груз вины перед мужем и его последняя воля пригвоздили Гвинеvру к трону Логрии. Она не смогла сохранить верность мужу, но должна сохранить верность Логрии. Даже, если ей придётся вырвать своё сердце из груди, она должна это сделать. Быть может так она сможет заслужить прощение.

– То, что было между нами... – её голос дрогнул, выдавая внутреннюю дрожь, – Мы оба должны забыть ту ночь. Никогда не вспоминай. Этого никогда не было. И никогда не будет. Я твоя королева, а ты мой верный рыцарь. И мы оба должны служить для будущего этой страны, – сказала она, из последних сил сдерживая подступающие слёзы. Это слёзы вины, печали, скорби. Скорби по той части себя, которую она замуровала этой ночью и обрекла на увядание.

Ланселот смотрел на неё с горьким пониманием. На его губах дрогнула невесёлая, пронзительная улыбка.

– Как прикажет моя королева, – он изящно поклонился, и Гвинеvра оставила его в одиночестве, осторожно прикрыв за собой дверь. Она спешила сбежать от рыцаря Озерного, чтобы он не заметил, как покраснели и заблестели её глаза.

Женщина тихо прошла по коридорам замка, надеясь остаться незамеченной. Плащ, который скрывал её лицо и фигуру служил ей воображаемой стеной от всех любопытных глаз. Когда она уже подходила к своим покоям, её встретила монахиня. Престарелая женщина с серыми глазами и тонкой линией губ. Она поклонилась королеве, и ей пришлось поприветствовать монахиню в ответ кивком головы и добродушной улыбкой.

Не вступая в диалог, Гвинеvра скрылась в своих покоях. Она сбросила плащ и опустилась в мягкое кресло перед камином.

– Монахиня караулит мои покои? – задала вопрос в пустоту женщина. Похоже, епископ Благий решил шпионить за ней. Но почему так открыто?

Большую часть ночи Гвинеvра не спала. Она обдумывала всё, что произошло за последние несколько дней. Мысли, подобно рою пчёл, перекидывались с одной темы на другую. Неожиданная беременность, похороны Артура, след грязи на одежде, предстоящий суд, разговор с Ланселотом, монахиня у дверей...

Королева отказывалась верить, что всё это происходит по-настоящему. Ей больше хотелось верить в то, что она просто спит и видит ночной кошмар. И всё никак не может проснуться. Невольно нагрянули воспоминания о прошлых спокойных днях, где не было места печали, предательству и интригам. Гвинеvра прикрыла глаза, окунаясь в эти воспоминания.

Это была вторая осень в Камелоте для Гвиневры. Она была счастлива. От чувств к Артуру кружилась голова. Их жизнь была наполнена радостью и смехом.

Конец лета. Гвиневра и Артур с рыцарями выбрались из замка на охоту в ближайшем лесу. В полдень они устроились на привал на залитой солнцем поляне. В воздухе пахло лесом, дымом костра и жареным мясом. Рыцари нашли себе удобные места и каждый занялся тем, что было ему по душе. Артур присел на поваленное дерево и пригласил к себе свою королеву. Она устроилась в его объятиях и огляделась.

Бедивер сидел на небольшом пне и, немного сторбившись, натачивал свой нож. В то время Гвиневра ещё не особо ладила с ним, ведь он всегда словно держался в стороне.

– Охотится – так охотиться, – бухтел он себе под нос, – а не пикники устраивать. Пару кролей поймали, а такие довольные, будто стаю кабанов завалили...

Артур только улыбнулся на эти слова. Его никогда не задевала ворчливость этого рыцаря.

– Бедивер, иди к костру. Ни то тебе и косточки с этих кролей не перепадет, – сказал король. Рыцарь кивнул, проронив улыбку. В миг его стальные серые глаза потеплели, морщины на лбу разгладились.

– Что правда – то правда, – усмехнулся он, окинув некоторых рыцарей взглядом.

Гвиневра перевела взгляд на Ланселота. Он, прислонившись спиной к стволу дерева, перебирал струны небольшой лютни и что-то тихо напевал. Гвиневре нравилось следить за его игрой и слушать баллады. Голос рыцаря Озёрного был до того прекрасным, что порой доводил придворных дам до слёз. В сочетании с красотой рыцаря это оставляло неизгладимое впечатление. По прекрасному Ланселоту вздыхали даже те дамы, что давно были замужем.

Ланселот, продолжая напевать, огляделся и встретился взглядом с королевой. Он часто глядел на неё с каким-то поэтичным восхищением. И эти взгляды смущали юную Гвиневру. Вот и в этот раз она быстро отвела взгляд и невольно стала свидетелем коварного преступления.

Ещё совсем юный сэра Лионель, почти точная копия Ланселота, осторожно высыпал горсть сухих еловых иголок в капюшон дремлющего сэра Кея – названного брата короля Артура. Гвиневра не сдержала смехок, чем привлекла внимание мужа. На его вопросительный взгляд она кивнула подбородком в сторону Лионеля, который уже крался в сторону костра с таким хитрым выражением лица, что впору было и на него собак спустить. Артур, понимая, что рыцарь опять решил подшутить над его братом, улыбнулся и решил подыграть.

– Сэр Кей, – строго выкрикнул он, – Как смеете вы спать в такой час?!

Кей растерянно подскочил с места и иголки посыпались с его головы. Рыцарь огляделся, немного опомнился и принялся стряхивать с темных волос и одежды «подарок» Лионеля. Сердитым взглядом он окинул поляну, в поисках виновника.

– Лионель, клянусь, однажды ты дошутишься! Я скормлю тебя медведю, – выкрикнул он, когда увидел юношу, – А вы, господин король, вместо того, чтоб защитить своего брата, позволяете изгаляться над ним. Стыдно должно быть, – он говорил с серьезным видом, но не сдержал улыбки в конце. Лионель и Артур рассмеялись.

– Статус не позволяет мне самому всё это проворачивать, старший брат, – ответил король. Его карие глаза с теплотой глядели на Кея.

– Мало вас пороли в детстве, ваше величество, – парировал сэра Кей, усмехнувшись.

– И каждая порка только на твоей совести, брат. Ведь благодаря твоим идеям мы попали впросак! – сказал Артур, и все засмеялись. Даже суровый Бедивер не сдержал усмешки.

Гвиневра перевела взгляд на сэра Персиваля. Он посмеялся со всеми и уткнулся взглядом в потёртый томик, который всюду носил с собой. Его кудрявые светло—русые волосы поблёскивали под лучами солнца. Гвиневра всегда думала, что именно так и выглядели древ-

негреческие боги, статуи которых ей приходилось видеть. Лионель подбежал к нему и заглянул в книжку.

– Перси, ты, когда уединяешься с дамой, тоже читаешь книжку?

– Юный Лионель, знаешь ли ты, что прежде, чем уединиться, на даме следует жениться? – с очень серьёзным видом спросил сэра Персиваль.

– Как же жениться на той, кто уже замужем? – недоумённо вскинул брови Лионель. Эти слова вызвали новую волну смеха у всех, кроме Персиваля и Галахада.

– Вот увидишь, Лионель, однажды твоё сердце поразит некая дама, – вдруг сказал Галахад, подходя к юноше. Его светлое лицо, обрамлённое чёрными волосами, было доброжелательным. Темные, почти черные глаза глядели на юношу с теплотой, – И ты будешь сражен её красотой. И все твои шуточки иссякнут, – договорив, Галахад заложил за ухо Лионеля небольшой полевой цветочек, который до этого хотел сохранить себе в свой гербарий.

Лионель и хотел было что-то ответить, но решил промолчать.

– Мясо готово, – объявил Бедивер и рыцари придвинулись к костру, надеясь ухватить самый лакомый кусочек.

– Для нашей королевы – всё самое лучшее, – объявил Артур и подцепил кончиком меча одну кроличью тушку с костра, – В конце концов, это она подстрелила этих кролей.

– Вы мне поддавались, – возразила Гвиневра. Но внутри она испытала гордость за себя. Всё-таки с детства она занималась стрельбой из лука, и вот её труд принес свои плоды.

– Неправда! Мы просто не поспевали за тобой, – ответил Артур, отламывая лапку у жареной тушки. Он протянул её Гвиневре и она скромно откусила кусочек.

– Мне кажется, что не хватает соли, – прожевав, сказала королева.

– Да, – подтвердил Артур, – Сэр Кей, ты снова забыл про соль?

Рыцари согласно закивали, глядя на Кея. Тот продолжал жевать мясо с невозмутимым видом и довольно улыбнулся.

– Это мясо и без неё отличное на вкус, – проговорил он, откусив ещё кусок. Все посмеялись и продолжили трапезу.

Королева проснулась задолго до рассвета. Быстро одевшись, она послала служанку за Бедивером и Лионелем и велела прибыть им в зал для Круглого Стола. Ей предстояло решить судьбу обидчика и мысли об этом не давали покоя. Во время траурной процессии она надеялась стать новой надеждой для жителей Логрии, но ей придётся осудить одного из них. Хотя судить стоило её саму, ведь тот человек был прав. Прав в том, что обвинил её в грехе. Прав в том, что бросил в неё грязью. Гвиневра и без того броска чувствовала, как эта грязь обволакивала её душу. Но нельзя признаваться в том, что она совершила.

Гвиневра тихо усмехнулась и с отвращением поглядела на своё отражение в зеркале. Ради того, чтобы скрыть свой грех, она должна совершить ещё один. И возможно так будет не один раз. Сколько же своих грехов она представит Богу в Судный день?

Уже спустя четверть часа рыцари встретили свою королеву учтивыми поклонами. Они сели за Круглый стол. Гвиневра заняла место покойного мужа. Лионель и Бедивер устроились на своих прежних местах.

– Сэр Ланселот уже отбыл с отрядом, – оповестил Лионель. Но королева и так это знала. Она стояла у окна в своих покоях и провожала взглядом рыцаря Озерного.

– Хорошо, – сказала женщина и, по привычке сложив пальцы домиком, обратилась к обоим рыцарям, – Я должна услышать ваши мнения на счёт задержанного грубияна. Как бы милосердна я ни была, но обстоятельства требуют от меня суровых решений. Если я вынесу слишком мягкий приговор, то это могут счесть за слабость, – проговорила она. Рыцари, сидев-

шие с ней за одним столом, были задумчивыми. В глазах их не было сонливости и Гвиневра догадалась, что скорее всего этой ночью они не смыкали глаз.

– Государыня, я бы не сомневаясь, вздернул этого клеветника на виселице, – произнес Бедивер. Его взгляд был суровым.

– Это было бы слишком простым наказанием, – покачала головой Гвиневра, – Этот суд должен запомниться всем.

– Я считаю, что король никому не простил бы такую вольность, – высказался Лионель, – Но он поступил бы так, как того требует закон.

Гвиневра задумчиво кивнула. Артур бы не оставил безнаказанным такой поступок. Если бы в него бросили грязь, то он простил бы. Но за Гвиневру он готов был убить любого. И это был известный факт.

– Дело не только в том, что меня оскорбили, – сказала женщина, – Те слова, что он сказал... – Гвиневра мысленно попросила прощения у рыцарей и Бога за свою ложь, – Это мои недоброжелатели сеют смуту. И тот человек – это только первый росток всеобщего недовольства. Следует рубить на корню.

– Я не совсем понимаю ваших речей, королева, – сказал Бедивер, – Однако, если так нужно, то наказание должно быть суровым, – руки его сжались в кулаки, а выражение лица стало хмурым, – Пусть все видят и знают, что топор палача всегда наточен, а веревка на виселице крепка. Спустить такое с рук простому крестьянину – завтра и лорды начнут себе позволять нечто худшее.

– Король Артур остался в памяти людей добрейшим монархом. Но и он порой поступал сурово. Кто-то даже сказал бы, что некоторые его решения были жестокими. Но все они принимались тогда, когда этого требовала ситуация, – серьёзно сказал Лионель. Теперь в нём едва ли угадывался тот веселый шутник, каким он был когда-то.

– Мы примем любое ваше решение, королева. И защитим в случае беды, – Бедивер посмотрел на Лионеля и тот ему кивнул, соглашаясь.

– Спасибо вам, мои верные рыцари, – сказала Гвиневра, – Теперь мне следует встретиться с лордом Теренсом. Я не хочу, чтобы мой приговор противоречил закону.

Рыцари оставили Гвиневру и она приняла более расслабленную позу в своём кресле. От недостатка сна она чувствовала себя такой слабой, что даже сохранение царственной осанки стало непосильной задачей. Бремя власти и тяжелые мысли рухнули на плечи женщины в один день. И с каждым новым днём груз это казался всё тяжелее.

– Было ли тебе так тяжело, Артур? Или тебе всегда всё удавалось лишь потому, что Мерлин предрёк тебе судьбу славного короля? – прошептала женщина, массируя виски. До часа казни еще оставалось время и Гвиневре предстояло решить юридический вопрос с законоведом.

Утро выдалось пасмурным. Над Камелотом сгустились темные тучи, которые обещали с минуты на минуту опрокинуть сильный ливень.

Гвиневра восседала на троне, сжимая в руке эфес меча Эскалибура, стоявшего вертикально. Он служил символом законной власти для придворных и самой регентши. Но сейчас он был для неё некоей точкой опоры. Гвиневра должна была провести суд над простолюдином. Не потому, что ей хотелось отомстить за испорченную церемонию. Не потому, что оскорбления из уст того человека как-то задели её гордость. Она должна была это сделать лишь по одной причине. Ей нужно было показать, что она не позволит втаптывать себя в грязь ни простолюдину, ни знатному лорду, ни представителю духовенства. Этот суд должен был стать уроком для всех. В том числе и для королевы.

«Если хочешь править, ты должна показать свою непоколебимость. Для этого нужно иметь внутренний стержень. Нужно не только заботиться о благе людей, но и уметь наказывать», – мысленно повторила она слова своего отца, которые он сказал ей много лет назад.

В тронный зал ввели подсудимого. От страха тот едва мог стоять на ногах. На лице были следы побоев: разбитая губа, сломанный нос и синяк под глазом. Стражники не стали церемониться с этим человеком.

– Назови своё имя, – приказала Гвиневра громко. Она глядела на подсудимого сверху вниз.

– П-п-патрик Г-гавин, – заикаясь, проговорил человек. Он выглядел таким жалким, что Гвиневра с трудом не отводила взгляд.

– Скажи, Патрик, ты знаешь, почему ты здесь?

– Я-я-я не виноват! Прош-шу прощения!

– Ты знаешь, почему ты здесь находишься? – повторила Гвиневра вопрос, немного повысив голос. Испугавшись ещё больше, Патрик упал перед королевой на колени.

– Я... оскорбил вас, государыня...

– Как оскорбил? Что ты сделал, Патрик?

– Я-я-я назвал вас п-п-прелюбодейкой и бросил грязью... – опустив голову, пробурчал мужчина.

– То есть ты не просто оскорбил свою королеву, Патрик. Ты оклеветал её. Поднял на неё руку, – заявила королева, и Патрик ещё сильнее прижался к каменному полу.

– Нет-нет-нет! Я не клеветал!

– Значит, ты считаешь, что сказал истину, назвав меня прелюбодейкой?

– Я... Я... Не знаю...

– Скажи, Патрик, можешь ли ты предоставить свидетелей, которые подтвердят, что я прелюбодействовала?

– Все об этом говорят... – пробормотал подсудимый.

– Все? – королева обвела взглядом всех присутствующих в тронном зале. Слуг, крестьян, придворных, рыцарей. Её взгляд задержался на епископе. Он смотрел на неё с нескрываемым презрением. Гвиневра выдержала его взгляд, уголок её губ чуть заметно дернулся вверх, – Если в этом зале есть свидетели, готовые подтвердить его слова, прошу встать рядом с подсудимым.

Никто из присутствующих не шелохнулся, и Гвиневра поглядела на Патрика.

– Вот видишь, твои слова – ложь. Ты оклеветал свою королеву, Патрик. И посмел поднять руку на свою королеву. Какое наказание ты заслуживаешь, Патрик?

– Прошу милости, государыня! Я кормилец в семье... У меня дети...

– У меня тоже вскоре будет ребёнок. Это ребёнок покойного короля Артура Пендрагона. Я ношу его под сердцем. Сейчас этот ребёнок – часть меня. Подняв руку на меня, ты поднял руку на это нерождённое дитя. На кровь и плоть Пендрагонов, – она свысока поглядела на подсудимого без тени жалости, – Лорд Теренс, что предписывает закон в таком случае? – обратилась она к придворному, который знал все законы королевства.

Это был невысокий мужчина почтенного возраста, худощавый с морщинистым лицом. Плешивую голову скрывал тёмный головной убор с белым пером. Лорд Теренс был одет неброско, старомодно, но при этом элегантно. Он держал в руках увесистый том – книгу, в которой перечислялись все законы, изданные за последние двадцать лет.

– Закон гласит, что короли и их законные наследники неприкосновенны, – скрипучим голосом произнёс законовед, поглаживая одной рукой книгу, – Человек, оскорбивший, очернивший или оклеветавший королевскую особу должен быть выпорот прилюдно на площади, либо же... – старик на мгновение принял задумчивый вид, вспоминая конкретную главу закона, – либо должен быть лишён языка.

В этот момент толпа шокировано зашептала. При правлении Артура редко случались показательные казни или порки простых людей. Страдали по большей степени перебежчики из числа солдат, рыцарей и дворян. И то подобные случаи в последние годы были редкими.

– Человек, поднявший руку на королевскую особу должен нести наказание в соответствии с тяжестью причинённого вреда. В данном случае я полагаю, что уместно забрать у преступника руку, которую он поднял на нашу королеву, – закончил лорд Теренс.

– Благодарю вас, милорд. Теперь я могу огласить приговор подсудимому, который не будет противоречить закону, – сказала Гвинебра стальным голосом, – Я бы отняла у тебя одну руку, Патрик Гавин, – обратилась женщина к преступнику, с трудом сдерживая дрожь, – если бы ты поднял руку только на меня. Но я, как уже было сказано, ношу под сердцем дитя Артура Пендрагона. Посему я приняла решение лишить тебя обеих рук. Чтобы впредь твои руки не причинили вреда королевской семье. А за твою клевету ты будешь лишён языка, чтобы впредь ты не смог обогатить честных людей.

– Нет! Прошу милости, государыня! Ваше величество, помилуйте...

– Палач! Исполни мою волю! – твердо произнесла Гвинебра. Часть её обуял ужас от собственных слов.

Палач, всё это время стоявший неподвижно в сторонке, подошел к подсудимому. Двое стражников помогали держать мужчину, пока палач раскалёнными щипцами выдирал ему язык. Крики и вой становились всё невыносимее, но Гвинебра, внешне непоколебимая, наблюдала за страданиями приговорённого. Когда раздался характерный звук и палач высоко поднял руку с языком, зажатым в щипцах, женщина почувствовала, как к её горлу подступил ком. Она с трудом сглотнула и сделала глубокий вздох, сильнее сжала эфес меча. Патрик ревел в голос, как дитя, и его слёзы стекали по окровавленному подбородку. Сердце Гвинебры сжалось. Ей было искренне жаль этого человека, который за глупость свою заплатил высокую цену.

Когда ему отрубили обе руки по локоть, она приказала вывести его прочь из замка. Солдаты, державшие его, наспех обмотали культи каким-то тряпьем и поволокли Патрика прочь. Осуждённый от боли обмочился и потерял сознание. Гвинебра и сама чувствовала сильное головокружение и тошноту. Запах крови и мочи заполнил пространство. Женщине хотелось убежать прочь из зала и больше никогда не возвращаться сюда. Но такое она не позволяла себе даже в детстве. Она стиснула челюсти и глотала обильную слюну, которой стало так много из-за тошноты.

– Уберите это, – холодно распорядилась она, указав подбородком на место казни. В этот же миг подбежали двое слуг с ведрами и тряпками. Они наспех протерли каменный пол, оставив на нем разводы. После Гвинебра обвела взглядом толпу придворных, которые глядели на неё с ужасом и благоговением. Никто не решался двинуться с места. Даже епископ побледнел. Лорд Меллигенс смотрел мимо неё. Сэр Габатис отвёл взгляд, как только встретился глазами с Гвинеброй. Леди Маргарита вообще была в предобморочном состоянии. Леди Элейна глядела на королеву испуганно, но с пониманием. Она не отвела взгляда и даже чуть заметно кивнула, выражая поддержку. Сэр Бедивер и сэр Лионель, словно каменные изваяния, не выражали никаких эмоций. Леди Исельда Пенмар уже что-то нашептывала другой придворной даме. Обе были бледными от шока.

– Вы все свободны, господа, – наконец произнесла Гвинебра и толпа не сразу, но начала расходиться. Им, как и королеве, хотелось поскорее покинуть это место. Могла ли она их осудить за это? И да, и нет. Как королева она хотела от своих подданных повиновения, верности и преклонения. Как женщина она желала спокойствия себе и другим.

Когда из зала вышли все, оставив Гвинебру под охраной безмолвного рыцаря из гвардии Бедивера, она и сама направилась к выходу. Всю дорогу до своих покоев она размышляла над произошедшим. Был ли у неё другой выход? Могла ли она обойтись простой поркой?

«Нет», – решила женщина. Перед глазами возник Патрик, кричащий и рыдающий. Гвиневру передернуло от воспоминаний о его наказании. Эта картина теперь навсегда с ней.

Королева закрылась в своих покоях. Она обессилено рухнула на кровать, обняв подушку.

– Артур, кем я становлюсь? – прошептала она, закрыв глаза, – Было ли это проявлением силы, которую ты завещал мне? Что, если я ошиблась? Вдруг я стану такой, как Моргана?

Ответом ей была тишина. Тяжелая. Давящая.

– Ты бы не позволил такому случиться. Я знаю это. Но я не могу по—другому. Я должна задушить этот бунт в зародыше. Но возможно, что этот мой поступок послужит началом бунту ещё более страшному, – продолжила говорить королева, – И я должна продумать всё. Как там говорится: Бог одной рукой бьёт, другой – гладит.

Глава 6. Пряник

Утро следующего дня было свежим, приносящим какое—то облегчение. Гвиневра с трудом заставила себя позавтракать. Элейна была крайне сдержанна и молчалива. Она только обслуживала свою госпожу и старалась не встречаться с ней взглядом. Гвиневра заметила, как её руки слегка дрожали, когда наперсница наливала Гвиневре травяной чай.

– Элейна, всё в порядке? – спросила Гвиневра, сделав обеспокоенное лицо. Она знала, что не в порядке. Но не хотела давить на свою приближенную. Элейна всегда была очень ранимой, по мнению Гвиневры.

– Государыня, – вымолвила она. Её пальцы сжали ткань юбки, карие глаза робко поглядели в глаза королевы, – Я беспокоюсь за вас... и за ребенка.

– Я понимаю, Элейна. Я всё понимаю. Просто вчера...

– Давайте забудем, госпожа. Нам следует забыть этот ужас, – она с мольбой поглядела на королеву.

– Ты знаешь, что я не смогу забыть, – женщина печально вздохнула, – Поверь, то решение, которое я приняла... Оно было единственным правильным.

– Я молюсь за вас, государыня. Каждый день молюсь. Но Господь продолжает вас испытывать, – она проронила искреннюю слезу, утёрла её тыльной стороной ладони и принялась приглаживать свои тёмно-русые волосы, которые и так были собраны в тугую строгую причёску.

– Спасибо, Элейна. Благодаря тебе и твоим молитвам я легче переношу каждое испытание, ниспосланное мне Богом, – Гвиневра взяла наперсницу за руку и мягко сжала её пальцами.

– Вам пора, госпожа, – произнесла Элейна спустя минуту и принялась помогать своей королеве с причёской и нарядом.

Гвиневра пришла в тронный зал в сопровождении сэра Лионеля, где её встретили некоторые придворные. Все склонились, пока она шла к трону. Они избегали встречаться с королевой взглядами. Воспоминания о вчерашней казни простолюдина Патрика были слишком свежими. И Гвиневра надеялась, что эта казнь на многие годы крепко впечаталась в память каждого из присутствующих.

Женщина устроилась на троне, который с каждым днём казался ей всё неудобней, всё жестче. Она невольно поёжилась, но быстро приняла идеальную позу с прямой осанкой. Рыцарь, сохраняя безмолвие, встал по правую руку от неё в паре метров. Тихий и надежный страж придавал королеве уверенности. Он защитит её даже ценой собственной жизни и она это знала.

Некоторые лорды начали обсуждать с Гвиневрой не слишком-то важные вопросы. Скорее пытались завести светскую беседу ни о чем. Королева быстро пресекла подобные попытки лордов развеять напряжённую обстановку.

– Благородные господа, – строго она обратилась ко всем, – Я полагаю, что вы сюда пришли не поболтать со мной по душам. Истории о своих семейных неурядицах, сетования на погоду и прочие глупости оставьте пожалуйста при себе. Я прихожу сюда, чтобы знать все проблемы нашего королевства, – королева строгим взглядом оглядела всех. Некоторые лорды потупили взгляд. Иные же сохранили невозмутимые лица, будто сказанное Гвиневрой их никак не касалось.

– Ваша светлость, – донесся до Гвиневры гнусавый голос лорда Годвина и мгновение спустя он оказался перед ней, – Примите мои искренние соболезнования. Гибель нашего короля

– беда для всего королевства, – он отвесил низкий поклон и выпрямился, держа в руках книгу в синем переплёте.

– Доброе утро, господин казначей, – вежливо поприветствовала Гвиневра мужчину в тёмно-фиолетовом наряде, – Спасибо за вашу участливость, лорд Годвин. Я могу быть чем-то полезна вам?

– Я понимаю, что сейчас не самое подходящее время, но мой вопрос больше не терпит отлагательств.

– Тогда, пожалуй, нам стоит немедленно пройти в кабинет, – женщина элегантно движением руки указала казначею на выход из тронного зала.

Они покинули сердце Камелота в сопровождении Лионеля, который должен был весь день сопровождать королеву для её безопасности. Пройдя в кабинет, в котором совсем недавно государственные дела решал Артур, Гвиневра устроилась за изящный письменный стол, пригласив лорда Годвина присесть напротив неё. Молчаливый рыцарь встал сбоку позади Гвиневры.

– Так какой вопрос не даёт вам покоя, милорд? – официальным тоном спросила королева. Казначей положил на стол свою записную книгу, раскрыл на последней исписанной странице и повернул к Гвиневре.

– Камелот поиздержался в последние месяцы, государыня. Король Артур, мир его праху, не жалел средств на вооружение и обмундирование. Сейчас казна почти пуста. Золото, выделенное на содержание армии и ремонт укреплений, истрачено. Требуются средства на содержание двора, закупку продовольствия на зиму...

– Я вас поняла, – прервала Гвиневра. Новость о пустой казне несколько не удивила её, – Война всегда дорогое удовольствие, лорд Годвин, – её глаза быстро пробежались по колонкам цифр в записной книге казначея. Она прикрыла книгу и откинулась на спинку кресла, сложив пальцы домиком, – Давайте рассмотрим варианты решения этой проблемы. Каковы запасы зерна на этот год?

– Урожай прошлой осенью был средним, государыня, но запасы есть и не малые. Нынешнее лето обещает богатый урожай, ведь крестьяне стали возделывать больше земли, да и погода в этом году нам благоволит. Однако... всегда может случиться непредвиденное. Вот, например, пять тому лет прошло, когда неожиданные заморозки побили большую часть посевов.

– Я помню, милорд. Тот год был тяжёлым. Но мы справились. Справимся и впредь. Будет разумно продать треть запасов зерна, чтобы получить деньги здесь и сейчас.

– Но...

– Не стоит спорить, лорд. Некоторые наши соседи ещё весной пытались купить наше зерно. Может ещё не поздно заключить выгодную сделку? Если же сделки не состоится, то нужно узнать, не требуется ли зерно народам с северных земель. Там всегда скудный урожай.

– Это риск, ваше величество. Если нам самим не хватит запасов, то люди будут роптать...

– Люди будут роптать ещё сильнее, когда их некому будет защитить от нападков Морганы или других врагов. Сильная армия – залог сильного королевства и спокойного сна наших подданных. Найдите покупателей, милорд. Чем быстрее – тем лучше для всех нас.

– Как прикажете, государыня, – казначей склонил голову в жесте повиновения.

– Ещё я знаю, что у короны есть должники среди знатных господ, – королева внимательно следила за собеседником. Тот поднял на неё немного растерянный взгляд. Гвиневра улыбнулась, – Некоторые из лордов годами не возвращают ссуженные им деньги. Лорд Меллигенс, к примеру. Три года назад он взял в долг у короны деньги на укрепление своей крепости. Направьте ему и другим должникам вежливое, но недвусмысленное напоминание.

– Это... крайне деликатный вопрос, – лорд Годвин огладил свои темные усы.

– Время деликатностей прошло, – настойчиво сказала Гвиневра, – Намекните благородным господам, что верность, проявленная сейчас, будет высоко оценена при новом переделе земель и титулов, когда ситуация стабилизируется.

– Это разумный ход, ваша светлость, – лицо лорда Годвина просияло.

– И это ещё не всё, милорд, – женщина снова поймала вопросительный взгляд казначея, – Следует собрать налоги. Церковные земли под покровительством нашего епископа задолжали немалую сумму, верно?

– Да, это так, государыня. Церковь не уплачивает налоги, хотя король Артур очень давно позволил епископу уплачивать меньшую сумму. И всё же они задолжали...

– То есть? – бровь Гвиневра взметнулась вверх, а взгляд её стал более, чем заинтересованным. Про урезание налогов для церкви Гвиневра услышала впервые.

– Покойный король Артур распорядился взимать с церкви половинную плату, – осторожно произнёс казначей, наблюдая за реакцией королевы.

– Есть указ, подписанный Артуром? – уголок губ женщины едва заметно дёрнулся. Она почувствовала некое предвкушение. Вот-вот у неё мог появиться способ давления на епископа. Гвиневра не имела права не воспользоваться такой возможностью.

– Нет, госпожа. Покойный король тогда сказал, что ни к чему эти формальности, – лорд Годвин проронил растерянную улыбку. Он знал о натянутых отношениях королевы с епископом и теперь понимал, что может оказаться меж двух огней.

– Я думаю, что стоит проверить архив, – Гвиневра в задумчивости склонила голову набок, – Привлеките к этому делу хранителя королевской печати лорда Алрика и лорда Теренса. Направьте сообщение брату Ансельму. Пусть он проштудирует церковные архивы. Если король Артур когда-то принял решение уменьшить налоги церкви, кто-то должен был озаботиться верностью такого решения. Я отказываюсь верить в то, что ни вы, ни другие лорды не сделали так, как положено, – она говорила строго, пыталась надавить на Годвина и показать свою обеспокоенность сложившейся ситуацией.

– Государыня, в те годы наш король был молод. Главным советником был его покойный приёмный отец, сэра Антор. Такие нюансы заботили короля и лордов меньше прочего, – от волнения казначей покраснелся и стал нервно поправлять на себе одежду, – Король и его рыцари собирали раздробленную Логрию по кусочкам.

– Полно, лорд Годвин. Я всё понимаю. И всё же, пересчитайте долг церкви за все эти годы. У нас должно быть представление о сумме, которую потеряла корона в угоду церкви. После займитесь архивом. Я хочу знать наверняка, есть ли документ или письменное свидетельство воли короля. Всё должно отвечать требованиям закона. Надеюсь, что вы справитесь с этим в кратчайшие сроки, лорд Годвин.

Казначей сделал короткие записи в свою книгу и вновь сосредоточенно взглянул на Гвиневру. Она с важным видом продолжила:

– Составьте список всех дворян, землевладельцев, знатных лордов, кто недобросовестно платил налоги при Артуре. Направьте им уведомления, указав сумму, которую они должны и срок, когда они должны заплатить. Все, кто откажутся платить добровольно, так или иначе, выплатят свои долги, – произнесла Гвиневра и дала понять Годвину, что закончила.

– Я постараюсь всё выполнить в самый короткий срок, государыня, – лорд Годвин снова почтительно кивнул.

– Не смею вас задерживать, милорд, – королева сделала жест рукой, отпуская казначея. Он, взяв свою учётную книгу, встал из-за стола, поклонился и покинул кабинет. Гвиневра помассировала пальцами виски и прикрыла глаза.

– С вами всё в порядке, ваша светлость? – обеспокоенным тихим голосом спросил Лионель, про существование которого Гвиневра уже успела забыть. Она едва заметно вздрогнула и обернулась на рыцаря.

– Всё хорошо, сэра Лионель. Просто... насыщенное утро сегодня выдалось, – женщина слабо улыбнулась и поднялась на ноги, – Не помешало бы прогуляться, не правда ли?

Рыцарь не ответил. Он молча подошёл к двери и открыл её, пропуская свою королеву.

Гвинебра вышла в небольшой сад, что располагался в стенах Камелота. Некоторые цветы в этом саду она сама высаживала в клумбы. Король Артур всегда говорил, что цветы, посаженные её рукой, самые красивые и благоухающие. Направляясь в очередной поход, он всегда срывал один цветок и уносил его с собой.

Вот и в последний раз, уходя, Артур сорвал веточку незабудки.

– Пусть эти цветы станут символом моей победы, – сказал он тогда, взбираясь на коня. Гвинебра уже тогда была печальна, снедаемая чувством вины. Она одарила мужа лучшей своей улыбкой, на которую тогда была способна. Она сказала то, что всегда говорила, прощаясь.

– Вернись живым, мой король.

Сейчас Гвинебра стояла возле той самой клумбы незабудок. Их аромат наполнял собой воздух, смешиваясь с ароматами роз и лаванды. Лёгкий ветерок разносил эту смесь запахов по всему двору.

– Как прекрасна сегодня погода, – елеиным голоском пропела леди Исельда Пенмар, – Как и вы, ваше величество, – фрейлина поклонилась Гвинебре, подойдя к ней ближе. Она улыбалась королеве, но её взгляд то и дело перемещался на сэра Лионеля.

– Благодарю, леди Пенмар. Вы сегодня тоже прекрасны. Тёмные цвета очень идут вам, – с добродушной улыбкой ответила королева на комплимент.

– Жаль, что приходится носить тёмные одежды по такому печальному случаю, – со вздохом произнесла придворная дама и опустила глаза, выказывая свою печаль.

– Что ж, беды и несчастья случаются, Исельда. Но мы все должны быть сильными и идти вперёд, – напутственно сказала Гвинебра, легонько похлопав фрейлину по плечу.

– Я так восхищаюсь вашей стойкостью, государыня, – девушка подняла на королеву восторженный взгляд. Она снова лучезарно улыбнулась. И снова перевела взгляд на неподвижно стоящего в стороне от Гвинебры рыцаря.

«Как переменчиво твоё настроение. И твоё сердце», – подумала королева, усмехнувшись в мыслях. Ещё совсем недавно девушка томно вздыхала по сэру Галахаду. Но тот пропал и фокус внимания фрейлины Исельды переместился на бедного Лионеля.

– Я уверена, что вскоре и ты найдёшь в себе стержень, который не даст опустить головы в тяжёлое время, – сказала Гвинебра и кивнула на прощание, – Идём, сэра Лионель. Нам пора обедать.

Леди Исельда вновь поклонилась, проводив взглядом рыцаря и его королеву.

Обед подали в малый обеденный зал. За столом сидели самые приближённые к королеве люди. Леди Элейна сидела по левую руку от Гвинебры, сэра Бедивер – по правую. Справа от Бедивера устроился сэра Лионель. Служанки накрыли на стол и встали у входа в зал.

– Всем приятного аппетита, – сказала королева и обвела взглядом пустующие сидения. Раньше за этим столом собиралось больше людей.

– Приятного аппетита, ваша светлость, – отозвались рыцари и леди Элейна.

Гвинебра принялась за еду. Аппетита не было, но она заставила себя съесть полпорции овощного супа. К мясному жаркому не прикоснулась, а вот тушёные овощи съела с большим

удовольствием. Леди Элейна одобрительно улыбнулась, наблюдая за своей королевой. Она беспокоилась за благо нерождённого дитя больше, чем сама Гвиневра.

Когда трапеза подошла к концу, Гвиневра понемногу отпивала из бокала разбавленное водой вино. Сэр Бедивер пил эль. Сэр Лионель и леди Элейна предпочли неразбавленное вино.

– Лионель, кажется, леди Исельда неровно дышит в вашу сторону, – с улыбкой заметила королева и с прищуром проследила за реакцией рыцаря. Тот со спокойным видом отпил вино и поставил бокал на стол.

– Леди Исельда известна своей ветреностью, ваша светлость, – он обронил смущенную улыбку. Бедивер усмехнулся, леди Элейна спрятала свой смешок, отвернувшись в сторону.

– Она ещё юна и мечтает о прекрасном рыцаре, – продолжила Гвиневра.

– В Камелоте полно рыцарей, не менее прекрасных, чем я, – рыцарь оперся подбородком на руку. Его не задевал насмешливый взгляд Бедивера.

– Но те рыцари не обладают такой славой, как ваша, – королева не сдавалась. Она знала, что Лионель посвятил годы своей жизни службе, но он был романтиком похуже Ланселота. Сколько раз он участвовал в турнирах ради внимания дам? Не счастье.

– Что правда, то правда, государыня. Хотя есть один рыцарь, которого мне не переплюнуть, – он поглядел на Бедивера и рассмеялся.

– Ну не знаю насчёт славы, – задумчиво ответил Бедивер, – А что по части прекрасного... Тут ты мне не ровня! – сказал Бедивер, хлопнув Лионеля по плечу, и рассмеялся так громко, что по замку пронеслось эхо. Лионель закатил глаза. Леди Элейна и Гвиневра прыгнули, переглядываясь. Когда-то каждый обед и ужин проходил вот так. Просто и непринуждённо, с шутками, остротами, смехом и песнями. Даже сэр Бедивер в такие моменты переставал быть холодным, ворчливым и отстранённым.

«Нам всем этого не хватает», – подумала Гвиневра, наблюдая за Бедивером и Лионелем, которые продолжили друг друга по-доброму высмеивать.

Всем было ясно, что как раньше уже не будет. Но никто не хотел сдаваться и проваливаться в пучину скорби и печали. Все они хотели продолжать жить.

Когда обед закончился, Гвиневра направилась в тронный зал. Нуждающихся в королевской справедливости меньше не становилось. И их мало волновали скорбь и траур Гвиневры. Она должна вселить в сердца людей надежду на светлое будущее и утихомирить тот ужас, который поселила в них на недавней казни.

Первым на аудиенцию попал престарелый кузнец. Он поклонился королеве и подошёл ближе к трону, теребя в руках старую заношенную шляпу.

– Государыня, я единственный кузнец в Кривом Броде – небольшом поселении на западе Логрии. У меня было трое сыновей, которых я с детства обучал кузнечному ремеслу. Они должны были стать мне достойной заменой. Но вот пришли солдаты короля Артура и забрали двоих моих старших сыновей. Они погибли в битве при Камланне. Мой младший сын теперь мой единственный наследник. Ему шестнадцать лет, но он уже умелый кузнец. Недавно вновь пришли солдаты и забрали его вместе с другими мальчишками его возраста. Солдаты сказали, что это приказ королевы. Я пришёл не оспаривать ваш приказ, государыня. Я хочу лишь спросить, справедливо ли отнимать у человека его единственное живое дитя? Если я вскоре умру, кто займёт моё место в кузнице?

– Твой вопрос справедлив, кузнец, – кивнула Гвиневра, – Нельзя, чтобы в кузнице не оставалось умелого мастера. Назови мне имя своего сына, кузнец.

– Его зовут Уилл Молот. Я его отец – Джон Молот.

– Сэр Бедивер, велите найти среди молодых призывников Уилла, сына Джона Молота из...

– Кривого Брода, государыня.

– Да. Пусть его отпустят домой с отцом. Кузнецы не должны иссякать в Логрии, иначе у нас вскоре некому будет и лошадь подковать.

– Благодарю вас, ваше величество, – растроганный кузнец упал на колени и поклонился.

– Но это ещё не всё, кузнец. Корона забрала у тебя двух сыновей, которые погибли. Возмен, прошу, прими под свой кров двух сирот из приюта Каэрлеона. Я верю, что тебе хватит сил и терпения вырастить ещё двух сыновей и обучить их кузнечному ремеслу.

– Это справедливо, моя королева. Благодарю вас за ваше милосердие, ваше величество, – кузнец снова поклонился, затем встал и с улыбкой на лице покинул тронный зал.

Следующие часы прошли спокойно. Гвинебра решала споры между крестьянами, выслушивала жалобы от жителей города при Камелоте и помогала найти приемлемые решения всех проблем её подданных. Но к концу дня настроение королевы попытался испортить епископ.

– Ваше величество, я тоже хочу получить вашу милость, – проговорил он нарочито громко, подняв вверх руку с небольшим клочком бумаги, – Отец Луциус при главном соборе Камелота сообщил мне, что корона требует с церковных земель некий долг. Оказывается, что многие годы церковь уплачивала меньше, чем положено! Однако, король Артур обещал церкви снижение обязательной подати! Он сказал, что Господь Бог не должен платить за то, что народ может прийти в его храмы за помощью. Как такое может быть? Слово покойного короля ничего не значит для вас, королева?

– Я полагаю, что этот вопрос нам лучше обсудить наедине, – спокойно ответила Гвинебра.

– Я посредник Бога на этой брэнной земле! Мне нечего бояться, ваша светлость. Я чист пред Богом и людьми.

– Не понимаю, как ваша чистота влияет на то, что церкви под вашей протекцией на землях Логрии задолжали круглую сумму короне, – королева едва сдержала улыбку.

– Этот вопрос был решён королём Артуром!

– Есть ли у вас документ, подтверждающий это, епископ?

– Документ?

– Да. Указ, подписанный моим покойным мужем, который позволяет вам платить меньше, чем положено или не платить вовсе?

– Король дал мне слово...

– Король Артур погиб. Он не может подтвердить сказанное вами, господин епископ. Документов, освобождающих церковь от уплаты налогов нет в архиве, нет и у вас. Я должна поверить вам на слово?

– Вы обвиняете меня во лжи, королева? – моментально лицо Благия перекошилось от негодования. Он сначала побелел, потом покраснел, как спелый помидор. Видеть его в беспомощном и таком нелепом положении было для Гвинебры особым удовольствием.

– Нет, господин епископ. Я лишь хочу подтверждения ваших слов. Само по себе слово, даже столь почтенного человека, как вы, недостаточно для решения такой деликатной проблемы.

– Я... я буду вынужден обратиться к Папе Римскому, – он, не моргая, глядел на королеву и с такой яростью сжимал в руке извещение от казначея, что костяшки побелели.

– Я уверена, что даже Папа Римский в данной ситуации окажется бессилён. Ведь сейчас ситуация выглядит так, будто вы, господин епископ, намеренно не уплачивали налоги в казну королевства в течении многих лет. А мой покойный муж был слишком добродушен и религиозен, потому не напоминал вам о долге.

– Ваша светлость, вы должны понимать, сколь сильно влияние церкви...

– Я это понимаю и надеюсь, что в ближайшее время и вы это осознаете. Ведь если народ узнает о том, что церковь не платит налоги в казну, то может решить, что уплата налогов вообще дело необязательное. А это уже угроза существованию нашего государства, – сказав это, королева окинула взглядом всех присутствующих. Придворные робко следили за происходящим. Гвиневра знала, что среди них тоже были должники короны. Всё, что она говорила епископу Благию, относилось и к ним.

«Вы все заплатите», – подумала королева, встретившись взглядом с лордом Меллигенсом. Тот был непроницаем. Глядел без укора или одобрения. Без страха или дерзости. Гвиневру укололо мимолетное предчувствие. Такое уже было когда-то.

Епископ, не попрощавшись, покинул тронный зал быстрым шагом. Гвиневра сдержала победную улыбку. По залу среди придворных прошёлся взволнованный гул. Теперь у всех будет, что обсудить за ужином. А королеве предстояло ещё много шагов по осуществлению её плана.

Закончив с приёмом жалоб, Гвиневра распустила придворных и сама покинула тронный зал. Она расслабленно вышагивала по коридору замка и разглядывала гобелены, украшавшие стены. Параллельно она размышляла о том, что ей предстояло сделать. В ней разыгрались азарт и тревога. Но эту партию начала не она. Благий сделал первый ход, а она не могла не ответить.

Женщина отпустила рыцаря, который сопровождал её по приказу Бедивера, и заверила его в том, что сама в состоянии дойти до королевских покоев. Когда рыцарь скрылся за поворотом, Гвиневра направилась к лестнице, которая вела вниз. Ей предстояло пройти много ступеней и спуститься на ярус замка, который граничил с подземельем.

Преодолев лестницу, королева дошла до сокровищницы Пендрагонов, хранителем которой ещё недавно был сэра Галахад. Тот, кто добыл легендарную Чашу Грааля. Гвиневра не посмела отдать эту должность другому рыцарю, ибо надеялась на скорое возвращение Галахада.

«Теперь бы угадать с реликвией», – подумала она, проходя мимо стражников, охраняющих вход в сокровищницу. Вышколенные Бедивером солдаты выпрямились и встали смиренно, едва завидев королеву. Гвиневра, не обратив на них внимание, отперла заржавевший замок и приоткрыла скрипучую дверь.

Затхлый воздух ударил в лицо. В сокровищнице не было окон, и потому там стояла непроглядная тьма. Королева вошла внутрь с подсвечником и прикрыла за собой дверь. Первые несколько секунд её глаза привыкали к темноте.

Гвиневра никогда не боялась темноты, но оказаться в тёмном помещении было не самым приятным. Тело вмиг словно парализовало, слух обострился до максимума. К счастью в тишине было слышно только её дыхание. Женщина сделала шаг вперёд, вытянула руку с подсвечником и осветила пространство рядом с собой.

В сокровищнице Пендрагонов хранились не золотые украшения, но реликвии куда более ценные. Многие годы верные рыцари Логрии посвятили розыску легендарных религиозных артефактов. Много раз Римская церковь пыталась заполучить хоть одну из этих реликвий. В ход шли угрозы, подкуп, шантаж. Старый Утер Пендрагон был непреклонен. Он искренне верил, что все эти вещи хранят Логрию от бед и злого рока. Артур не отступил от принципов своего отца. Но Гвиневре не оставили выбора. Она была готова отдать все сокровища Пендрагонов ради своего нерожденного ребенка.

Женщина прошла в самый конец сокровищницы, приблизила свечу к небольшому столу, на котором располагался с виду самый обыкновенный рог из слоновой кости. Однако на

роге том была искусно вырезана сцена распятия Христа. Легенды гласили, что первый король Логрии принял этот рог в дар от Папы Римского Григория I.

Гвиневра задумчиво провела пальцами по реликвии и пошла вправо. Там на небольшой тумбе стояла Чаша Святого Грааля. Старая, вырезанная из дерева. Ничем не примечательная, но такая ценная. Именно эту чашу разыскивали рыцари Артура. И только сэру Галахаду удалось пройти все испытания на своём пути и заполучить её. Рыцарь по возвращении церемонно вручил Чашу Грааля своему королю. Для Артура не было ценнее дара, чем эта Чаша.

Гвиневра перевела взгляд на хрустальный ларец, стоявший рядом с Чашей. В нём на тёмно—красном бархате лежал сморщенный темный шип. Рядом лежала деревянная табличка, на которой была высечена надпись: «DE CORONA DOMINI» – «От Венца Господня». Этот терновый шип из крестового похода привёз дед Артура – Константин.

Королева задумалась, разглядывая хрустальный ларец. Все эти реликвии представляли большую ценность для королей и жителей Логрии. Не будет ли проявлением слабости – отдать хоть одну?

Женщина помотала головой.

«Эти вещи не спасут меня от гнева людей или солдат Морганы», – подумала она и достала из хрустального ларца терновый шип с табличкой, бережно обернув их в бархатную ткань. В этот момент, пряча реликвию в кошельке, привязанном к поясу, Гвиневра представлялась себе коварной воровкой. Она почувствовала, как призрачный шип, похожий на тот, что она прятала, больно кольнул её в сердце. Но отступать от принятого решения она не посмела. Совершить ошибку и проявить слабость – было для неё роскошью, которой она не обладала. Ведь от её поступков зависит не только её жизнь, но и жизнь её нерожденного ребенка.

С этими мыслями она дошла до кабинета. Зажгла несколько свечей и устроилась за столом. Достав из ящика письменные принадлежности и чистые пергаменты, она задумалась.

Епископ Благий всегда был назойливым. Порой даже Артур не мог подолгу с ним разговаривать. Духовник верил, что имеет своё влияние на монарха. Ему так казалось лишь потому, что король был добродетельным и справедливым. Не потому, что прислушивался к словам Благия, а потому, что всегда поступал по совести и велению сердца.

Гвиневре Благий всегда уделял своё специфичное внимание. Часто давил на её слабые места. Бездетность, зависимость от мужа, возможное увлечение Ланселотом.

Да, Благий всегда подозревал, что между Гвиневрой и Ланселотом что-то есть. Но то были лишь взгляды и короткие разговоры на пирах и праздниках. Однако, интуиция не подвела старого духовника, и он узрел грех ещё в самом зародыше.

Но ума епископу не доставало. Иначе Гвиневра уже получила бы своё наказание. Благий не умел распалить огонь. Он никогда не участвовал в больших политических интригах. А вот у Гвиневры такой опыт был. Отец научил её дёргать за ниточки, плести узелки коварных тайн. И за годы жизни подле Артура, она не растеряла свои навыки.

В голове королевы уже давно выстроилась лестница, по которой она сможет прийти до своей цели.

– Первая ступенька – епископ. Вторая – Меллигенс, – прошептала Гвиневра, задумчиво отбивая ритм пальцами по столу, – Это для начала...

Она взялась за перо и обмакнула его в чернильницу. Немного задумалась, подбирая правильные слова для письма.

«Святейший Отец,

Примите мои искренние и почтительнейшие заверения в преданности и глубоком почтении. Я пишу Вам в час великой скорби для всего моего королевства – после безвременной кончины моего возлюбленного супруга, короля Артура Пендрагона, именуемого первым, павшего в бою, защищая христианские земли от узурпаторов и еретиков. Господь призвал его к Себе,

оставив на моих плечах тяжкое бремя правления и заботу о нашем нерожденном наследнике, в котором теперь пребывает надежда и будущее династии Пендрагонов.

В это трудное время я, как регент, стремлюсь прежде всего к миру, стабильности и торжеству справедливости. Однако мои благие намерения наталкиваются на препятствия, разрешить которые я без Высшего наставления и мудрости не дерзаю. Речь идет о деликатном вопросе, касающемся финансовых отношений Короны и Церкви в Логрии.

К моему глубочайшему прискорбию, при изучении архивов выяснилось, что церковные земли, находящиеся под духовным попечением епископа Благия, на протяжении многих лет вносили в королевскую казну лишь часть положенных податей. Мои казначеи и церковные архивариусы не нашли ни единого королевского указа, ни скрепленного печатью документа, который бы узаконивал такое снижение. Есть лишь устные заверения, которые приписывают покойному королю Артуру, человеку безмерной набожности и милосердия, излишне доверившемуся советникам.

Ныне сумма недополученных средств угрожает финансовой стабильности королевства, которое должно защищать народ христианский от голода и вторжения врагов. Я не дерзаю сомневаться в добрых намерениях епископа Благия, но боюсь, его чрезмерное рвение в защите имущественных интересов епархии, пусть и из лучших побуждений, неволью ввело Церковь в состояние долга перед светской властью.

Святейший Отец, я не желаю конфликта. Мысль о судебной тяжбе или принудительном взыскании с собственности Церкви отвратительна для меня, как для верующей христианки. Я верю, что истина и справедливость восторжествуют через мудрое и мирное посредничество. Я молю Вас о Вашем отеческом совете и, если сочтете возможным, вмешательстве. Дабы этот мирской спор не омрачил репутацию святой Церкви в моих землях и не стал искушением для маловеров.

Дабы засвидетельствовать мою неизменную преданность Престолу Святого Петра и искренность моих намерений, я осмеливаюсь препроводить с моим верным рыцарем одну из величайших священных реликвий, хранимых нашим родом, – Терновый Шип от Венца Спасителя. Пусть этот дар будет символом моей веры и надежды на Ваше благословение для меня, моего будущего ребенка и всей Логрии, жаждущей мира под сенью Креста.

Молю Господа о здравии Вашем и долгих годах пастырского служения на благо всех христиан.

С глубочайшим почтением и дочерним послушанием,
Гвиневра Пендрагон,
Королева-регент Логрии.»

Гвиневра закончила писать, когда сумерки уже подобрались к Камелоту. Спустя всего три попытки перед ней лежало письмо, достойное внимания Папы Римского. Она довольно улыбнулась и облегченно выдохнула. Теперь дело оставалось за малым – сделать так, чтобы её письмо попало в руки Папы быстрее, чем обращение епископа Благия.

Женщина дождалась, когда чернила просохнут, скрепила письмо печатью и положила в защитный футляр. После этого, она выглянула из кабинета, увидела слугу, который так удачно проходил мимо. Увидев королеву, паренёк остановился и опустил голову в почтении.

– Приведи сюда сэра Лионеля. Как можно скорее, – распорядилась Гвиневра. Парень тут же засеменил в сторону восточного крыла, где располагалась большая часть спален для придворных.

Спустя четверть часа Лионель постучал в дверь кабинета. Гвиневра пригласила его внутрь и плотно закрыла дверь.

– Лионель, я возложу на тебя непростую миссию, – незамедлительно обратилась она к нему без лишних формальностей.

– Я сделаю всё, что в моих силах, государыня, – рыцарь решительно поглядел на королеву. По взгляду королевы он понял, что дело предстояло серьёзное.

– Ты отправишься к Папе Римскому от моего имени. Тебе нужно будет передать ему небольшой дар и моё письмо, – она поглядела на Лионеля с надеждой и мольбой. Он мог и отказаться. Но доверить такое важное дело было больше некому. Бедивер нужен был ей здесь, в Камелоте. К тому же Лионель обладал всеми чертами благородного воина и правоверного христианина. Бедивер мог быть порой слишком грубым и прямолинейным.

– Это честь для меня, – Лионель чуть улыбнулся и склонил голову, – Побывать в Риме – моя давняя мечта. Жаль... – он вдруг поник, но продолжил, – Жаль, что Галахада не будет со мной. Мы часто размышляли с ним о путешествии в Рим. Но я исполню эту мечту за нас двоих, – рыцарь задумался на мгновение, – Путь будет нелёгким. И ответ вы получите через несколько лун.

– Я понимаю это. Но надеюсь, что твой путь пройдёт гладко. И буду молиться за твоё скорейшее возвращение.

– Благодарю, государыня, – он снова склонился в почтении.

– Что ж, ступай и соберись в дорогу. Ты должен отправиться через два часа. Ни с кем не встречайся и не разговаривай до самого отъезда. Никто, даже Бедивер не должен знать о том, что ты уезжаешь. Веди себя, как ни в чём не бывало, – женщина серьёзно поглядела на Лионеля. Он был слегка удивлён.

– К чему такая осторожность?

– Я понимаю, что вы привыкли к тому, как свои дела вёл Артур. Но я – не он. Я должна быть осторожнее и умнее, Лионель, – она грустно улыбнулась, – Теперь ступай. Через два часа буду ждать тебя у Старых ворот. Ехать будешь налегке. Бери только самое необходимое.

Рыцарь, кивнув, вышел за дверь, и Гвиневра услышала звуки удаляющихся шагов. Кабинет погрузился в тишину.

Гвиневра ожидала Лионеля в условленном месте. Она закуталась в плащ, скрыла лицо под капюшоном и молилась, чтобы никто не увидел её. Старые ворота никем не охранялись потому, что ими уже давно никто не пользовался. На них висела большая ржавая цепь, скрепленная замком. Но в одной из воротин была небольшая дверь, предусмотренная для прохода небольшого количества людей. Её тоже держали закрытой, однако для Гвиневры это проблемой не являлось. Ключ уже был зажат в её руке.

– Ваше величество, – донесся из темноты приглушенный голос Лионеля, – Я готов.

Рыцарь подошёл к королеве, ведя под уздцы своего коня. Гвиневра вложила в его руку небольшой сверток и письмо с печатью.

– Отдашь это в руки только Папе Римскому. Дождись от него ответа и возвращайся.

– Мне нужно знать что-то ещё?

– Мне нужна благосклонность Папы, Лионель. Иначе есть риск, что меня отлучат. Это приведет к междоусобице, ведь многие лорды уже сейчас мечтают занять трон. Наш с Артуром ребенок в опасности.

Рыцарь понимающе кивнул.

– Я не подведу, госпожа,

Гвиневра открыла дверь и Лионель, спрятав за пазуху письмо с шипом, вывел коня за стены замка.

– Береги себя, Лионель, – произнесла она полупшепотом.

– И вы, государыня, пожалуйста, будьте осторожны, – ответил Лионель, вскочив на коня, и накинув капюшон плаща на голову.

Гвинебра кивнула на прощанье рыцарю и поспешно заперла дверь Старых ворот. Она опасно огляделась по сторонам и, не обнаружив никого, скрылась во тьме замкового двора.

Глава 7. Затишье

– Мы при дворе всегда носим маски, – сказал король Леодегранс, – Запомни, Гвиневра, если они увидят твоё истинное лицо – ты проиграешь. Никто, даже твой муж не должен знать, какая ты настоящая. Ты всегда играешь роль. Роль доброй принцессы, роль хорошей жены, роль справедливой королевы. Иногда полезно выглядеть в глазах других незнающим, наивным и простодушным. Тогда никто не догадается, что по ночам ты затачиваешь кинжал и плетёшь сеть для поимки врагов.

– Да, папочка, – ответила маленькая принцесса Гвиневра. Она всегда слушала своего мудрого отца. С первых дней жизни и до самого отбытия в Камелот. Он был её учителем. Король Леодегранс, который занял трон Камелиарда, обойдя других претендентов. И он смог годами удерживать этот трон. Для многих, даже для Артура, он представлялся добрым справедливым правителем. Но только Гвиневре было известно, кто скрывался под маской доброго короля. Порой его паранойя доходила до абсурда. Он травил, тайно казнил, подставлял тех, кто представлял хоть малейшую угрозу. И всё было ради блага королевства и его семьи. Так он говорил ей.

«Сейчас наверняка ничего не изменилось», – подумала Гвиневра с мимолётной улыбкой. Воспоминания о былом оставили горький вкус ностальгии.

Последние дни в тихом ожидании были особенно напряженными. Епископ затих, Меллигенс всё реже попадает на глаза, лорд Кадваллон так и не ответил на приглашение Гвиневры.

– Леди Морвенна из Гленмора прибудет в Камелот в ближайший месяц, – сказала Элейна, прочитав маленькое послание от Бедивера, – Сэр Бедивер занят распределением новобранцев. Будет в Камелоте через несколько дней.

– Хорошо, Элейна, спасибо, – ответила Гвиневра. Она выглядывала в окно, из которого открывался вид на замковую церковь. Послушники, монахини и прихожане сновали туда-сюда. Но не было видно ни епископа Благия, ни отца Луциуса, – Он наверняка уже направил посыльных в Рим, – задумчиво произнесла королева.

– Что? – не поняла Элейна.

– Это мысли вслух, милая, – улыбнувшись, королева отошла от окна и присела на стул. Элейна устроилась на другой стул рядом с Гвиневррой. Теперь они обе сидели у небольшого столика, на котором стоял кувшин с вином. Гвиневра разлила его в две чаши и протянула одну подруге.

– Госпожа, как вы себя чувствуете? – решила осведомиться наперсница, отпив немного вина. Гвиневра прислушалась к своим ощущениям. Если исключить тошноту, которую она порой испытывала и легкое недомогание, то чувствовала она себя хорошо. В последние дни удалось поспать подольше.

– Сейчас всё в порядке, Элейна, – женщина пригубила вино из своей чаши и поморщилась. Её любимый напиток показался на вкус отвратительным. Королева поставила чашу на столик и меланхолично вздохнула.

– Тогда вам лучше поесть, госпожа. Иначе позже тошнота может помешать, – женщина по-доброму улыбнулась. Королева не сдержала ответной улыбки. Было приятно осознавать, что кто-то о ней заботится. Бескорыстно, не ожидая королевской милости взамен. Только простой человеческой благодарности и взаимного уважения.

– Элейна, – обратилась королева к наперснице. Та вопросительно поглядела в ответ, – Скажи, ты не устала?

– От чего же мне устать, госпожа? – Элейна искренне удивилась.

– Ты ведь много лет служишь мне верой и правдой. А сама... Я не позаботилась о тебе, как следует. Не подыскала достойного мужа...

– Ваше величество, вы слишком добры, но прошу, не беспокойтесь обо мне. Если достойный мужчина есть, то Бог не даст ему пройти мимо меня, – она хихикнула, смутившись. Видимо, вино уже оказало своё действие, – Но я приехала в Камелот много лет назад ради того, чтобы увидеть юную жену короля Артура. А как увидела вас, то поняла, что вы моя королева. Вы были такой юной, невинной. Мне захотелось оберегать вас. И я ни разу не пожалела о своём решении, – она отставила чашу и взяла руки Гвинеvры в свои.

– Спасибо, что ты со мной, – прошептала Гвинеvра, искренне улыбнувшись, – Без тебя мне было бы гораздо труднее пережить всё это.

После завтрака королева направилась к своему капеллану. В утро воскресенья она должна была обязательно прийти в часовню на молитву, но сегодня ей нужна была не формальность, а тишина его маленькой кельи и мудрость человека, знавшего её дольше, чем кто-либо в Камелоте.

Брат Эгидий встретил её у дверей своей скромной обители. Его лицо, изборождённое морщинами, которые больше говорили о долгих размышлениях, чем о возрасте, озарилось тёплой, спокойной улыбкой.

– Дитя моё. Входи, – его голос, тихий и бархатистый, был похож на шелест страниц в старой библиотеке Камелиарда, – Я чувствовал, что ты придёшь сегодня не только по долгу.

Он никогда не обращался к ней титулами наедине. Для него она навсегда оставалась той девочкой с зелёными, слишком умными для её лет глазами, которую он когда-то учил молитвам и латыни.

Гвинеvра переступила порог. В келье пахло воском, сушёными травами и старым деревом. Сквозь узкое стрельчатое окно лился рассеянный свет, выхватывая из полумрака простой деревянный крест на стене и груды потрёпанных книг на столе.

– Что беспокоит тебя, дочь моя? – спросил он, указывая ей на единственное удобное кресло, в то время как сам устроился на простой табурет.

– Меня многое беспокоит, святой отец, – тихо проговорила она, снимая на мгновение маску королевы и позволяя усталости отразиться в глазах, – Мой муж погиб. Но скорбь – роскошь, которую я не могу себе позволить. Каждый день приносит новые испытания, и я боюсь... боюсь, что в этой борьбе я похороню ту, кем была. Ту, кого любил Артур.

Эгидий внимательно слушал, его карие глаза, глубокие и проницательные, не выражали ни жалости, ни осуждения, лишь спокойное понимание.

– Бог посылает нам столько испытаний, сколько мы способны вынести. Твоя скорбь не исчезла, Гвинеvра. Она стала твоей опорой. Это не плохо. Королю Артуру нужна была жена. Логрии сейчас нужна правительница.

– Но какой ценой? – её голос дрогнул, – Я уже вынесла жестокий приговор. Я веду тонкую, грязную игру с лордами. Я... я сомневаюсь в каждом своём шаге, но продолжаю идти. И кто может знать, в какой момент тонкий лёд подо мной треснет? Который мой шаг станет для меня последним?

– Сомнение – удел мыслящих, – мягко сказал Эгидий, – А жестокость... Жестокость бывает разной. Бывает та, что сеется ради страха и власти. А бывает та, что отсекает гниль, чтобы спасти тело. Твоё сердце подскажет тебе разницу. Доверяй ему. Оно, пусть и ранено, но чище, чем ты думаешь.

Он помолчал, его взгляд стал отстранённым, будто он видел что-то за стенами кельи.

– Я помню, как ты, ещё юная, утешала вдову простого псаля в Камелиарде, когда все от неё отвернулись. Ты отдала ей своё ожерелье, чтобы она могла похоронить мужа достойно.

Народ это видел. Люди запоминают не только жестокость, но и милосердие. Особенно когда оно искренне.

Гвиневра смотрела на него, и в её сердце шевельнулась старая мысль, тщательно лелеемая.

– Я пожалела жену псаля, потому что так велел отец. Это была игра... Я должна была сыграть сострадающую принцессу, – впервые Гвиневра раскрыла правду о том случае. Она не боялась осуждения или непонимания. Только отец Эгидий мог понять и принять ту её сторону, которая всегда была скрыта в тени, – Но я не играла. Мне действительно было жаль её. Псаля тогда забили насмерть палками... За то, что собаки пошли на охоту сытыми, – Гвиневра говорила, а перед глазами стояла та ужасная картина. Королевские рыцари по приказу лордов избивали палками молодого мужчину. Акт ужасающей, неоправданной жестокости. Поощряли это отец? Или забивание несчастного палками было самоуправством лордов? Гвиневра даже не знала, понесли ли истязатели какое-нибудь наказание.

– Я всё это помню, – сказал капеллан и его карие глаза выразили глубокую скорбь, – Часто власть отрывает людей от Бога и бросает в руки дьявола. Но ты не такая. Вскоре люди сами в этом убедятся.

– Люди... Они идут к тебе, святой отец. Я вижу, как после служб они не спешат расходиться, ждут твоего слова. К тебе приходят не только придворные, но и горожане, крестьяне. Даже некоторые солдаты. Они доверяют тебе.

Эгидий слегка смутился и опустил взгляд на свои натруженные руки.

– Я всего лишь слушаю, дитя моё. Людям часто не нужно решение от духовника. Им нужно, чтобы кто-то выслушал их боль без осуждения. Чтобы напомнил, что Бог видит их не только в праздничные дни, но и в будничной нужде. У епископа Благия... иной подход. Он видит грех прежде, чем человека.

В его голосе не было критики, лишь констатация факта, но Гвиневра уловила тончайшую ноту сожаления. Она сделала следующий, осторожный шаг.

– Его подход... сеет раздор. Он видит в моей власти угрозу, а в моей потере – Божью кару. Его слова раскалывают двор, когда нужно единство, – Она посмотрела прямо на Эгидия, – Логрии сейчас нужен не судия, а пастырь. Тот, кто сможет ушивать раны, а не сыпать соль на них. Тот, кого люди уже слушают.

В келье повисла тишина. Эгидий медленно поднял на неё глаза. В них не было ни удивления, ни алчного блеска от намёка на высокий пост. Была глубокая, почти печальная мудрость.

– Ты говоришь о вещах, которые решаются не в кельях и даже не в тронных залах, а в иных кабинетах, куда мне, простому служителю церкви, хода нет. Моё место – здесь, с теми, кто приходит со своей ношей. А епископская митра... она тяжела. Порой тяжелее короны. Она требует политика, а не простого священника.

– Но разве истинный пастырь не должен вести свою паству? – настаивала Гвиневра, выбирая слова с ювелирной точностью, – Защищать её от волков, одетых в рясы? Если паства тянется к одному, а ведёт её другой... это путь к пропасти. Церкви нужен человек, чьё влияние рождается не из страха перед анафемой, а из уважения к его слову. Из веры в его доброту. Такой человек мог бы стать... настоящей опорой трона. И совестью королевства.

Эгидий долго смотрел на неё, и казалось, он читает между строк все её страхи, все её расчёты и эту отчаянную надежду, которую она возлагала на него.

– Ты многому научилась у своего отца, Гвиневра, – наконец произнёс он, и в его голосе прозвучала лёгкая усталость, – Видеть на несколько шагов вперёд. Это дар и проклятие. – он вздохнул, – Я не буду давать тебе пустых обещаний или клятв. Знай лишь одно: пока я дышу, я буду молиться за тебя и твоё дитя. И буду служить душам, вверенным мне Господом, так, как подсказывает мне моя совесть. Если когда-нибудь моё служение сможет стать тем мостом,

который нужен Логрии... я не отвернусь. Но не проси меня играть в игры, для которых я не создан. Моё оружие – слово, а не интрига.

Гвиневра опустила голову. Это было не решительное «да», которого она тайно жаждала, но и не отказ. Это была правда. Честная и твёрдая, как скала. В мире, полном лжи, это было дороже любого коварного согласия.

– Прости меня, святой отец. Я не хотела возлагать на тебя лишнее бремя. Просто... в этой буре твой голос – один из немногих, в котором я слышу не эхо моих страхов, а тишину.

– В этом и есть моя служба, дитя мое, – он поднялся и, к удивлению Гвиневры, благословил её, мягко положив руку на её голову, – Иди. Направляй людей к идеалу, которого мечтал достичь твой муж. И помни: чтобы вести других, иногда нужно позволить вести себя. Своему сердцу. И своей вере. Они проведут тебя вернее, чем самый изощрённый расчёт.

Гвиневра вышла из кельи, чувствуя, как тяжёлый камень в груди немного сдвинулся. Она не получила союзника в своей политической игре. Но она получила нечто большее – напоминание о том, ради чего, в конечном счёте, эта игра ведётся. И тихую уверенность в том, что когда придёт час, у Логрии может найтись пастырь, достойный её народа. А пока ей предстояло самой расчищать для него путь.

Глава 8. Совет

– К Камелоту движется целый караван! – воскликнула леди Исельда, вбежав в малый зал для аудиенций. Все присутствующие воззрились на неё с вопросом и настороженностью, – Говорят, что это граф Кадваллон из Гвинеда!

Гвиневра поднялась со своего места. Она сохранила серьёзное лицо, но в глубине души обрадовалась новости. Постепенно на её доске становится больше нужных фигур.

– Его нужно встретить, как полагается, – распорядилась она, кивнув леди Элейне и сэру Алану, который являлся управителем замка. Они быстрым шагом направились во двор Камелота, раздавая приказы слугам. Гвиневра удовлетворённо кивнула и направилась в тронный зал. Необходимо было быть готовой к прибытию лорда.

Спустя полчаса она уже сидела на троне, ожидая лорда Кадваллона на аудиенцию. На ней было траурное серебристо—черное платье, контрастирующее с почти белой кожей. Голову венчала корона. Почему-то с каждым днём эта корона казалась всё тяжелее.

Подле трона стоял герцог Меллигенс, всё так же охраняемый сэром Габбатисом. Вести о приезде графа Гвинедского он явно не обрадовался. Недалеко от лорда Меллигенса стоял и епископ Благий, окружённый своей небольшой свитой. По другую сторону от трона стоял Бедивер в полном обмундировании. Он только утром прибыл из казарм, что располагались недалеко от столицы. Провёл смотр среди новоприбывших оруженосцев и оценил скорость обучения. Конные рыцари – главная сила Логрии. Артур делал всё, чтобы рыцарство процветало. По лицу сэра Бедивера Гвиневра поняла, что он устал, но был доволен проведённым смотром. Ему больше приходилось по вкусу тренировки с мечом и щитом, чем придворные политические игры, и только ленивый не знал об этом.

Двери в тронный зал распахнулись, привлекая всё внимание присутствующих, и герольд звучно протянул:

– Граф Кадваллон Гвинедский, властитель железных земель, просит аудиенции у её величества, королевы-регента Логрии!

Гвиневра кивнула и герольд дал знак кому-то за дверью. Лорд Кадваллон вплыл в тронный зал, озарив всех своей улыбкой. Высокий с подтянутой фигурой, вышагивал так, словно он являлся хозяином замка. В безупречном тёмно-зелёном камзоле с вышитым на груди гербом – белый горноста́й, обнимающий серебристый меч на черном фоне. Плечи его покрывал короткий плащ, скреплённый серебряной фибулой. Чёрные короткостриженные волосы были аккуратно уложены, короткая борода и усы придавали его виду статусности. Голубые как лёд глаза глядели на королеву без тени страха или раболепия. Его улыбка казалась искренней, но Гвиневра отметила усталость на его лице.

«Значит, ехал без долгих остановок. Спешил. Это хорошо», – сделала вывод женщина. Уголки её губ чуть дернулись вверх.

Мужчина остановился на положенном от трона расстоянии и совершил идеальный глубокий поклон.

– Приветствую мою королеву и её верных придворных, – громко проговорил граф Кадваллон, – Ваше величество, примите мои глубочайшие соболезнования. Светлая память о короле Артуре будет жить не только в Камелоте, но и в горах Гвинеда, которые когда-то он спас от голода. Я рад был получить приглашение ко двору и прибыл, чтобы лично засвидетельствовать вам свою верность и предложить скромную помощь короне в эти тяжёлые времена.

– И мы приветствуем вас, милорд, – добродушно ответила королева, – Спасибо за вашу участливость. Я рада, что вы не замедлили явиться в Камелот.

– Я никогда не посмел бы отказать нашей прелестной королеве, – он ещё раз почтительно склонил голову, затем сделал знак рукой герольду и тот вышел в центр зала, – Я привёз вам скромные дары из своих земель.

Герольд держал в руках список. Он пробежался глазами по тексту и всё так же громко произнёс:

– Десяток повозок лучшей стали для оружейников Камелота! Мастера-кузнецы с подмастерьями! Чертежи улучшенных горнов для королевских кузниц! Зерно из долин Гвинеда, дабы хлеб на королевском столе не оскудевал! Обученные охотничьи псы для королевской охоты! И лично для королевы духи с Ближнего Востока и ткани для пошива платьев!

В тронный зал вошли слуги Кадваллона, одетые в одинаковые серо-зелёные туники. Они внесли увесистый сундук, поставили его у ног графа и открыли. Лорд Кадваллон достал из сундука небольшую шкатулку, обитую синим шёлком, и открыл. Внутри лежал красивый бутылёк из горного хрусталя с густой тёмной жидкостью внутри.

– Выторговал у одного купца, – пояснил Кадваллон с улыбкой и позволил себе вольность подняться к трону. Бедивер напрягся, но Гвинебра одним взглядом сказала ему, что угрозы нет, – Такой аромат достоин того, чтобы его носила прекраснейшая из королев, – Кадваллон откупорил флакон и осторожно поднёс его к лицу Гвинебры. В нос тут же ударил пьянящий аромат, который прежде Гвинебра никогда не ощущала. Он чаровал, опьянял и окутывал каким-то теплом.

– Это действительно чудесные духи, – кивнула королева и улыбнулась графу, – Я, признаться, польщена таким вниманием.

Она говорила высокопарно, но понимала, к чему все эти крики о роскоши. Графство Гвинедское было одним из богатейших в Логрии. И вот уже многие годы не подвергалось нападкам соседей и врагов. Кадваллон умел договариваться. Или подкупать. Его столь широкие жесты напоказ, видимо, тоже должны были подкупить. Вопрос только в том, кого? Гвинебру или тех, кто против неё?

Граф, должно быть, чувствовал себя потрясаяще, произведя такое впечатление в первое же появление при дворе. Гвинебра видела заинтересованные взгляды фрейлин, недоумевающие лица некоторых баронов, раздраженные взгляды Благия, Меллигенса. Они были возмущены его появлением. Возмущены его таким показным восхищением Гвинеброй. Он обозначил, для кого и для чего приехал в Камелот.

– Я всегда к вашим услугам, – сказал лорд Кадваллон, отступив от трона. Он спрятал флакон с духами в шкатулку, а ту осторожно положил в сундук поверх аккуратно сложенных тканей. Слуги закрыли сундук и вынесли из зала.

– Я, как и весь Камелот, благодарна вам за ваши дары, но вы, верно, устали с дороги. Вам уже приготовили покои и сопроводят до них. Сегодня, прошу, отдохните. Завтра я приглашу вас на аудиенцию, – громко произнесла Гвинебра, сохраняя доброжелательную улыбку на лице.

– Благодарю, государыня, – мужчина снова безупречно поклонился и поглядел на Гвинебру многообещающим взглядом. Она почувствовала в этом взгляде что-то знакомое. В груди кольнуло от какого-то предчувствия.

Когда придворные разбрелись из тронного зала, Гвинебра смогла откинуться на спинку трона и немного расслабиться. Сэр Бедивер тихонько кашлянул, напоминая о своём присутствии.

– Сэр Бедивер, вы наверняка устали, – спохватилась королева, – Можете идти на заслуженный отдых.

– Ваше величество, моя служба будет окончена только, когда вы отойдёте ко сну, – он чуть заметно улыбнулся, – Дисциплина закаляет в рыцарях характер. Если я буду позволять себе некоторые вольности, остальные возьмут с меня пример.

– Тогда мне сегодня лучше отойти ко сну пораньше, – усмехнулась женщина и поднялась с трона. Но она и шагу ступить не успела, как в зал вошёл управитель замка, а следом за ним семеня леди Элейна.

– Сэр Алан, – обратилась она к нему, – Что ж, порадуйте меня своим отчётом. Сколько людей привёл с собой граф Гвинед? – он уже приготовился отвечать, но Гвинева его прервала. Она заметила, какой уставшей выглядела Элейна. Будто лично разгружала повозки с гвинедской сталью, – Сэр Бедивер, проводите леди Элейну до её покоев. Ей стоит отдохнуть.

Рыцарь не стал возражать, как и фрейлина. Бедивер подошёл к ней, остановился на почтительном расстоянии и коротким жестом указал на дверь.

– Благодарю, – наперсница сделала реверанс и неспешно пошла к выходу. Бедивер шёл на шаг позади, гремя своими доспехами. Гвинева чуть улыбнулась им вслед. Обоим стоило отдохнуть или хотя бы прогуляться.

– Начнём, сэр Алан, – наконец сказала она.

– С графом Кадваллоном прибыло около семидесяти человек. Среди них дюжина рыцарей Гвинед, тридцать солдат в лёгкой броне, шестнадцать слуг для личного пользования графа, три кузнеца и девять их подмастерьев. Для всех я нашёл места. Покои для лорда в западном крыле замка. Слуг разместил отдельно от наших, но на том же уровне. Солдаты и рыцари найдут место в Камелотской казарме. Все дары уже отправлены на склады.

– Отлично, сэр Алан. Не спускай глаз с его людей. И наши пусть следят за тем, что говорят. Предупреди всех, – распорядилась она. Сенешаль кивнул и Гвинева его отпустила. Теперь и сама она могла отправиться на отдых.

Королева вошла в свои покои и обнаружила сундук, который привёз в дар граф Гвинедский. Она раскрыла его и достала шкатулку с духами. Синий шёлк был приятен на ощупь. Даже от закрытой шкатулки исходил пряный аромат восточного парфюма. Гвинева не сдержалась и открыла флакон. Она снова вдохнула этот чарующий запах и в этот раз не скрыла удовольствия на своём лице. Перед глазами всплыли странные пейзажи, которых она никогда не видела. Только слышала из рассказов о Ближнем Востоке. Песок, палящее солнце и женщины, скрытые под покрывалами, способные поразить мужчину одним лишь взглядом.

Гвинева подумала, что если бы ей повезло чуть больше, и она появилась бы на этот свет мужчиной, то быть может она смогла бы лично увидеть ту страну, в которой сделали эти духи. Но она родилась девочкой, дочерью короля и стала женой другого монарха. А теперь на её плечи свалилась огромная ответственность. За Логрию, за жизнь своего ребёнка, отцом которого вполне мог быть не её законный муж.

Она поставила флакон с духами на тумбу у кровати, сняла платье, распустила волосы и устало рухнула в постель. Вжалась лицом в подушку Артура и проронила одну лишь слезу. Ещё один день без него. Она смогла прожить ещё один день. И сможет ещё. Вопреки всему.

Аромат арабских духов пропитал её покои, навевая странные, но спокойные сны. Когда она проснулась и выглянула в окно, то сразу обратила внимание на небо. Пасмурное и тяжёлое, готовое вот-вот пролить на землю свои слёзы.

Гвинева позавтракала мало и с неохотой. Хоть Элейна и приговаривала:

– Вам нужно есть, госпожа. Ребёночку ведь нужно расти.

Леди Исельда и леди Мот помогли ей одеться и привести волосы в порядок. Гвинева позволила себе нанести капельку восточного парфюма на шею.

– Прекрасный аромат, – восхитилась Элейна. Тогда королева нанесла капельку и на её шею. Они улыбнулись друг другу. Наперсница довольная подошла к фрейлинам и наклонилась к ним, чтобы они смогли услышать аромат.

– Потрясающе, – мечтательно вздохнула Исельда.

– Я всё равно предпочитаю аромат лаванды, – с улыбкой, но горделиво сказала леди Мот. Гвиневра про себя отметила её постоянство. Сколько она знала эту фрейлину, столько она и пользовалась исключительно духами из лаванды.

– Довольно, дамы, – строго сказала королева. Меня ждут дела государства, а вы пожалуйста займитесь своими обязанностями.

Леди мот и леди Исельда почтительно присели в поклоне и покинули королевские покои. Леди Элейна сопровождала Гвиневру к выходу, где её ждал рыцарь из гвардии Бедивера. На весь день он приставлен к королеве для её защиты.

Гвиневра с нетерпением шла в тепер уже свой кабинет. Ей предстоял приватный разговор с графом Кадваллоном. Её мучило множество вопросов. И главным из них был: «Будет ли он на моей стороне?»

Если да, то её шансы удержать власть повысятся. Хоть это и несло дополнительные риски. Если же нет, то ей придётся найти способ отослать его обратно, в своё графство.

Но был возможен и третий вариант. Кадваллон мог оказаться тем, кто будет улыбаться в глаза, а за спиной вести свою игру. В этом, кстати, Гвиневра почти не сомневалась.

Королева уже продумала, какие наводящие вопросы ему задать, чтобы выяснить намерения. Но первая встреча её, признаться, впечатлила. Она не хотела себе признаваться в том, что граф действительно умел расположить человека к себе. И ему почти удалось проделать это с ней.

Кабинет, в котором когда-то работал Артур, всё ещё хранил его следы. На полке стояла его любимая чернильница, подаренная приёмной матерью. На спинке кресла лежал, аккуратно сложенный, шерстяной плед, которым он укрывался в холодные вечера. Гвиневра запретила убирать эти вещи. Сейчас они были безмолвными свидетелями её новой роли.

Утро было пасмурным, свет из узкого окна был тусклым и серым. Гвиневра сидела за массивным дубовым столом, заняв кресло мужа. Так она чувствовала какое-то единение с ним. Или с его духом. Она верила, что это даст ей возможность принимать верные решения. Перед ней лежал развёрнутый свиток с отчётами из Гвинеда, но она не видела цифр. Все её чувства были натянуты, как тетива лука, в ожидании гостя.

Он вошел после короткого, но уверенного стука. Не так, как в тронном зал – не «вплыл», а именно вошёл: легко, бесшумно, полностью контролируя своё тело. На нём был не парадный камзол, а тёмный, почти чёрный дублет без лишних украшений. Знак уважения к трауру или тактическая маскировка под общий фон? Гвиневре это понравилось в любом случае.

– Доброе утро, государыня, – поклонился Кадваллон. Улыбка была на месте – приветливая, но не подобоострастная. Его голубые глаза, холодные и ясные, сразу встретились с её взглядом, оценивая.

– И вам доброго утра, граф. Прошу, садитесь.

Он занял кресло напротив, не спуская с неё взгляда. Его поза была расслабленной, но не развязной. Он не ёрзал, не трогал предметы на столе. Он просто сидел и смотрел, излучая спокойную, хищную уверенность.

– Я так понимаю, вы призвали меня в Камелот не просто для того, чтобы я занимал почётное место в тронном зале, – начал он, отбросив церемонии. Голос у него был ровным, приятным баритоном, каждое слово произносилось четко, без суеты.

Гвиневра позволила себе лёгкую улыбку.

– Перейдём сразу к делу, милорд? Я ценю прямоту.

– Как и я, ваше величество. Наедине нам ни к чему играть в придворных и монархов. Жесты, намёки – это для толпы. Здесь же, я полагаю, речь идёт о выживании, – он сделал паузу, давая ей осознать, что он сразу назвал вещи своими именами.

«Он не боится. Или делает вид», – подумала Гвиневра. Всем своим видом граф показывал, что воспринимает её не как своего сюзерена, но как равную себе. Не по статусу. По духу.

– С каким настроением вы прибыли сюда, граф? – спросила она прямо, следя за малейшим изменением в его лице.

Кадваллон слегка откинулся на спинку кресла, сложил пальцы. Его выражение стало задумчивым, но глаза не потускнели. Он заставил Гвиневру немного подождать, но не потому что подбирал правильный ответ. Этот ответ был готов ещё тогда, когда он получил её письмо. Королева это понимала. Чувствовала, что ему хочется сначала поиграть и придать своей персоне большей значимости. Мужчины. Они так любят себя возносить среди других. Так уверены в своей исключительности, в своей незаменимости. Гвиневра мысленно усмехнулась. Если Кадваллон хотел потешить своё эго, чтобы стать стоворчливее, то можно было и подыграть ему.

– Получив ваше послание, я, признаюсь, колебался. Можно было ограничиться щедрым даром и сослаться на неотложные дела в своих землях. Никто не осудил бы меня за это, – Он сделал паузу, его взгляд стал пронзительным, – Но я понял, что это уникальный шанс. Шанс лично увидеть женщину, которая сумела вцепиться в трон, когда все уже потирали руки в предвкушении её падения. Вы сделали то, чего Моргана не может добиться годами, несмотря на все свои чары и армии. Даже её сын не помог ей в этом деле, хотя, признаться, он почти добился желаемого. Но ни Мордред, ни Моргана не учли в своих планах одного человека. Вас. Для них покойный король Артур казался единственной преградой на пути. Они и представить не могли, что прекрасная Гвиневра, которая до недавнего времени была любящей женой короля, сможет взять корону Пендрагонов и водрузить её на себя. Я уверен, что Моргана сейчас давится слюной от зависти и ненависти к вам, – он усмехнулся. Но усмешка эта была не столько небрежной, сколько горькой. Гвиневра понимала, что у Кадваллона с Морганой есть своя, никому не известная личная история, – Любая другая на вашем месте уже давно молилась бы в монастырской келье. Но вы... вы схватили лордов за глотку и заставили их признать вашу волю. Это вызывает не просто уважение. Это вызывает восхищение.

Он говорил без лести. В его словах слышалась профессиональная оценка удачного политического манёвра. Это льстило, но и настораживало. Он осознавал, перед кем сидит. И то, что в его взгляде, жестах и словах не было смирения, раболепства или преклонения, показывало, что он не будет бояться её. Он сможет найти выход, вывернуться, если станет Гвиневре негодным.

«Он говорит на моём языке. На языке моего отца», – с тревогой осознала она. Теперь она поняла, что за укол она почувствовала при их первой встрече. В графе просматривались черты её отца. Не внешние, а личностные. За годы, проведённые в Камелоте среди прямолинейных воинов и глуповатых лордов, королева отвыкла от людей, способных мыслить как её отец.

– Это очень лестно, граф. Но восхищение – не союз, – сказала женщина, чуть склонив голову.

– Разумеется, – он усмехнулся, и в его глазах вспыхнул азарт, – Я, как человек, изучающий историю, прекрасно знаю: недостаточно просто взять. Гораздо сложнее – и интереснее – удерживать.

– Вы сомневаетесь в моих силах? – спросила Гвиневра, слегка наклонившись вперёд. Это был вызов.

– Как раз нет, – ответил он быстро, тоже слегка подавшись навстречу. Расстояние между ними сократилось. Гвиневра уловила лёгкий запах – кожи, холодного металла и чего–то пряного, дорогого. Кадваллон же наверняка уловил от неё аромат духов, которые привёз в дар. В его глазах мелькнуло нечто неясное Гвиневре, а уголки губ чуть дернулись вверх, – Я вижу выдержку. Вижу, как вы крепко стоите на ногах, несмотря на то, что почва под ними больше похожа на зыбучие пески. Но одной стойкости мало. Нужны союзники. И ресурсы.

– И всё же, вы так и не ответили на мой первый вопрос, – не отступала Гвиневра.

«Он уводит разговор в сторону. Заставляет меня спрашивать снова. Уже показывает, кто здесь задаёт тон», – поняла женщина и постаралась скрыть своё недовольство.

Кадваллон, наконец, выпустил лёгкий, почти театральный вздох.

– Вы призвали меня, как человека, не связанного с этой камарильей годами дружбы, родства и общей крови, пролитой в десятках битв. Я – чужак. И в этом моя сила для вас. Обо мне ходит разная молва. Часто – возмутительная. Порой приходится... поправлять глупцов, – мужчина провёл рукой по идеально гладкой щеке, разгладил пальцами усы, и этот жест был настолько откровенно показным, что Гвиневра поняла – это тоже часть представления. Он продемонстрировал, что знает о своей репутации и даже наслаждается ею. – Но к сути. Вы хотите, чтобы я помог вам в вашей борьбе за трон. Я готов это сделать. Но, ваше величество, у всего есть своя цена.

Сердце Гвиневры ёкнуло. Вот он, момент истины.

«Он не станет торговаться из-за титулов или земель. Ему нужно что-то большее».

– Какова же ваша цена? – спросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Для начала – место в совете, как вы и предложили в своём письме. Это необходимо для легитимности моих действий, – он сделал паузу, наблюдая за её реакцией. Гвиневра кивнула. Это было ожидаемо, – И ещё кое-что. Небольшая малость. Я хочу, чтобы мои люди могли быть повсюду. Они – мои глаза и уши в моих землях. И если мы будем работать вместе, они станут и вашими глазами, и вашими ушами.

Гвиневра замерла. Эта просьба показалась ей несколько формальной. Всем своим видом, своими словами он показывал, что уже знает всё, что происходило в Камелоте. Гвиневра была уверена, что Кадваллон давно получает информацию от кого-то из замка. Вопрос только в том, кто? Придворный, паж, стражник? Кто угодно. Но Кадваллон ни за что не признается.

– Вы хотите шпионить за придворными? Или за мной? – её голос стал холоднее, взгляд цепкий, прикованный к его лицу.

Кадваллон рассмеялся тихим, искренним смехом.

– Не за вами, королева. За теми, кто вызывает сомнение. Вам нужна информация. Не та, что подают вам на серебряном блюде с поклонами, а та, что шепчут в темноте потаённых комнат. Кто ваш друг, а кто только притворяется? Кто готов предать за горсть серебра? Я могу это узнать. Но для этого мои агенты должны иметь доступ.

– А кто будет следить за вами, милорд? – парировала Гвиневра, поймав его взгляд, – И за вашими... глазами и ушами?

Он улыбнулся снова, и эта улыбка была уже откровенно хищной.

– А разве за мной уже не следят? Уверен, что как только я попал в Камелот, то сразу попал под наблюдение нескольких десятков глаз. Люди епископа, солдаты герцога Меллигенского и ваши. Слуги, которых вы лично, или ваше доверенное лицо, отобрали для службы в замке, не отстают от меня ни на шаг. И это правильно. Это показывает, что вы не наивны. Но посмею дать совет на будущее: ошибки врагов лучше видно из тени.

Они смотрели друг на друга несколько долгих секунд. В его глазах не было ни вызова, ни страха. Была лишь холодная, расчётливая ясность и интерес к её ответу.

«Он предлагает стать моим самым опасным и самым полезным союзником».

Страх боролся в ней с признательностью за такую откровенность. С Меллигенсом или Благием она вела бы двойную игру. С этим человеком игра была одна, но ставки в ней были выше.

– Итак, мы договорились? – спросил он, всё ещё улыбаясь.

– Будем считать, что да, – медленно ответила Гвиневра, – Но ваши люди не должны доставлять проблем ни мне, ни тем, кто мне дорог. Никаких самоуправств. Всё, что они узнают, стекается ко мне. Через вас. Ясно?

– Само собой, государыня. Я не собираюсь подставлять своего самого ценного союзника, – он сказал «союзника», а не «королеву». Это тоже было важно для Гвинеvры. Она на миг задумалась. А не сделала ли она хуже для себя? Появление Кадваллона возможно усложняло ей задачу. Или выводило на новый уровень.

«Прежде всего, нужно найти точку давления на него. Иначе именно он и станет моим палачом», – сделала она вывод. По спине пробежал холодок от осознания, что человек, сидевший перед ней опасен. И возможно она пригласила льва в свою клетку, понадеявшись, что он поможет из этой клетки выбраться. Ошибка или нет?

– Тогда первая задача, – сказала Гвинеvра, переходя к делу. Стоило сразу дать Кадваллону занятие и за время, которое он на него потратит, она возможно поймёт, что с ним делать, когда нужда в нём отпадёт, – Епископ Благий. Его слуги распространяют гнусные слухи обо мне в городе и, я подозреваю, за его стенами. Это подрывает доверие народа в тот момент, когда оно нужно больше всего.

Кадваллон кивнул, его лицо стало серьёзным, деловым.

– Влияние на толпу – мощное оружие. Особенно в руках того, кто считает себя голосом Бога. Если вас это успокоит, я могу лично заняться этой... проблемой.

– Вот так сразу? – не удержалась от вопроса Гвинеvра.

– Не сомневайтесь в моих средствах, ваше величество, – ответил он, и в его тоне прозвучала такая непоколебимая уверенность, что у неё по спине пробежал холодок. Она поверила ему. И испугалась этой веры, – Некоторые методы требуют не грубой силы, а... тонкого понимания человеческих слабостей. У епископа, я уверен, они есть.

– Я написала письмо Папе Римскому. Церковь задолжала короне. Позже лорд Годвин ознакомит вас с отчётами. Вы можете заняться этим делом.

– Я уверен, что сэр Лионель без проблем доберётся до Рима, – с самодовольной ухмылкой произнёс Кадваллон. Теперь он напрямую сообщал королеве, что в курсе всего, что происходит в замке. Для неё это был удар, выбивший из лёгких воздух. Гвинеvра постаралась сохранить беспристрастное выражение лица.

– Вам многое известно, милорд. Может мне не стоит тратить своё время на нашу беседу? – спросила королева, выдавив из себя подобие улыбки.

– Ваше величество. Вы же не полагаете, что отъезд вашего верного рыцаря в Рим остался незамеченным людьми Благия? – он продолжал говорить с ухмылкой, – В замке полно ушей и глаз. Не все они служат вам. И не все они служат мне. Просто примите это как данность и в будущем ищите для решения таких проблем места более потаённые.

Гвинеvра вдруг задумалась. Ведь их с Лионелем последний разговор мог подслушать кто-то из слуг. И так же кто-то из слуг мог случайно или нет увидеть, как среди ночи Лионель покидает свои покои в дорожном костюме. Кто-то из тёмного угла мог наблюдать, как Гвинеvра провожает рыцаря у Старых ворот.

– Я ценю ваш совет. И последую ему, – сдалась Гвинеvра. Так она говорила когда-то и своему отцу. Вопреки своим убеждениям, королева поняла, что за годы жизни вне Камелиарда, она всё-таки забыла многое из того, чему её учил король Леодегранс.

– Всегда рад служить, государыня. И всё же, теперь дело епископа я возьму лично под свой контроль. Уверен, что найду способ если не низложить его, то хотя бы заставить следить за тем, что он говорит, – уверенно произнёс граф. В глазах его загорелся азарт.

Гвинеvра кивнула, решая не спрашивать подробностей. Она была бы рада избавиться от Благия. А каким способом – дело десятое.

– Помимо Благия, открыто враждебен только Меллигенс. Но лорды слишком затихли. Даже многие фрейлины перестали шептаться в моём присутствии. Это не нормально. Это либо страх после казни... либо они чего-то ждут, – высказала она свои мысли.

Кадваллон задумчиво постукал пальцем по подлокотнику кресла.

– Страх – хороший поводок, но ненадёжный. Гораздо вероятнее, что они ждут. Какого-то знака. Ослабления вашей хватки. Или сигнала от кого-то более сильного. Я постараюсь выяснить, что за тишина царит в их рядах, – пообещал он, и это обещание вселило в Гвиневу странное спокойствие. Оно не было абсолютным. Это чувство было приправлено толикой недоверия. Ей хотелось верить, что Кадваллон сможет разобраться с этими проблемами. Но были сомнения. Сомнения в его способностях это сделать. И сомнения в его собственных намерениях.

– Хорошо, – сказала она, натянув вежливую улыбку и получила в ответ точно такую же притворную улыбку, от которой веяло нечто пугающее и одновременно притягательное, – Тогда я могу вас отпустить. Через час в тронном зале будет объявлено о создании Совета.

Кадваллон встал, изящно поклонился.

– Тогда не смею вас более отвлекать. До заседания, ваше величество.

Он вышел так же бесшумно, как и вошёл. Гвинева осталась сидеть за столом, глядя на дверь, которую он за собой закрыл. Воздух в кабинете, казалось, всё ещё вибрировал от его присутствия. Она только что заключила сделку с демоном. И самым пугающим было то, что этот демон не скрывал своих когтей и рогов. Он предложил их ей в качестве инструментов. И теперь ей предстояло научиться ими пользоваться, не разрезав при этом собственных рук.

Спустя час Гвинева восседала на троне. Герольд громко зачитывал её новый и первый указ.

– Сим провозглашаю создание Нового Совета Круглого Стола! В совете будут состоять благородные лорды Логрии, а во главе его будет королева—регент Гвинева Пендрагон! Герцог Олдред Меллигенский будет ответственен за армию и всё, что с ней связано. Сэр Бедивер будет ответственен за подготовку рыцарских войск. Граф Кадваллон будет ответственен за финансы короны. Епископ Благий будет ответственен за моральный дух жителей Логрии. Новые назначения будут оглашены по мере их принятия!

Герольд закончил говорить и в зале повисла тишина. Гвинева окинула взглядом тех, кто получил назначение. Меллигенс выглядел горделиво, окидывая других придворных надменным взглядом. Епископ глядел на Гвиневу с некоторым подозрением. С той перепалки из-за налогов они больше не встречались.

Сэр Бедивер глядел то на Гвиневу, то на Кадваллона с некоторым недоверием. Лорд Годвин, казначей Камелота глядел на Кадваллона с завистью. Наверняка считал того чужаком и выскочкой, нагло занявшим его пост.

Сам же Кадваллон не скрывал довольной улыбки. Гвиневу его уверенность и пугала и восхищала одновременно.

– Милорды, теперь прошу, пройдёте в зал Круглого стола на наш первый совет, – сказала Гвинева и поднялась с места. За её спиной встали два рыцаря, которые сопроводили до самого входа в зал.

Гвинева села на прежнее место Артура. Бедивер занял своё. Он немного недовольно окинул взглядом лордов. Считал, что они все недостойны сидеть за этим столом. Лорд Меллигенс занял место напротив Гвиневы. Епископ сел рядом с ним. Лорд Кадваллон занял место справа от королевы, сев между ней и Бедивером.

– Пока наш совет мал, но скоро всё изменится, – сказала Гвинева, многообещающе поглядев на Меллигенса и Благия. Всё поменяется не в их пользу.

– Я никогда себе и представить не мог, что мне удастся посидеть за Круглым столом, – восхищенно сказал Кадваллон, погладив пальцами гладкую каменную поверхность стола.

– Времена, как видите, меняются, – ответила Гвинева.

– Мы будем решать насущные вопросы? – вскипел Бедивер, скривившись в сторону Кадваллона.

– Разумеется, – с усмешкой ответил тот.

– Это мой первый совет в таком формате, – сказала Гвинебра, – Начнём с самого важного, – она поглядела на Меллигенса, – В каком состоянии наша армия?

– Спустя месяц после окончания войны... в плачевном состоянии. Потери были велики. Многие солдаты до сих пор залечивают раны при церковных монастырях. Сейчас идёт набор новобранцев и закончится он, пожалуй, к концу лета. Лояльные нам лорды оказывают содействие и к следующему лету подготовят воинов на своих землях. Ветераны разосланы по владениям для проведения обучения. В казармах Камелота подготовка идёт полным ходом. Новобранцы с окрестных земель прибывают.

– Есть ли какие-то проблемы? Оружие, лекарства, провизия?

– Сейчас лето, государыня. Проблемы будут зимой. Судя по подсчётам моего управителя, тёплой одежды и зимнего снаряжения на всех новобранцев не хватит.

– Этот вопрос нужно решить как можно скорее. Обсудите этот вопрос с графом Кадваллоном и бароном Годвином. Возможно в казне короны найдутся средства на нужды армии.

– Да, государыня.

– Лорд Кадваллон, неразумно спрашивать у вас про финансы Камелота, ведь вы второй день здесь находитесь. До следующего заседания у вас будет время изучить ситуацию с лордом Годвином. Я передам ему распоряжение, чтобы он подробно посвятил вас во все тонкости, – она перевела взгляд на епископа, – Господин епископ, есть ли вопросы, беспокоящие прихожан и служителей церкви?

– У некоторых церковных госпиталей появились проблемы с недостатком провианта и лекарств. Больных и раненных слишком много. Так же много обездоленных калек, стариков и сирот просят приюта в монастырях. Война своё дело сделала. Войска Мордредра разрушили и сожгли много поселений.

– Распорядитесь передать часть сирот в Приют для обездоленных. Мы найдём им хорошие семьи, – королева задумалась.

– Разумно будет направить сирот в столицу, – подал голос Кадваллон, – мальчиков постарше можно сразу пристроить в армию. Тех, что младше отдать в семьи ремесленников. Пусть выращивают новое поколение мастеров. А самых маленьких можно будет оставить в приюте. Большую часть разберут те, у кого война или болезнь забрала детей.

– А что же с девочками? – Гвинебра подняла бровь.

– Девочек разбирают не так охотно. Подмастерьями им не быть, просто так никто не хочет кормить кого-то. Поэтому разумно распределить их по монастырям, дабы дать должное воспитание. А как подрастут, так можно найти им хороших мужей. Часть из них всё равно останутся служить в монастырях.

– Значит, маленькие девочки не достойны оказаться в хороших семьях и вновь обрести родителей?

– Увы, но это так, – Кадваллон потёр переносицу.

– Я подумаю, что с этим можно сделать.

– Я тоже. Надеюсь, решение найдётся.

– Бедивер, как обстоят дела с рыцарями?

– Королева, вам известно, что в последнем бою с Мордредом, гори он в пекле, погибло много хороших воинов. В данный момент я занимаюсь отбором бойцов для того, чтобы набрать оруженосцев. Мальчишки из знатных домов придут в столицу в ближайший месяц. А пока я присматриваюсь к парням из простого народа. Артур построил казарму для оруженосцев и это отличное подспорье. Там можно разместить до полутысячи молодчиков. Сейчас нужды ни в чём нет. Казарма сама себя кормит, одежды достаточно.

– Хоть что-то хорошее на сегодня, – выдохнула королева, – Тогда поздравляю вас, господа. Наш первый совет окончен.

Королева стояла напротив овального зеркала. Она разделась донага и разглядывала своё тело – пыталась уловить мельчайшие изменения, которые принесла ей беременность. Низ живота чуть выдался вперёд. Грудь стала больше. Какое—то странное пятнышко появилось на животе. Или оно всегда там было? А вот шрам на левом бедре. Белый, неровный, запечатлевший в себе одно из самых ярких воспоминаний.

Распущенные волосы королевы ниспадали с плеч и закрывали спину и большую часть груди. Женщина положила ладони на живот, повернулась к зеркалу боком.

«Пожалуйста, пусть это дитя Артура. Молю. Только от Артура», – мысленно взмолилась она уже в тысячный раз. И в тысячный раз укорила себя в своём грехопадении. Ей вдруг стало некомфортно. Она оглядела своё отражение ещё раз, и ей представилось, будто она стояла, вся в грязи с остриженными волосами. Пожалуй, так и выглядела её душа. Грязная, утопающая в грехах, которых становилось всё больше.

Гвиневра отвернулась от зеркала, накинула ночную сорочку и легла в постель. Она закрыла глаза и задумалась. Что послужило отправной точкой для её необъяснимой страсти к рыцарю, укравшему её любовь у Артура? Когда Ланселот стал для неё чем-то большим, чем друг и защитник? Она знала ответ на этот вопрос.

Это было шесть зим назад. Стояло знойное, душное лето, когда воздух над Камелотом дрожал от марева, а каменные стены накалялись, словно печь. Тоска была тихой, но назойливой, как жужжание мухи в запертой комнате. Гвиневра чувствовала, как её дух медленно увядает в этой парадной тюрьме под взглядами придворных и тяжестью не родившегося наследства. Она стала тенью самой себя – идеальной, улыбчивой, пустой.

Артур уловил это. Он всегда улавливал её молчаливые бури.

Однажды вечером, когда солнце, словно раскалённый щит, кренилось к зубцам башен, он застал её у окна в их покоях. Она не слышала его шагов, пока его руки не легли ей на плечи, тёплые и твёрдые.

– Твои выстрелы самые меткие во всём Камелоте, – сказал он, не глядя в окно, а глядя на её отражение в темнеющем стекле. Его голос был ласковым, но в нём звучала та же тревога, что висела в воздухе, – К тому же лесной воздух – лучшее лекарство от пыли и сплетен. Ни к чему тебе задыхаться в этих каменных стенах. Они давят на тебя. Я это вижу.

Гвиневра вздохнула, положив свою ладонь поверх его.

– Не только стены давят, Артур.

Он знал, о чём она. Знание легло тенью в глубину его карих глаз. Он притянул её к себе, обнял сзади, и его подбородок коснулся её макушки.

– Тогда решено. Завтра с рассветом мы уедем отсюда, хоть ненадолго. Возьмём луки, соберём старую компанию. Если хочешь – позови Элейну.

– Не хочешь, чтобы ещё одна ваша охота прошла без добычи? – она попыталась шутить, но голос предательски дрогнул. Она упомянула про недавнюю вылазку Артура и его верных друзей в Королевский лес. Несколько дней они гоняли по дебрям несчастных зверушек, но не смогли подстрелить ни одну. Сэр Кей тогда сказал, что это потому, что Гвиневры не было с ними. Уж она-то умеет стрелять из лука!

Но Гвиневре тогда было не до охоты. В очередной раз к ней пришли регулы. В очередной раз она почувствовала себя неправильной, поломанной, никчёмной.

Артур развернул её к себе и посмотрел так прямо и глубоко, что у неё ёкнуло сердце.

– Конечно, не хочу, – он улыбнулся, – И я хочу, чтобы ты развеялась. Прогулки в лесу тебе по душе. Там ты всегда выглядишь такой счастливой и свободной.

Он поцеловал её – нежно, но с подспудной силой, поцелуем, который был и обещанием, и приказом, и мольбой. В этом поцелуе была вся их жизнь – страсть, долг, невысказанная боль и упрямая надежда.

– Как пожелает мой король, – прошептала она, уткнувшись лицом в его грудь, в знакомый запах кожи, стали и ладана. Но в этот раз даже его близость не смогла до конца развеять холод, поселившийся у неё внутри.

На следующее утро, когда первые лучи солнца только начинали золотить зубцы крепостных стен, у главных ворот кипела несуетливая, деловая жизнь. Воздух был свеж, прозрачен и полон новых надежд.

Артур, в простом походном дублоне, проверял стремена своего мощного гнедого жеребца. Рядом, уже в седлах, перебрасывались тихими шутками Бедивер и сэр Кей – названный брат короля, часто ворчливый и вечно преданный. Сэр Персиваль, светловолосый и задумчивый, будто античный бог, заблудившийся во времени, тихо перелистывал маленький томик в кожаном переплёте. А Лионель, точная, но более озорная копия своего старшего брата, уже полный энергии, дразнил коня Бедивера пучком травы.

И был ещё он. Ланселот.

Он стоял чуть в стороне, поправляя перчатку. Утреннее солнце играло в его светлых, убранных назад волосах, очерчивая чистый, благородный профиль. Он был одет для охоты просто, без лишних доспехов. Но даже в этой простой одежде в нём была невероятная грация. Он не смеялся с остальными, а наблюдал – его голубой, казалось бы, отстранённый взгляд скользнул по появляющейся в дверях Гвиневре и тут же, будто обжёгшись, отвелся в сторону. В этом взгляде была привычная ей поэтическая преданность, но в тот миг ей почудилось в нём что-то ещё – тень той же тоски, что глодала её саму.

Гвиневра позволила себе вольность. Вместо сложной придворной причёски её золотые волосы были заплетены в одну тяжёлую, сверкающую на солнце косу, переброшенную через плечо. Вместо пышного платья – практичный камзол и отдельная юбка для верховой езды. Она чувствовала себя почти девочкой из своего далёкого Камелиарда, а не королевой. Элейна, сияя, последовала её примеру.

Артур помог Гвиневре забраться в седло, его пальцы на её талии были твёрдыми и уверенными.

– Готовы? – его голос прозвучал бодро, разрезая утреннюю тишину.

Ответом ему было нетерпеливое ржание коней и одобрительные возгласы рыцарей. Лионель уже рвался вперёд.

Они выехали за ворота, и мир будто вздохнул полной грудью. Свежий ветер, пахнувший полынью и нагретой землёй, ворвался в лёгкие. Гвиневра встряхнула головой, и тяжёлая коса захлестнула её по спине. Она отпустила поводья, позволив своему резвому рысаку перейти на размашистую рысь. Ветер рвал пряди волос из косы, хлестал по лицу, и она впервые за много месяцев почувствовала не обязанность, а радость. Чистую, дикую, физическую радость движения и скорости. Рядом с ней, смеясь, скакала Элейна, её обычно сдержанное лицо было покрасневшимся и счастливым.

Королева обернулась и увидела Артура. Он скакал чуть позади, наблюдая за ней, и на его лице светилась такая тёплая, облегчённая улыбка, что у неё сжалось сердце от внезапного приступа любви и вины. А потом её взгляд скользнул дальше – на Ланселота. Он скакал чуть сбоку. Он смотрел не на дорогу, а на неё. На её развевающиеся волосы, на её улыбку, которую он, возможно, не видел целую вечность. И в его взгляде не было уже ни отстранённости, ни поэтичности. Был немой, жадный восторг, как если бы он увидел внезапно ожившую статую. И этот взгляд, пойманный на лету, обжёг её сильнее утреннего солнца. Она резко отвернулась, внезапно смущённая, и пришпорила коня, пытаясь ускакать от этого ощущения.

Путь до Королевского леса был недолог, но для Гвинеvры он пролетел как один освобождающий миг. У опушки они остановились. Перед ними вздымалась тёмно-зелёная, почти чёрная стена древнего леса. Воздух здесь сменился: стал влажным, прохладным и густым, наполненным запахом хвои, влажного мха и прелой листвы. Солнце с трудом пробивалось сквозь переплетение крон, окрашивая лесную чашу в таинственные, зелёно—золотистые тона. Было тихо, но тишина эта была живой, насыщенной шелестом листьев, щебетом невидимых птиц и далёким стуком дятла.

– Здесь мы расходимся, – сказал Артур, его голос звучал приглушённо в этом зелёном соборе, – Больше добычи, больше веселья. Бедивер, Кей, Персиваль – на запад. Лионель, Ланселот – на север. Мы с дамами – на восток. К полудню собираемся у ручья.

Он помог Гвинеvре поправить лук за спиной, его прикосновение было быстрым и деловым.

– Удачи, – улыбнулся он ей, и в его глазах снова вспыхнул тот самый огонёк азарта, который она так любила в нём на турнирах.

Но когда она взглянула на лесную глушь, куда им предстояло въехать, старый, забытый страх – страх перед дикой, неподконтрольной мощью природы – кольнул её где-то глубоко внутри. Она даже не подозревала, что этот страх окажется пророческим, и что эта охота станет не началом её исцеления, а точкой, с которой начнёт раскручиваться новая, куда более опасная спираль её судьбы. Она лишь почувствовала, как ветер снова усилился, зашелестев вершинами.

Они въехали под сень вековых дубов и буков. Мир сузился до колоннады стволов, покрытых бархатом мха, и зыбкого, пятнистого света, пробивавшегося сквозь плотный навес. Звуки отряда – бряцание стремян, сдержанный смех, фыркание лошадей – быстро растворились в зелёной мгле, уступая место иной, первобытной симфонии. Гвинеvра слышала, как скрипит подков её коня по валежнику, как шуршит что-то мелкое в подлеске, как высоко над головой с криком пронеслась сойка. Воздух был густым, пряным и влажным, им дышалось почти как водой.

Артур ехал впереди, выбирая путь. Его спина в походном дублоне была прямой и уверенной, он часто оборачивался, чтобы убедиться, что дамы следуют за ним. Элейна, обычно такая сдержанная, не могла скрыть восхищения, её глаза блестели, она то и дело указывала на яркий гриб или на невидимую птицу, чья песня лилась с верхушки кедра.

– Мне кажется, что погода портится, – выдохнула вдруг Элейна, задрав голову. Сквозь редкие просветы в листве действительно было видно, как с запада наползают тяжёлые, свинцово—сизые тучи. Ветер, игравший с ними на опушке, здесь, в чащобе, стал другим – не освежающим порывом, а глухим, настойчивым гулом в кронах, заставляющим ветви поскрипывать и кланяться.

– Миледи боится попасть под дождь? – спросил Артур без тени насмешки, обернувшись в седле. Его лицо в зеленоватом полусвете казалось скульптурным и спокойным.

– Я люблю дождь, – ответила наперсница, но в её голосе прозвучала лёгкая неуверенность, – Он очищает всё.

– И всё же будет неприятно простыть, возвращаясь в замок мокрыми до нитки, – заметила Гвинеvра, ощущая, как по её спине пробежал внезапный холодок не от ветра, а от предчувствия. Лес внезапно показался ей не дружелюбным убежищем, а огромным, живым существом, которое вот-вот сменит милость на гнев.

– Не беспокойтесь, дамы, – Артур усмехнулся, и в его улыбке блеснул огонёк старого, беззаботного озорства, – В случае настоящего ливня, я мастерски сооружу укрытие из ваших юбок и пары крепких веток.

– Ваше величество! – воскликнула Элейна, покраснев до корней волос, но глаза её смеялись.

– Надеюсь, мы обойдёмся без этих крайних мер, – с достоинством, но тоже со смешком ответила Гвиневра. Шутка мужа на миг развеяла её мрачные мысли, – Кажется, мы забыли, зачем сюда пришли, – сказала она, решая сменить тему и вернуть себе ощущение контроля, – Олени и зайцы от наших голосов точно не повыскакивают.

Артур кивнул, его лицо снова стало сосредоточенным, охотничьим. Он поднял руку, призывая к тишине. Все трое замерли, и в наступившую внезапную тишину ворвался лес – уже не дружелюбный, а настороженный, прислушивающийся. Гвиневра затаила дыхание, её слух, отточенный годами на охоте с отцом, улавливал малейшие звуки. И тогда она различила его – не шелест, а скорее мягкий, влажный шорох, будто что-то тяжёлое и пушистое продирается сквозь папоротник. Артур медленно, плавно повернул голову. Его взгляд был острым, как лезвие. Он не сказал ни слова, лишь молча указал пальцем вправо, вглубь чащи, где завеса из хмеля и колючей ежевики скрывала небольшой просвет.

И в этот момент природа будто сделала последний предупреждающий вдох. Ветер резко рванул, завыв на высокой ноте, срывая с ветвей молодые листья. Кроны закачались с грозным скрипом. Сверху, сквозь прореху в листве, на них упали первые редкие, тяжёлые капли – холодные и крупные, как слёзы. Они шлёпались о кожу Гвиневры, о плащ Артура, о гриву её коня.

– Под дуб, – коротко скомандовал Артур, уже поворачивая своего жеребца к массивному, раскидистому дереву, чья листва обещала хоть какое-то укрытие, – Быстро!

Он спешил с ловкостью, удивительной для человека в лёгких доспехах, и двумя шагами оказался у стремени Гвиневры, чтобы помочь ей сойти. Его лицо было сосредоточено, но спокойно, в глазах – привычная решимость встретить любую непогоду. Он протянул ей руку, сильную, с выдавленным на ладони узором от уздечки.

И тут мир взорвался.

Ослепительная, бело-голубая молния рассекла сгущающуюся тьму под кронами, ударив куда-то совсем рядом. Одновременно с ней обрушился оглушительный, всепоглощающий удар грома. Он был не звуком, а физической силой, встряхнувшей землю и воздух, от которого звенело в ушах и сжималось сердце.

Конь Гвиневры, обычно такой смирный и выезженный, взревел от животного ужаса. Он вздыбился так резко, что её откинуло назад в седле. Она инстинктивно вцепилась в его гриву, её пальцы погрузились в тёплую, влажную шерсть.

– Стой! – крикнул Артур, пытаясь ухватить повод, но было поздно.

Обезумевшее от страха животное рвануло с места, сметая кусты и низко висящие ветви. Мир превратился в мелькающий, зелёно-коричневый калейдоскоп, в грохот копыт по корням, в хлёсткие удары ветвей по лицу и рукам. Она слышала за спиной отчаянный крик Артура – не приказ, а вопль ужаса: «ГВИНЕВРААА!» – но он тут же был заглушён рёвом ветра, гулом в ушах и бешеным стуком её собственного сердца в висках.

Она пыталась натянуть поводья, пригнуться, слиться с конём, но он нёсся, не разбирая дороги, гонимый слепой паникой. В глазах мелькали стволы деревьев, несущиеся навстречу с пугающей скоростью. Где-то в глубине сознания мелькнула мысль, что её догонят – Артур, Ланселот, кто угодно. Но когда она, преодолевая страх, рискнула оглянуться, в промозглом полумраке не было видно никого, только колеблющаяся завеса дождя и колышущийся лес.

И тогда конь, спасаясь от воображаемой погони, сделал резкий, почти под прямым углом поворот, чтобы объехать внезапно возникший перед ним склон, поросший мхом и папоротником. Но расчёт был неверен. Гвиневра, уже ослабевшая, с выбитыми из стремян ногами, не смогла удержаться. Её тело, как тряпичную куклу, выбросило из седла с силой, которой она не могла противостоять.

Полёт был коротким и странно безмятежным. Потом – удар. Не о землю, а о склон, усыпанный скользкой хвоей и острыми камнями. Она кувыркнулась, мир вращался: мелькало тёмное небо, зелёная стена, снова земля. Голова ударилась о что-то – корень или кочку. Яркая

вспышка боли в виске, и затем – ничто. Тихое, тёмное, беззвёздное ничто, в котором утонули и крик Артура, и рёв грома, и страх, и весь этот проклятый, прекрасный день.

Сначала было ощущение. Холодная, липкая влага, просочившаяся сквозь ткань рубахи к коже спины. Потом – запах. Едкий, сырой аромат влажной земли, прелых листьев и чего —то медного, знакомого – крови. И только потом пришла боль. Не сразу, а волнами: тупая, пульсирующая в виске; острая, жгучая в лодыжке; сотня мелких, саднящих царапин на руках, спине, щеках.

Она застонала, и звук собственного голоса, хриплый и чужой, вернул её к реальности. Веки были тяжёлыми, будто приклеенными. Она заставила их открыться.

Над ней было не небо, а низкий, зелёный потолок из нависших ветвей ольхи, с которых капала вода. Она лежала на дне небольшого оврага, в грязи и хворосте. Дождь уже превратился в тонкую, назойливую морось, пробивающуюся сквозь листву.

И тогда она увидела его.

Ланселот сидел рядом, его лицо было так близко, что она могла различить каждую каплю дождя на его ресницах. Всё привычное – поэтическая отстранённость, лёгкая улыбка, благородная сдержанность – исчезло. Его черты были искажены таким страхом, неприкрытым ужасом, что у неё перехватило дыхание. Он был бледен, бледен как полотно, и его глаза, широко раскрытые, металсь по её лицу, ища признаки жизни.

– Гвиневра... – его голос сорвался, превратившись в хриплый шёпот. Он протянул руку, но замер, будто боялся прикоснуться и убедиться в худшем, – Жива... Слава Богу.

Он сглотнул, и его кадык резко дёрнулся. Потом его взгляд, профессиональный и цепкий, быстро осмотрел её с головы до ног, останавливаясь на неестественно вывернутой стопе и на тёмном, растущем пятне на светлой ткани её юбки выше колена. Его лицо исказилось новой гримасой – уже не страха, а сосредоточенной, холодной ярости на ситуацию.

– Нога... и здесь, – пробормотал он больше для себя. Его голос приобрёл металлический, командный оттенок, – Сейчас, потерпи. Только не смотри.

Он действовал быстро, без лишних слов. Его пальцы, сильные и удивительно нежные, обхватили её правую лодыжку. Гвиневра успела лишь увидеть неестественный угол, как он сделал резкое, точное движение. Раздался приглушённый, влажный щелчок, и волна острой, белой боли пронзила её снизу вверх. Она вскрикнула – коротко, как подстреленная птица.

– Вывих... был, – сказал он, его дыхание стало чуть тяжелее, – Прости. Сейчас перевяжу.

Он уже не смотрел ей в глаза. Его внимание было приковано к левому её бедру. Он робко, почти виновато, приподнял разорванный подол мокрой юбки. Гвиневра почувствовала, как холодный воздух коснулся кожи, и попыталась дёрнуться, охваченная внезапным стыдом, но тело не слушалось. Боль парализовала.

– Не двигайся, – его приказ прозвучал тихо, но с непрекаемой силой.

Она приподнялась на локтях, игнорируя боль в спине, и сама увидела рану. На бледной коже бедра зияла глубокая, рваная царапина, из которой сочилась алая кровь, смешиваясь с дождевой водой и грязью. Картина была настолько отвратительной и противоестественной, что её желудок сжался спазмом. Закружилась голова.

– Моя нога... – выдохнула она, и её голос прозвучал тонко, по—детски беспомощно. Она зажмурилась, пытаясь отогнать и тошноту, и унижительное ощущение собственной хрупкости.

– Не смотри, – повторил он, и в его голосе появилась странная, успокаивающая мягкость, контрастирующая с решительными действиями, – Всего лишь царапина.

Она почувствовала, как он сорвал с подола своей рубахи полосу чистой ткани. Его прикосновения к её коже были осторожными, точными. Воин, знающий цену крови и боли. Он плотно, но не туго, обматывал рану, и каждый его пас забинтовывал не только плоть, но и её панику, заключая ужас в аккуратные, контролируемые границы. Она чувствовала тепло его пальцев сквозь холодную ткань, слышала его сосредоточенное дыхание. И сквозь боль и стыд

в ней начала пробиваться другая, тревожная волна – осознание невероятной, вынужденной интимности этого момента.

– Пожалуй, это моя последняя охота, – проговорила Гвиневра, поглядев вверх. Небо совсем потемнело. Снова громыхнул гром, сверкнула молния.

Издали раздавался глухой, завывающий рёв рога, едва различимый под вой ветра в кронах.

– Это Артур, – констатировал Ланселот, и в его голосе прозвучало странное напряжение – смесь облегчения и досады, – Попробуй встать.

Он не спрашивал, а просил. Его руки, только что такие уверенные и твёрдые в перевязке, теперь, казалось, колебались, едва касаясь её. Гвиневра кивнула, стиснула зубы и попыталась опереться на здоровую ногу, хватаясь за его предплечье. Острая, обжигающая боль в лодыжке заставила её вскрикнуть и тут же обмякнуть. Мир поплыл перед глазами.

– Ничего не выйдет, – его голос прозвучал прямо у уха, низко и сдавленно, – Я вынесу тебя.

Он не стал ждать ответа. Одним плавным, но невероятно сильным движением он подхватил её на руки – не как рыцарь спасает сюзерена, а как человек бережёт что-то хрупкое и бесценное. Он прижал её к своей груди так плотно, что сквозь тонкую, промокшую насквозь ткань его рубахи она почувствовала жар его тела и бешеный, учащённый стук сердца. Оно билось в такт её собственному, сметая все мысли, кроме одной: он боится. Этот бесстрашный Ланселот, гроза турниров, боялся за неё.

Гвиневра инстинктивно обвила его шею руками, а лицо прижалось к влажной от дождя и пота ткани на его груди. Запах было не описать: дождь, лесная сырость, металл доспехов и что-то ещё, сугубо мужское, тёплое – его запах. Ей вдруг стало стыдно и страшно от этой близости, но оторваться было невозможно. Она была пленником его силы и своего бессилия.

Он замер, окидывая взглядом склон оврага, выискивая путь. Его дыхание было ровным, но напряжённым, губы сжаты в тонкую линию. И в этот миг он посмотрел на неё – не как рыцарь на королеву, а пристально, глубоко, заглядывая прямо в душу. Его глаза, которые она всегда считала просто голубыми, оказались цветом грозового неба – пронзительными, с тёмными омутами зрачков, в которых отражалось её собственное бледное, испуганное лицо. В них не было ни капли привычной поэтической мечтательности, только страх, животная тревога и что-то, от чего у неё внутри всё оборвалось и ёкнуло. Его взгляд скользнул с её глаз на её губы, приоткрытые от быстрого дыхания, задержался там на мучительно долгое мгновение и с усилием, будто преодолевая невидимую преграду, вернулся обратно.

– Всё... всё нормально? – прошептал он. Шёпот был грубоват, сорван ветром и чем—то ещё, что висело в воздухе между ними гуще дождя.

– Да, – выдохнула она в ответ, и её собственный голос прозвучал чужим, тихим и сдавленным. Она видела, как сжались его челюсти, как напряглись мышцы на его шее. Его пальцы, обхватившие её под коленями и у лопаток, слегка впились в плоть – не больно, но ощутимо, властно. Это было не объятие – это было заявление, молчаливый и отчаянный жест обладания, которое никогда не должно было случиться.

Он кивнул, словно давая команду самому себе, и, не сводя с неё глаз, сделал первый тяжёлый шаг вверх по склону. Земля осыпалась под его сапогами, корни скользили, но его хватка не ослабевала ни на миг. Он нёс её, как величайшую ношу и величайшую тайну. Гвиневра, прильнув к нему, не могла оторвать взгляда от его профиля: от мокрой пряди светлых волос, прилипшей ко лбу, от резкой линии скулы, по которой скатывалась не то капля дождя, не то... Она не закончила мысль. Ей казалось, она чувствует каждое движение его мышц, каждый вдох, каждый удар его сердца у своей щеки. Лес, дождь, боль, страх – всё это отступило, растворилось в жарком коконе, который образовали его руки и его тепло. В мире остались только он, она и этот немой, напряжённый подъём из оврага, длившийся целую вечность.

Наконец, они были наверху. Его конь, верный и терпеливый, стоял под разлапистой елью, лишь изредка вздрагивая от раскатов грома. Ланселот, тяжело дыша, опустил её на ноги, но не отпустил, продолжая поддерживать, пока она не нашла точку опоры на здоровой ноге. Его руки нехотя разжались.

– Держись за седло, – сказал он, и голос его снова стал обычным, почти официальным, но в нём дрожала неуловимая хрипотца.

Он помог ей взобраться на коня, его пальцы, обхватывающие её талию, горели даже сквозь мокрую одежду. Заняв место в седле перед ней, он достал из сумки рог и его могучий, чистый звук разнесся по лесу, бросая вызов грому.

И потом наступила тишина. Они сидели на одном коне, её грудь почти прижималась к его спине, мокрые одежды сливались воедино. Он сидел неподвижно, вытянувшись в струну, вслушиваясь в лес, но Гвиневра знала – он чувствует каждый её вздох, каждое движение. Она смотрела на его спину, на прядь волос на его затылке, на то, как напряжены его плечи под промокшей рубашкой. В этом вынужденном, интимном молчании, под стук дождя по листьям, что-то сломалось и перестроилось навсегда. Граница между королевой и рыцарем, между другом и... кем-то ещё – испарилась, оставив после себя только тревожное, запретное понимание. Она видела не легендарного Ланселота Озёрного. Она видела мужчину, который только что держал её так, как не держал даже её муж. И он, наверняка, чувствовал за своей спиной не королеву Логрии, а женщину, которая только что смотрела на него так, как не должна была смотреть ни на кого, кроме короля.

Это молчание было громче любого признания. И когда вдалеке послышались наконец голоса и топот копыт коней Артура и других, это прозвучало не как спасение, а как грубое, неизбежное вторжение в хрупкий, только что родившийся мир, который уже никогда не будет прежним.

Глава 9. Новости

Среди ночи королеву разбудил стук в дверь. Первое, что она ощутила – тревога, подкашившая к горлу. Затем сухость во рту и в горле. Захотелось утолить жажду, но было не время.

– Войдите, – хрипло сказала женщина, прикрывшись одеялом до подбородка. Словно это могло спасти её от пугающей неизвестности, ждавшей приглашения за дверью.

В королевские покои вошла леди Элейна с сэром Ронаном. Наперсница была с заспанным лицом, но с тревогой в глазах. Гвиневра подумала, что случилось что-то страшное. Однако, идеальное спокойствие на лице рыцаря передалось и королеве.

– Сообщение от короля Леодегранса, – оповестил Ронан. Он не посмел поднять глаз на королеву, которая тут же встала с постели, облачённая в одну лишь ночную рубашку. Послание от отца действительно стоило её прерванного сна.

– Письмо? – спросила королева.

– Его человек, – ответил рыцарь.

– Отведи его в кабинет... хотя лучше приведи сюда, – распорядилась Гвиневра. Ронан быстро покинул покои, – Элейна, помоги мне одеться.

Наперсница вытащила из сундука тёмное шерстяное платье, и королева натянула его за долю секунды. Так же быстро причесала волосы, не собрав их в причёску или косу. Только после того, как привела себя в порядок, Гвиневра позволила себе несколько глотков воды. Прохладная влага прогнала из головы остатки сна.

В двери снова тихо постучали и, не дождавшись ответа, вошли сэр Ронан и молодой мужчина в тёмном плаще. Гвиневра взгляделась в его лицо. Тёмные волосы до плеч, густые тяжёлые брови, шрамы на щеке и шее.

– Уолтер! – она вскинула брови от удивления. Посланник из Камелиарда встал в почтении на одно колено.

– Приветствую вас, госпожа, – сказал он, опустив голову.

– Элейна, принеси ему что—нибудь поесть. Ронан, жди за дверью, – отдала она приказы и, дождавшись, когда рыцарь и фрейлина покинут покои, обратилась к своему гостю, —Оставь эти формальности, – она подошла к нему ближе, – Встань. Дай, посмотрю на тебя.

Он выполнил её приказ, выпрямился, став на голову выше королевы и поглядел прямо ей в глаза. На лице его промелькнула улыбка. Не та озорная, которую помнила Гвиневра. Эта улыбка была сдержанной, осторожной. Он теперь не был несмышлёным мальчишкой, который всюду таскался за ней по замку. Он стал воином, рыцарем, давшим обет защищать своего сюзерена.

– Как ты возмужал, – с тёплой улыбкой сказала Гвиневра, – Наверняка родители тобой гордятся.

– Они уже покинули этот мир, – выдохнул он и улыбка его пропала, а взгляд уткнулся в пол, – Но они и правда гордились мной.

– Мне жаль, – Гвиневра посерьёзнула, – У тебя послание от моего отца?

– Да, – он достал из сумки небольшой запечатанный свиток, – Я ехал почти без остановок. Король дал мне неделю на дорогу до Камелота. А на рассвете я уже должен буду уехать с вашим ответом.

– Тогда тебе нужно отдохнуть, Уолтер, – она указала на кресло, – Присядь.

Молодой мужчина присел в кресло, на которое она указала и замер, как изваяние. Он не мог позволить себе принять расслабленную позу в присутствии королевы. Их детская дружба навсегда осталась в прошлом.

Сама Гвиневра устроилась в другом кресле и распечатала письмо от отца. Она провела пальцами по шершавому пергаменту, почувствовала запах чернил и застывшего воска. На бумаге ровным, даже филигранным почерком её отца были выведены слова:

«Дочь моя, до меня дошли печальные вести о твоём муже за день до твоего письма. Не будем тратить время на сантименты. Я распорядился подготовить отряд в пятьсот человек под командованием барона Гормана для помощи тебе. К моменту, как ты получишь это письмо, отряд будет стоять в трёх днях пути от Камелота, в старой крепости у границы.

Ты молодец, что не тратила время впустую и смогла взять власть в свои руки. Но я обеспокоен твоим шатким положением. Путь, по которому ты решила пойти – тернист и опасен. В Двуречье есть мои люди. Они предоставляют мне информацию каждые пять дней. Поэтому у я в курсе всего, или почти всего, что происходит в Камелоте.

Пока ситуация, которая складывается, мне не особо нравится. Слишком много чужих вокруг тебя. Интересные слухи ползут среди народа. Тебе стоит позаботиться о том, чтобы заткнуть рты тех, кто эти слухи пускает.

Отряд барона Гормана выдвинется к тебе в Камелот, когда сэр Уолтер поедет обратной дорогой с твоим письмом ко мне. Будь готова. Старайся не обострять ситуацию до тех пор, пока наследник не появится на свет. Будь осторожней в своих действиях и словах. Сейчас к тебе обращены все взоры Логрии. Лорды, Моргана, будут ждать момента, когда ты оступишься.

И главное. Если всё-таки случится так, что твоя жизнь и жизнь моего внука окажутся под угрозой, ты должна покинуть Камелот. С боем или тайно, тут уж действуй по ситуации. Сэр Ронан отвечает головой за твою сохранность, поэтому доверяй ему. Если он скажет, что нужно бежать – беги. Трон Логрии можно захватить, если тебе так важно носить корону Пендрагонов. Но твоя жизнь и жизнь твоего ребёнка – это самое важное.

Отряд Гормана в стенах Камелота напугает лордам Логрии, что ты – дитя короля Камелиарда. Они не посмеют действовать открыто, но стоит бояться скрытых заговоров. Ещё раз повторю: будь внимательна. Предателями могут оказаться даже те, кто казались друзьями. Через сэра Ронана ты сможешь связаться с моим доверенным информатором в Двуречье.

Любящий отец король Леодегранс.»

Гвиневра дважды перечитала письмо. Отец готов помочь, но беспокоится за неё. И он, так же, как другие, усомнился в её способности удержать трон. Это осознание больно укололо её самолюбие. Способен хоть кто-то поверить в её силы?

«Ланселот, отец, епископ, Меллигенс... Все хотят, чтобы я бежала. Чтобы я сдалась», – она едва заметно покачала головой, и в её зелёных глазах вспыхнул огонь протеста.

«Артур верил в мои силы», – сказала она себе. Неужели её муж единственный, кто верил в неё? – «Нет. Даже лорд Кадваллон признал во мне силу, хоть и пытается теперь заставить играть по его правилам. Но я не стану. Я – единственный человек в Логрии, который может и будет диктовать условия. И однажды все это поймут».

Она кивнула, согласившись со своими мыслями, королева смяла письмо и бросила в камин.

Уолтер, который уже ел принесённый Элейной ужин, удивлённо вскинул широкие брови, поглядев на сгорающий пергамент, но не осмелился что-то сказать. Гвиневра же достала из ящика тумбы письменные принадлежности и принялась писать ответ королю Леодегрансу.

«Дорогой отец, почтенно целую вашу руку, как любящая дочь.

Ваше письмо я получила и рада вашей поддержке. Вопреки вашим опасениям, смею заверить вас в том, что ситуацию с лордами я держу под контролем. С нелепыми грязными слухами я планирую покончить в ближайшее время. Но в случае непредвиденной ситуации я непременно воспользуюсь помощью сэра Ронана и твоих тайных агентов.

Присутствие барона Гормана с воинами Камелиарда успокоит и меня и лордов, которые сомневаются в моих силах. Благодарю почтенно.

Любящая дочь, королева Гвиневра Пендрагон»

Когда она дописала письмо и скрепила его своей печатью, то наконец, обратила внимание на Уолтера. Он быстро покончил с трапезой и теперь наблюдал за её действиями.

– Я и представить не могла, что ещё когда—нибудь встречу с тобой, – она меланхолично улыбнулась, – Сколько тебе было, когда я покинула замок отца?

– Мне было десять, – быстро ответил Уолтер. Гвиневра заметила, что напряжение постепенно покидало его. Был этому виной эль, принесённый Элейной, или непринуждённость собеседницы, оставалось загадкой. И всё же, её интересовал вопрос, куда делся тот дерзкий мальчишка, который когда-то нахваливался всем, что спас принцессу от зверя? Гвиневра перевела взгляд с щеки на шею мужчины. Там виднелся бледный рваный шрам.

Когда Гвиневре было четырнадцать, на неё набросился охотничий пёс. Сама виновата. Дразнила и шпыняла бедолагу. Пёс накинулся на неё, но сын королевского ловчего защитил её. Сам остался покусанным, но принцессу защитил. Король Леодегранс тогда чуть не посвятил мальчишку в рыцари, но всё же решил сначала отдать его на обучение благороднейшим воинам при дворе.

– Ты теперь в королевской гвардии? – поинтересовалась королева. Рыцарь кивнул и на миг в его глазах промелькнуло знакомое королеве самодовольство. Это вызвало на её лице новую улыбку, – Почему отец послал именно тебя?

– Я быстрее других, – он пожал плечами, – И король был убеждён, что вы будете рады мне, – Гвиневра увидела, как он смутился и отвёл глаза в сторону. А раньше не смущался. Даже хотел биться на турнире за её руку. Бедный глупый паренёк, который провожал её слёзным взглядом из Камелиарда, стал рыцарем и, быть может, уже нашёл свою принцессу.

– Он угадал. Я и правда рада была тебя встретить, – королева проникновенно поглядела ему в глаза. Она встретила в них радость и толику тоски.

– Благодарю, королева, – теперь он одарил её улыбкой, похожей на ту, из детства.

Пришёл сэр Ронан, прервав их диалог.

– Пора, – вздохнул Уолтер и поднялся с кресла. Гвиневра отдала ему письмо.

– Береги себя, Уолтер, – попросила она, положив ладонь ему на плечо.

– И вы, берегите себя, королева, – искренне ответил он. Их взгляды встретились в последний раз, и сэр Ронан вывел гостя из королевских покоев. Гвиневра снова осталась одна. Наедине со своими мыслями и тревогами.

Ещё несколько дней прошли в тихом напряженном ожидании. Гвиневра предупредила сэра Бедивера, что вскоре в Камелот прибудет союзное войско Камелиарда для поддержки. Он против не был, в отличие от герцога Олдред Меллигенского.

– Это не совсем уместный жест со стороны вашего отца, – проворчал он.

– Это более, чем уместно, – настаивала она.

– Логрия ослаблена. Солдаты устали от войны и залечивают раны. Новички ещё не обучены. Отряд воинов Камелиарда поможет нам в случае, если Моргана соберёт новые силы для наступления.

– Близится осень. Моргана не выползет из своих болот до следующего лета, – парировал Меллигенс, – А Камелот будет вынужден кормить ещё пятьсот голодных ртов.

– Для вас не существует других врагов кроме Морганы? Шотландия, Нормандия, Фландрия, Норвегия. Для вас это пустой звук? Я думаю, что короне будет не затруднительно прокормить ещё пятьсот голодных ртов, если все должники выплатят в казну свои долги, – твёрдо сказала она, – К тому же до войны Камелот кормил и большее число солдат. А если вас смущает, что эти солдаты чужестранцы, то может предоставите отряд из своего герцогства? Кто-

то из лордов Логрии способен отобрать солдат со своей земли и прислать сюда для охраны Камелота?

Все промолчали.

– На этом, я думаю, наш разговор может и закончиться. Сэр Бедивер, лорд Меллигенс, найдите в казармах места для отряда из Камелиарда.

Бедивер склонил голову быстро, Меллигенс – не спеша, пытаясь прожечь королеву взглядом. Она не обратила более на герцога внимания. Они оба покинули тронный зал.

– Впустите просителей, – распорядилась Гвиневра и в тронный зал ввели небольшую группу простолюдинов. Королева быстро окинула взглядом вошедших, оценивая их количество, и замерла.

В толпе людей стоял высокий, гладковыбритый мужчина средних лет. Он был одет неброско, в потёртый дорожный костюм с шерстяным плащом. Через плечо была перекинута потрёпанная сумка. Но Гвиневру заинтересовал не внешний вид мужчины. А его взгляд. Этот взгляд, хранящий в себе вековую мудрость, она узнала бы среди миллионов других.

«Мерлин!»

Не успел один из просителей приблизиться к трону, как королева подняла руку, останавливая его.

– Сэр Ронан, – она указала на мужчину в толпе, – Проводите этого человека в мой кабинет. Остальных прошу подождать.

Она поднялась с трона и проследовала в кабинет, куда перед ней Ронан увёл загадочного посетителя, игнорируя заинтересованные взгляды придворных.

Гвиневра прошла в кабинет, дождалась, когда войдёт её гость. Ронан закрыл за ним дверь.

– Приветствую, – проговорил мужчина с загадочной улыбкой. Гвиневра кивнула.

– Ты... изменился.

– Ты тоже.

– Ты был седовласым старцем. А сейчас молодой мужчина.

– Твоя прозорливость восхищает.

– Так зачем ты здесь?

– Проститься с Артуром и передать тебе весть, – он достал из сумки небольшой клочок бумаги, запечатанный печатью Ланселота.

– Ты встретил Ланселота? Как он?

Мерлин не ответил. Он подошёл к Гвиневре вплотную, заглянул ей в глаза и положил свою ладонь на её живот. Его улыбка стала шире, добрее.

– Судьба порой бывает непредсказуемой, – сказал он и отстранился. Гвиневра испугалась этих его слов.

– Ты что-то знаешь, – сказала она, – Но на мои вопросы не ответишь.

– Задавать вопросы – твоё право. Ответить на них – моя привилегия, – он усмехнулся, – Ланселот в добром здравии. Ищет то, за чем ушёл. На его душе тяжкий груз, а в глазах тоска.

– Ты исчез тогда так внезапно. Артур искал тебя все эти годы. Зачем же ты пришёл сейчас? Только ли проститься с Артуром?

– Я пришёл, потому что так должно, – он перевёл взгляд на её живот. От этого взгляда королеве стало не по себе.

– Что ж, пусть так. Остаюсь в Камелоте моим гостем. Но людям не нужно знать, кто ты есть на самом деле, – она посмотрела на Мерлина с мольбой.

– Колдуны в это время не в почёте. Я знаю, – он присел в кресло и поглядел на Гвиневру тем взглядом, перед которым она всегда испытывала благоговение. Он предлагал продолжить беседу. Она присела напротив него.

– Ты расскажешь, как снова стал молодым? – это был не самый интересующий Гвиневру вопрос. Другой задать она боялась. Боялась ответа, который ей не понравится.

– Тебе ни к чему это знание. Оно не принесёт тебе ни мира, ни покоя, – произнёс он. Королеве показалось, что это ответ на тот вопрос, который задать она не решилась.

– Тебя проводят к усыпальнице Артура, – сказала Гвиневра. Задавать вопросы колдуну было бессмысленной тратой времени. Он либо не отвечал на них, либо отвечал загадками, – в любое время, когда пожелаешь. Я распоряжусь, чтобы тебе выделили покои. Но я не знаю, как тебя представить двору.

– В Камелоте хранятся тайны, расшифровать которые никто не способен. Скажи, что я Роберт. Учёный, который изучает древности. Буду в Камелоте, подобно призраку – появляться то там, то тут, – он снова улыбнулся и поглядел королеве прямо в глаза. Странно, но она не могла понять, какого цвета его глаза. Она запомнила их серо—голубыми. Сейчас они были тёмными, почти чёрными.

– Как я смогла тебя узнать? – вдруг спросила она.

– Я захотел, чтобы ты узнала меня, – мужчина усмехнулся, затем поднялся и покинул её кабинет.

Королева задумчиво проводила его взглядом, задаваясь вопросом: «Его прибытие – это спасение? Или ещё одна проблема?»

С этими мыслями Гвиневра распечатала письмо от Ланселота. Небольшое, но ёмкое. Она провела пальцами по аккуратно выведенным буквам.

«Ваше величество, надеюсь вы в добром здравии. Я с отрядом двигаюсь в направлении Камланна. По пути разбили несколько мелких бандитских отрядов, что досаждали местным. Если при Камланне не найду следов Галахада или Мордредра, то двинусь на Север, ближе к Моргане. Возможно, удастся что-то разведать. Надеюсь, что Мерлин донесёт вам моё послание.

Ланселот Озёрный»

Это был лишь короткий отчёт о его походе. Никаких двусмысленных фраз, нежных слов... Ланселот держал своё слово. Гвиневра – королева, – а он – её верный рыцарь. Почему-то на сердце потяжелело. Тупая боль врезалась в грудную клетку. Горечь. Сожаление. Тоска. Гвиневра стала оплотом для этих чувств. Пора бы привыкнуть.

– Странные дела происходят, – сказал граф Кадваллон, поравнявшись с королевой, когда все шли на воскресную службу.

– Дела какого рода? – она вскинула брови.

– Вы пускаете в свои покои и кабинет загадочных гостей, но не спешите делиться информацией, – он ухмыльнулся. В очередной раз дал понять, что знает всё, что происходит в стенах замка.

– Вы бы следили так за другими, – она усмехнулась в ответ.

– Про других я могу поведать не мало. За то время, что я в Камелоте, удалось разузнать много интересных вещей. Но будет нечестно, если делиться информацией стану только я.

– Мне кажется, что наш разговор лучше перенести туда, где будет меньше людей.

– Как—раз нет, государыня. В этом потоке толпы нас не услышат, даже если очень захотят.

– Вам нужна информация? – он кивнул в ответ, – Гость в моих покоях – это рыцарь моего отца. Он принёс весть о войске, которое уже разместилось в казармах. Гость в моём кабинете, – она запнулась, – Я знала его ещё в Камелиарде. Он сын учёного и пошёл по его стопам. Приехал в Камелот по моей просьбе. В подземельях замка хранятся манускрипты и таблички древние, как мир. Роберт будет их изучать и переводить.

– Зачем так внезапно понадобились эти манускрипты?

– В них наверняка что-то важное. Или как минимум – интересное.

Он усмехнулся уголком рта. Поверил? Вряд ли. Но говорить правду было опасно. Не только для Мерлина, но и для неё самой.

– Епископ Благий хранит парочку неудобных секретов. Но я считаю, что нам следует подождать с их раскрытием до ответа Папы Римского на ваше письмо.

Гвиневра поглядела на него с удивлением. Кадваллон либо хорошо обманывал, либо действительно умел добывать информацию в сжатые сроки. Он оценил её реакцию.

– Что касается придворных. Тут всё сложнее. Этот вопрос требует размышлений и плана действий.

– Тогда жду вас после службы в своём кабинете.

Граф Гвинедский не заставил себя долго ждать. Он постучал в дверь, дождался приглашения и вошёл. Всё так же, вальяжно прошёл и сел в кресло напротив королевы.

– Что вам известно, граф?

– Меллигенс, как и многие другие лорды, сомневается... в происхождении вашего ребёнка. Но не решается пока предпринимать что-то конкретное. Боится ошибиться. Верность – она такая. Он верен крови Пендрагонов, но не уверен в том, что в вас она есть. И всё же, мне удалось перехватить одно любопытное послание, которое так и не донесли до дома Меллигенса.

– Что за послание?

– От графа Роланда. Можете ознакомиться, – он вытащил из кармана аккуратно сложенную бумажку со сломанной печатью. Гвиневра развернула её и пробежалась по тексту взглядом.

– Он, не стесняясь, подбивает герцога к перевороту, – она положила письмо на стол и вздохнула, – Уверен, что мой ребёнок не от Артура... это...

– Ужасно. Но не критично, – в его голубых глазах вспыхнул азарт и некое предвкушение, – Меллигенс не решается на активные действия. Он верен своей клятве.

– А как же другие лорды? Граф Роланд наверняка писал и другим.

– Другие лорды заглядывают в рот Меллигенсу. Пока спокоен он, будут спокойны и другие.

– А Роланд? Он уже начал действовать. Отравляет своей ложью умы других.

– И мы преподадим урок всем, – он говорил спокойно и уверенно.

– Казнить Роланда?

– Не просто казнить. Мы заставим его совершить измену. Мне нужно немного времени, чтобы продумать все детали, но в общих чертах план я обрисую.

Гвиневра поразила холодная расчётливость в его голосе, в его словах. Ей вновь стало страшно от присутствия этого человека рядом.

– Граф Роланд будет думать, что ведёт переписку с Морганой. Её печать я постараюсь раздобыть в ближайшие дни. Возьмём какого-нибудь паренька, который послужит посыльным. Но он должен быть не из этих мест. Незнакомое лицо для всех.

– Это подлог.

– Это урок. Для всех. Роланд лишится титула и земель. А другие лорды – спокойного сна. Им стоит показать, что даже мысли об измене могут стать вам известны.

Королева не знала, что ответить. Да и следовало ли вообще что-то отвечать? Кадваллон уже всё продумал. Всё просчитал. Он не просил её позволения на осуществление своего плана. Это ему было не нужно.

– Я займусь этим делом. От вас мне нужно только одно. Пригласите графа к Рождеству в Камелот. Он не откажет, несмотря на плохие дороги и холод. Он ищет союзников в своём восстании и надеется, что сможет договориться с Меллигенсом и другими здесь, воочию.

– Ваш ум меня, признаться, поражает.

– Вы мне льстите, ваше величество.

– Расскажите ли вы мне подробнее, что вам стало известно о епископе?

– Епископ нарушил непреложный обет безбрачия. И судя по всему – не один раз. Я нашёл в некоторых архивных записях даты рождения детей у молодых монашек, которые теперь отлучены от службы. Эти даты совпадают с датами проживания в тех стенах епископа. Мои люди уже в пути к тем монастырям, по которым некогда путешествовал Благий. Парочка допросов, и правда будет у нас на блюдечке, – он холодно усмехнулся. Гвиневра вдруг подумала, что если бы Кадваллон захотел, то он и о ней с Ланселотом мог что-то узнать. Или уже знал. Возможно, он хранит эту информацию и, быть может даже каких—то свидетелей, до поры, до времени. Ощущение опасности теперь накрыло королеву с головой. Ей захотелось сбежать. Спрятаться. Но она держала лицо. Истинная королева должна сохранять достоинство даже перед лицом смерти.

– Если ваши предположения окажутся верными, то епископ перестанет быть для меня проблемой. Он добровольно сложит с себя полномочия.

– В любом случае, радоваться пока рано. Но надеяться всё же стоит.

Глава 10. Смотр

Когда наступило новое утро, яркое и свежее, королева раскрыла глаза от стука в дверь.

– Войдите, – пригласила она и в покои вошли фрейлины. Леди Элейна выглядела несколько взволнованной. Леди Исельда с невинным личиком, но бегающими любопытными глазками. Леди Диана сдержанная и грациозная.

– Ваше величество, – бодро обратилась Элейна, – Сегодня мы ведь сегодня едем в казармы оруженосцев с сэром Бедивером, а вы ещё в постели.

– Я помню, Элейна, – ответила Гвиневра, поднимаясь с постели, – Никак не могла проснуться.

– Сэр Бедивер уже ожидает, – королева заметила странный блеск в глазах наперсницы. Это было странно.

– Тогда не будем медлить, – Гвиневра улыбнулась. Диана и Исельда помогли ей умыться и причесаться, а затем облачиться в тёмное платье. От завтрака Гвиневра отказалась, ограничившись тёплым отваром из трав.

Ей предстоял важный день. Смотр будущих рыцарей, которые однажды встанут на её защиту. Раньше подобными смотрами занимался сам Артур. Он приезжал в казарму в сопровождении верных рыцарей, разговаривал с оруженосцами, ел с ними за одним столом и из одного котла. Воин не будет искренне и самоотверженно защищать того, кого не знает.

Теперь и сама королева должна изредка навещать своих будущих защитников. Она не сможет стать им товарищем в битве, но сможет завоевать их сердца.

Леди Элейну Гвиневра взяла с собой по её просьбе. Она хотела оберегать свою королеву и быть ей опорой. Королева это ценила.

Гвиневра с Элейной вышли во двор замка, где их ожидал Бедивер с небольшим отрядом рыцарей.

– Доброе утро, государыня, – с поклоном поприветствовал рыцарь.

– Приветствую вас, сэр Бедивер, – кивнула королева.

Конюхи вывели из конюшни несколько лошадей. Гвиневра погладила морду своей Летящей, которую Артур подарил ей в прошлом году. Гнедая кобылка отличалась кротким нравом, но могла развить большую скорость на ровной дороге.

Королева при помощи рыцарей взобралась в седло. Сначала она сильно сжала поводья, но заставила себя успокоиться. После злосчастной охоты она порой боялась ездить верхом. Приходилось преодолевать свои страхи.

– Поедем в спокойном ритме, – сказал Бедивер, быстро переведя взгляд со своего коня на Гвиневру. Он знал о её страхе перед лошадьми. Рыцарь посмотрел на леди Элейну и Гвиневра заметила, как уголки его губ дрогнули. Показалось? Или что-то произошло между ними, пока Гвиневра занималась другими делами?

– Пожалуй, – согласилась королева и тронула кобылу с места.

Они выдвинулись из Камелота, пройдя Каменный Пояс, где рыцари Бедивера оседлали своих лошадей. Всего их было около дюжины. В полной экипировке под гербом Бедивера они выглядели внушительно.

Стена Камелота оказалась позади. Всадники продвигались по улицам Верхнего города не спеша, заполняя пространство цокотом копыт. Гвиневра оглядывала Верхний город с любопытством и каким-то наслаждением. Выйти за стены замка всегда было для неё чем-то необычным и приятным. Будто весь груз на её плечах оставался в замке.

В одно мгновение у неё в голове промелькнула мысль, что быть может всё же стоило уйти с Ланселотом. А вся эта тяжесть осталась бы здесь. Но она отбросила эту мысль с яростью

на себя саму. Сбежать с рыцарем, бросить Логрию... Это было бы страшным предательством Артура. Куда более тяжёлым, чем та ночь, которую она подарила Ланселоту.

Королева слегка встряхнула головой. Нужно отвлечься и она принялась осматриваться. Они проезжали несколько больших зданий. Дома купцов и знатных господ с высокими ограждениями, покрытыми плющом и виноградом. Далее они вышли на площадь с каменным колодцем в центре. Вокруг колодца кругом располагались торговые лавки с провиантом, пряностями, тканями и много чем ещё. В центре кипела своя жизнь. Там спорили две служанки из-за очереди к колодцу, тут один человек торговался с торговцем, чуть дальше купеческая дочь ругала какого-то мальчишку за то, что он измарал её юбку. Гвиневра вдохнула воздух и почувствовала аромат свежего хлеба, специй и чего—то едва ощутимого. Она заметила, как люди стали поворачиваться в их сторону. Кто-то начинал шептаться, кто-то сразу опускался на колени, кто-то прятался в торговых лавках или за углом.

– Ваше величество! Королева! Государыня! Королева Гвиневра! – стали доноситься возгласы со всех сторон. Вскоре уже почти все люди на площади старались столпиться вокруг всадников, но рыцари Бедивера окружили Гвиневру и Элейну, не подпуская зевак слишком близко. Королева не в первый раз выезжала в город, но такой реакции толпы раньше не встречала. Обычно все так сбивались в кучу вокруг Артура. От Гвиневры все держались на почти-тельном расстоянии, иначе Артур воспринимал это как угрозу для её жизни. Среди людей могли скрываться враги и король всегда велел держаться от Гвиневры подальше.

– Дорогу! Дайте дорогу! – требовательно приказывал сэр Бедивер и люди, нехотя, расступались. Они почему-то глядели на Гвиневру с надеждой. С почтением и восторгом. Она старалась улыбнуться каждому на площади. Не хотела упустить ни одного взгляда.

Наконец они прошли к Стене Благодетельства, что отделяла Верхний город от Нижнего. Привратники открыли ворота, когда увидели сэра Бедивера. Все всадники прошли ворота без задержки. По ту сторону стены Гвиневру ожидала менее приятная картина.

Люди, не такие чистые, как в Верхнем городе, но с такими же любопытными взглядами смотрели в их сторону. Прямо перед всадниками пробежала толпа чумазых плохо одетых ребят-тишек. Последний, совсем малыш, едва не угодил под копыта коня Бедивера.

– Прочь! В сторону! – кричали рыцари Бедивера, а ребятня продолжала перебегать дорогу из стороны в сторону. Они смеялись, визжали, корчили рыцарям рожицы. Гвиневру это позабавило и она не сдержала улыбку. Взрослые жители Нижнего города с настороженностью подступали ближе. Это были нищие, просившие милостыню у ворот, откуда богачи выезжали только по важным делам.

– Именем королевы, приказываю освободить дорогу! – взревел Бедивер. Бедняки немного отступили, но дети и не думали останавливаться. Тогда Элейна достала из поясного кошелька несколько серебряных монет и бросила их в сторону. И бедняки и ребятки наперегонки бросились в ту сторону.

– Теперь можем пройти, – спокойно сказала она, поглядев на Бедивера.

– Идём, – распорядился рыцарь и все двинулись дальше.

Вдруг из толпы донесся крик:

– Это королева Гвиневра! Королева!

Люди снова направились в их сторону неконтролируемой волной.

– Прошу милости, королева!

– Мне нечем кормить детей!

– Мой муж погиб на войне!

– Мой дом сожгли воины Морганы!

На королеву вмиг обрушились десятки голосов страждущих. Все пытались уловить её взгляд. Каждый хотел получить её справедливость. Они обступили всадников со всех сторон, игнорируя крики и угрозы Бедивера. Монеты, вновь брошенные Элейной, никто не подбирал.

– Тихо всем! – вдруг разнёсся по улицам приказ Гвиневры. Люди замолчали, но отступить не думали, – Вы хотите моей милости, но я не решаю проблемы людей среди улицы! Сейчас меня ждут воины и их проблемы! – она заметила недовольство на некоторых лицах, – Завтра утром ожидайте здесь! Служитель из замка проведёт вас в Камелот, где вы получите мою милость!

Люди продолжали глядеть на свою королеву с надеждой и постепенно расступались в стороны. Они продолжали высказывать свои проблемы, продолжали просить о помощи, но Гвиневра пока не могла им помочь. Она задумалась.

В Камелот почти каждый день приходили просители со всех концов страны. Но чаще это были либо старосты деревень, либо ремесленники. Но нищих не было никогда. Тех, кому нечем было кормить детей.

Она вдруг поняла, что даже не знает, кто из придворных отбирает просителей среди простолудинов для аудиенции.

«Пора бы этим заняться», – подумала она.

Всадники шли по Нижнему городу, который производил удручающее впечатление. Здесь не было аккуратных улиц, выложенных камнем, не было чистой площади и хороших торговых лавок. Домишки населения выглядели ненадёжными с несуразными пристройками из дерева или камня. Запах рыбы, грязи и копоти наполнял улицы и вызывал у королевы приступы тошноты. Всюду стояли шум, ругань и крики простолудинов. Бедивер был особо настороженным, реагировал на каждое движение в их сторону. Рыцари замахивались плётками на зевак, стоявших на пути.

Когда они добрались до крайней стены, отделявший Нижний город от бескрайних полей Логрии, Гвиневра вздохнула с облегчением. Но она увидела, что и за стеной города появилось немало хижин и несуразных домишек. Люди тут жгли костры, готовили в котелках простые похлёбки. На появившихся в воротах всадников они не обратили внимания. Гвиневра увидела, какие измождённые лица у этих несчастных. Они пришли к столице, чтобы спрятаться от войны, найти новый дом, но нашли толпу таких же страждущих, сбились в своеобразное племя и пытались продолжить жизнь.

– Этим людям не нашлось место даже в Нижнем городе, – сказала она, опустив глаза.

– Так всегда бывало во времена войн, государыня, – спокойно ответил Бедивер, – Со временем они разбредутся, кто куда. По ближним поселениям или далёким деревенькам. А как придёт новая война, так снова побегут в столицу.

– Я надеюсь, что войн больше не будет.

– Каждый государь на это надеется.

Они добрались до казарм до обеда. Это была небольшая крепость с дозорной башней, окружённая каменными стенами с дубовыми воротами. Внутри были конюшни, площадки для тренировок, каменные и деревянные постройки и небольшая кузница. Там кипела своя жизнь. Кухонные работники таскали вёдра с водой, дрова, мешки и большие кувшины. Несколько оружейников трудились в кузнице, обрабатывая металл. Пара поджарых пареньков стояла в карауле на вершине дозорной башни. Они затрубили в рог, стоило всадникам появиться на горизонте, а теперь с высоты птичьего полёта наблюдали, что же происходит там внизу.

Гвиневра с глубочайшим облегчением покинула седло, чувствуя, как ныла спина, а ноги странно подрагивали от долгой тряской езды. Она потянулась, расправляя складки своего скромного дорожного платья, на котором уже осела легкая пыль с тракта. Леди Элейна, чей практичный плащ с капюшоном был теперь расстёгнут, встала рядом, незаметно поддерживая её под локоть.

– Идёмте, я покажу вам всё, – сказал Бедивер, и его обычно хмурое лицо смягчилось деловой уверенностью. Здесь, в своём царстве муштры и стали, он был в своей стихии.

Он провел их к невысокому деревянному помосту, откуда рыцари наблюдали и руководили тренировками. Под ногами скрипели неструганные доски, пахло смолой и нагретым деревом. Отсюда, как на ладони, открывался весь плац – огромная площадка с утоптанной до каменной твердости землей, полированной тысячами ног.

Внизу кипело сражение, пока еще игрушечное. Совсем юные мальчишки, лет десяти—двенадцати, яростно лупили друг друга деревянными болванками мечей. Тут были и худые, как тростинки, и пухлые, ещё не растерявшие детскую мягкость, коренастые крепыши и долговязые, неловкие жеребцы. Большинство махали оружием по наитию, зажмурившись от страха и усердия. Но Гвиневра с профессиональным взглядом дочери воина тут же отметила пару сноровистых парней: один, рыжий и веснушчатый, парировал удары с врожденной ловкостью, другой, черноволосый и хмурый, атаковал методично, словно рубил дрова.

– Сейчас самые младшие оттачивают основы перед обедом, – пояснил подошедший рыцарь в потертом, но чистом дублете, следя, чтобы его голос не перекрыл шум битвы. – Те, что постарше – в поле, бегают с грузом. – Он покосился на чистое голубое небо, где солнце почти достигло зенита, отмеривая последние минуты утренних занятий.

Бедивер, не дожидаясь, шагнул к краю помоста, и его бас, привычный командовать в грохоте сражения, без усилий перекрыл детский гам:

– ВНИМАНИЕ!

Эффект был мгновенным. Как по волшебству, деревянные мечи замерли в воздухе. Все головы повернулись к помосту. Увидев знакомую суровую фигуру сэра Бедивера, мальчишки превратились в солдатиков: бросились в строй, выравнивая шеренги, замирая в почти неестественной неподвижности. В наступившей тишине было слышно лишь их частое дыхание.

– Сегодня, – прогремел Бедивер, обводя строй взглядом, – её величество королева-регент Гвиневра Пендрагон оказала нам высочайшую честь, явившись сюда!

Сотня юных глоток выдохнула почти синхронно, и звук, чистый и звонкий, прокатился по плацу:

– Добро пожаловать, ваше величество!

И следом – волна неглубоких, но старательных поклонов. Перед Гвиневрой замерли не просто дети – перед ней стояло будущее Логрии. Через несколько лет из этих нескладных мальчишек вырастут те, кто будет держать щит перед ней и её ребёнком, кто будет жить и умирать под знаменами Камелота. Грудь сжало от внезапной тяжести этой мысли и странной нежности.

Она сделала шаг вперед, к самому краю помоста, чтобы они все могли ее видеть.

– Приветствую вас, юные оруженосцы Камелота, – голос её звучал громко, четко, наполненный той теплой твердостью, которую она так старательно оттачивала на троне. И, к легкому удивлению даже самой себя, она совершила неглубокий, но безукоризненный реверанс – жест уважения не сверху вниз, а от одной силы – будущей – к другой. – Я вижу ваше усердие. Берегите его. От вашей выучки сегодня зависит покой королевства завтра.

Она поймала на себе десятки пар глаз – испуганных, восхищенных, пытливых. Взгляд рыжего веснушчатого мальчишки сиял неподдельным восторгом, а черноволосый юноша смотрел на неё с серьезной, почти взрослой оценивающей сосредоточенностью.

– Продолжайте тренировку! – скомандовал Бедивер, и по его лицу промелькнуло что-то вроде одобрения – к дисциплине ли мальчишек или к жесту королевы, она не знала.

Строй снова рассыпался на пары, но теперь удары деревянных мечей звучали чуть звонче, движения были чуть отточенней, а украдкой брошенные на помост взгляды – полны новой решимости. Они бились уже не просто так – они бились перед королевой.

Гвиневра отвернулась от края, давая волю чувствам, которые бушевали внутри. То была смесь гордости, шемящей грусти за их детство, отданное войне, и леденящей ответственности. Эти мальчишки были живым, дышащим долгом, который завещал ей Артур.

– Покажите мне остальное, сэра Бедивер, – тихо, но твердо попросила она. – Я хочу видеть всё.

– Пойдёмте, – кивнул Бедивер, спускаясь с помоста. – Покажу, где они живут.

Он провел их через плац к длинному, низкому зданию из грубого камня и темного бруса. Внутри пахло дымом, дегтем, мальчишеским потом и чем—то подобием мыла. Это был единственный зал—казарма. Вдоль стен тянулись двухъярусные нары, на которых лежали узкие, туго набитые соломой тюфяки и свернутые в аккуратные валики грубые шерстяные одеяла. У каждой койки – нехитрый скарб: деревянная кружка, точильный брусок, у иных – потрепанная книга или самодельная игрушка, тщательно спрятанная под подушку. Все было поразительно чисто и выверено до сантиметра. «Дисциплина, вбитая в каждую щель», – подумала Гвиневра, и в её душе вновь шевельнулось что-то между восхищением и жалостью.

– Здесь они спят. Подъём с первым лучом, отбой после вечерней молитвы, – отрывисто пояснил Бедивер, указывая на дальний конец зала, где у небольшой каменной ниши с теплившейся лампадой стоял простой деревянный алтарь. – Едят вон там, в столовой. После занятий у них час свободного времени. Кто в бане моется, кто доспехи чистит, а кто... – он махнул рукой в сторону небольшого внутреннего дворика, где несколько подростков с азартом играли в кости под присмотром пожилого оруженосца, – ...в игры глупые играет. Лишь бы честно.

Их осмотр прервал нарастающий гул голосов и топот многих ног. С полей, пыльные и потные, вернулись оруженосцы постарше – юноши пятнадцати—семнадцати лет. Их лица, загорелые и уже с первыми заглубившимися чертами, были румяны от бега, тела дымились на прохладном воздухе, но в глазах горела не усталость, а какая—то дикая, животная энергия выполненного долга. Увидев на плацу королеву, они мгновенно смолкли и, без всякой команды, выстроились в безупрежно ровные, дышащие силой шеренги. Их поклон был не таким робким, как у младших, но более весомым, почти рыцарским. Гвиневра ответила кивком, и ей вновь подумалось, как тонка грань между этим юношеским пылом и той суровой силой, что будет нужна ей для защиты трона.

– На обед! – рявкнул Бедивер, и вся эта масса в сотню с лишним человек организованным потоком хлынула к следующему зданию.

Столовая оказалась огромным помещением с тяжелыми дубовыми столами и скамьями. Воздух гудел от голосов и был густо пропитан запахом горячей похлебки, ржаного хлеба и чего—то тушеного. Гвиневру провели к главному столу на небольшом возвышении. Рядом сел Бедивер, пригласительным жестом указав место слева от себя леди Элейне. Та, слегка покраснев, заняла его.

Когда все расселись, гул стих в ожидании. Гвиневра поднялась.

– Приятного аппетита вам, будущие защитники Логрии. Пусть эта пища даст вам сил для доблестных свершений, – сказала она просто и ясно.

– Благодарим, ваше величество! – грянуло в ответ, и зал наполнился звуками ложек о миски.

Перед королевой поставили такую же грубую глиняную миску, как и у всех. Внутри дымилась густая похлебка с ячменем, кореньями и кусками баранины, лежал ломоть темного, душистого хлеба и кусок сыра. Еда была простой, сытной, без изысков. Гвиневра, подавив привычную брезгливость, взяла ложку и осторожно попробовала. Это было... честно. Землисто, солено, по-крестьянски сильно. Она ела медленно, глядя, как юные воины уплетают свою порцию с одинаковой жадностью и мальчишки, и почти взрослые юноши. Это был хороший знак – значит, кормят их досыта.

Её взгляд невольно скользнул в сторону. Бедивер, разговаривая с одним из своих рыцарей, отломил кусок хлеба и, почти не глядя, протянул его Элейне – ту, что лежал ближе к её краю стола. Та, слушая что—то, автоматически приняла хлеб и откусила. И в этот миг их взгляды встретились. Не долго – всего на мгновение. Но Гвиневра увидела то, чего раньше

не замечала: привычная суровая складка у рта Бедивера сгладилась, а в его стальных глазах, обычно видевших только дислокацию войск и слабости противника, мелькнул тёплый, живой блеск. Элейна же, поймав этот взгляд, опустила глаза, но на её щеках вспыхнул нежный, не от жара зала, румянец.

Они тут же вернулись к прерванному разговору с рыцарем, но между ними уже висело это молчаливое, крошечное понимание. Гвиневра отвела взгляд, к сердцу её подступила странная смесь – легкой удивленной радости за свою верную наперсницу и острого, щемящего укола одиночества. «Так вот что за странный блеск был у неё с утра», – догадалась она.

Но она не подала виду. Не улыбнулась, не подняла бровь. Она просто продолжила есть свою похлебку, давая им эту крупицу приватности в окружении сотни глаз. Пусть у них будет этот тихий, никому не заметный союз. В мире, где каждый её шаг – расчет, а каждое чувство – слабость или грех, такая простая, человеческая связь казалась редким и хрупким даром. Смущать их вниманием было бы жестоко. Пусть растёт тихо, как полевой цветок меж камней.

Закончив обед, она отставила миску, поймав на себе полный надежды взгляд рыжего оруженосца. Она кивнула ему, и его лицо озарилось такой безудержной радостью, что Гвиневре на миг стало теплее. Возможно, не все в этом королевстве строилось на долге и страхе.

Обед прошел спокойно, и вскоре зал опустел – оруженосцы разошлись на положенный часовой отдых. Бедивер вывел Гвиневру и Элейну во внутренний двор, где обычно тренировали стрельбу из луков и арбалетов. Запах скошенной травы смешивался здесь с ароматом дерева и смолы от мишеней.

Двор был пуст, если не считать одну одинокую фигурку. Невысокий, тщедушный мальчишка лет одиннадцати, с веснушчатым лицом и светлыми вихрами, выбивавшимися из-под простого холщового капюшона, отчаянно пытался справиться с луком, который казался ему явно великоват. Он натягивал тетиву, шурясь на мишень в двадцати шагах, но стрела, летя криво и слабо, раз за разом втыкалась в землю или пролетала мимо щита.

– Джон, – раздался спокойный, но несущийся через весь двор голос Бедивера. – Ты снова пренебрегаешь отдыхом?

Мальчик вздрогнул, обернулся и, увидев рыцаря и королеву, мгновенно вытянулся в струнку, лицо его покрылось краской смущения.

– С-сэр Бедивер... я... я просто...

Бедивер подошел ближе, и его суровое лицо смягчилось. Он посмотрел на мальчика не с гневом, а с той отцовской, требовательной заботой, которую видели лишь немногие.

– Лук – не дубина, Джон. Им не машут, а управляют, – сказал он, и в углу его глаза дрогнула едва заметная усмешка. – Плечи не задирай. Левая рука должна быть прямая, как копьё, а не согнутая, как крюк. И дыши ровно перед выстрелом. Не задерживай воздух, а то весь содрогнешься.

Мальчик кивнул, стараясь впитать каждое слово. Он снова принял стойку, стараясь скопировать указания. Натянул тетиву, замер... и выстрелил. Стрела с жалобным свистом просвистела в сантиметре от края мишени и воткнулась в забор.

Плечи Джона безнадежно опустились.

Тут к нему подошла Гвиневра. Её тёмное платье мягко шуршало по траве.

– Позволь мне, – тихо сказала она, и её голос прозвучал не как приказ, а как просьба.

Мальчик, замороженный, молча протянул ей лук, но она мягко отстранила его руку.

– Нет, ты будешь стрелять. Я помогу.

Она встала сбоку от него, её движения были неторопливыми и уверенными. Она легонько поправила его хват на рукояти тёплой ладонью.

– Вот так. Пальцы не сжимай, будто хочешь задушить. Обними лук, он – часть тебя.

Затем она коснулась его локтя, выправляя линию.

– И не торопись. Видишь мишень? Не глазами, а... здесь, – она легонько ткнула пальцем ему в солнечное сплетение. – Чувствуй её. А теперь дыхание. Вдох... и на выдохе отпускай. Плавно, как будто выпускаешь птицу.

Её слова лились тихо, почти шёпотом, полные спокойной силы. Джон, слушая её, словно обретал опору. Он вдохнул, выровнял лук по новой линии, которую ему задали её руки, и на медленном, ровном выдохе разжал пальцы.

Стрела взвилась и с глухим стуком вонзилась в мишень! Не в яблочко, но в самую гущу чёрного круга. Это была первая за сегодня попаданная цель.

Мальчик ахнул, и его лицо озарилось восторгом, смешанным с недоверием. Он обернулся на Гвиневру, и в его глазах читался немой вопрос.

– Ваше в—величество... а вы... вы умеете стрелять?

Гвиневра улыбнулась. Она взяла у него лук и одну из его стрел с оперением, уже немного помятым.

– Давай посмотрим, – сказала она просто.

Она встала в стойку, движения её были отточенными и грациозными, выдавшими годы тренировок в Камелиарде. Она прицелилась, держа лук с той же уверенностью, с какой держала скипетр. Тетива натянулась... и стрела полетела. Она вонзилась в мишень, в паре дюймов от яблочка – отличный выстрел для большинства, но не идеальный.

Гвиневра опустила лук и повернулась к мальчику, который смотрел на неё с обожанием.

– Вот видишь, – сказала она, и в её голосе зазвучала тёплая, участливая нота, – я не так уж и хороша. Я могу попасть рядом, но в самое сердце цели – не всегда. Поэтому мне и нужны такие стрелки, как ты, Джон. Ты будешь расти, тренироваться, и однажды твоя стрела будет попадать точно в яблочко. И тогда ты будешь защищать Камелот. Меня. И всех, кого любишь.

Мальчик смотрел на неё, затаив дыхание. Его смущение растворилось в волне безмерного восторга и внезапно обрётённого смысла. Он кивнул, не в силах вымолвить слова.

И только тогда Гвиневра заметила, что они не одни. Из-за угла казармы, из дверей столовой, тихо столпившись, наблюдала кучка оруженосцев – и младших, и тех, что постарше. Они стояли в почтительном, но живом молчании, наблюдая за сценой. В их глазах не было и тени насмешки над неудачником Джоном – только любопытство, уважение к королеве, а у некоторых и та самая, только что зажжённая в мальчике, искра надежды. В этом простом дворе, пахнущем деревом и травой, она только что завоевала нечто большее, чем формальную верность. Она затронула самое сердце этой будущей армии.

После двора лучников Бедивер повёл их дальше, к крытому манежу, где даже в самый зной или дождь шли тренировки. Звуки ударов дерева о дерево, сдавленных выкриков и тяжёлого дыхания встретили их ещё на подходе. Внутри царил атмосфера сосредоточенной ярости. Здесь дрались старшие оруженосцы – юноши, чьи плечи уже начали наливать силой, а движения обрели опасную резкость будущих воинов.

В центре, на отгороженном помосте, шли учебные поединки. Деревянные мечи—болты со стуком и скрежетом встречались в атаке и парировании, тела, облитые потом, двигались в сложном, смертельном танце. Гвиневра остановилась у края, наблюдая. Её взгляд, привыкший оценивать не только красоту, но и суть, скользил от одной пары к другой, отмечая грубую силу одного, неуклюжую выносливость другого.

И тогда она увидела его.

На дальнем конце помоста, в паре с коренастым черноволосым юношей, дрался светло-волосый оруженосец. Он не был самым высоким или мускулистым, но в его движениях была та самая змеиная грация, что отличает мастера от ремесленника. Он не рубил – он фехтовал. Его деревянный клинок казался продолжением руки, живым и послушным. Он парировал яростные атаки противника не силой, а точным, почти небрежным отклонением, заставляя того спотыкаться о собственную инерцию. А затем следовал контратака – стремительная, неожидан-

ная, как удар молнии. Удар пришелся точно по ребру, и коренастый юноша с стоном выронил меч, потирая бок.

Светловолосый отступил на шаг, сделал короткий, учтивый поклон противнику, и в этом жесте, в плавном наклоне головы, в том, как прядь влажных волос упала ему на лоб... что-то кольнуло Гвиневру в самое сердце.

Ланселот.

Это было словно призрак, явившийся из её памяти и воплотившийся в этом незнакомом юноше. Та же естественная, врождённая эlegantность в бою. Тот же ясный, сосредоточенный взгляд, видящий не просто врага, а всю шахматную доску поединка. Та же тихая, невысказанная уверенность, не нуждающаяся в криках.

Сердце её сделало болезненный, тяжёлый переворот. Она внезапно ощутила не привкус пыли и пота в воздухе, а запах ночного сада, смешанный с ароматом вина и её собственного страха... и желания. Она услышала не скрежет дерева, а тихий, мелодичный голос, говорящий слова, которые не должны были быть сказаны никогда.

«Остановись», – приказала она себе мысленно, сжимая пальцы в складках платья. Это не он. Это всего лишь мальчик. Думай о деле. Думай о королевстве.

Но сердце, глупое, непокорное сердце, уже сорвалось с цепи. Оно не хотело слушать разум. Оно активно противилось, накатывая волной щемящей, запретной тоски. Она переживала не просто за рыцаря, пропавшего без вести на поле брани. Она переживала за него. За того, чьи руки помнили тепло её кожи, чьё дыхание смешивалось с её дыханием в ту единственную, роковую ночь. Она боялась не просто за потерю опытного воина – она боялась, что его тело лежит где-то в холодной грязи, что его светлые глаза навсегда закрыты, что он никогда больше не посмотрит на неё тем взглядом, полным поэзии и обречённой страсти.

Это была не забота королевы. Это была мука женщины.

– Кажется, у нас растёт достойная смена, – голос Бедивера, грубый и реальный, словно верёвкой, вытащил её из пучины воспоминаний.

Гвиневра вздрогнула, силой воли заставив дыхание выровняться. Она кивнула, не доверяя своему голосу. Когда она снова посмотрела на светловолосого юнца, то уже видела не призрак Ланселота, а просто талантливого оруженосца. Но глубоко внутри, в той части души, что принадлежала не короне, а ей самой, тревога продолжала тлеть, тихим, настойчивым огнём. Она пыталась заглушить его долгом, засыпать пеплом расчёта, но он не гас. Он просто ждал.

Гвиневра вернулась в Камелот уже к закату. Она чувствовала усталость, но была довольна прошедшим днём. Смена обстановки всегда шла ей на пользу.

У самых дверей в замок её перехватил сэр Ронан.

– Ваше величество, герцог Меллигенс ожидает вас, – оповестил он с поклоном, – В кабинете. С ним его сын.

– Сын? Который из них? – с усмешкой спросила Гвиневра.

– Не могу знать, – коротко ответил рыцарь. Гвиневра уловила его осторожный взгляд. Судя по всему, Ронан уже имел честь познакомиться с гостем. И, судя по взгляду, Гвиневре на голову свалилась ещё одна проблема.

– Благодарю, сэр Ронан, – она поглядела на Элейну и Бедивера, которые после вести о сыне Меллигенса молча переглядывались с очень настороженным видом, – Сэр Бедивер, можете проводить леди Элейну до её покоев и идти отдыхать, – королева постаралась скрыть свою улыбку, когда заметила, как блеснули их глаза, – Сэр Ронан, проводите меня к лорду Меллигенсу. Он, должно быть, уже заждался.

Зайдя в замок, они разошлись в разные стороны – сэр Ронан шёл позади Гвиневры в кабинет, сэр Бедивер шёл с леди Элейной почти наравне в сторону восточного крыла.

До кабинета в спокойствии добраться Гвиневра не смогла. На полпути ей встретился лорд Кадваллон. Вынырнул из тени коридора, будто уже давно ждал там королеву.

– Добрый вечер, ваше величество, – поприветствовал он с поклоном.

– Приветствую вас, милорд, – она старалась сохранить непроницаемую маску на своём лице. Кадваллон же улыбался своей доброжелательной улыбкой.

– Наш многоуважаемый герцог вызвал из своих земель одного из своих сыновей, – граф не стал тратить время на пустые разговоры, – Как я уже успел убедиться – умнейшего из своих отпрысков. Очаровательный молодой человек, – он усмехнулся, а в глазах его застыл лёд.

– Приехал он сюда не просто так, – сказала Гвиневра.

– Верно. Есть две причины его прибытия сюда. Официальная – навестить отца и выразить своё почтение королеве. Реальная – помочь отцу в нашей тихой невидимой борьбе, – теперь Кадваллон стал серьёзным. Черты его лица стали жёсткими, как сталь, – С этим парнем нужно быть осторожнее. Через своего отца он имеет влияние на основную армию Логрии. Герцог старый воин и смекалки в борьбе против вас ему не хватает. Мальчишка – совсем другое дело. Вы вскоре сами это поймёте, ваше величество.

– Чем дальше в лес... – пробормотала Гвиневра, усмехнувшись, – Благодарю, милорд, за столь оперативное информирование.

– Всё, согласно нашего уговора, – он откланялся, напоследок окинув королеву неоднозначным взглядом, и ушёл.

Гвиневра задумалась на мгновение. Граф Гвинедский будто всегда был на шаг впереди всех. Его умение узнавать всё и обо всём впечатляло и пугало одновременно. Если однажды он обернётся против королевы, то она обречена.

«Он – лишь одна из фигур на моей доске. Мне решать, доживёт он до конца партии или станет жертвой во имя моей победы», – твёрдо сказала себе женщина.

Она вошла в свой кабинет полная решительности показать лорду Олдреду и его сыну своё превосходство.

– Ваше величество, – поприветствовал молодой мужчина и поклонился. Меллигенс-старший сделал тот же жест, но более небрежно.

– Добрый вечер, господа, – Гвиневра по-деловому прошла к столу и грациозно присела в кресло. Она сразу принялась изучать документы и отчёты, лежавшие на её столе. Она не читала содержимого, но разглядывала буквы и цифры с таким видом, будто в данный момент нет ничего важнее в целом мире.

– Позвольте представить вам своего среднего сына, – сухим голосом проговорил герцог и продолжил лишь, когда Гвиневра подняла на них глаза, – Ваймунд из герцогства Меллигенского.

Его сын ещё раз поклонился, и Гвиневра теперь уже рассмотрела его. Такой же высокий, как отец, но худощав. Он носил длинные волосы ниже плеч, в отличие от отца, который с незапамятных времён брил голову налысо. В его серых глазах не было той же стали, что у отца. На гладковыбритом лице не было ни единого шрама. Тёмная одежда идеально сидела на худощавой фигуре. Он был серьёзен, но в глазах сверкал честолюбивый огонёк.

– Чем обязана вашему неожиданному визиту? – спросила королева. Она не указала гостям на места, приглашая присесть, и они остались стоять перед её письменным столом.

– Ваше величество, мой визит в Камелот обусловлен неотложными делами нашего герцогства, – учтиво ответил Ваймунд, подарив Гвиневре обворожительную улыбку, – И я не мог не выразить вам лично свои соболезнования. Знайте, что всё герцогство Меллигенское скорбит о гибели своего сюзерена.

– Ваша преданность памяти короля Артура трогательна. Теперь по последней его воле ваш сюзерен – я, – напомнила она.

– Несомненно, пока длится регентство, – уголки его губ дрогнули, взгляд опустился на бумаги на письменном столе. Кровь в жилах Гвинеvры начала вскипать, но она не выразила своих эмоций.

«Будь стойкой. Пусть обломают свои зубы о сталь твоей маски», – прозвучали в голове слова её отца.

– А какие дела вашего герцогства требуют моего внимания? – задала королева вопрос, чуть склонив голову и, не моргая, уставилась на Ваймунда.

– Я прибыл по поручению моего старшего брата, который держит в порядке земли в отсутствие нашего отца. Дело в том, что нам внезапно пришло уведомление о требовании выплатить долг в казну короны, – он сделал шаг в сторону Гвинеvры, и положил на стол письмо со сломанной печатью Пендрагонов. Королева продолжала держать в руке один из отчётов. На положенное перед ней письмо она даже не взглянула. Она глядела на сына герцога, пыталась считать его эмоции.

– Как досадно, когда финансовые обязательства напоминают о себе в самое неподходящее время. Уверена, что у столь упорядоченного дома, каким вы являетесь в глазах многих, архивы велись безупречно. Внезапность – лишь для нерадивых. И всё же по этому вопросу вам лучше пообщаться с графом Кадваллоном и бароном Годвином. Сейчас они отвечают за финансовые вопросы королевства, – сказала Гвинеvра и снова взгляделась в документ в руках. Ей хотелось показать, сколь незначительными для неё являются эти двое по сравнению с другими делами королевства.

– И всё же, милость и рассудительность – добродетели истинного правителя. У кого, как не у вас следует просить отсрочки? – Ваймунд продолжал гнуть свою линию. Королева снова отвлеклась от отчёта и встретилась взглядом с собеседником. Он глядел на неё прямо, не выражая эмоций. В серых глазах не было надежды или мольбы. Он не просил – требовал, пытаясь надавить на те точки Гвинеvры, в которых она могла быть наиболее уязвимой. Тогда она решила прекратить весь этот фарс. Ваймунд, скорее всего, даже не подозревал, на какой тонкий лёд он ступил, приехав в Камелот. Королева впервые за весь разговор позволила себе лёгкую, ледяную улыбку.

– Вы тонко льстите мне, юной сын лорда. Милость проявляется к тем, кто признаёт свою вину. Рассудительность – к тем, кто не пытается торговаться с короной, прикрываясь её же добродетелями. Моя рассудительность велит мне прекратить нашу беседу с вами, ибо вы не являетесь главой своего дома. Всё-таки герцогом является ваш отец, – она перевела взгляд на лорда Олдредра. Он оставался скалой. Её слова и замечания не задевали его. Либо он был слишком туп, чтобы понять их, – А моя милость... Она закончится вместе с моим терпением слушать посредников.

– Государыня, времена тяжёлые...

– Они тяжёлые для всего королевства. И тем не менее, есть лорды, которые свои долги выплачивают или не берут в долг вовсе, – теперь Гвинеvра не глядела на Ваймунда. Она смотрела в лицо его отца, показывая тем самым, что сын герцога более не заслуживает её внимания к своей персоне.

– Извините, – снова подал голос Ваймунд. Теперь он звучал громче и требовательнее, – но из всех знаменосцев именно наш герцог отдаёт в армию Логрии большее количество человек. Именно наше герцогство кормит большую часть войск, которые гарантируют королевству спокойствие и защиту. Я считаю, что наш денежный долг короне можно справедливо пересчитать с учетом этих фактов.

Королева не потеряла самообладания в этот момент только благодаря железной силе воли. Она, хоть и ожидала подобного разговора, всё же надеялась его избежать. Меллигенс

прекрасно понимал, что его влияние на армию неоспоримо. Ведь большая часть солдат в Камелоте – уроженцы его герцогства.

Лицо Гвинеvры потеряло все оттенки вежливости. Она смерила Ваймунда ледяным взглядом.

– Вы заботитесь о спокойствии? Как трогательно. Знайте же: истинное спокойствие королевства зиждется не на сомнительной бухгалтерии одного герцогства, а на нерушимом принципе – долг должен быть выплачен. Армия служит Логрии, а не герцогство содержит армию из милости. Не смешивайте эти понятия. А что до справедливости, – Гвинеvра замолчала, наблюдая за лицами своих гостей. Лорд Олдред по-прежнему стоял перед ней – точно статуя. Его сын глядел на неё с некоторой растерянностью, но старался держать лицо. Глаза его выдавали. Он не мог выдержать долгого зрительного контакта, – Справедливость вершит корона. И мой вердикт таков: вы говорите не по делу, юный сын лорда. Ваш отец утомлён ожиданием. Не заставляйте его ждать дольше.

– Ваше величество, мой сын говорит то, что велю сказать ему я, – вдруг подал голос герцог, – Это позволяет сгладить некоторые углы, ибо в данном споре я сам могу быть слишком резок в своих высказываниях.

– Милорд, в нашем споре я считаю вашего сына лишним. Посредники в таких деликатных делах ни к чему, – она красноречиво поглядело на Ваймунда и он, нехотя, откланялся и покинул кабинет, – Теперь поговорим с глазу на глаз. Быть может, у нас получится найти компромисс? – теперь она указала рукой на кресло напротив себя, пригласив герцога присесть.

– Компромисс – это когда сходятся две воли. Моя воля связана клятвой. Ваша воля... пока неясна. О чём нам договариваться? – он опустился в кресло и откинулся на спинку кресла, выглядя при этом так, будто очень сильно устал. И это наверняка так и было. Герцог Меллигенский был уже почтенного возраста. Воины редко доживали до таких лет. Он был ветераном множества битв и повидал многое, пережил двух королей и ни разу не восставал против Логрии. Это заслуживало, если не восхищения, то уважения и признания со стороны Гвинеvры. И она была признательна. Но даже её глубокое уважение к этому человеку не могло перечеркнуть её сомнения в том, что герцог продолжит хранить свою верность клятве в дальнейшем.

Гвинеvра ещё раз окинула взглядом лорда. Он глядел не на неё, а куда-то в сторону. Морщины изрезали его суровое лицо не хуже шрамов.

– О благополучии Логрии, лорд Олдред. Способны мы прийти к соглашению, как вы считаете?

– Я уверен, что соглашения между нами не будет никогда, – он говорил спокойно, лишь констатируя факт. Эти слова Гвинеvру не задели. Она и сама это понимала.

– Каковы на то причины, лорд Олдред? – она чуть усмехнулась.

– Мы с вами никогда не были соратниками. Не бились на одном поле против одного врага. Вы не Пендрагон по крови. Я до сих пор служу в Камелоте лишь потому, что надеюсь на рождение наследника Артура. Спорить с вами о долгах, которые я давно выплатил Пендрагонам собственной кровью – это последнее, чем мне хотелось бы заниматься.

– Моргана – Пендрагон по крови. Почему вы не перешли на её сторону? Разве это сложно? Избавиться от меня, сдать Камелот Моргане? – Гвинеvра говорила, и чувствовала, как душа её замирает. Вдруг сейчас он осознает, что это действительно не худший вариант? Но Меллигенс молчал, всё так же глядя на неё устало и немного надменно, – Кажется я поняла. Моргана ведь тоже женщина. Видимо, сама мысль о том, что вам нужно преклонять колени перед слабой женщиной тяготит вас, как человека привыкшего к тому, что миром правят сильные мужчины. Скажите, милорд, что будет, если я рожу девочку? Закончится ли ваша верность дому Пендрагонов на дочери Артура?

– Я никогда не стану клятвопреступником. Я дал клятву Утеру Пендрагону служить ему и его потомкам, Пендрагонам по крови, – он ответил несколько резко. Сомнения в его верно-

сти династии Пендрагонов задевали его за живое. Возможно, что у этой реакции была своя история, уходившая корнями в далёкое прошлое.

– Почему Моргану ваша клятва обошла стороной? – Гвиневре действительно было интересно. Ни Артур, ни кто-либо другой, никогда не раскрывали ей этой непостижимой тайны. Почему Моргана ополчилась против Артура? Как вышло, что она осталась обездоленной после смерти Утера Пендрагона?

– Морганы эта клятва никогда не касалась. Утер не признавал в ней свою наследницу. Считал, что её способность к колдовству погубит всю династию. И оказался прав в какой-то мере. Ублюдок Морганы погубил моего короля. Я никогда не склонюсь перед ней. Но и вам я не могу быть предан. Я повторю свою клятву ребёнку, которого вы родите. Если вы родите. И если этот ребёнок – действительно дитя Артура, – он теперь поглядел на Гвиневру. В его глазах не было насмешки или желания увидеть её уязвлённой. Он сказал то, что думает, не боясь последствий своих слов. Прямолинейный и честный воин. Не политик. Гвиневра подавила подступившую к горлу панику. Её понадобилось неимоверное усилие, чтобы не проявить свою дрожь от нахлынувшей липкой эмоции страха.

– Милорд, подобные высказывания чести вам не делают. И всё же, я благодарна вам за вашу прямоту, – она сделала паузу, взяла в руки письмо о долгах герцога, – Теперь, что касается вашего долга короне: если у вас нет возможности платить золотом и серебром, то платите ресурсами. Чем и в каком количестве – решит лорд Кадваллон. На этом наша беседа может быть окончена, – она поглядела на герцога холодно, без тени вежливой улыбки. Он поднялся с кресла и медленно, без поклона покинул кабинет.

Гвиневра сжала кулаки, до боли впилась ногтями в ладони. Живот скрутило тугим узлом, к горлу подступил спазм тошноты. Всё это время она была, как натянутая пружина. Не могла позволить себе проявить слабость, страх, боль или обиду. Она понимала, что за её спиной среди знати и простолюдинов ходят слухи о сомнительном отцовстве её ребёнка. Так было бы даже, если Гвиневра сидела бы взаперти. Ведь Артур умер, не зная о её беременности. Он не объявил всему королевству о том, что это его наследник. А такое всегда было поводом для слухов.

Меллигенс выразил свои сомнения в открытую. Но то были лишь сомнения, а не твёрдая уверенность в правдивости слухов. Это было благоприятным знаком. Если Гвиневра родит ребёнка Артура, то Меллигенс присягнёт на верность. Но если его сомнения подтвердятся, то ничто не сможет уберечь королеву и её дитя от опалы, изгнания и даже смерти. Тогда Меллигенс сможет без зазрений совести взять власть в свои руки. Грубо, кроваво и бескомпромиссно. Гвиневра должна сделать всё, чтобы лишить герцога силы до рождения своего ребёнка.

«В его руках сильнейшая провинция и армия Логрии. В моих – меч и корона мужа. Что я смогу?»

Королева стала ходить из угла в угол в кабинете. Её движения были полны тревоги. День родов близился с каждым днём. А её уверенность в том, что ребёнок от Артура, становилась всё призрачнее. Угроза разоблачения нависла над ней, подобно топору палача. И только судьба могла приговорить её к смерти или помиловать.

Но что, если она сможет укрыть правду от всех? Что, если дитя Ланселота выдаст за законного наследника и сможет обмануть целое королевство?

«Если я поступлю так во имя мира в Логрии, простишь ли ты мне эту ложь, Артур?»

Королева выглянула в окно. Сумерки уже накрыли королевство. А Гвиневру с головой накрыло желание во что бы то ни стало выжить и дать возможность жить своему ребёнку. Не так важно, кто его отец. Она – его мать. И не даст ему погибнуть даже, если придётся казнить всех и каждого в Камелоте. Это её ребёнок. И он будет жить вопреки всему!

Глава 11. Заточение

– Сын Герцога Олдреда задержится в столице на неопределённый срок, – сказал граф Кадваллон. Он сидел напротив Гвиневры в её кабинете.

– Этого следовало ожидать, – ответила королева, пытаясь разобрать текст в договоре о возмещении долга короне герцогом Меллигенсом. Бессонные ночи давали о себе знать. Она не могла сконцентрироваться на насущных задачах. Мысли постоянно путались, а в желудке будто дьявол танцевал. Приступы тошноты становились всё чаще, вызывая внутри неприятные спазмы.

– Так будет даже лучше. Чем больше человек увидят королевскую справедливость и скорость её исполнения – тем будет лучше, – Кадваллон усмехнулся, – Граф Роланд со дня на день получит первое послание от «Морганы». Тогда начнётся наша большая игра.

– А что, если он не станет отвечать? Побоится или будет слишком осторожным? – Гвиневра пыталась поддерживать диалог, из последних сил цепляясь за его нить. В ответах на эти её вопросы она не сомневалась. Граф Гвинедский знал, что делал.

– Он ответит, – спокойно сказал Кадваллон. Он констатировал факт, который для него был очевидным.

– А если решит поделиться с другими лордами? – задала королева очередной вопрос. Она отложила договор, бросив попытки его изучить, и теперь всё своё рассеянное внимание обратила на собеседника.

– На такой случай все пути к его замку стерегут специально-обученные люди. Они перехватят любое послание графа. Но он не захочет посвящать других в свои планы. Жадность Роланда сыграет нам на руку.

– У вас всё предусмотрено, милорд, – она выдавила из себя улыбку, но в душе чувствовала только обжигающий холод его глаз. Ощущение опасности вновь прокатилось по её спине мурашками.

– Иначе и быть не может, – он не выглядел слишком самоуверенным. Кадваллон просто мог трезво оценивать личности других людей. Он бы никогда не стал прыгать выше своей головы. Так решила для себя Гвиневра. Но так ли оно было на самом деле?

– А что по поводу епископа? Я с нетерпением жду новостей.

– Мои люди ведут поиски по всем монастырям королевства, – он с прищуром поглядел на королеву, – А вам не терпится припереть Благия к стенке. Позвольте спросить, откуда такая ненависть?

– Мы с епископом никогда не испытывали хороших чувств друг к другу. С первого моего дня в Камелоте он обвинял меня в неподобающем поведении.

– Правда? – теперь граф проявил искренний интерес к беседе. Черты лица его стали чуть мягче, усмешка превратилась в дружелюбную улыбку. Он ждал подробностей. Хотел увидеть изнанку этих взаимоотношений. И Гвиневра не стала томить его ожиданием. Она решила раскрыть лорду Кадваллону этот аспект своей жизни.

– Двор замка раньше был другим. Придворные дамы были заперты в покоях королевы Игрейн. Только ткали да вышивали целыми днями. С мужчинами разговаривать на равных – для них было невыносимо. Все женщины покрывали голову, пряча красоту от посторонних. А потом приехала я. В Камелиарде несколько другие порядки. Я никогда не прятала свои волосы под косынками. Я никогда не боялась высказывать мужчинам своего мнения. Как только я приехала в Камелот, Артур поставил для меня трон рядом со своим. Я ездила с ним и его рыцарями на охоту. Я подавала пример местным женщинам. Они перестали скрывать свои волосы, перестали сторониться мужчин. Светская власть брала верх над духовной. Видя всё это, епископ Благий не мог ничего мне противопоставить, ибо Артур сразу обозначил границы для

всех. Все эти годы Благий считал, что моя сила зависит от Артура. Он был неприятно удивлён тем, что я не побоялась взять власть в свои руки. Для него я лишь нарушительница порядка, который был здесь десятки лет. Он не может принять того факта, что времена меняются.

– Потрясающе, – в голубых глазах Кадваллона сверкнул огонёк восхищения, – Времена действительно меняются. И те, кто не готовы к этим переменам – обречены. А те, кто эти времена меняют – будут увековечены в летописях истории, – он вновь улыбнулся, но как-то задумчиво. Гвиневра сдержанно улыбнулась в ответ. Но улыбка её была недолгой. Через мгновение она почувствовала подступившую к горлу тошноту и в приступе неконтролируемой паники резко поднялась с места. Комната перед глазами поплыла, а в ушах появился шум, заглушивший взволнованный голос графа. Всё стало таким нечётким, будто она проваливалась в сон. Окружающее пространство темнело и вскоре сузилось до непонимающего лица лорда Кадваллона.

Он резко вскочил, отбросив кресло с глухим стуком. Его руки схватили её, прежде чем она рухнула на каменный пол.

– Ваше величество! – его голос, всегда ровный, сорвался на полтона выше. Последнее, что почувствовала Гвиневра – это его руки, держащие её крепко, но с деликатной осторожностью.

Она открыла глаза спустя несколько часов в своей постели. Такая слабая и уязвимая, что стало тошно от себя самой. Во рту пересохло от жажды, а глаза резало от света несколько свечей.

– Воды, – прохрипела Гвиневра, когда разглядела одинокий женский силуэт подле своей постели.

– Ваше величество, – выдохнула леди Элейна, дежурившая у кровати своей госпожи. Она тут же подала королеве кружку с водой и помогла ей приподняться. Её тёплые ладони аккуратно поддерживали Гвиневру, пока она пила воду.

– Что случилось? – спросила женщина, когда утолила свою жажду и снова откинулась на подушки. Воспоминания в голове путались со сновидениями, создавая тревожные образы.

– Вас принёс сюда лорд Кадваллон. Сказал, что вы внезапно потеряли сознание. Все так испугались! Сэр Бедивер решил, что это граф вам как-то навредил. Но сестра Агнесс сказала, что виной всему недомогание. Вы слишком мало спите, государыня, – голос Элейны немного дрожал, а в глазах блестели непролитые слёзы.

– Боже, как же так? – Гвиневра протянула наперснице свою руку и та мягко сжала её в своих пальцах. Только тогда королева поняла, насколько холодными были её руки.

– Благо, что граф Кадваллон был рядом и не дал вам упасть, – причитала Элейна. Гвиневра была не в состоянии обдумать всё услышанное. Она сконцентрировала свои мысли на тепле ладоней Элейны, пропуская большую часть сказанного ею, – Сейчас вам лучше отдыхать, госпожа, – заботливо проговорила фрейлина, встретив отсутствующий взгляд госпожи.

– Я не могу, – королева вдруг будто пришла в себя. Как может она отдыхать? Как может позволить себе занемочь? Для неё это приговор. Лорды обязательно воспользуются её слабостью.

Гвиневра сделала попытку подняться, но Элейна мягко надавила ей на плечи.

– Не беспокойтесь, государыня. Несколько дней за порядком будем присматривать мы с Бедивером. Граф Кадваллон постарается скрыть ваше отсутствие. Никто не узнает, что вам нездоровится, – успокаивающе говорила наперсница. Теперь смысл слов стал доходить до Гвиневры. А с ними проявлялись и последние воспоминания. Кабинет, беседа с графом, тошнота, шум в голове, темнота в глазах, ощущение безопасности в его руках и безмятежность. Эти чувства перемешались друг с другом, образовав странную смесь стыда и надежды. Она невольно показала ему свою слабость, свою уязвимую женскую природу, но он скрыл её от других. Доверил только тем, кому доверилась бы она сама.

– Кадваллон? Как он скроет? – королева была растеряна подобными словами. Как можно скрыть полное её отсутствие на несколько дней? Едва лорды прознают, что она плохо себя чувствует, как обвинят её в слабости. Такого допустить она не могла, – Пригласи графа сюда, – приказала она слабым голосом.

– Ваше величество. Разве уместно... – хотела было возразить фрейлина, но Гвиневра не дала ей договорить.

– Более чем, Элейна. Моя слабость может стоить мне жизни, – осознанность теперь полностью вернулась к ней. Шум в голове прошёл, глаза стали ясными. Но слабость в теле отступать не хотела.

Элейна дальше спорить не стала. Увидев прежний взгляд своей госпожи, полный решимости, она вышла, и спустя четверть часа в её покои вошёл уже граф Кадваллон. Он был серьёзен, но выдавил из себя слабую улыбку, едва встретившись глазами с Гвиневрой.

– Государыня, – он поклонился, – Рад, что вам стало лучше, – он прошёл вглубь покоев и присел на стул возле кровати, на котором прежде дежурила леди Элейна.

– Да, спасибо. Если бы не вы... – она не смогла выразить эту мысль до конца. И Кадваллон наверняка прекрасно понимал, чем могло бы обернуться падение Гвиневры, окажись она одна или в компании другого лорда.

– Благодарности излишни, ваше величество, – сказал мужчина. Они встретились взглядами, и королева заметила, каким отстранённым был граф. Будто стал на это мгновение другим человеком. Он словно видел её в первый раз. И спустя мгновение Кадваллон будто вновь вернулся к прежнему себе. На его губах снова заиграла лёгкая усмешка, одна бровь чуть приподнялась.

– Элейна сказала, что вы хотите скрыть моё отсутствие. Но как? – Гвиневра требовательно поглядела на графа, но встретила очередную холодную улыбку и ледяной взгляд голубых глаз.

– Понимаю. Дела важнее тела, – он слегка покачал головой, – Но вы не должны рисковать здоровьем будущего наследника. Поэтому я настоятельно рекомендую вам оставаться в постели, пока силы не вернуться к вам. Я гарантирую, что ни один из лордов не узнает о вашем отсутствии, – произнёс граф Кадваллон. Уже всё спланировал. И снова не ждал от Гвиневры согласия. Он только ставил её в известность. А был ли у неё вариант отказа? Рисковать ребёнком ради удержания трона казалось немыслимым. И все это понимали.

– Как вы хотите это сделать? – спросила королева спокойным тоном. Кадваллон сделался серьёзным.

– Подготовлю вашего двойника, – тихо ответил он.

– Двойника? – Гвиневра едва не потеряла дар речи. Подобная мысль никогда не пришла бы ей в голову. Но граф мыслил куда изощрённее. Это вызывало восхищение и бросало в дрожь одновременно. Королева вдруг увидела перед собой не простого человека, а коварного кукловода, который видит вокруг себя лишь марионеток. И она почувствовала, как от его пальцев тянутся нити ко всем её конечностям. С тех самых пор, как она решила пригласить Кадваллона в Камелот, она обрекла себя на участь куклы в представлении. Но это осознание только распалило в ней желание избавиться от нитей, контролирующих её. В конце концов, марионетка избавится от мастера-кукловода и создаст новый спектакль.

– Возьму служанку, похожую на вас, – начал объяснять Кадваллон ровным голосом, будто говорил не о подмене королевы, а о простых вещах, вроде замены кувшина с вином, – Она наденет ваше платье, сделает причёску как у вас. Будет окружена таким количеством стражей, что никто и близко подойти не сможет. Будет периодически мелькать в замке то там, то тут. И об этом будем знать только мы с вами, Бедивер и Элейна. Рыцари из гвардии не разболтают, а саму служанку я отправлю отсюда подальше.

– Это безумие, – Гвиневра закрыла глаза и помассировала виски, пытаясь вообразить весь план графа в исполнении, – Если хоть кто-то прознает об этом – я погибну. У лордов появятся все основания отлучить и даже изгнать меня. И даже ребёнок Артура меня не спасёт.

– Не прибегнув к безумию, вам не достать с неба звёзд. Сейчас лорды в тихом ожидании. Одна малейшая слабость с вашей стороны, и вас запрут в покоях до рождения ребёнка. Регентом станет Меллигенс, а вы будете заниматься тем, чем занимаются все остальные женщины – воспитанием ребёнка. Пока вы остаётесь сильной в глазах других, вас не посмеют тронуть. По крайней мере – напрямую. Я предлагаю прибегнуть к одной хитрости ради сохранения вашего положения, – граф был серьёзен. Ледяные глаза смотрели прямо на неё с призывом довериться ему.

– Но дела государства... – после его доводов королева уже не могла рьяно противиться этому плану. Теперь оставалось лишь уточнить детали.

– Поручите это мне. Принять жалобы простолюдинов или провести суд может Новый Совет. Не зря же вы его создали. Важные документы для подписи вам может приносить леди Элейна, когда будет провожать лже-королеву в королевские покои. Я буду лично следить за тем, чтобы наша маленькая хитрость оставалась тайной для всех. В случае, если кто-то раскроет истину, я прибегну к иным методам. Шантаж, угрозы и другие, более радикальные средства. И всё-таки смею заверить вас в том, что всё пройдёт без осложнений, – он говорил тихо, но в голове Гвиневры эхом разносилось каждое слово. Она вдруг почувствовала, будто снова оказалась в родном замке Камелиарда и обсуждала политическую игру со своим отцом. Но даже Леодегранс не был способен на такие идеи. Кадваллон оказался куда изобретательнее в этом плане.

– Похоже, выбора у меня всё равно нет. Что ж, я доверюсь вам, милорд, – она устало откинулась на подушки, полностью отдав контроль над ситуацией в руки графа Гвинедского. Теперь ей придётся доверить свою жизнь и жизнь своего малыша тому, кому меньше всего стоило доверять. И что будет ей наградой за это доверие?

– Отлично, ваше величество, – Кадваллон довольно кивнул и снова улыбнулся, – Всё будет исполнено в лучшем виде. Не сомневайтесь во мне и отдохайте. Чем скорее вы пойдёте на поправку, тем лучше для всех.

Граф поднялся на ноги, в последний раз поглядел на Гвиневру и покинул королевские покои. Сумел ли он хоть сколь-нибудь унять её тревогу? Да. План Кадваллона, как и все другие, звучал убедительно. Складывалось впечатление, что ему так нравилось играть в эти игры, что с каждым новым вызовом его азарт только увеличивался. Чем сложнее, тем интересней.

Обуреваемая дурными мыслями, Гвиневра с трудом погрузилась в сон. Сон этот был полон тревоги, липкого страха разоблачения. Она ещё несколько раз просыпалась за ночь и каждый раз её успокаивала верная Элейна.

Рано утром в её покои граф Кадваллон привёл служанку. Гвиневра с недоверием оглядела женщину. На лицо они не были похожи вовсе, но вот со спины можно было и спутать.

– Леди Элейна, не могли бы вы помочь этой кошке обратиться гордой львицей? – с лукавой улыбкой обратился Кадваллон к придворной даме.

– Я сделаю всё, что в моих силах, милорд, – учтиво ответила она, разглядывая молчавшую служанку. Женщина не смела поднимать на господ глаза и лишь покорно выполняла приказы графа.

– Я не помню этой женщины, – заметила Гвиневра, – Где вы её нашли, да ещё так быстро?

– Она прибыла со мной из Гвинеда, государыня, – ответил Кадваллон. Он слегка подтолкнул служанку в сторону Элейны, которая уже приготовила одно из платьев королевы.

– И как долго она сможет притворяться мной?

– Будем надеяться, что до воскресной службы вы поправитесь. Негоже королеве пропускать такой день. До тех пор я смогу перетягивать внимание придворных на другие проблемы, –

он говорил уверенно, глядя Гвиневре в глаза. В сторону переодевающейся в королевский наряд служанки он и не думал взглянуть. А вот королева не могла не оценить, как сидит её платье на другой женщине. Их фигуры почти не отличались. Разве только плечи служанки были чуть шире, а рост – ниже.

– И на какие же проблемы вы хотите сместить внимание людей?

– Затею небольшой спор с лордами.

– Я не думаю, что сейчас удачное время для того, чтобы накалять обстановку, – королева покачала головой.

– Напротив, государыня, сейчас самое время. Я послужу катализатором для чего-то большего. Разделяй и властвуй, – на лице графа проявилась самая холодная ухмылка из всех возможных, – Мы разделим их на несколько противостоящих групп и постепенно подчиним каждую из них.

– Артуру стоило больших усилий объединить их, чтобы повести за собой...

– Верно. Но я не такой, как наш покойный король. Скажем, мы с ним противоположности. И методы у нас различны. Но ведь не так важно, каким способом будет достигнута цель.

– Учтите, граф, если я увижу, что ваши методы вредят мне и моему ребёнку, я буду вынуждена принять меры.

– Охотно верю, ваше величество, – он кивнул, улыбнувшись, и повернулся в сторону служанки. Женщина уже была одета и причёсана. На голову ей Элейна надела небольшую золотую тиару, а лицо прикрыла тёмной вуалью, – Все посчитают, что наша королева плакала всю ночь, – он пригладил пальцами свои усы и поднялся со стула, – Что ж, мы покидаем вас, ваше величество. Покои будут заперты. Каждые два часа леди Элейна будет приходить сюда, чтобы справиться о вашем самочувствии. Постарайтесь отдохнуть и ни о чём не беспокойтесь.

Он откланялся и покинул королевские покои. Следом за ним ушли и Элейна с лже-королевой. Гвиневра осталась одна. Она вновь откинулась на подушки, повернулась на бок и накрылась одеялом с головой.

То, что происходило теперь в Камелоте, в её жизни, выходило за рамки обыденного. Недуги случались и прежде, но тогда ей не нужно было притворяться, прятаться и прикрываться самозванкой. Сейчас она чувствовала себя заложницей ситуации без права голоса. Граф Кадваллон всё решил за неё. Он сумел воспользоваться её уязвимым состоянием, чтобы полностью взять ситуацию в свои руки. С каждым днём Гвиневра всё больше сомневалась в том, что это Кадваллон фигура на её доске.

«А смогу ли я потом что-то противопоставить ему?»

Гвиневра ощутила подступающую тошноту, но боялась даже шевельнуться. Она боялась вновь потерять сознание, потерять контроль над происходящим. По крайней мере контроль над тем, что ей ещё подвластно. А подвластно ей было лишь собственное тело да королевские покои.

«Зря я доверилась Кадваллону. Он меня погубит. А я боялась епископа...»

Королева незаметно для себя уснула и открыла глаза во второй половине дня. На столике возле кровати стоял поднос с едой и небольшая записка от леди Элейны.

«Ваше величество, я не стала вас будить. В Камелоте всё спокойно. Не волнуйтесь и поешьте. Приятного аппетита.»

– Спасибо, Элейна, – проговорила Гвиневра и взглянула на еду. Овощное рагу и тушёное мясо были ещё тёплыми. Свежий хлеб наполнил своим ароматом покои. В небольшом кувшине был сладко-кислый компот из ягод и яблок. Королева почувствовала, как заурчало в желудке и приступила к трапезе.

Она впервые за многие дни поела с наслаждением. Это было так приятно – вновь ощутить чувство насыщения. Гвиневра со вздохом поднялась и осторожно прошлась по покоям. Слабость во всём теле ещё не покинула её, но по крайней мере голова уже не кружилась. Женщина

села напротив зеркала и причесала свои длинные золотистые волосы, затем сменила ночную рубашку на простое платье свободного кроя.

«Теперь хоть на человека похожа», – Гвиневра слабо улыбнулась своему отражению и оглядела покои. Взгляд задержался на книге, которая лежала на столике у камина. Эту книгу, которую так и не дочитал Артур, Гвиневра запретила слугам трогать. Она уже не надеялась на то, что король её дочитает. Но эта книга была одним из последних свидетелей его присутствия в этой комнате.

Гвиневра подошла к столику, проела пальцами по странице книги, вырвала из контекста несколько слов, а затем... закрыла книгу.

«Тебя больше здесь нет. И эта вещь больше никого не ждёт».

Королева с холодным выражением лица поглядела на книгу, будто это она была виновна в гибели короля. Будто судьба Артура была записана на страницах этого тома.

Она вдруг почувствовала скуку. Не злость. Не печаль. Не тоску. Быть запертой в четырёх стенах оказалось невыносимым испытанием.

Гвиневра прилегла на кровать и закрыла глаза всего на мгновение. Она пыталась отмахнуться от навязчивых тревожных мыслей, но ей не удавалось. Любой приглушённый звук за дверью заставлял замереть и прислушаться. Не идут ли лорды по её душу? Не бежит ли Элейна предупредить о том, что план Кадваллона провалился?

Но каждый раз звуки чьих-то шагов и голосов утихали, и Гвиневра снова погружалась в удушающую тишину, в которой было слышно только биение собственного сердца и тихое дыхание.

Спустя несколько часов в покои после тихого стука вошёл сэр Бедивер. Он сначала поглядел, чтобы удостовериться, не спит ли королева, а когда обнаружил её сидящей на краю кровати, то прошёл вглубь комнаты.

– Ваше величество, – тихим басом обратился он к ней, – Леди Элейна попросила меня проверить, всё ли в порядке.

– Сэр Бедивер, – так же тихо ответила Гвиневра, – В замке всё спокойно?

– Всё идёт по плану щёголя, – пробухтел он в ответ, – Кадваллон держит под контролем всё. Лорды спокойны. Та служанка сейчас сидит в кабинете. Лорд Меллигенс принимает просящих. Епископ заперся в своей церкви, готовится к воскресной службе, говорят, – отпартовал рыцарь, – Нуждаетесь ли вы в чём-то, государыня? Леди Элейна велела узнать, – он перевёл взгляд на поднос с пустой посудой.

– Всё, что я хочу – это побыстрее выйти отсюда, – со вздохом ответила Гвиневра.

Бедивер понимающе кивнул и позволил себе короткую улыбку.

– Это не от меня зависит, госпожа, а от того, как быстро вы наберётесь сил, – сказал он, – А для этого вам нужно хорошенько отдохнуть и много есть.

– Да, вы правы, сэр. Тогда передайте леди Элейне, чтобы принесла что-нибудь перекусить. А графу Кадваллону скажите, что я жду его вечером с подробным отчётом.

Рыцарь кивнул, в последний раз подбадривающее взглянул на Гвиневру, и покинул её покои так же тихо и осторожно, как вошёл. А королева снова осталась наедине с собой. Она откинулась назад и лежала так, поперёк кровати, глядя в потолок.

«Бездействие – худшее наказание для человека», – сделала она вывод, – «Наверное так себя чувствуют те, кто осуждён на заточение. Только моя тюрьма комфортнее. Интересно, через сколько дней люди окончательно сходят с ума от одиночества?»

Она горько усмехнулась своим размышлениям и прикрыла глаза, пытаясь представить, что заперта сейчас не в королевских покоях, а в сыром тёмном подземелье. По коже прокатились мурашки.

«Быть может, я заслуживаю именно подземелье? За то, что совершила...»

Неосознанно женщина положила руки на свой живот, который едва заметно округлился. Она попыталась понять, что чувствует при мыслях о том, что в её чреве растёт новая жизнь. И чувства смешивались в непонятный клубок, распутать который не представлялось возможным. Мимолётная радость сменялась на холодящий ужас. Затем приходило странное холодное отчуждение. И уже после начинала душить вина. Гвиневра почувствовала, как подступают слёзы и поднялась с постели, пытаясь прогнать их. Она встряхнула головой.

«Теперь это неважно. Он есть. И он родится. И я сделаю всё возможное для его защиты», – твёрдо ответила она своим тревожным мыслям. Но они не хотели замолкать.

«Если этот ребёнок не Пендрагон по крови, то мне придётся лгать всю свою жизнь. А если правда вскроется, то меня нарекут королевой-грешницей. Мой ребёнок и я... Нас разорвёт разъярённая толпа».

Её внутренний диалог прервал очередной тихий стук в дверь, после которого в покои вошла леди Элейна, держа в руках небольшую корзину, прикрытую чистой салфеткой.

– Ваше величество! Почему не в постели? – тут же воскликнула она и поставила корзину на столик рядом с подносом, – Сестра Агнесс наказала вам отдыхать, – уже спокойнее, но с ноткой строгости, сказала фрейлина и подошла к Гвиневре почти вплотную.

– Не волнуйся так, Элейна, – попыталась королева успокоить наперсницу, – Голова у меня не кружится. Я не упаду.

– Любая нагрузка может обернуться... – она замолчала, страшась озвучивать свои опасения, – Вам всё же лучше прилечь, государыня, – тихо произнесла Элейна и положила ладонь на спину своей королевы, намереваясь проводить ту к кровати.

– Если я так и буду лежать в постели, то обязательно обессилю. Моё недомогание прошло. Я выпалась, хорошо поела. Может уже прекратим всё это? – запротестовала Гвиневра.

– Нет, госпожа. Сестра Агнесс ясно сказала, что вам требуется несколько дней отдохнуть. Только так мы можем быть уверены, что малышу ничего не грозит, – настойчиво продолжила наперсница, и королева сдалась. Тратить силы на споры было неохота. Она присела на край кровати и взглянула на принесённую Элейной корзинку.

– Что там? – спросила Гвиневра. Элейна убрала салфетку.

– Свежий хлеб, яблоки, тёплое молоко и сыр. Я знаю, что от вяленного мяса вам нехорошо, поэтому не стала его класть. Вечером принесу вам кое-что особенное, – она улыбнулась королеве.

– Что ж, буду ждать это кое-что, – королева улыбнулась в ответ, и взяла из корзины тёплую булочку, – Расскажи, как обстановка в замке?

– Пока всё тихо, государыня. Признаться, я боялась, что авантюра лорда Кадваллона слишком... смелая. Но, лорды и придворные дамы сохраняют спокойствие. Правда, леди Мот поинтересовалась, почему сегодня только мне позволено прислуживать вам. Мне пришлось сказать, что вы сегодня не в духе, – она скрыла рукой улыбку.

– Замечательно, – кивнула королева и внутренняя тревога снова стихла.

– Что ж, госпожа, мне нужно идти. Если у вас есть пожелания, касательно вечерней трапезы, то я сделаю всё, что в моих силах.

– Всё, кроме вяленного мяса, – Гвиневра улыбнулась.

– Поняла вас, – наперсница кивнула, поклонилась и покинула королевские покои. Королева же приступила к своей скромной трапезе.

Около часа спустя она вновь погрузилась в дрему. Сама не заметила, как в хороводе размышлений её тело стало невесомым, а мысли становились более хаотичными. Ей снился странный сон, где она уже родила ребёнка, но никак не могла его найти. Детский плач доносился отовсюду и сводил с ума. Гвиневра пыталась найти колыбель глазами, но в её покоях не было ничего. Голые каменные стены окружали её. Тогда королева выбежала в коридор и бежала по нему, пытаясь обнаружить своё дитя. Так она дошла до тронного зала и увидела странную кар-

тину. На троне восседал граф Кадваллон. Он держал на руках младенца, но тот не плакал. Он глядел на Гвиневру с улыбкой. А детский плач по-прежнему звучал отовсюду. Королева стала оглядываться, но не видела ничего, кроме Кадваллона с младенцем на руках. Вдруг Гвиневра услышала тихую игру на лютне. Странную мелодию, которая звучала всё громче и громче. Тогда плач невидимого ребёнка утих.

Гвиневра раскрыла глаза, обуреваемая странным предчувствием. Это первый сон за несколько месяцев, который она запомнила. Он вселил в неё страх. И вселил надежду. Призрачную и хрупкую. Но вселил.

Королева перевернулась на другой бок и обняла вторую подушку, на которой когда-то спал Артур. Её тоска не стала слабее, но её заглушали другие чувства и мысли. Она с самого известия о гибели мужа была погружена в дела и заботы. А сейчас, когда эти дела и заботы решает кто-то вместо неё, она могла погрузиться в своё горе. И всё же, чувство, будто она не имеет морального права страдать по умершему мужу, не отпускало её. Строить из себя скорбящую вдову притом, что совершила измену незадолго до гибели Артура, казалось ей неправильным и чем-то неестественным.

«И всё же, я любила своего мужа. И буду любить всегда», – сказала она себе.

Перед глазами встал образ Артура в их последнюю ночь, проведённую вместе. Он был погружен в заботы о последних приготовлениях к походу. С раннего утра и до заката Гвиневра с ним не встречалась, и ей оставалось лишь лелеять мысль о том, что ночью он будет принадлежать только ей.

Разделить ложе перед его уходом было не просто прихотью. Это была их обязанность. Но к этой обязанности король и королева всегда подходили с особым рвением. Каждая ночь, проведённая вместе, была особенной. Каждая ночь была наполнена теплом, любовью и тихими разговорами.

Когда солнце уже скрылось за горизонтом, и Камелот окутала тёплая майская ночь, Артур пришёл в покои. Гвиневра услышала его шаги ещё до того, как дверь отворилась – тяжёлую, усталую поступь человека, который нёс на плечах больше, чем кто-то мог себе вообразить. Она не встала. Только повернула голову к двери и ждала.

Он вошёл – и на мгновение остановился на пороге, будто собираясь с духом перед тем, как переступить невидимую черту. В свете огня из камина его лицо казалось высеченным из камня: резкие тени под глазами, глубокая складка между бровями. Уставший. Но едва его взгляд нашёл её, лежащую в постели, что-то в нём дрогнуло, смягчилось. Решимость воина уступила место чему-то гораздо более хрупкому.

Он не сказал ни слова. Просто подошёл к кровати и опустился на край, лицом к ней. С минуту они смотрели друг на друга – и в этой минуте поместилось всё: страх разлуки, горечь неизвестности, благодарность за каждое прожитое вместе мгновение и любовь, такая огромная, что слова для неё казались слишком тесными.

Гвиневра первая протянула руку. Кончиками пальцев коснулась его щеки – колючей от отросшей за несколько дней щетины, тёплой, живой. Такой бесконечно родной. Он прикрыл глаза, будто это прикосновение было единственным, что удерживало его в этом мире, не давая раствориться в тревогах грядущего похода.

Потом он взял её ладонь в свои руки – большие, шершавые, пропахшие кожей сбруи и металлом. Поднёс к губам и поцеловал каждый палец. Медленно, бережно, словно прощаясь с каждым в отдельности. Когда он прижал её ладонь обратно к своей щеке, она почувствовала, как под кожей бьётся жилка – неровно, взволнованно.

«Ты боишься», – поняла она. Он, король, первый рыцарь Логрии, боялся. Не смерти – разлуки.

Гвиневра высвободила руку и положила обе ладони ему на грудь. Под ткань дублета размеренно и сильно стучало его сердце – тот самый ритм, который стал для неё музыкой всех

этих лет. Она чувствовала тепло, исходящее от него, и ей казалось, что если она сможет вобрать в себя достаточно этого тепла, то его хватит на все холодные ночи ожидания.

Артур чуть приподнялся на локте, нависая над ней, но не тяжестью, а защитой. Его дыхание коснулось её лица – тёплое, чуть сбивчивое. Она видела каждую морщинку в уголках его глаз, каждую прядь тёмных волос, упавшую на лоб. Он смотрел на неё так, будто видел впервые – и в то же время прощался с чем-то бесконечно дорогим.

Их губы встретились. Поцелуй был долгим, неторопливым, полным той глубины, которая доступна только людям, прожившим вместе не один год. Он не требовал, не торопил. Он просто был – как обещание, как печать на сердце. Когда его щетина кольнула её кожу, Гвинебра улыбнулась сквозь поцелуй – эта лёгкая боль была такой знакомой, такой родной.

– Моя Гвинебра, – выдохнул он ей в шею, и от этих двух слов по спине пробежали мурашки. Не от страсти – от узнавания. Так он называл её только в самые сокровенные минуты, когда между ними не было короны, долга, придворных – только они двое.

Его пальцы коснулись завязок её сорочки – и она помогла ему, приподнявшись навстречу. Когда ткань скользнула с плеч, Гвинебра не почувствовала ни стыда, ни смущения. Только освобождение. Быть обнажённой перед ним значило быть собой – без прикрас, без масок, без страха.

Он смотрел на неё – и в его тёмных глазах зажёгся тот самый огонь, который всегда горел только для неё. Не грубый, не пожирающий. Тёплый, ровный, бесконечно нежный. Огонь домашнего очага, а не пожара.

Вскоре Артур избавился от своей одежды. И теперь они были друг перед другом обнажены не только телами, но и душами. И Гвинебра всегда находила в этом что-то поистине ценное. Что-то, что не было доступно тем, кто не проживал такую любовь, такие чувства.

Когда их тела соединились, мир перестал существовать. Не было Камелота, не было войны, не было Мордредра, Морганы и тревожных вестей. Была только эта комната, этот узкий круг света от догорающей свечи, его дыхание у её виска, его руки, обнимающие так крепко, будто он хотел защитить её от всего мира, даже от времени.

Гвинебра прикрыла глаза и позволила себе просто чувствовать. Тепло его кожи. Ритмичное движение, похожее на покачивание лодки на тихих волнах. Тяжесть его тела – надёжную, укрывающую. Запах – дым, лошади, чуть слышный вереск от мыла, которым он пользовался утром.

Она не думала о завтрашнем дне. Не позволяла себе. Сейчас было только сейчас – и она впитывала каждое мгновение, каждую секунду, зная, что потом эти мгновения станут её единственной опорой.

В какой-то момент она почувствовала, как его дыхание участилось, как напряглись мышцы под её ладонями. Он уткнулся лицом в её волосы, и она услышала приглушённый, почти болезненный вздох – звук человека, отдающего всего себя без остатка. Гвинебра обняла его крепче, прижимая к себе, принимая, удерживая.

А потом наступила тишина. Та особенная тишина, которая бывает только после – полная, звонкая, наполненная покоем.

Он не отстранился. Остался лежать на ней, тяжёлый, реальный, дышащий. Его сердце колотилось где-то у её груди, и она считала удары – один, два, три... замедляясь, успокаиваясь. Она гладила его по спине, чувствуя под пальцами каждый позвонок, каждую линию мышц.

– Я вернусь, – прошептал он в её волосы. Не спросил, не пообещал – просто сказал, как факт.

– Я знаю, – ответила она. И в этот момент действительно верила.

Только когда их дыхание выровнялось, он осторожно перекатился на бок, притянув её к себе спиной к груди. Его рука легла на её живот – ладонь раскрытая, тёплая, защищающая. Гвинебра накрыла её своей.

Они лежали так, дыша в унисон, слушая, как за окном просыпаются птицы. Она чувствовала его дыхание на своей шее, тепло его тела вдоль всей спины, биение его сердца – и пыталась запомнить это каждой клеточкой.

«Запомни, – шептал ей внутренний голос, – Запомни это тепло. Этот запах. Его руку. Всё запомни».

Она и запомнила. До последнего вдоха.

Воспоминание болезненным уколом вошло в грудную клетку и заставило Гвиневру содрогнуться. Чувство вины вновь запустило свои щупальца под её кожу. Это было больно на каком-то фантомном уровне. В голове запульсировала одна единственная мысль.

«Как ты могла? Как могла предать его?»

И ведь действительно, она едва помнила тот момент, когда смогла позволить себе переступить грань дозволенного. Всё было как в тумане – и одновременно каждый миг того дня отпечатался в её сознании калёным железом.

Перед глазами пронесли воспоминания о том дне, который перечеркнул все прошедшие годы.

Едва рассвет коснулся Камелота, Артур уже был на ногах. Он оставил Гвиневру одну из королевских покоев – ушёл туда, куда она не могла ступить. Она не воин, не рыцарь, лишь женщина, чья доля – ждать, надеяться и молиться.

Гвиневра надела своё лучшее зелёное платье. Леди Элейна заплела золотые волосы и водрузила на голову корону. Но даже в этом великолепии Гвиневра не выглядела торжествующей. На её лице застыла тревога и какое-то тихое примирение с неизбежным.

Король ждал её в саду, на скамье под беседкой. В дублете с гербом Пендрагонов, с Эскалибуром на коленях. Спокойный, но в глазах – та же тоска, что разъедала её изнутри. Они встретились взглядами – и ничего не сказали. Гвиневра опустилась рядом, прижалась головой к его плечу. Вокруг цвёл май: яблони, вишни, первые розы. Каждый цветок, каждая пчела, каждая птица стали безмолвными свидетелями их беззвучной тоски друг по другу.

Время текло странно – слишком медленно и слишком быстро одновременно.

– Ваше величество, пора.

Голос сэра Галахада разрубил тишину. Артур сжал её руку, поднялся. Гвиневра встала следом, не разжимая пальцев. Короткий жест – и они оба знали, что он значит: «Я не хочу отпускать тебя».

По пути к конюшням Артур говорил о делах – о том, что оставляет ей часть обязанностей, о распоряжениях лордам. Гвиневра слушала вполуха, впитывая не слова, а звук его голоса.

– Я не подведу, – ответила она, когда он замолчал.

– Я знаю.

У клумбы с незабудками Артур остановился. Сорвал веточку, улыбнулся:

– Пусть эти цветы станут символом моей победы.

Гвиневра улыбнулась в ответ – через силу, через сдавившее горло:

– Обязательно станут.

У конюшен их ждали. Сэр Кей и сэр Гавейн держали коней. Гавейн, завидев королеву, широко улыбнулся и подмигнул:

– Не скучайте без нас, ваше величество! Мы мигом – только хвосты драконьи причешем!

Кей проворчал что-то о том, что мог бы сейчас пить эль у камина, а не трястись в седле.

Гвиневра улыбнулась сквозь слёзы – так знакомо, так по-домашнему звучало его ворчание.

Сэр Галахад стоял чуть поодаль – молодой, светлый, с какой-то детской верой в глазах. Он поймал взгляд королевы и чуть заметно кивнул: «Не бойтесь. Всё будет хорошо». Гвиневра кивнула в ответ, хотя ком в горле мешал дышать.

Ланселот и Лионель были здесь же – им предстояло отправиться к Западным границам лишь утром. Лионель переминался с ноги на ногу, явно рвавшийся в бой. Ланселот же стоял неподвижно, и его взгляд – Гвиневра почувствовала его кожей – был прикован к ней.

Она не обернулась. Не посмела.

Артур уже сидел в седле, всё ещё сжимая в руке веточку незабудок.

– Не задерживайтесь на границе дольше, чем нужно, – бросил он рыцарям.

Лионель и Ланселот склонили головы. Артур в последний раз посмотрел на жену.

– До свидания, моя королева.

– Жду нашей встречи, мой король, – ответила она, и улыбка вышла почти настоящей.

Он пришпорил коня. Кей, Гавейн и Галахад поскакали следом. Копыта взбили пыль, и через мгновение всадники скрылись за воротами.

Гвиневра смотрела им вслед, пока пыль не осела. Слёзы текли по щекам – она даже не пыталась их вытирать.

– Они обязательно вернуться, ваше величество.

Голос Ланселота прозвучал совсем рядом. Она обернулась. Он стоял в двух шагах – и в его глазах было что-то, от чего сердце пропустило удар. Не просто сочувствие. Не просто рыцарская преданность. Что-то глубже, темнее, теплее.

– Обязательно, – эхом отозвалась она и отвернулась, потому что не могла больше выносить этот взгляд. Слишком глубоко он проникал и грозился вытащить на поверхность то, чего Гвиневра боялась так сильно и долго.

Она, не попрощавшись с Лионелем и Ланселотом, вернулась в замок, где приступила к исполнению обязанностей, возложенных на неё королём. И весь день прошёл в какой-то суматохе. Череду сменяющихся собеседников, скучных сухих отчётов, жалоб от простолюдинов сводила с ума, но и не давала впасть в уныние.

Ближе к вечеру королева, наконец, смогла запереться в своих покоях. Подальше от сочувствующих взглядов и подбадривающих речей.

Гвиневра сидела в кресле у камина, глядя, как, потрескивая, горят поленья. За окном уже давно опустилась ночь – тёплая, майская, напоённая ароматами цветущего сада. Такая ночь создана для любви, для тихих разговоров, для того, чтобы лежать в объятиях мужа и слушать, как бьётся его сердце.

Но его сердце билось сейчас где-то далеко, на пыльных дорогах Логрии.

Она осталась одна.

В груди росла тяжесть – не та, знакомая, от разлуки с Артуром. Другая. Та, что годами пряталась по углам души, забивалась в щели между долгом и желанием, маскировалась под верность и дружбу. Теперь она выползла наружу и дышала в лицо своим горячим, стыдным дыханием.

«Ланселот».

Имя вспыхнуло в голове, и Гвиневра зажмурилась, будто от удара.

Она пыталась не думать о нём весь день. Пыталась убедить себя, что тот взгляд в овраге, тот миг, когда его руки держали её, когда его сердце билось под её щекой, – ничего не значил. Просто страх. Просто миг слабости. Просто благодарность за спасение.

Ложь.

Она лгала себе шесть лет.

С того самого дня в лесу, с того самого подъёма из оврага, с того самого момента, когда он посмотрел на её губы, а она – Боже, прости – захотела, чтобы он поцеловал её. Всё это время она носила в себе эту отраву, запечатав её в самый дальний угол сердца, завалив камнями долга, молитв и надежд, что это пройдёт.

Не прошло.

Стало только хуже.

Гвиневра поднялась и подошла к окну. Луна висела над башнями Камелота – огромная, белая, равнодушная. Внизу, во дворе, горели факелы. Там, в восточном крыле, за одной из этих стен, сейчас был он. Собирался в дорогу. Завтра утром уедет – к Западным границам, к мятежникам, к смерти, которая поджидает каждого, кто берёт в руки меч.

«А если он не вернётся?»

Мысль ударила под дых. Гвиневра схватилась за подоконник, чувствуя, как дрожат пальцы.

Если он не вернётся – что останется? Годы молчания. Взгляды, украденные на пирах. Случайные встречи в коридорах, когда сердце замирало, а лицо оставалось непроницаемым. Ни одного слова. Ни одного признания. Только эта тяжесть, которую она носила одна.

«Я должна поговорить с ним».

Мысль пришла внезапно – и тут же вызвала приступ страха.

«О чём говорить? Что сказать? «Я знаю, что ты чувствуешь, потому что чувствую то же самое?»»

Это было бы предательством. Предательством Артура, предательством Бога, предательством всего, чем она была.

Но молчание – тоже предательство. Предательство себя. Предательство правды, которая жгла изнутри.

Гвиневра отошла от окна и остановилась перед зеркалом. Из серебряной глади на неё смотрела королева – безупречная, холодная, с короной, вплетённой в золотые волосы. Но Гвиневра видела другое: женщину, которая устала быть сильной. Женщину, которая хочет одного – сказать правду. Хотя бы раз в жизни. Хотя бы тому, кто поймёт.

«Я скажу ему, что между нами ничего не может быть. Я поставлю границы так чётко, что между нами никогда больше не возникнет даже тени. Я попрошаюсь. По-настоящему. И тогда, может быть, эта тяжесть отпустит».

План казался разумным. Правильным. Единственно возможным.

Она накинула тёмный плащ, скрывающий лицо и фигуру. Выскользнула в коридор. Сердце колотилось где-то в горле, но шаги были твёрдыми. Королева шла ставить точку.

Восточное крыло спало. Лишь изредка попадались стражники, но они отводили взгляды, узнавая королевский плащ. Никто не посмел спросить, куда она идёт глубокой ночью.

Дверь в покои Ланселота. Та самая, мимо которой она проходила сотни раз за эти годы – и каждый раз сердце замирало на долю секунды. Сейчас она стояла перед ней, и времени больше не было. Гвиневра постучала.

Тишина. Шаг. Щеколда лязгнула. Дверь открылась.

Ланселот стоял на пороге – без дублета, в одной льняной рубашке, с распущенными светлыми волосами, падающими на плечи. Увидев её, он замер. В его глазах мелькнуло удивление, потом тревога, потом что-то ещё – то самое, что она надеялась больше никогда не увидеть.

– Ваше величество? – голос хриплый, сбитый. – Что-то случилось?

– Можно войти? – спросила она.

Он отступил. Пропустил.

Комната была скудно освещена одной свечой. На столе лежала карта, рядом – походная сумка, меч, ножны. В углу – плащ, свёрнутый на скамье. Всё говорило о скором отъезде.

Гвиневра вошла, остановилась посередине. Стянула капюшон. Повернулась к нему.

Ланселот закрыл дверь – и остался у порога. Не приближался. Словно давал ей пространство. Словно боялся спугнуть.

– Я хотела поговорить, – начала она. Голос звучал ровно. Почти, – До твоего отъезда.

– Я слушаю.

Она смотрела на него – и слова, заготовленные заранее, выученные наизусть, вдруг показались чужими, мёртвыми. Как она могла думать, что сможет сказать это спокойно?

– Шесть лет, – выдохнула Гвиневра, её пальцы впились в ткань плаща, – Шесть лет я ловлю твой взгляд на турнирах, на пирах, в коридорах. Шесть лет я делаю вид, что не замечаю, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не вижу. Шесть лет я сама смотрю на тебя так же – и ненавижу себя за это.

Она перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

– Тот день в лесу... когда ты нёс меня на руках. Я помню каждое мгновение. Как ты смотрел на меня. Как твои руки держали меня. Как твоё сердце билось под моей щекой. Я помню, как ты посмотрел на мои губы – и я... – голос дрогнул, – я хотела, чтобы ты поцеловал меня.

Ланселот шагнул ближе. Лицо напряжённое, глаза горят.

– Гвиневра...

– Дай мне закончить, – перебила она, хотя внутри всё кричало от того, как он произнёс её имя, – Я ношу это в себе шесть лет. И больше не могу. Я пришла сказать тебе правду. Чтобы между нами больше не было этого... этого немого соучастия. Я чувствую к тебе то, чего не должна чувствовать. И ты – я знаю – чувствуешь то же самое. Я видела это в твоих глазах сотни раз.

Она замолчала, собираясь с духом для главного.

– Но это ничего не меняет. Ты – рыцарь Артура. Я – его жена. И когда вы вернётесь, между нами не должно быть ничего, кроме долга и верности. Поэтому я пришла попроситься. По-настоящему. С тобой... и с тем, что я чувствую.

Она подняла на него глаза. В них стояли слёзы, которые она больше не пыталась скрыть.

– Ты понял меня, Ланселот?

Он смотрел на неё долго. Очень долго. Потом шагнул – и оказался так близко, что она слышала его дыхание.

– Я понял тебя, Гвиневра, – сказал он тихо, – Ты хочешь, чтобы я ушёл завтра и забыл всё. Чтобы между нами был только долг.

Голос был ровным. Спокойным. И в этой ровности, в этом принятии было что-то страшное. Он не спорил. Не возражал. Не просил. Он просто... согласился. Принял её решение. Как принимал все эти годы – молча, издалека, с той самой поэтической печалью, которая всегда разрывала ей сердце.

Он не сделает ничего. Не скажет ни слова. Он отпустит её. Прямо сейчас. Навсегда.

Гвиневра должна была уйти. Всё было сказано. Всё было решено.

Она повернулась к двери. Сделала шаг. И остановилась. Прямо возле него. Так близко, что плащ задел его руку. Она чувствовала его дыхание – тёплое, сбивчивое, совсем не такое спокойное, как его голос. Чувствовала напряжение, которое он сдерживал из последних сил. Она не оборачивалась. Не могла. Боялась, что если увидит его лицо – не уйдёт никогда.

Но он не двигался. Не касался её. Не звал. Он просто стоял и ждал. Чего? Того, что она сделает выбор? Или того, что она уйдёт, и он останется один с этим навсегда?

Гвиневра медленно повернула голову.

Их взгляды встретились. В его глазах не было ни мольбы, ни надежды. Только принятие. Только тихая, мужественная готовность принять любой её шаг. Если она уйдёт – он останется здесь и будет молчать до конца своих дней. Если останется – он примет и это.

Он не выбирал за неё. Никогда не выбирал. И это было невыносимее любых слов.

Гвиневра шагнула. Не назад – к двери. Вперёд. К нему.

Расстояние между ними исчезло. Она стояла так близко, что видела, как дрожат его ресницы, как пульсирует жилка на виске, как сжаты губы – в попытке сдержать то, что рвалось наружу.

Его руки поднялись. Медленно, осторожно, давая ей время отстраниться, если она передумает. Легли на её талию – едва касаясь, спрашивая разрешения.

Внутри Гвинеvры всё кричало.

«Беги. Сейчас же. Пока не поздно. Ты королева. Ты жена Артура. Ты...»

Она запрокинула голову. Встретила его губы.

Крик стих. Осталось только одно слово, пульсирующее в такт сердцу:

«Ближе».

Его руки – те самые, что шесть лет назад несли её из оврага, – прижали её крепче. Осторожно. Нежно. Будто она была соткана из лунного света и могла рассыпаться.

Поцелуй был не жадным, не торопливым. Он был долгим, глубоким, вбирающим в себя все шесть лет молчания. В нём не было победы или обладания – только узнавание. Только эхо того, что оба носили в себе так долго, что забыли, каково это – дышать иначе.

Мысли в голове Гвинеvры таяли, как свечной воск. Одна за другой.

«Это грех».

«Мне всё равно».

«Артур...»

«Потом. Всё потом».

«Остановись».

«Больше».

Его пальцы скользнули по её спине выше, прижимая к себе. Она чувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань, слышала, как сбивается его дыхание, как бьётся его сердце – уже не в такт её, а быстрее, горячее, отчаяннее. Она оторвалась от его губ на мгновение – чтобы вдохнуть, чтобы посмотреть в его глаза. В них больше не было принятия. Не было покорности. Был голод. Тот самый, который она видела лишь однажды – в овраге, когда он смотрел на её губы под дождём.

– Я не уйду, – прошептала она.

Это не было вопросом. Это было утверждение. Приговор себе.

Ланселот закрыл глаза. Выдохнул – так, будто всё это время не дышал.

– Я знаю, – ответил он. И поцеловал её снова.

Она не помнила, как они оказались на постели. Только что стояла, прижатая к его груди, чувствуя, как его губы всё ещё хранят вкус её губ, – и вдруг мир качнулся, поплыл, и твёрдая стена под спиной сменилась мягкостью покрывал. Ланселот нависал над ней – светловолосый, с горящими в полумраке глазами. В них больше не было ни покорности, ни поэтической печали. Был голод. Тот самый, что копился много лет, – и теперь, когда плотина рухнула, сдержать его было невозможно.

Но он сдерживал. Всё ещё. Спрашивал. Ждал.

– Ты хочешь этого? – голос хриплый, сорванный. – Гвинеvра, скажи. Если ты хоть на миг...

Она не дала ему договорить. Потянулась вверх, впилась в его губы – жадным, отчаянным поцелуем, в котором не осталось ни капли от той нежной церемонности, что была с Артуром. Это было не прощание. Это было открытие.

С Артуром всё было знакомо. Тепло. Правильно. Его руки знали её тело, как музыкант знает любимую лютню, – каждый изгиб, каждую ноту, каждую струну, которая отзывалась на прикосновение.

С Ланселотом было иначе. Всё было впервые.

Его пальцы – не те, что привыкли сжимать меч, а те, что шесть лет назад перевязывали её рану с нежностью, от которой сжималось сердце, – скользили по её коже, и каждый дюйм, которого они касались, вспыхивал, будто по нему провели раскалённым железом. Но от этого жжения не было боли. Было только очищение.

Гвиневра чувствовала, как трещит по швам всё, что она строила годами. Корона, долг, честь, память о том, кто она – всё это осыпалось пеплом, уносилось прочь жарким ветром, что поднялся между ними.

Она не думала. Не могла думать. Мысли плавились, текли, превращались в одно лишь ощущение – он.

Его губы на её шее – и она выгибается, лоя ртом воздух. Его руки на её талии – и она прижимается ближе, забывая, где кончается она и начинается он. Его дыхание, сбивчивое, горячее, смешанное с её дыханием, – и это единственный звук в мире, который имеет значение.

С Артуром она всегда знала, что будет дальше. Каждое движение было предсказуемым, знакомым, уютным, как старый плед холодной зимой. Это была любовь – тихая, глубокая, надёжная.

С Ланселотом она не знала ничего.

Каждое его прикосновение было откровением. Каждый поцелуй – новым миром. Она не успевала привыкнуть к одному, как он уже дарил другое, и тело её откликалось так, как никогда прежде – не послушно, а жадно, требовательно, с какой-то первобытной, стыдной, прекрасной жадностью.

Она горела.

Всё внутри неё горело – и в этом пламени сгорало всё: вина, страх, запреты, память о том, что правильно, а что нет. Пепел оседал на коже, смешивался с потом, с его запахом, с тем жаром, что шёл от него, и Гвиневра вдруг поняла: она возрождается.

Не та Гвиневра, что носила корону и улыбалась придворным. Не та, что годами ждала наследника и молилась в часовне. Другая. Та, что всегда жила глубоко внутри, за семью печатями, – дикая, свободная, ненасытная.

– Ланселот, – выдохнула она, и в её голосе не было ни грана королевского достоинства. Только мольба. Только имя.

Он понял. Он всегда понимал.

Его руки стали смелее. Тело прильнуло ближе, тяжелее, жарче. И когда они наконец стали одним целым, Гвиневра не сдержала стона – негромкого, сдавленного, но такого искреннего, что сама испугалась этого звука.

Но испугаться не успела. Потому что мир взорвался.

Она не знала, что так бывает. С Артуром было хорошо. С Артуром было тепло и правильно. Но то, что происходило сейчас, не имело с тем ничего общего.

Это была буря. Это был пожар. Это было падение в пропасть – и одновременно полёт.

Каждое движение Ланселота отзывалось во всём теле, каждой клетке, каждой запертой двери, которую она держала закрытой годами. Они распаивались одна за другой, и наружу вырывалось то, чему она не смела дать имя.

Она чувствовала, как он дрожит над ней – не от слабости, от напряжения, от того, что сдерживает себя, чтобы не причинить боль. Она чувствовала, как его пальцы впиваются в её бёдра – и как тут же разжимаются, боясь оставить синяки. Она чувствовала, как его губы шепчут её имя – не «ваше величество», не «королева», а просто – Гвиневра.

И это имя, произносимое его голосом в темноте, значило больше, чем все клятвы, данные перед алтарём.

Когда волна накрыла её – впервые в жизни по-настоящему, не той тихой, семейной волной, а океанским штормом, сносящим всё на своём пути, – Гвиневра закусил губу, чтобы не закричать. Она впиалась ногтями в его спину, выгибаясь, лоя ртом воздух, чувствуя, как мир рассыпается на миллион осколков и собирается снова – уже другим.

Ланселот рухнул рядом, тяжело дыша, и его рука нашла её руку в темноте. Пальцы переплелись – влажные, горячие, дрожащие.

Они лежали молча.

Гвиневра смотрела в потолок, чувствуя, как по виску стекает капля пота, как медленно успокаивается сердце, как возвращается способность думать. И первая мысль, которая пришла, была не о грехе. Не о вине. Не об Артуре.

«Я жива. Боже мой, я столько лет была мертва – и только сейчас поняла это».

Она повернула голову. Ланселот смотрел на неё. В его глазах больше не было голода. Только изумление. Благоговение. И та же мысль, отражающаяся в зрачках.

– Я не знал, что так бывает, – прошептал он.

Гвиневра улыбнулась. Впервые за много лет – по-настоящему, без масок.

– Я тоже.

Он притянул её к себе, и она уткнулась лицом в его грудь. Его сердце колотилось – часто, неровно, живо. Она слушала этот стук и чувствовала, как внутри неё, на пепелище, проклёвываются первые, робкие ростки чего-то нового.

Стыд придёт утром. Вина придёт утром. Страх, что кто-то узнает, – утром.

Сейчас была только ночь. Только его руки. Только жар, в котором она сгорела – и возродилась заново.

Ланселот поцеловал её в макушку. Просто так. Не требуя ничего взамен.

– Спи, – прошептал он. – Я рядом.

И Гвиневра закрыла глаза. Впервые за долгие годы – не королева Логрии, не жена Артура, не бесплодная грешница, мучимая виной. Просто женщина, которую любят.

Она проснулась от тишины.

В замке всегда было шумно – днём и ночью, шаги стражи, лай псов, далёкие голоса. Но здесь, в его покоях, было так тихо, что она слышала, как за окном птицы встречают рассвет.

Гвиневра открыла глаза.

Первое, что она увидела, – его лицо. Ланселот спал рядом, и в предрассветном сером свете, пробивающемся сквозь узкое окно, он казался высеченным из камня – благородный профиль, светлые волосы, разметавшиеся по подушке, расслабленные губы. Одна его рука лежала на её талии – тяжёлая, тёплая, собственническая даже во сне.

И на краткий миг – всего на одно украденное мгновение – Гвиневра позволила себе зажмуриться от удовольствия.

Тепло его тела. Запах – их общий запах, смешанный из пота, страсти и чего-то неуловимо сладкого. Память о ночи, пульсирующая где-то глубоко внутри, в самом нутре, куда не достанут ни стыд, ни раскаяние.

Она была счастлива. Одну секунду. Самую маленькую, самую грешную секунду своей жизни.

А потом глаза распахнулись – уже по-настоящему, широко, в ужасе.

«Что я наделала?»

Мысль ударила наотмашь, холодная, как ледяная вода, которой служанки поливают руки по утрам. Гвиневра села рывком, сбрасывая его руку, будто та жгла. Ланселот во сне что-то пробормотал, перевернулся на другой бок, но не проснулся.

Она смотрела на него – и не узнавала себя. Ту, что несколько часов назад стонала в его руках, впивалась ногтями в его спину, шептала его имя в темноту. Та женщина была чужой. Безумной. Преступной.

Гвиневра спустила ноги с постели. Каменный пол обжёт холодом – и это было правильно. Она заслужила этот холод. Заслужила каждую ледяную крошку под босыми ступнями.

Она нашарила сорочку, натянула через голову, путаясь в рукавах. Пальцы дрожали так сильно, что шнуровка на платье не поддавалась. Пришлось дышать, считать про себя, заставлять себя успокоиться.

«Не смотри на него. Не смотри, иначе снова...»

Но она посмотрела.

Ланселот спал. Такой беззащитный, такой красивый, такой не её. Никогда не будет её. Эта ночь – ошибка. Сладкая, горячая, смертельная ошибка, которую нужно забыть, стереть, выжечь калёным железом из памяти.

Гвиневра накинула плащ, запахнулась плотнее, будто ткань могла защитить от того, что творилось внутри. Подошла к двери. Оглянулась в последний раз.

«Ты ничего не помнишь, – приказала она ему мысленно. – Это был сон. Просто сон. Ты проснёшься и ничего не вспомнишь».

Она выскользнула в коридор.

В свои покои она не шла – летела. Плащ развеялся за спиной, сердце колотилось где-то в горле, каждые несколько шагов она оглядывалась – не видит ли кто? Не идёт ли кто за ней?

Никого. Ранний час. Замок ещё спал.

Она ворвалась в свои покои, захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол. И заплакала. Слезы хлынули сами – некрасивые, с рыданиями, с всхлипами, которые она пыталась заткнуть ладонью, чтобы никто не услышал. Она плакала и шептала в пустоту:

– Прости меня, Артур. Прости. Прости. Я не знаю, как это случилось. Я не хотела. Я не...

Она замолкала, потому что врать даже самой себе было невозможно.

Хотела. Хотела каждую секунду этих шести лет. Хотела так, что ночами не спала, ворочаясь в постели рядом с мужем. Хотела, когда ловила его взгляд на турнирах. Хотела, когда он улыбался ей через зал. Хотела, когда он нёс её на руках из оврага, и дождь стекал по его лицу, а она смотрела на его губы и мечтала.

Гвиневра вцепилась пальцами в волосы, сжала их, зажмурилась.

– Господи, прости меня, – зашептала она, глядя куда-то в потолок, где в рассветном полумраке угадывался тёмный крест балки. – Я грешница. Я предала мужа. Я предала тебя. Я...

Слова кончились. Осталась только боль, глухая, ноющая, разъедающая изнутри.

Она поднялась с пола, подошла к умывальнику, плеснула в лицо ледяной водой. Посмотрела в зеркало. Оттуда на неё смотрела чужая женщина. С опухшими от слёз глазами, с красными пятнами на щеках, с волосами, которые пахли им. Она всё ещё чувствовала его запах на своей коже – и это было самое страшное. Потому что, несмотря на стыд, несмотря на слёзы, несмотря на молитвы, часть её – та самая, дикая, проснувшаяся ночью – хотела, чтобы он был рядом.

– Я похороню это, – сказала она своему отражению твёрдо. – Я заставлю себя забыть. Он уедет, и всё кончится. Всё будет как раньше.

Она лгала. И знала это.

Когда утреннее солнце уже золотило башни Камелота, Гвиневра, одетая в строгое тёмно-зелёное платье, с короной на голове и безупречной осанкой, вышла во двор провожать отряд. Рыцари уже построились. Лошади перебирали копытами, позвякивала сбруя, слуги сновали с последними припасами.

Гвиневра искала взглядом одного.

Ланселот стоял чуть в стороне, у своего коня. Поправлял подпругу – или делал вид, что поправляет. Он не смотрел на неё. Специально не смотрел.

Она подошла к Лионелю, сказала несколько слов – пожелала удачи, благословила на дорогу. Тот поклонился, улыбнулся, что-то ответил. Она не слышала. Все её чувства были натянуты, как тетива, и указывали в одну сторону.

«Ланселот».

Она обошла строй, сказала положенные слова ещё двум рыцарям. Сердце колотилось так, что, казалось, все слышат.

И, наконец, остановилась перед ним.

Он поднял голову.

Их взгляды встретились.

И в этот миг Гвиневра поняла: он помнит. Всё помнит. Каждое мгновение. Каждый вздох. Каждое прикосновение.

В его глазах не было ни укора, ни торжества, ни надежды. Только знание. Только память. Только тихое, мужественное: «Я был там. Это было. И этого не отменить».

Она хотела сказать что-то официальное: «Счастливого пути», «Да хранит вас Господь», «Возвращайтесь с победой».

Губы не слушались.

Она просто смотрела на него – и тонула в этом взгляде.

Он кивнул. Чуть заметно. Только для неё.

– Ваше величество, – сказал он вслух, официально, для всех.

И в этом обращении не было ничего, кроме долга. Но его глаза – его глаза говорили другое. Они говорили: «Я не забуду. Никогда».

Гвиневра кивнула в ответ – так же чуть заметно.

– Сэр Ланселот, – её голос не дрогнул. Чудом, – Да сопутствует вам удача.

Он вскочил в седло. Отряд тронулся. Гвиневра стояла у ворот и смотрела, как он уезжает. Как развеивается его плащ. Как он ни разу не оборачивается. Она знала: это не конец. Это только начало.

И когда последний всадник скрылся за поворотом дороги, она почувствовала, как внутри неё, на пепелище ночи, прорастает что-то новое.

Не стыд. Не раскаяние.

Страх.

Потому что она поняла: она хочет, чтобы он вернулся. Не как рыцарь. Не как друг.

Вечер опустился на Камелот сизым сумраком, заглушая краски за стрельчатым окном. В королевской опочивальне горели лишь две свечи – одной было достаточно, чтобы разогнать тьму, но недостаточно, чтобы прогнать тени из углов. Гвиневра сидела в кресле у камина, укутавшись в шерстяной плед поверх простого домашнего платья. Огонь в очаге едва теплился, лениво перелизывая последние поленья, – никто не догадался подбросить дров, а она сама не позвала слуг. Не хотелось, чтобы кто-то входил. Не хотелось нарушать эту хрупкую тишину, в которой она только начала находить покой.

– Ваше величество, – прозвучал в покоях голос Кадваллона.

Гвиневра вздрогнула. Она настолько погрузилась в свои воспоминания, что не заметила ни скрипа двери, ни шагов. Граф стоял в двух шагах от неё – бесшумный, как хищник, привыкший появляться там, где его не ждут. В полумраке его лицо казалось высеченным из мрамора: те же резкие черты, та же холодная красота, тот же взгляд, от которого по спине всегда пробегал лёгкий холодок.

– Надеюсь, вам уже лучше? – спросил он. Ни тени беспокойства на лице. Просто констатация факта, вежливая формальность, за которой ничего не стояло.

«Лучше ли мне? – подумала Гвиневра, машинально поправляя плед на плечах. – Моё тело окрепло. Душа – вряд ли. Но графу этого не объяснишь. Да и не нужно».

– Спасибо, милорд. Я чувствую себя хорошо, – она выдавила короткую улыбку, чувствуя, как губы слушаются с трудом, – Как обстановка в замке? Расскажите мне всё.

Кадваллон позволил себе лёгкую усмешку – едва заметное движение уголков губ.

– Если я буду рассказывать вам всё, что происходит за пределами ваших покоев, то нам и целой ночи не хватит.

Он сделал паузу – ровно столько, чтобы она оценила его остроумие, но не больше. Идеально выверенная пауза. Гвиневра невольно отметила это профессиональным взглядом политика.

– Я могу лишь уверить вас в том, что наша небольшая уловка осталась незамеченной.

Лорды, конечно, задали вопрос, почему королева не соизволила лично, как это было всегда, принять просителей. Но им хватило короткого ответа о вашей занятости другими важными делами.

Он говорил спокойно, размеренно, будто отчитывался о выполненной работе. Гвиневра слушала, но краем сознания отмечала, как странно это звучит – «наша уловка». Будто они сообщники. Будто у неё действительно был выбор.

– Получилось даже лучше, чем я себе представлял. Меллигенс был только рад получить возможность самому решить несколько судебных простых смертных.

Кадваллон ухмыльнулся – та самая ухмылка, от которой у Гвиневры всегда холодело внутри. Слишком довольная. Слишком хищная.

«Меллигенс рад, – повторила она про себя. – Конечно, рад. Он уже пробует власть на вкус. Как долго он будет довольствоваться ролью временного управителя?»

– Сейчас я и лорд Годвин заняты решениями финансовых задач Логрии. Не стану загружать вас излишними подробностями, государыня, но посмею заверить, что вскоре королевская казна получит своё.

Он провёл пальцами по усам – жест, который Гвиневра уже научилась распознавать. Граф был доволен собой. Очень доволен.

«Чьё "своё" получит казна? – подумала она, глядя в его лицо. – Должников или твоё, Кадваллон? И сколько ты уже положил в свой карман, пока "помогаешь" мне?»

Она отогнала эту мысль. Сейчас не время для паранойи. Сейчас время слушать и запоминать.

– Вы упоминали, что собираетесь посеять раздор между лордами, – Гвиневра подалась вперёд, и плед соскользнул с одного плеча, открывая бледную кожу. Она не заметила. Её взгляд был прикован к графу, – Что вы задумали?

Кадваллон задержал взгляд на её открытом плече ровно на секунду – не дольше, чем позволено, но достаточно, чтобы Гвиневра почувствовала этот взгляд кожей. Она поёжилась, но не от холода.

– Ваше внимание не перестаёт восхищать, – лукаво улыбнулся он.

Гвиневра не ответила на улыбку. Только смотрела прямо, не мигая, всем своим видом показывая: я жду ответа. И не просто ответа – правды.

Кадваллон выдержал её взгляд. Конечно, выдержал. Такие, как он, всегда выдерживают.

– Вы же понимаете, что главная ваша задача – не дать лордам объединиться против вас, как они когда-то объединились против Морганы. Для этого нужно подорвать их доверие друг к другу. Пока они конфликтуют между собой, вашему трону ничто не угрожает.

Слова упали в тишину, как камни в стоячую воду. Гвиневра смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается волна – то ли гнева, то ли отчаяния.

– Но это же то, чего я хотела избежать. То, против чего боролся Артур, – её голос дрогнул, и она ненавидела себя за эту дрожь, – Он долгие годы примирял этих лордов между собой. Заставлял их объединять силы ради будущего Логрии!

Кадваллон слушал её с вежливым вниманием, но в его глазах читалось: «Наивно. Мило. Но наивно».

– Королю Артуру была доступна такая привилегия, – сказал он тихо, почти мягко, – Но не вам. Увы.

Удар был точен. Гвиневра физически ощутила, как эти слова входят в грудь – холодные, острые. «Не вам». Потому что она женщина. Потому что она вдова. Потому что у неё нет его меча, его славы, его права приказывать – только право просить и уговаривать.

– Я не понимаю, – её голос окреп. Она не позволит ему видеть её слабой, – Как конфликты лордов помогут мне удержать трон? Их разрозненность ослабит страну.

– Ваша задача – вовремя сглаживать углы.

– Странная задача. Вы будете эти углы обострять, а мне нужно будет сглаживать. Как вы себе это представляете?

Кадваллон шагнул ближе – ровно на полшага. Теперь его фигура заслоняла камин, и свет свечей падал на него сзади, делая лицо почти нечитаемым.

– Пока один барон будет жаловаться на другого, вы даруете свою милость третьему, который будет наиболее лоялен вашей власти. Всё просто, – он говорил терпеливо, как учитель с нерадивой ученицей, – Лорды начнут негласно соревноваться между собой за вашу благосклонность. Они слабы, пока одиноки в своей борьбе против вас. И единственный способ стать сильнее – это встать на вашу сторону. Так благородные господа не заметят, как вновь будут объединены одной сильной, но женской рукой.

«Сильной, но женской», – повторила она про себя. Он умел делать комплименты даже в самых циничных речах. Или это тоже был расчёт?

– И вы уже начали воплощать эту задумку? – спросила Гвиневра, чувствуя, как пальцы сами собой сжимают край пледа.

Кадваллон позволил себе ещё одну улыбку – на этот раз почти искреннюю.

– На самом деле, лорды отлично справляются и без меня. Некоторые конфликты уходят корнями на столетия назад. Теперь же я лишь осторожно направляю молодые побеги в сторону, противоположную вашему трону.

Он говорил о людях, как о саде, который можно подстригать по своему усмотрению. Гвиневра слушала и чувствовала, как внутри неё что-то сжимается – то ли восхищение, то ли ужас.

– Вмешиваться напрямую даже нет необходимости. Словечко здесь, словечко там. И вот барон Эдвин из Дорсета уже возмущается тому, что барон Ранульф Честерский позволяет своим людям охотиться в лесах Дорсета. А леса Дорсета всегда были спорной территорией между этими семьями.

Он развёл руками – жест, который должен был означать «всё честно, я лишь наблюдаю». Гвиневра смотрела на него и видела паука, терпеливо плетущего сеть.

– Будет ли их конфликт глобальным? Конечно же нет. Но смогут ли они стоять бок о бок в борьбе против вас? Сомнительно.

– А Меллигенс? – спросила она, неожиданно для себя.

Кадваллон чуть склонил голову, оценивая вопрос.

– Герцог Меллигенс не обладает таким влиянием на умы и сердца людей, коим обладал Артур Пендрагон. Он не сможет примирить этих баронов между собой. Но вы должны суметь это сделать. Как когда-то это сделал ваш покойный муж.

«Как Артур», – эхом отозвалось в голове. Она должна стать им. Нет, она должна стать лучше. Или хитрее? Или просто другой?

Гвиневра молчала, глядя на огонь в камине. Пламя почти угасло, только редкие искры взлетали вверх и гасли, не долетев до чёрного зева трубы.

– Я подумаю над этим, – сказала она наконец. Голос звучал ровно, но внутри бушевала буря.

– Естественно, – Кадваллон склонил голову в лёгком поклоне, – У вас ещё полно времени для этого.

Времени. У неё его не было никогда. Но графу об этом знать не обязательно.

Он задержался на пороге, бросив последний взгляд на её силуэт в кресле. Гвиневра чувствовала этот взгляд спиной – тяжёлый, изучающий, оценивающий. Потом шаги стихли, и дверь закрылась с тихим, почти неслышным щелчком.

Она осталась одна. Камин догорал, свечи оплывали, и только тени танцевали на стенах – бесшумные, неутомимые, вечные.

Гвиневра прижала ладони к животу – там, где под сердцем теплилась новая жизнь. Такая маленькая. Такая беззащитная. Такая зависимая от её решений.

«Какую Логрию я оставлю тебе? – подумала она, глядя в темноту. – Ту, где лорды объединены любовью и верностью, как при Артуре? Или ту, где они объединены страхом и враждой, подогреваемой такими, как Кадваллон?»

Ответа не было. Только тишина, холод и запах догорающих дров.

Глава 12. Бремя

«Когда вокруг человека ничего не происходит, в его голове происходит всё».

Гвиневра отбивала пальцами нервный такт по деревянному подлокотнику кресла. Третий день полного бездействия с её стороны сводил с ума. Нервы натянулись подобно струне, а от бесконечного потока воспоминаний и размышлений начала безумно болеть голова.

Женщина резко поднялась с места, подошла к окну и осторожно выглянула наружу. Близился вечер. Солнце уже медленно клонилось к земле. Двор Камелота был погружен в каждодневную суету. Кухонный рабочий нёс дрова, поджарый служка в одиночку катил куда-то пустую скрипучую телегу, стражники над чем-то громко смеялись у ворот. Все продолжали проживать свои жизни. Все, кроме Гвиневры.

Это злило и пугало. Злило потому, что обстоятельства оказались сильнее. А пугало потому, что ни на ком, кроме самой королевы, её отсутствие и безучастие не сказалось.

«Быть может, я не так уж сильно нужна этому королевству?»

Неприятный холодок прошёлся по спине. Она передёрнула плечами.

– Больше нельзя бездействовать, – твёрдо сказала она себе.

– Вот именно, вашество, – раздалось вдруг откуда-то сбоку.

Гвиневра вздрогнула и резко обернулась. В кресле у камина, поперёк всей этой чопорной мебели, развалился лохматый рыжеволосый паренёк в нелепой красной тунике. Он свесил ноги через подлокотник кресла и прямо глядел в глаза королевы. На веснушчатом лице играла обворожительно-хамская улыбка. Однако, в янтарных глазах мелькнуло что-то иное. Усталость ли? Или боль? Гвиневра не смогла это определить.

– Фальк? – вздохнула она, – Как ты?.. Когда...

– Пролез через то окошко, – он пальцем указал в сторону ближайшего к нему окна, створки которого были распахнуты, – Не волнуйтесь только. Я был тих и незаметен.

«Незаметен. Как же! Самый рыжий житель Логрии, и самый яркий из шутов...»

– Я не о том, шут, – сказала Гвиневра, подходя к окошку, через которое пробрался Фальк, чтобы прикрыть его.

– Так я и говорю: я, вашество, только вернулся в замок, – гнусавым голосочком проговорил шут и с глуповатым видом почесал себе затылок, – Пора же мне вновь взяться за своё ремесло. Только вот я вас не нашёл. Ходит баба какая-то в вашеской одежде да ещё с короной на маковке! Я подумал: либо вашество в прятки захотела поиграть, либо... что-то не так. Вот и решил поискать вас без лишнего шума.

– И нашёл. Только вот ты до сих пор не усвоил, что нельзя так врывать в королевскую опочивальню, – женщина скрестила руки на груди и строгим взглядом окинула Фалька.

– Но это ведь чрезвычайная ситуация! А вдруг вы в плену? Или вовсе... того...

– Прекрати нести эти глупости, шут, – Гвиневра закатила глаза, – Всё в порядке. Та, кого ты видел в моём платье... Ты не должен никому ничего рассказывать. Даже в шутках. Это великая тайна.

– Вашество, вы ж меня знаете! Я – могила, – шут приложил руку к груди и склонил голову.

– И где же ты пропадал всё это время? – Гвиневра решила сменить тему разговора.

– Я... Шут ведь на то и шут, что должен веселить всех. А как же я буду веселить, ежели мне самому так горько, что слёзы льют и льют? – он вздохнул. По его отстранённому взгляду королева поняла, что Фальк думает об Артуре, – Вот и ушёл. Поболтался по Двуречью, немножко исцелил свою израненную душу, – он шмыгнул носом, да так громко, что Гвиневру передёрнуло от характерного звука, – А теперь буду, как прежде, потешать вас, вашество, – он по-детски покачал ногами в воздухе и вдруг вскочил с кресла. Лицо его выражало восторг, –

А потом и вашего ребёночка буду развлекать. Но это потом, – его взгляд уставился на живот Гвиневры, который был едва незаметным.

– Да, потом, – она рефлекторно положила ладонь на свой живот, – Фальк, больше не исчезай так. Иначе мне придётся найти нового королевского шута.

– Вы раните меня в самое сердце, вашество! – он обе руки приложил к грудной клетке и изобразил на лице невероятную боль, – Я обещаю, что никогда больше... Никогда! Не покину этот замок! Даже, если палками погоните!

– Верю, – королева улыбнулась, – Коль был в Двуречье, расскажешь, что интересного там происходит? Что люди говорят? – женщина устроилась в одном из кресел, приготовившись слушать Фалька. Он же устроился на полу подле её ног.

– Ой, вашество, всякое говорят. Кто хорошо, кто плохо, а кто только зубами скрипит. Одни боятся. Другие уважают. Но равнодушных нет.

– Продолжай.

– Ну, как хотите, вашество, – он снова почесал затылок, продолжил, – В Нижнем городе не любят в принципе никого из знати. Могут делать вид, что любят, но на деле...

– Ближе к сути, шут.

– Недовольны простые люди. Война у многих отняла золотишко-серебришко, жильё или родных. Тут уж ничего не поделать. Но, конечно, беднякам и простым ремесленникам то, что знатные люди спят мягко да едят сладко... В общем, злит их это... Тут и там слышно шепотки, мол, долой этих прихлебателей...

– Прихлебателей?

– Ну, эт не мои слова... Я-то просто слушал да на ус наматывал. Тут и там наблюдал. Те слова, из-за которых тот простолюдин языка лишился... – он вздохнул и взгляд его стал серьёзнее, чем когда бы то ни было, – Люди продолжают шептать. Вечером после трудной работы, когда сидят в трактирчике и пьют дешёвое пойло, тогда и начинают болтать лишнего. Так я подсел к одной компашке. Выпил с ними да спросил, откуда, мол, знаете, что там в замке да как? А они мне: «Слухами Земля полнится!» – лицо шута нахмурилось и даже покраснело, – Такие слухи ползут из этих стен, – он внимательным взгляд обвёл покои, словно ожидал обнаружить шпиона в ближайшем углу, – От фрейлины какой, или кухарки. А может и кто из монахов с языком без костей, – последние слова он выплюнул с нескрываемым презрением, а Гвиневра вдруг почувствовала, как где-то в груди закипела злость. В висках запульсировало, отдавая болью.

– Довольно, – твёрдо сказала женщина, – Я не хочу больше говорить об этом, шут. Оставь меня, – приказала она, вопреки своему нежеланию снова оставаться наедине с собой.

– Как прикажете, вашество, – он бодро вскочил на ноги и сделал глубокий поклон. Длинный рукав его яркой туники подмёл каменный пол.

– Можешь выйти через дверь. Ни к чему людям видеть, как в мои покои лазают шуты через окна, – Гвиневра позволила себе улыбнуться и улыбка эта вышла несколько вымученной.

– Как угодно, вашество, – Фальк поклонился ещё раз, – Только бы вы улыбались.

Он выскользнул из покоев так бесшумно, что Гвиневра поразилась. Как может такой заметный человек быть таким скрытным?

Гвиневра откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

Пока она отсидживается в своих покоях, среди людей зреет недовольство. И повезёт тому, кто успеет подхватить разъярённую толпу и направить её против врага. И горе Гвиневре, если этим везунчиком окажется не она.

«С этим нужно срочно что-то делать», – подумала женщина, – «Стоило тебе умереть, Артур, как твоё королевство стало рассыпаться. Пока незаметно, понемногу. Но стало. И как мне удержать всё это?»

– Вы сегодня поздно, граф, – проговорила королева в темноту, из которой выплыл лорд Кадваллон. Он, держа в руках какой-то свёрток, деловито опустился в кресло и поглядел на неё. Гвиневра сидела в кресле у камина, укутанная в плед.

– На то есть причины, ваше величество, – с этими словами он выудил из свёртка небольшую печать.

– Это...

– Печать Морганы, да, – он покрутил небольшой предмет в пальцах и положил на столик, – Теперь мы можем воплотить в жизнь один из наших планов.

«Откуда у него печать? Выкрал? Хранил копию? Есть ли у него другие печати? Например, моя?» – ряд вопросов возник в голове королевы. И от разных догадок она почувствовала покалывание на коже, будто тысячи ледяных иголочек вонзались в её тело.

– Вы говорите «наших», но этот план вы придумали без меня... Как и все другие, – сказала Гвиневра, игнорируя своё уязвлённое эго. Кадваллон был эффективен, порой даже слишком. Она не могла не признать это.

– Без вашего дозволения ни один из этих планов не может быть воплощён в жизнь. Потому вы являетесь их неотъемлемой частью, – он сохранил нейтральное выражение лица, но вновь разгладил пальцами усы. Королева уже понимала, что этот жест он делает неосознанно в моменты, когда сильно собою доволен.

– Что ж, пусть так. Пока эти планы служат мне во благо, я буду их частью, – она легко улыбнулась и попыталась расслабленно откинуться на спинку кресла.

«Нельзя показывать ему своё напряжение», – эта мысль прозвучала в голове голосом отца. Он именно так и сказал бы ей.

– Тогда приступим, – сказал мужчина и начал разворачивать на столике пергамент, перья и чернильницу. За окном давно стемнело, в покоях горели только свечи, и их дрожащий свет придавал лицу графа ещё более хищное выражение.

– Вы уверены, что это необходимо? – спросила Гвиневра, наблюдая, как он макает перо в чернильницу.

– Это единственный способ поймать Роланда, – ответил Кадваллон, не поднимая глаз, – Он жаден, труслив и глуп. Идеальная жертва во имя будущего порядка. Тем более, когда он пытается восстановить лордов против вас, – он чуть заметно пожал плечами.

– Я не о Роланде, – Гвиневра помолчала. – Я о том, что мы сейчас делаем. Вдвоём.

Королева до сих пор сомневалась в том, что стоит настолько плотно сотрудничать с графом Кадваллоном. Ведь в этот момент они фактически связывали друг друга по рукам и ногам. И если кто-то из них окажется в опале, он потянет за собой другого. Общая тайна делала их соучастниками преступления.

Кадваллон поднял на неё взгляд. В полумраке его глаза казались почти прозрачными.

– У вас есть другой способ заставить его сознаться? Есть идеи, как заставить лордов присмиреть?

Она молчала.

– Вот именно, – он снова склонился над пергаментом, – Итак, начнём.

Он писал быстро, уверенно, и Гвиневра с удивлением заметила, как легко его рука выводит буквы – острые, с резкими наклонами, совсем не похожие на его обычный, каллиграфически ровный почерк.

– Откуда вы знаете, как пишет Моргана? – спросила она, надеясь получить хоть немного информации. В голове созревали догадки об общем прошлом Кадваллона и Морганы.

– Изучал, – после недолгой паузы ответил Кадваллон, – Её письма к союзникам, её приказы, даже её личные записи, которые удалось раздобыть. Она пишет, как живёт: резко, без сантиментов.

– И вы научились подделывать её почерк?

«И только ли почерк Морганы?»

– Я научился всему, что может пригодиться, – ответил мужчина, поглядев в лицо Гвинеvры прямо. В глазах не было и тени усмешки. Это был абстрактный ответ, который таил в себе слишком многое. Сможет ли Гвинеvра разобраться в этом? Сможет ли хоть что-то полезное узнать о Кадваллоне? С каждой их встречей ей всё сильнее хотелось понять его мотивы, его образ мыслей.

Кадваллон закончил первую фразу и прочитал вслух:

– «Граф. Я слежу за вами давно и вижу, что вы колеблетесь в принятии стороны. Время колебаний прошло. Артур мёртв. Я единственная законная наследница трона. Вы либо со мной, либо против меня. Выбирайте».

Гвинеvра поморщилась.

– Нет, – коротко сказала она.

Кадваллон поднял бровь.

– Что «нет»?

– Она бы так не написала.

– Почему?

– Потому что она женщина. И она знает, что Роланд – мужчина, который не терпит, когда им командуют. Если она начнёт с угрозы, он ошестинится и пойдёт к Гвинеvре с повинной, лишь бы насолить той, кто посмела ему приказывать, – если бы у Гвинеvры были усы, то она непременно разгладила бы их пальцами, как всегда делал граф Гвинедский. Так сильно она была довольна собой в этот момент.

Кадваллон смотрел на неё долгую секунду. Потом кивнул.

– И как бы написали вы, как женщина?

Гвинеvра взяла перо, обмакнула, задумалась на мгновение. Потом вывела на отдельном клочке:

«Граф Роланд Марредид, я знаю, что вы человек чести и не привыкли к неопределённости. Позвольте мне предложить вам определённость. Вы получите земли на юге, титул и мою благосклонность. Взамен я прошу лишь одного: чтобы вы вспомнили, кто на самом деле достоин сидеть на троне Логрии по праву крови».

Она протянула ему листок.

Кадваллон читал, и его лицо медленно менялось. Сначала удивление, потом... что-то похожее на уважение.

– Это... – он подбирал слово, – это тонко. Очень тонко. Она не приказывает, она предлагает. Не угрожает, а льстит, – на короткое мгновение в его лице промелькнуло что-то странное. Гвинеvра буквально почувствовала, как на эти пару секунд граф выпал из реальности, но он быстро вернулся назад и продолжил сосредоточено всматриваться в текст.

– Потому что женщина, которая хочет получить власть, не может позволить себе угрозы, – сказала Гвинеvра тихо. – Ей приходится быть умнее. Хитрее. Она должна заставить мужчину думать, что выбор – его прерогатива, хотя выбора попросту нет. Есть только ультиматум.

Кадваллон смотрел на неё с новым выражением. Тем самым, которое она уже научилась распознавать в последние дни – смесь удивления и... восхищения?

– Продолжайте, – сказал он и положил перед собой чистый пергамент, – Диктуйте. Я буду писать её рукой.

Гвинеvра вновь откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза, входя в роль.

– Дальше она должна напомнить ему о том, что он теряет, если откажется. Но не прямо. Намёком.

– Например?

– «Я слышала о богатстве ваших лесов, полей и рек. Будет жаль, если ваша неопределённость повредит финансовой обстановке графства».

Кадваллон усмехнулся, записывая.

– Хорошо. Ещё?

– «Камелот ослаблен. Король погиб. Кто придёт на защиту Мидлэндшира, если будет в том нужда? Кто протянет вам руку помощи в час, когда ваш замок Торнвуд возьмут в осаду? Гвиневра? Ваши соседи? Мидлэндшир – богатое графство и многие мечтают отхватить от него кусок. Я же предлагаю вам, граф, своё покровительство. Предлагаю помощь в час нужды, а он непременно настанет. Так пусть же в этот час мы окажемся на одной стороне».

– Невероятно. От такого и я не смог бы отказаться, – Кадваллон вскинул брови и чуть покачал головой.

– Закончим, – сказала Гвиневра и лорд Гвинеда снова сосредоточился на письме, – «Когда я сяду на трон, вы будете моей правой рукой. Не на словах – на деле. Я нуждаюсь в таких умах, как ваш. Для этого вам нужно лишь присягнуть мне на верность и признать меня своей королевой».

Кадваллон дописал, отложил перо. Перечитал всё письмо целиком. Потом поднял глаза на Гвиневру. Его губы тронула улыбка. Редкая. Настоящая.

– Знаете, что самое страшное?

– Что?

– Если бы Моргана умела писать такие письма, она бы давно сидела на троне.

Гвиневра усмехнулась – горько, устало.

– Она не умеет. Потому что так и не поняла, что с силой других нужно считаться. И что кровь Пендрагонов в её жилах – это далеко не всё, что нужно, чтобы надеть корону, – сказала она, потерев переносицу. Жест усталости, который не остался незамеченным.

Кадваллон быстро сложил письмо, запечатал воском, приложил печать – ту, что принёс с собой. Всё это он делал с такой ловкостью и такой сноровкой, что Гвиневра в удивлении вскинула брови.

«Эти движения он проделывал уже тысячи раз».

– Я сейчас же отправлю гонца, – сказал он. – Через две недели у нас будет первый ответ.

– А если Роланд не ответит? Вдруг побоится?

Кадваллон посмотрел на неё с той самой холодной усмешкой.

– Ответит. На такое письмо и я бы ответил. Только он ответит, потому что ищет выгоды и жаден до власти. Я ответил бы скорее из чистого любопытства. Хотя... пожалуй, это тоже иллюзия выбора. На такое письмо нельзя не ответить.

Гвиневра кивнула. В комнате повисла тишина – та самая, новая, в которой они учились находиться рядом.

– Спасибо, – сказал вдруг Кадваллон, поднявшись с места.

– За что?

– За то, что поправили. Я думал как политик. А надо было – как женщина.

Гвиневра посмотрела на него долгим взглядом.

– Мы теперь в одной лодке, милорд. Если она пойдёт ко дну – утонем оба.

– Тогда будем грести, – ответил он, – Вместе. Доброй ночи, ваше величество.

Он поклонился и вышел, оставив её одну у камина.

Гвиневра смотрела на огонь и думала:

«Странно. Я ему не доверяю. Я его боюсь. Но с ним я чувствую себя... нужной. Не как королева. И не как женщина. Как равная. Знать бы, к чему приведёт меня это сотрудничество».

Так она просидела ещё несколько минут, пока не осознала, что её спина затекла от долгой неподвижной позы. Медленно поднявшись с кресла, Гвиневра потянулась. Плед с её плеч упал на пол и она не стала его поднимать. Развернувшись и прошла к кровати, легла на холодную постель и укрылась тяжёлым пуховым одеялом.

Она надеялась тут же провалиться в сон, но вместо него были бесконечные мысли, сменяющие друг друга.

Прохлада простыни послала по спине Гвиневры волну мурашек. Так часто бывало, особенно в зимние вечера. В такие моменты королева любила прижаться к своему мужу. Он согревал не только её тело, но и душу. Когда, лёжа позади неё, шептал ей на ухо что-нибудь приятное. Когда сжимал в своих руках так сильно, что на секунду перехватывало дыхание. Такие вечера Гвиневра любила и хранила в своей памяти, как самое драгоценное сокровище.

Постепенно постель согрелась, и вскоре женщине стало жарко. Она раскрылась наполовину и уставилась в темноту комнаты, которую разбавлял лишь огонь очага. Из-за пляшущих языков пламени тени от предметов прыгали на стенах.

Гвиневра вдруг подумала о Моргане. Её всегда пугали странные истории о тёмной магии, которой сестра Артура, как многие утверждали, владела с детских лет. И говорили, что именно из-за этого Утер не хотел делать дочь своей наследницей. Но подлинную историю Гвиневры не знала. Артур и сам её не знал, ибо рос он не в Камелоте и при жизни своего отца не знал.

«Семья Пендрагонов – это самое странное, что я встречала в жизни», – подумала женщина, – «Столько загадок и тайн. И какую роль во всём этом играет Мерлин? Почему он был так привязан к Артуру?»

Гвиневра задалась этими вопросами, но даже не надеялась получить на них ответ. Самое большее, на что она могла рассчитывать – это загадочные фразы Мерлина. А от них голова начинала болеть пуще прежнего.

«Единственный, кто хоть сколько-то понимал Мерлина – это Артур. Возможно, что мне тоже стоит научиться понимать его».

Королева зевнула и потёрла глаза. От зевка они заслезились.

«Надо же. Я ещё не все слёзы выплакала, – усмехнулась она про себя, – А могут ли вообще слёзы закончиться?»

Это были её последние мысли, прежде чем Гвиневра по-настоящему провалилась в сон.

– Я думаю, опасности нет, – приглушённым голосом сказала сестра Агнесс. Она сидела на стуле напротив кровати Гвиневры, – Но нужно оставаться осторожной. Любое отклонение может стоить вам дорого, государыня. Если почувствуете недомогание, головокружение или боль, вам стоит сразу же прилечь. Пусть при вас всегда будет одна из моих помощниц на такой случай.

Она по-матерински легонько похлопала Гвиневру по коленке. Этот жест показался Гвиневре приятным, но таким чужим. Ни отец, ни настоятельница Сидгрейн никогда так не делали. Но старушечьи тёплые руки дарили королеве какое-то странное спокойствие.

– Это лишнее, – проговорила королева, поправляя сорочку, – Я чувствую себя прекрасно, – она улыбнулась монахине, – Не хватало мне ещё монашек, охраняющих меня вместе с рыцарями.

– И всё же...

– Достаточно, сестра, – оборвала Гвиневра, – Если я почувствую себя плохо – вам сообщат незамедлительно.

Сестра Агнесс поднялась со стула, поклонилась и направилась к двери, у которой замерла.

– Береги себя, дитя, – сказала она, повернувшись к Гвиневре, – Под сердцем своим ты вынашиваешь Надежду для всей Логрии, – её тонкие губы растянулись в доброй улыбке.

– Я буду себя беречь, – пообещала королева, улыбнувшись в ответ.

Сестра Агнесс вышла из покоев, продолжая улыбаться. Гвиневра же бодро подскочила с кровати, подошла к зеркалу и покрутилась перед ним, сияя улыбкой.

Её заточение окончено. Больше никаких долгих часов в одиночестве. Никаких самозвонков в её платьях.

– Доброе утро, ваше величество, – донёсся до Гвиневры голос леди Элейны, – Сестра Агнесс сказала, что вы здоровы и угрозы ребёночку нет. Но она просила следить за вами.

Договорив, Элейна поставила на столик перед камином поднос с едой. Следом в покои прошла леди Исельда с небольшим кувшином в руках. Взгляд её был несколько отсутствующим.

«Неужто опять в какого рыцаря влюбилась?» – с улыбкой подумала Гвиневра.

– Доброе утро, государыня, – елеиным голоском пропела Исельда, – Мне кажется, будто я целую вечность вас не видела.

– Слишком много забот, леди Исельда, – чуть пожав плечами, ответила Гвиневра, присела в кресло и принялась за трапезу.

– Разве обязана королева отчитываться перед вами, леди Исельда? – строго произнесла Элейна и Исельда вдруг присмирела, – Где ваши манеры?

– Прошу прощения, – поджав губы, извинилась юная фрейлина. Она чуть не выронила из рук кувшин от растерянности, но вовремя поймала баланс. Элейна немного резко забрала этот кувшин у Исельды и разместила его на столике рядом с подносом.

– Ничего страшного, Элейна, – мягко сказала королева, легко взяв свою наперсницу за руку, – Я и сама соскучилась по своим фрейлинам. Нужно будет собраться после воскресной службы. Хочу послушать музыку. К тому же Фальк вернулся в замок. В такое тяжкое время нам необходимы улыбки.

– Фальк вернулся? – прижав руки к груди, воскликнула Исельда. Её лицо, ещё мгновение назад смущённое, озарила улыбка, – Где же был этот пройдоха?

– Скоро сам вам всё расскажет, – ответила Гвиневра, – А может и не расскажет. Вы же знаете, какой он, наш Рыжий Фальк.

– Тогда я отдам распоряжение, чтобы подготовили всё для вечера воскресенья, – игнорируя обсуждение шута, сказала Элейна. Лицо её стало сосредоточенным.

– Собираться будут только дамы? Придёт ли кто-нибудь из лордов и рыцарей? – неконтролируемым потоком заговорила леди Исельда, – Может сэр Бедивер захочет побыть там? – с лукавой улыбкой спросила она, покосившись в сторону Элейны. Та зарделась и даже не успела ничего сказать, – Жаль, что сэр Лионель не в Камелоте, – продолжала тараторить Исельда и теперь уже сама залилась пунцовым румянцем, – А сэр Ланселот... Он лучше всех пел серенады... – она, наконец, выдохлась и теперь стояла, опустив глаза в пол. Видимо, смысл сказанного только дошёл до неё самой.

– Присутствовать будут только дамы, – сохранив невозмутимое выражение лица, сказала Гвиневра, – И Фальк.

Королева почувствовала ноющую в груди тоску при упоминании Ланселота. И заставила себя продолжать улыбаться.

«Ланселот больше не будет петь. Никогда. В этом замке».

– Леди Исельда, вы так болтливы, – сказала строго Элейна, – Ваша безграничная болтовня может утомить её величество.

– Прошу прощения, – снова смущённая, Исельда присела в поклоне.

– Достаточно дамы, – проговорила Гвиневра, – Помогите мне одеться.

Тяжёлые двери тронного зала распахнулись с коротким неприятным скрипом, и звонкий голос герольда разрезал тишину, царившую в коридоре:

– Её величество, королева Гвиневра Пендрагон, регент Логрии!

Гвиневра сделала шаг вперёд – и на мгновение ей показалось, что время застыло. Она вдруг вспомнила, как впервые вошла в этот тронный зал. Вспомнила удивлённые, восхищённые взгляды придворных, устремившиеся на неё, как на что-то инородное. Сейчас на неё смотрели так же. В этих взглядах читались разные чувства и мысли. Неприятие, отчуждение, восхищение, сочувствие, любопытство, настороженность... Десятки разных взглядов, которые прожгли бы в ней дыру, если бы могли.

Зал был полон. Лорды и леди, рыцари и слуги. Все сохраняли тишину. И тишина эта отчего-то резала слух. В ней будто было скрыто гораздо большее, чем в тысячах криках на городских площадях или на поле брани.

Среди этой тишины каждый шорох её платья, каждый шаг по каменному полу отдавался эхом под высокими сводами.

Гвиневра не ускорила шаг. Не замедлила. Она шла ровно, как когда-то учила её настоятельница Сидгрейн: спина прямая, взгляд перед собой, ни тени сомнения на лице. Грация и достоинство.

Ковровая дорожка цвета тёмного вина вела её к трону. К её трону. К месту, которое она не занимала уже несколько дней – и которое за эти дни словно стало чужим.

За Гвиневрой по пятам следовала её небольшая свита: сэр Бедивер в лёгкой экипировке с гербом на груди, леди Элейна чуть позади рыцаря, и придворный шут Рыжий Фальк, перетянувший на себя большинство взглядов.

Краем глаза Гвиневра заметила графа Кадваллона. Он стоял чуть в стороне от других лордов, скрестив руки на груди. Лицо его было непроницаемо. Но по внимательному взгляду, окидывающему всех присутствующих, Гвиневра поняла, что он оценивал обстановку и ждал. Вот только чего он ждал?

Королева подошла к трону, развернулась и медленно опустилась на него. Дуб резных подлокотников, гладкий и прохладный под ладонями, вернул ей ощущение реальности.

Бедивер встал в ряды других рыцарей и устремил свой взгляд на королеву. Леди Элейна встала перед другими фрейлинами, показывая свой статус. Придворные дамы почтительно расступились, дав ей больше пространства.

Фальк прошёл до самого трона и опустился на ступеньки у ног своей королевы. Он с улыбкой оглядел всех лордов и леди. Кому-то приветственно кивнул, кому-то скорчил рожицу, чем вызвал тихий залп смешков.

Позади трона Гвиневры, по обе стороны, неподвижно замерли двое рыцарей из гвардии Бедивера. Их лица скрывали забрала шлемов, оставляя снаружи лишь тёмные прорези для взгляда. Их тихое, синхронное дыхание было единственным звуком, нарушавшим мертвенную тишину у трона.

Королева обвела взглядом присутствующих, и позволила себе чуть заметную улыбку. Только уголками губ.

– Рада видеть вас всех в добром здравии, – сказала она и слова её эхом отразились от каменных стен.

Придворные склонились в приветственном поклоне. Все до единого. Одновременно, будто все эти дни только и делали, что оттачивали синхронность своих движений.

– Прошу простить мою занятость в последние дни, – продолжила королева, когда придворные выпрямились, – Дела, не терпящие огласки и заминок, требовали моего личного присутствия.

Она сделала паузу, дав придворным время на переваривание её слов.

– Теперь я всецело посвящу себя нашему общему делу. У кого есть вопросы к короне?

После секундного промедления из толпы к подножию трона вышел престарелый лорд Эдвин из Дорсета. Он поклонился ради приличия и тут же посыпал на Гвиневиру ворох своих жалоб.

– Ваше величество! Я... как бы это сказать... барон Эдвин из Дорсета, к вашим услугам!
– громко сказал он.

– Я слушаю вас, милорд. Что беспокоит вас?

– Люди Ранульфа, государыня. Они, – он запнулся, прочистил горло и тут же продолжил,

– Они суют нос в мои владения! Охотятся в лесах Дорсета! А эти леса вот уже четверть века, как признаны моими! – тараторил он, активно жестикулируя руками и указывая пальцем в ряды придворных.

– Лорд Ранульф... Он сейчас здесь? – спокойно спросила королева.

Тут же из толпы вышел и встал рядом с бароном Эдвином молодой невысокий мужчина.

– Я барон Ранульф Честерский, – с поклоном представился он, – К вашим услугам, государыня.

– Твои услуги впору назвать медвежьими! – проскрежетал лорд Эдвин.

– Смеею заявить, ваше величество, – заговорил лорд Ранульф, проигнорировав слова старика, – Леса, в которых мои люди охотятся, всегда были спорной территорией. Они не принадлежат ни Честеру, ни Дорсету. Потому я считаю, что мои люди могут охотиться там так же, как и люди барона Эдвина.

– Эти леса всегда принадлежали Дорсету! – возразил барон Эдвин, – Двадцать пять лет назад Утер Пендрагон во всеуслышание объявил, что эти леса принадлежат мне!

– Довольно, лорды, – перебила их Гвиневира, – Соблюдайте приличие. Вы не на городском рынке.

Оба лорда с поклоном извинились.

– И стар и млад! Никак не могут поделить клочок земли, – громко произнёс Фальк и хихикнул.

– Клочок?.. – сквозь зубы процедил лорд Эдвин.

– Фальк, сейчас не время, – тихо бросила королева.

– Извиняюсь, ваше величество. Не сдержался, – почесав затылок, ответил шут.

– И всё же, в словах шута есть зерно истины, – ровным тоном произнёс лорд Ранульф, – Будет справедливо поделить лес между Честером и Дорсетом.

– П-п-поделить? – лорд Эдвин покрылся красными пятнами от гнева, – Эти леса испокон веков принадлежали моей семье! С чего бы мне делить их с тобой?

– Зверьё из этих лесов находит себе пропитание в землях Честера ровно настолько, насколько и в землях Дорсета. Река, что протекает через лес, берёт своё начало в холмах Честера. И никогда, нигде, и никем не было зафиксировано, что этот злосчастный лес принадлежит лордам Дорсета, – отчеканил барон Ранульф. Старик в это время уже буквально давился своей ядовитой слюной.

Гвиневира на миг перевела взгляд на графа Кадваллона. Он продолжал стоять в тени и наблюдать. Пальцами разгладил усы и поглядел на королеву с такой довольной ухмылкой, что Гвиневира буквально смогла услышать его мысли:

«Я же говорил. Разделяй и властвуй».

– Лорды, прекратите ссору, – строго и громко сказала Гвиневира, – Чтобы решить этот вопрос, мне понадобится несколько дней.

– А чего здесь решать? Лес мой! Земли мои! – выпалил барон Эдвин.

– Если вы не сбавите тон, лорд Эдвин, мне придётся отдать распоряжение страже, – ещё громче и твёрже сказала королева и смерила старика холодным взглядом, – Как смее вы

устраивать в стенах Камелота этот балаган? Как смеее оспаривать моё решение? Все, от простого крестьянина до монарших особ, должны чтить закон и порядок Логрии, который был установлен здесь силами короля Артура и его предков.

Она буквально пронзила взглядом сначала лорда Эдвина, затем лорда Ранульфа. Оба опустили глаза в пол, как нашкодившие дети.

«Действительно. И стар и млад».

– Я рассмотрю ваше дело в течении нескольких дней. Если будут найдены документы, подтверждающие право на владение этими землями одной из сторон, то всё будет просто. Если же подобного документа не существует, то я оставляю за собой право распоряжаться данной землёй, – уже более тихим спокойным тоном закончила Гвиневра.

В этот раз барон Эдвин нашёл в себе сил и разума, чтобы сдержать свои эмоции. Барон Ранульф сохранил невозмутимость на своём лице. Они откланялись и вернулись в ряды придворных, избегая смотреть друг на друга.

Королева снова поглядела на Кадваллона. Отчего-то ей хотелось увидеть его реакцию на её решение. Мужчина глядел на неё, продолжая ухмыляться. Она заметила, как он несколько раз едва заметно кивнул. В груди расплылось знакомое ощущение. Так бывало в детстве, когда отец хвалил её за правильные ответы.

Прогнав это чувство, Гвиневра снова обратила свой взор на придворных. Рядом с герцогом Меллигенским она обнаружила и его сына Ваймунда. Молодой сын лорда стоял неподвижно, одним лишь взглядом блуждая по тронному залу. Он задержал взор на фигуре Гвиневры, но не посмотрел ей прямо в глаза. Герцог Олдред чуть подался к нему, что-то прошептал, и губы Ваймунда дрогнули в краткой улыбке.

– Кто-то ещё хочет задать мне вопрос? – громко спросила королева, проведя взглядом по герцогу и его сыну. Они остались стоять молча.

– Ваше величество, – из второго ряда придворных к трону вышел барон Годвин. Он всё так же держал в руках свою записную книгу.

«Должно быть, не расстаеться с ней даже во сне», – подумала Гвиневра, сдержав усмешку.

– Прошу, лорд Годвин, – она кивнула барону, дав позволение высказаться.

– Я лишь хотел попросить личной аудиенции, государыня, – с поклоном сказал лорд, погладив свою книжку по корешку, – Дело касается задолжников короны, – с этими словами он огляделся по сторонам, окинув придворных многозначительным взглядом.

– Что ж, тогда буду ждать вас после полудня в своём кабинете, – Гвиневра сделала жест рукой, давая Годвину знак вернуться на место.

– Позвольте мне взять слово, – вдруг подался вперёд герцог Меллигенский.

– Позволяю, – коротко ответила королева и лорд Олдред вышел к трону.

– Дело касается солдат, присланных вашим отцом, – ровным тоном проговорил герцог, – Намедни они устроили потасовку с нашими стражниками, – он поглядел на королеву осуждающе или даже презрительно, – Есть погибшие с обеих сторон.

– Извольте милорд! Ваши люди сами зачинили ссору! – послышался из толпы возмущённый голос.

К трону пробрался невысокий мужчина лет сорока с чёрными бакенбардами и лысой головой. На плече его была вышита эмблема с гербом Камелиарда. Он встал возле лорда Меллигенса, и Гвиневра обнаружила, что герцог на полторы головы выше чужеземца.

– Солдаты Логрии – идеально обученные воины. Они не способны учинять беспредел, – тем же холодным ровным тоном произнёс Меллигенс. Он не удостоил оппонента даже взглядом.

– И всё же погибло трое камелиардских бойцов, – возразил мужчина с бакенбардами.

– И четверо солдат Логрии, – прорычал герцог.

– Тихо, – приказала королева, – Для начала, прошу вас, представьтесь, – обратилась она к земляку.

– Прошу прощения, ваше величество, – поклонился он, – Я барон Горман, верноподданный вассал вашего отца короля Леодегранса. Под моим командованием в Камелот прибыло пять сотен солдат для поддержки Логрии в такие тёмные дни.

Теперь Гвиневра взглядела в лицо мужчины внимательнее. И она узнала в нём того молодого парнишку, который так часто танцевал с ней на праздниках в годы её юности.

– Добро пожаловать, барон Горман, – она тепло улыбнулась ему, – Прошу прощения, что не смогла лично встретить вас по приезду. И мне жаль, что приходится приветствовать вас при таких обстоятельствах, – уже серьёзно сказала женщина, – Разлад среди союзных войск – это серьёзно. Это нарушение дисциплины, порядка. Кто-то был задержан?

– Трое логрийцев и пятеро камелиардцев взяли на себя всю ответственность. Они сейчас в темнице, – отрапортовал лорд Меллигенс.

– Когда это случилось? Почему я узнаю об этом инциденте только сейчас? – Гвиневра решила засыпать герцога вопросами. Хотела поставить его в то положение, в котором он и должен быть.

– Это случилось вчера днём. Я решил сам заняться данным вопросом и провести расследование.

– Вы решили, герцог? – Гвиневра позволила себе немного повысить голос. – Подобные решения вы не имеете права принимать самостоятельно. Обо всём, что происходит в Камелоте, каждый из вас обязан ставить в известность меня. И уже я буду решать, кому поручить то или иное дело, – проговорила королева, чувствуя, как в груди всё сдавило от негодования. Её ногти впились в подлокотники трона с такой силой, что пальцы побелели.

– Прошу прощения, – выдал герцог, – Но вы ведь были заняты более важными делами, не терпящими огласки. Я рассудил, что ни к чему взваливать на ваши монаршие плечи ещё одну проблему.

Внутри Гвиневры на краткое мгновение застыло всё. То, каким тоном были произнесены слова герцога, наталкивало на мысль о провале плана Кадваллона. Она быстро метнула взгляд на графа Гвинедского. Он продолжал наблюдать за происходящим с невозмутимым видом. Мужчина поймал взгляд королевы, едва заметно мотнул головой.

«Никто ничего не знает», – будто услышала она его слова, и внутренний ступор стал рассеиваться.

«Если бы Меллигенс знал о таком, и я, и Кадваллон уже были бы под стражей. И это в лучшем случае».

– Вы рассудили неправильно, милорд, – ровным тоном произнесла Гвиневра, наблюдая за каждой микро-реакцией на лице лорда Меллигенса. – На моих плечах найдётся место для любой проблемы моей страны.

Герцог Олдред глядел перед собой с бесстрастным выражением лица – ни один его мускул не дрогнул. И только небольшая жилка на его лбу вздулась больше, чем обычно.

Королева перевела взгляд на барона Гормана. Он глядел на неё с некой надеждой. Искал поддержки. И, кажется, боялся. Увидел ли он в королеве Логрии черты короля Камелиарда?

Она перевела взгляд на сына герцога Меллигенса. Он по-прежнему не смотрел ей в лицо. Его взгляд блуждал по её фигуре, метался на спину отца. И только уголки губ чуть дёргались. Он пытался сдержать улыбку.

«Но что тут весёлого?» – задумалась Гвиневра, – «Над чем ты смеёшься, мальчишка?»

По спине Гвиневры прокатилась волна мурашек, вызванная плохим предчувствием. Ваймунд не вызывал доверия. Настораживал её больше, чем сам герцог.

Тем же временем она пыталась решить, что делать с теми солдатами, которые участвовали в стычке.

«Я не могу отослать армию отца обратно. Не могу их в принципе выпустить из Камелота. Они мне нужны. И оставить их под одной крышей с логрийцами тоже нельзя. Но как быть?»

Решение нужно было принять здесь и сейчас. Гвиневра едва заметно вздохнула. От её решения зависело многое: мнения лордов, отношение к ней солдат, её безопасность. А может быть и жизнь.

Она могла бы позволить Меллигенсу и дальше заниматься этим делом лично. Но что тогда её слова будут значить для других лордов? «Она пожурила Меллигенса, а потом всё равно возложила на него обязанность, которую он взял на себя сам. Что же это? Строгость ради строгости?» – так решат люди.

Королева могла бы дать Кадваллону полномочия в этом деле. И снова несколько «НО». Кадваллон и так получил слишком много влияния за такое короткое время. Внимание к его персоне со стороны лордов возрастет. Тогда ему будет труднее скрываться в тени, когда это необходимо. Да и давать ему в руки ещё один потенциальный рычаг давления Гвиневре не хотелось.

Поручить расследование кому-то из других лордов? Но кому она сможет верить? Кто не воспользуется ситуацией? Гвиневра этого не знала. И не могла позволить себе гадать.

Оставалось лишь одно – заняться вопросом лично. Разрешить спор между солдатами собственными силами. В конце концов, это ей нужна поддержка от отца.

– Приведите сюда задержанных солдат. Немедленно, – распорядилась королева. – Я не смогу принять справедливое решение, пока не выслушаю обе стороны.

Меллигенс замер на секунду, смерил Гвиневру недовольным взглядом. Она же поглядела на него с холодной решительностью. Тогда герцог дал знак страже.

– Вы слышали её величество. Приведите солдат.

Несколько стражей, стоявших у дверей, быстро удалились из зала. На какое-то мгновение в помещении повисла напряжённая тишина.

Меллигенс хотел было что-то сказать, но его прервал скрип открывающейся двери. Все обернулись на шум. В тронный зал вошёл сэр Глойн, которого Гвиневра неделями ранее отправила на охоту на медведя. Следом за рыцарем шли двое других. Они тащили тяжёлый свёрток.

«Добыл для меня шкуру того изувера», – поняла Гвиневра и на душе вдруг стало легче и тяжелее одновременно.

С одной стороны – она почувствовала облегчение за того крестьянина, который жаловался на пропадающий скот. С другой стороны – она осознала, что отдавала тот приказ ещё до того, как узнала о смерти Артура. С тех пор будто прошло не несколько недель, а целая жизнь. Столько событий прокатилось по этому замку, пока сэр Глойн гонялся за медведем по лесу.

– Ваше величество, – рыцарь встал перед тронном на одно колено. Его не смущали лорды Меллигенс и Горман, стоявшие рядом с ним, не смущали любопытные и возмущённые взгляды придворных. Он получил приказ, и он его выполнил. Для рыцаря – это почёт. – Ваш приказ выполнен. Я поразил медведя своим клинком, и принёс его шкуру вам.

Он дал знак своим рыцарям и те расстелили медвежью шкуру перед тронном. Она была огромной. Зверь воистину был исполинским.

«Сэр Глойн даже в таком возрасте не даёт слабину. Десятки лет отдал службе», – подумала королева, разглядывая медвежью шкуру.

– Благодарю вас, сэр Глойн, – громко, со сдержанной улыбкой, произнесла она. – Вы выполнили мой приказ беспрекословно, а главное – избавили крестьян от страшной напасти. Эта шкура послужит отличным украшением для детской моего ребёнка и будет согревать его в зимние вечера. В награду за вашу доблесть, я дарю вам... – она сделала паузу на секунду, – деревню Блэкмур близ Королевского леса. Отныне вы не просто рыцарь, а барон Глойн из Блэкмура.

Глойн побледнел, потом покраснел и встал теперь на два колена, низко поклонившись.

– Ваше величество... я... я не знаю, как благодарить...

– Служи так же верно, – улыбнулась королева, – И этого будет достаточно.

– Благодарю, государыня, за оказанную честь, – он поднялся, ещё раз поклонился и огляделся, не зная куда себя деть.

– Встаньте к придворным, барон, – кивнула Гвиневра, – Сэр Алан, – обратилась она к сенешалю, – Медвежью шкуру – в детскую.

Управитель замка сделал знак двум слугам, стоявшим у выхода, и те быстро подбежали к трону. Они в спешке скрутили шкуру и так же быстро удалились.

– Будит у ребёнка из меха одежонка, – пропел Фальк, довольно улыбаясь.

Королева позволила себе короткую улыбку и вновь сделалась серьёзной.

– Милорды и миледи, – она обратилась к придворным, – На сегодня вы свободны. Лорд Меллигенс, лорд Горман и сэр Бедивер – останьтесь.

Спустя краткий миг все присутствующие начали двигаться к выходу. Все, кроме тех, чьи имена были названы. И кроме Ваймунда, который так и остался стоять на месте.

– Вы тоже свободны, – сказала ему королева.

– Но, ваше величество, – с коротким поклоном возразил сын герцога Меллигенса, – Это дело касается меня так же, как и моего отца.

– Я так не думаю, – сказала Гвиневра холодно, – Насколько мне известно – вы не получили назначение при дворе. В Камелоте вы – гость.

«Незванный».

Ваймунд и хотел было снова возразить, но герцог Олдред обернулся на него.

– Ты ясно расслышал слова королевы? Ступай, – стальным голосом произнёс он. С секундным промедлением Ваймунд всё же откланялся и пошёл к выходу. В дверях ему преградили путь солдаты, которых вели под конвоем к трону Гвиневры. Сын герцога обернулся, проводив их взглядом. Всего на секунду его глаза встретились с глазами Гвиневры, и она вновь почувствовала неприятный холодок, пробежавшийся по спине.

«Что с тобой не так, Ваймунд?»

– На колени, – приказал лорд Меллигенс, когда солдат подвели к подножию трона.

– Не стоит, пусть стоят, – сказала королева.

Восемь человек под охраной четверых стражников встали неровным рядом. Трое – в солдатской форме Логрии, пятеро – в простеньких дублетах Камелиарда. У некоторых из них были видны синяки на лице. У кого-то был разбит нос, у кого-то – губа. Все опустили взгляды в пол.

– Объяснитесь, – тихо приказала Гвиневра, – По какому праву вы учиняете беспорядки в казармах Камелота?

Один из логрийских солдат поднял глаза и поглядел на неё. В его взгляде читалась злоба. На лице была запёкшаяся кровь, а одна бровь рассечена.

– Эти камелиардские ублюдки не знают, где их место, – выплюнул он слова, кивнув в сторону пятерых солдат Камелиарда, – Спят и жрут под нашей крышей...

– Мы привезли свою еду и своё оружие! – взревел воин Камелиарда, – Чтобы защищать вас!

– Мне твоя защита не нужна!

Между солдатами завязался спор и, если бы не оковы и стража, то они снова набросились бы друг на друга.

Бедивер шагнул в их сторону. Меллигенс стоял неподвижно, наблюдая за сценой. Горман начал успокаивать своих подчинённых.

– Молчать! – громко приказала королева, поднявшись с трона.

Все замерли и обратили свой взор на неё.

– Сейчас я вижу перед собой не великих воинов. Я вижу лишь невоспитанных, озлобленных мальчишек, – она провела взглядом по каждому из солдат, – И из-за вашего глупого детского желания выяснить, кто из вас сильнее, погибли ваши братья по оружию. Вместо того, чтобы стать единой армией, способной защитить страну, вы устраиваете беспорядки, ненавидите и убиваете друг друга. Где ваша воинская честь, доблесть?

Все молчали и, казалось, даже не дышали.

– Если всё продолжится в таком духе, нашим врагам даже делать ничего не придётся. Они просто подождут, пока вы все друг друга не передуете, – горько усмехнулась Гвиневра, – Я даже выслушивать не желаю ваши глупые причины для такого поведения. Что здесь расследовать? Мальчишки не смогли ужиться под одной крышей. Захотели выяснить, кто лучше. А в итоге – лишь показали свою несерьёзность, – Гвиневра рассуждала, озвучивая свои мысли. Она не глядела на солдат. Не глядела ни на кого, – Уведите их обратно в темницу, – приказала королева, – Всех солдат, кто впредь будет нарушать порядок – в каменоломни. В том числе и воинов Камелиарда, – она поглядела на барона Гормана, – Ведь именно так наказывает солдат мой отец?

– Именно так, ваше величество, – кивнул барон.

– Боюсь, в каменоломнях Логрии не хватит мест для всех, – недовольно буркнул Меллигенс.

– Не переживайте, милорд, помимо каменоломен есть ещё и шахты, – сказала Гвиневра с холодной ухмылкой.

– Но ведь солдаты Камелиарда – лишь союзные войска, – заметил Горман.

– Этот нюанс я решу лично со своим отцом. Вполне возможно, что он сочтёт лучшим вариантом мгновенную казнь для тех, кто с такой самоотверженностью позорит армию Камелиарда, – она мимолётно поглядела на пятерых солдат, которые стали испуганно переглядываться, – Но в таком случае мне тоже придётся пересмотреть способ наказания. Солдаты должны жить на равных условиях. Будет несправедливо, если одни будут работать в шахтах, а другие останутся без головы.

– Это разумно, – подал голос Бедивер, – И, надеюсь, что подобные меры отрезвят парней.

– Этих отправить в каменоломни? – спросил лорд Меллигенс, указав на восьмерых задержанных.

– Пока – в темницу, – коротко ответила Гвиневра.

Герцог сделал знак страже и они увели солдат.

– Передайте мои слова всем солдатам до последнего, – обратилась Гвиневра к лордам Меллигенсу и Горману, – Любое нарушение дисциплины с их стороны – и они лишатся воинского звания, чести и жалованья. Каменоломни и шахты готовы принять их в свои недра в любой момент.

Лорд Горман покорно склонился. Лорд Меллигенс слегка кивнул.

– Но знайте, милорды, что каждая подобная стычка будет говорить мне о том, что вы не способны управляться даже с таким небольшим войском, – холодно добавила королева.

Её слова были услышаны двумя командирами двух войск. Каждый понял их по-своему. И каждый разглядел в них угрозу.

– Вы все свободны, – коротко произнесла королева. Мужчины откланялись и покинули тронный зал.

Гвиневра проводила их взглядом и, чувствуя, как дрожат руки, направилась в кабинет. Впереди был разговор с Годвином и Кадваллоном – и она должна была быть спокойной.

– Прошу, милорды, присаживайтесь, – Гвиневра сделала жест рукой, приглашая Годвина и Кадваллона занять свои места.

Солнечный свет заливал собой кабинет, где Гвиневра теперь решала дела королевства вместо своего погибшего мужа.

– Для начала, хочу сообщить, что мне удалось найти покупателя на зерно, – робко улыбнувшись, выдал барон Годвин, и покосился в сторону лорда Гвинедского, – И под контролем графа Кадваллона сделка уже состоялась. В данный момент вырученные за него деньги направляются в Камелот под охраной отряда солдат и рыцарей.

– Это хорошая новость, – королева улыбнулась, – А что касается должников?

– В данный момент самыми проблемными остаются герцог Меллигенс и епископ, – подал голос Кадваллон, – С некоторыми лордами нам уже удалось договориться. Иные молчат по сей день. Среди них и граф Роланд Мерредид.

– Но мы уже направили повторные послания, – добавил лорд Годвин.

– Уже что-то, – кивнула женщина.

– Люди начали сбор урожая, – сказал Годвин, – Работа идёт, погода нам благоволит. В северных землях на границе с Морганой, конечно с урожаем дела обстоят хуже. Мордред сжёг много посевов.

– Камелот должен оказать поддержку, ответила Гвиневра, – Уточните, сколько им понадобится зерна и сена, чтобы протянуть до следующего урожая. Первым делом нужно будет отправить запасы туда. Пока дороги позволяют.

– Это очень предусмотрительно, – сказал граф Гвинедский.

– Так же, я думаю, стоит озаботиться проведением праздника Урожая, – задумчиво продолжила королева, – В этом году во всём королевстве траур, но люди не должны чувствовать, что про них забыли. Артур всегда устраивал в Двуречье щедрые и весёлые праздники. Сведём веселье к минимуму, однако угощений должно хватить всем, – она сделала паузу, потёрла переносицу, – В замке тоже устроим небольшой пир. В день Святого Михаила, – она многозначительно поглядела на Кадваллона.

– Желаете пригласить в Камелот гостей? – уголок его губ чуть дрогнул, но голос был ровным, даже скучающим.

– Разошлите приглашения всем крупным лордам. Тем, что помельче – отправьте поздравления и небольшие подарки от короны. Тем, кто к тому времени так и не выплатит долг, к словам поздравления добавьте и напоминание о том, что долг платежом красен.

– Лучше я бы не придумал, – теперь Кадваллон позволил себе лёгкую улыбку.

– Вы продумали всё, государыня, – лорд Годвин одобрительно кивнул, делая записи в свою книгу.

– Разве у меня есть такая роскошь, как непредусмотрительность? – королева грустно улыбнулась.

– Пожалуй, что нет, – Кадваллон поднялся с кресла, – А нам, пожалуй, здесь больше нечего обсуждать, – он поглядел на Годвина, который уже закончил с писаниной.

– Да, так и есть, – сказал барон и тоже поднялся. Они оба откланялись и покинули кабинет.

Гвиневра же откинулась на спинку кресла и вымученно вздохнула. День выдался долгим и насыщенным. И столько задач, которые ещё предстояло решить, вновь свалились на её плечи. И эти мысли начали поглощать сознание Гвиневры, унося с собой в пучину тревоги, анализа...

Как вдруг! Она почувствовала слабый, едва заметный толчок внизу живота. Затем ещё один, и ещё...

– Эх, малыш... – она погладила живот, – Твоя мама совсем забыла о тебе...

На её губах проступила улыбка, а в глазах встали слёзы. Тот, ради кого она продолжала идти вперёд, не смотря ни на что; тот, кого она ещё не видела, не знала, но кого уже полюбила

и так отчаянно желала встречи с ним – он всё это время был у неё под сердцем, слышал её голос, чувствовал её эмоции. Ребёнок, о котором она мечтала многие годы.

– Ты знаешь, мама тебя так ждала... – шептала женщина, – Я... я так хочу тебя увидеть. «И боюсь».

– Я буду тебя защищать, как самое ценное сокровище, – продолжала шептать она, – Ты только родись сильным и здоровым.

«Родись мальчиком. Родись сыном Артура».

Толчки в животе прекратились, но Гвиневра продолжила гладить живот и погрузилась в воспоминания о тихом зимнем вечере.

Она вышла в ночной сад, который только-только обсыпало пушистым снегом. Вышла потому, что в стенах замка стало так душно и тесно, что она стала задыхаться. Душе в груди было так тесно, что она физически ощущала боль, растекающуюся по телу. Она взгляделась в тёмное небо, с которого продолжали падать редкие снежинки. Хотелось кричать, плакать, разрушать всё вокруг. Но в голове засели слова настоятельницы: «Грация и Достоинство. Королева должна всегда держать себя в руках. Даже когда больно. Тем более, когда больно».

Потому Гвиневра не кричала. Потому сдержала слёзы, сдавившие горло, когда она поняла, что и в этот раз ей не посчастливилось понести.

Она бесцельно шагала по саду, оставляя за собой тропинку следов. Затем остановилась у беседки. Её тоже засыпало снегом, но никто из слуг не успел почистить.

Внутри теперь забурлил гнев. Хотелось сорваться на ком-то. Но в саду она находилась одна. Думала, что одна.

По следу миниатюрных женских ног её нашёл сэра Галахад. Он ничего не сказал. Встал поодаль и взгляделся вглубь сада.

– Меня не нужно утешать, – буркнула Гвиневра.

– Что, простите? – Галахад обратил на неё внимание, и Гвиневра испытала неловкость.

– Ты разве не за мной сюда пришёл?

– Нет, – мотнул он головой. Я люблю зиму. Вот и вышел в сад подышать. Зимний воздух – он будто чище, – и для убедительности рыцарь вдохнул полной грудью, – Попробуйте.

– Это как-то... странно, – сказала она скорее себе, нежели Галахаду.

– Вы просто попробуйте, – повторил он и вдохнул воздух ещё раз, – Вот так.

Гвиневра немного отвернулась от рыцаря и сделала глубокий вдох, прикрыв глаза. Это и впрямь было чем-то необычным. На краткий миг стало легче. Она вдохнула ещё раз, ещё глубже, а потом выдохнула густое облако пара.

Так они стояли и дышали в тишине, не глядя друг на друга, ещё какое-то время.

– Спасибо, Галахад, – вдруг сказала Гвиневра, – Мне стало легче.

Он повернулся к королеве, поглядел ей прямо в глаза.

– Когда почувствуете печаль и тяжесть на душе – делайте так. Не важно, где и когда. Просто глубоко вдохните и выдохните. Ваша печаль покинет вас с этим воздухом.

– А почему ты это делаешь? – спросила она, – Тебе тоже тяжело на душе?

– Мне всегда тяжело, когда я вижу печаль и страдания других. И когда я бессилен помочь, – тихо ответил он.

– Ты действительно самый чистый из рыцарей, – сказала Гвиневра так же тихо.

– Это не так. Просто все мы разные, – он заглянул ей в глаза, искренне улыбнулся, – И каждому из нас уготовано своё время. Время, когда прийти в этот мир. Время когда проявить себя. И время, когда этот мир покинуть. Каждому – своё. И я уверен, что будет в этом мире время, когда и рыцарь без чистой души сможет разделить чью-то ношу.

Он перевёл взгляд на небо, улыбаясь, как дитя. Невинное дитя в теле могучего рыцаря.
– Спасибо, – ещё раз поблагодарила Гвиневра и направилась к замку. Этот разговор принёс ей внутреннее умиротворение, а совет Галахада помог сохранить самообладание в самые тяжёлые моменты.

Королева очнулась от наваждения. Томно вздохнула.

«Бедный Галахад. Жив ли ты?..»

Гвиневра хотела было подняться с места, как в дверь вдруг постучали.

– Войдите, – громко попросила она и расположилась в своём кресле поудобнее.

В кабинет не вошёл – ворвался Бедивер.

– Королева! Дети... Оруженосцы!.. – громким басом пытался высказаться он.

– Бедивер, что случилось? – обеспокоенно спросила Гвиневра.

Она сама не заметила, как подскочила с кресла и в пару шагов приблизилась к рыцарю. Он был не просто взволнован. Он был испуган. Он был в отчаянии.

– В казарме беда! Кто-то отравил воду! Мальчики... умирают в муках.

Глава 13. Чем дальше в лес...

– Немедленно всех лекарей отправьте в рыцарские казармы! – стальным голосом приказала Гвиневра, распахнув дверь кабинета, – Сенешаля мне сюда, живо!

Парнишка в одежде прислужника поклонился и побежал по коридорам замка разыскивать сэра Алана.

– Бедивер, мы едем туда, – обратилась она к рыцарю, лицо которого было блее простыни, – Нет, – вдруг она возразила своим словам, – Мне нельзя быстро ехать верхом. А ты... там ты ничем помочь не сможешь, – она замолчала на мгновение, потёрла переносицу, – Леди Морвенна. Она же целительница?

– Да, но её тут нет, – еле живым голосом ответил рыцарь.

– Она должна прибыть на днях. Отправляйся ей навстречу, бери самых быстрых лошадей. Привези Морвенну в казармы как можно скорее, – Гвиневра едва коснулась плеча Бедивера.

Он помедлил секунду, коротко кивнул и направился на выход, но у самой двери остановился.

– Когда найдёте виновного, позвольте мне его казнить, – сказал он.

Гвиневра на краткий миг оцепенела. Рыцарь сказал «когда», а не «если». Он верил в то, что возмездие свершится. И хотел сам его совершить.

– Даю слово, Бедивер. Тот, кто это сделал, не останется безнаказанным.

Он коротко кивнул и скрылся за дверью.

Спустя минуту в кабинет вошёл сэр Алан. Дыхание его сбилось и он старался незаметно восстановить его. Вид был встревоженным. Ему уже сообщили о произошедшем.

– Сэр Алан, немедленно созовите всех придворных в тронный зал, – бесцветным голосом распорядилась королева, – Я желаю видеть всех до единого. Даю вам четверть часа. Скажите всем: кто не явится в течение этого времени – будет казнён за измену.

Сенешаль только поклонился. Он не стал задавать вопросов, и вообще что-либо говорить. Исчез за дверью так же быстро, как появился.

Гвиневра же помассировала виски, попыталась успокоить сердцебиение, и направилась в тронный зал. Она хотела поглядеть в лицо каждого лорда. Хотела увидеть их глаза, когда объявит о случившемся.

Придворным понадобилось меньше отпущенного времени, чтобы прибыть в тронный зал. Обеспокоенный шёпот, тихие возгласы заполнили собой пространство. Но стоило только Гвиневре подать голос, как все замерли, устремив взгляды на неё.

– Я собрала вас так срочно, – произнесла она негромко, но по взглядам видела – её слышат, – потому что случилось невысказанное. Колодцы в рыцарской казарме были отравлены. Оруженосцы и рыцари умирают в мучениях.

Королева бороздила взглядом каждое лицо. Где-то на периферии сознания, почти неощутимо, запульсировало в висках – тело напоминало о себе, просило остановиться, присесть. Она не слышала. Не могла слышать. Сейчас позволить себе проявить слабость было непозволительной роскошью.

Лорд Годвин был напуган известием, его руки в беспокойстве потирали корешок казначейской книги.

Лорд Меллигенс, как и всегда, стоял неподвижно, нацепив на лицо каменную мину. Его сын, стоявший рядом, выглядел скучающим, но пальцы его не переставали тереть край плаща.

Граф Кадваллон был напряжён. Он сам не переставал разглядывать присутствующих. Его стальной взгляд метался от одной фигуры к другой.

Епископ Благий что-то шептал. Наверняка читал молитву. Глаза его были закрыты. Цвет лица землистый, как и всегда. Тёмная ряса была слегка помята. Значит собирался в спешке.

Барон Горман выглядел отстранённым, будто его всё это не касалось. Он задумчиво уставился в одну точку.

И так королева пробежалась по десяткам лиц. Она видела тревогу, страх или безразличие. Ни лукавых взглядов, ни дрожащих губ, ни вспотевших лбов.

– И в такой час двор Камелота не должен оставаться в стороне. Оруженосцы – это будущее Логрии. Мы все должны сделать всё возможное, чтобы спасти их жизни.

– Но что мы можем? Мы не лекари, – пробухтел кто-то из лордов.

– Вы можете набрать чистой неотравленной воды в бочки, загрузить их в телеги и отвезти в казарму, – холодным тоном ответила Гвиневра. – Вы можете ухаживать за больными. Вы можете убирать за ними, ведь сами они не в состоянии.

– Этим могут заняться слуги, – послышался ещё один голос.

– Кто это сказал? – громко спросила королева.

Все стали оборачиваться на одного человека. Это был мелкий барон, владеющий несколькими лесопилками в Вечно-Зелёной Роще. Он был среднего возраста, худощавым и невысоким. В прошлом году выиграл в состязании лучников.

На краткий миг перед глазами Гвиневры возникло лицо оруженосца Джона, которому она дала небольшой урок по стрельбе из лука.

«Жив ли?..»

– Барон Кристан, – обратилась к придворному Гвиневра, окинув его ледяным взглядом, – Ваши земли находятся недалеко от Западной границы. Рыцари Артура уже не раз помогали в защите ваших владений. А что, если в будущем они скажут точно ваши слова? Защитой ваших земель могут заняться слуги? Они откинут врага, вооружившись кастрюлями, ведрами и вилами? – она сделала паузу, давая возможность барону ответить, – Думаю, что нет. Так скажите, барон, почему рыцари обязаны вас защищать, если в час нужды вы не можете... точнее не хотите замарать руки?

Барон Кристан задумался на мгновение и виновато опустил голову.

– Впредь, советую вам хорошенько подумать, прежде чем излагать свои мысли.

Она ещё раз окинула придворных взглядом. Все молчали, почти все смотрели в пол.

– Сэр Алан, возлагаю на вас обязанности по распределению работы. Ни один из придворных не должен остаться в стороне. Это недопустимо, – она говорила быстро, резко и громко, – Лекарей отправили в казарму?

– Они уже в пути, – ответил сенешаль.

– Леди Элейна, лорд Кадваллон, вы сопроводите меня в казарму, – распорядилась Гвиневра.

Фрейлина была в полной готовности. Кадваллон перестал буравить взглядом присутствующих и слегка склонил голову.

– Барон Горман, я хочу переговорить с вами с глазу на глаз, – сказала королева, глядя прямо на командира камелиардской армии.

Спустя десять минут они уже находились в кабинете. Гвиневра не садилась в кресло и Горман посчитал разумным следовать её примеру.

– Что вы хотели обсудить, ваше величество? – спросил он.

– В камелотской казарме находится около тысячи логрийских солдат. И я не могу быть до конца уверенной в том, что они преданы мне, а не герцогу Олдреду. Сейчас опасный момент. Потому я и хочу, чтобы все придворные были у меня на виду.

Горман слушал, и с каждым словом королевы его лицо становилось всё серьёзнее. Когда она замолчала, он помедлил секунду, переваривая.

– Ваш отец поступил бы так же.

– Но даже то, что Меллигенс и его шенок будут рядом со мной, не успокаивает меня. Это не даёт гарантий. Я боюсь, что всё происходящее – это чей-то коварный замысел. Я знаю, что Меллигенсу и его сыну не нравится наличие у меня своих войск. Они хотят добиться того, чтобы я выслала вас назад. Но прекрасно понимают, что я этого не сделаю. А если я сама не хочу отдавать, то остаётся только забрать силой.

– Я не совсем понимаю, – выдавил Горман.

– Тебе и не нужно. Дай команду войскам собираться в дорогу. Вы сопроводите меня до рыцарских казарм. Все до единого солдаты Камелиарда должны находиться рядом со мной.

– Есть, ваше величество, – барон поклонился и вышел из кабинета.

Тогда Гвиневра присела в кресло, положила голову на стол и прикрыла глаза на секунду. Стук в дверь вернул её в реальность. Королева выпрямилась и пригласила неизвестного внутрь.

– Зачем камелиардским войскам сопровождать вас? – грубым басом спросил герцог Меллигенс.

– В целях безопасности, милорд. Разве вы не допускаете такую возможность, что всё это – тщательно спланированная диверсия? Кто может дать гарантии, что в пути или в самой крепости на меня не нападут наёмники Морганы? И к тому же, я считаю разумным на время разделить армии Логрии и Камелиарда. Вы не согласны, милорд?

Он молчал. Хотел что-нибудь возразить, но аргументов у него не было.

– На солдат Логрии ляжет другая задача. Охранять столицу. Никто не должен войти и выйти без моего ведома. А так же взять под контроль все источники питьевой воды. Все колодцы, каналы, даже бочки. Есть вероятность, что пока мы будем решать проблему там, здесь случится подобное. Поэтому дайте команду войскам. Никто из них глаз не должен сомкнуть, пока преступник не будет пойман. Пусть дежурят отрядами по всем улицам столицы. Есть ещё вопросы?

– Нет, – пробасил Меллигенс. Он покинул кабинет, так и не поклонившись Гвиневре. «Старый баран».

Гвиневра укуталась в плащ посильнее. Ночной воздух был по-осеннему прохладным. Звёзды и луна в небе освещали путь ей, её свите и всему войску камелиардцев.

Впереди и позади неё тянулись стройные колонны марширующих солдат. Горман ехал верхом во главе. Гвиневра, Элейна и Кадваллон ехали в самой середине. Ехали медленно, в такт шагу солдат.

Большая часть придворных уже должны были прибыть в казармы к этому времени. Остальные собирали воду и провизию в Камелоте, и под надзором сэра Алана должны были доставить всё к утру.

– Ваше величество, вам холодно?

– Всё в порядке, Элейна, – ответила королева, но голос её дрогнул.

– Я дам вам свой плащ, – пролепетала фрейлина и уже начала отстёгивать фибулу, но Кадваллон остановил её.

– Не стоит, леди Элейна, – он достал из седельной сумы аккуратно сложенный плащ, – Я всегда беру запасной в дорогу.

Граф протянул плащ Гвиневре.

– Благодарю, милорд, – сказала Гвиневра, не поглядев на него. Только взяла плащ в руки, расправила его и накинула на плечи. Она не хотела принимать его помощь, но ещё сильнее не хотела простыть.

Дальше ехали молча. Ровный шаг солдат в монотонном ритме словно ввёл Гвиневру в транс. Она глубоко погрузилась в размышления так, что даже не заметила, как они приблизились к крепости.

Ворота раскрылись, впуская внутрь пять сотен солдат и небольшую свиту королевы.

В крепости царил судорожный суета. Те, кто могли держаться на ногах или каким-то образом не приняли яд, ходили и бегали по двору и в самих казармах. У каждого была своя задача. Каждый помогал, как мог.

– Ваше величество, – сэр Ронан помог Гвиневре спешиться, – Вам лучше не ходить туда.

Рыцарь поглядел на большую дверь, ведущую в казарму оруженосцев. Она была чуть приоткрыта и через неё туда-сюда сновали люди. Королева задержала взгляд, когда увидела, как из казармы выносят чьё-то тело, завернутое в ткань. Сердце ухнуло вниз.

– Сколько погибших? – задала она вопрос.

Ронан проследил за её взглядом.

– Вместе с этим должно быть полторы сотни.

Взгляд королевы затуманился, когда она вспомнила, как совсем недавно видела этих мальчишек здоровыми и полными сил.

– Лекари что-то выяснили?

– Недавно встречался с одним. Они не могут определить яд. Он похож на многие.

Гвиневра едва сдержалась, чтобы не пригрозить палачом.

«Вся надежда на леди Морвенну. Бедивер, пожалуйста, поторопись».

Королева без лишних слов направилась в казарму. Она надеялась. Так надеялась увидеть мальчика Джона. Пусть не здоровым, но живым.

Внутри она едва сдержала рвотный позыв. Странный кисловатый запах ударил в ноздри. Она не хотела знать происхождения этого запаха. Но знала.

– Ваше величество, – проговорил пожилой мужчина, вышедший навстречу. Рыцарь, который занимался подготовкой оруженосцев.

– Сэр, скажите, чем мы можем помочь?

– Я Северин, ваше величество, – с поклоном представился рыцарь. – От вас, королева, нам нужно только ваше присутствие. Это поднимет парням дух, – он нахмурился, когда откуда-то донёсся протяжный мальчишеский стон.

– Нет, дайте мне что-то сделать. Я не буду сидеть, сложа руки, сэр Северин.

– Мы пришли помочь, а не поднимать дух, – согласился Кадваллон, стоявший чуть позади королевы.

– На самом деле, нам действительно не хватает рук, – произнёс рыцарь, – но грязную работу я вам не поручу. Для начала просто осмотрите мальчишек. Нужно следить за их состоянием. Если кто-то уже на грани – его лучше перенести в другое место. Чтобы другие не видели его... – голос старика дрогнул, – как он... – мужчина опустил голову и тяжело вздохнул.

– Мы поняли вас, сэр, – королева положила руку на плечо Северина, слегка сжала.

Он не сказал больше ни слова. Только кивнул и вышел из казармы. Гвиневра обернулась к своей свите. Граф Кадваллон не проявил подавленности или брезгливости. Он выглядел собранным и готовым ко всему.

Леди Элейна едва сдерживала слёзы, но пыталась держаться. Её к полуживым детям лучше не пускать.

– Сэр Ронан, проводите леди Элейну к лекарям. Пусть помогает им.

Наперсница с благодарностью поглядела на свою госпожу. Она и сама понимала, что не выдержит того, что происходит здесь.

– Милорд, – обратилась королева к Кадваллону, – вы будете со мной.

Он склонил голову.

– Ах, да, сэр Ронан, лорд Меллигенс со своим сыном прибыли?

– Да, государыня. Они были в другой казарме. Кажется, герцог кого-то переносил отсюда с полчаса назад.

– Хорошо. А что с Благием? Он тоже прибыл?

– Вместе с Ваймундом и своей свитой. Епископ в главной обеденной зале. Молится вместе со своими людьми.

– Он прибыл с Ваймундом? То есть герцог Олдред и его сын были врозь?

– Да, – сэр Ронан уловил задумчивый взгляд Гвиневры, – Я прослежу за ними.

– Да. Мне это не нравится, – кивнула королева.

Сэр Ронан вывел Элейну наружу, а Гвиневра и Кадваллон направились вглубь казармы.

Они вошли в ближайшую спальню на дюжину кроватей. Но заняты были не все. Гвиневра окинула взглядом мальчишек. Они лежали, такие хрупкие и бледные, скорчившись от невыносимых болей. Все держались за животы. Кто-то бормотал себе под нос, кто-то просто мычал, а кто-то лежал неподвижно, точно спал.

Граф Гвинедский прошёлся, потрогал и осмотрел каждого. Гвиневра следила, как он пытается распознать пульс на шее одного оруженосца. В этот миг его лицо было таким напряжённым и, кажется, даже напуганным. Наконец, он кивнул.

– Слабый, но есть, – констатировал он.

Гвиневра прошла от кровати к кровати. Поглядела в лицо каждого мальчика. Каждого по-матерински нежно погладила по голове. Каждому шепнула «Живи!».

И так они прошли по каждой спальне. С замиранием сердца женщина поняла, что среди мальчишек нет Джона. Она быстрым жестом вытерла подступившие слёзы.

– Это ужасно, – проговорил хрипло Кадваллон. Он стоял возле неё. Наблюдал за суетливыми слугами и рыцарями, – Моё упущение.

Мужчина опустился на пол, сел и оперся спиной на стену.

– Ваше? – Гвиневра опустилась рядом.

– Я не предвидел такого поворота. Моргана, несомненно, коварная и жестокая. Но я ни за что не поверю, что она решила отравить сотни детей. Поэтому подобное даже не вписывалась в картину моего восприятия.

– Это не ваше упущение, граф, – с тяжёлым вздохом сказала королева, – Это моя недавность. Моя ошибка. Я ошиблась, решив, что люди вокруг меня помогут мне контролировать происходящее. Пока мы с вами играли в подковерные игры, я совсем забыла, что существует мир за пределами Камелота. Я совсем забыла о том, что Артур доверил мне страну, а не один замок.

– Тогда это наша общая ошибка. Пока мы следили друг за другом, кто-то проворачивал страшные дела, находясь вне поля нашего зрения. Это повод перестать глядеть друг на друга и встать спиной к спине, – уголки губ графа чуть дрогнули.

Гвиневра ничего не ответила. Лишь коротко кивнула. Но она не приняла его предложение. Сейчас она не могла доверять ему. И никому, кроме себя. Устроить массовое отравление мог кто угодно. Даже тот, кого она всегда считала другом. Или тот, кто им лишь притворялся.

– Посмотрим, как справляются другие, – сказала королева.

Граф тут же поднялся на ноги и подал руку Гвиневре. Она встала на ноги, держась за него. И отчего-то хотела себя обругать.

«Не веришь ему, но каждый раз принимаешь помощь».

Гвиневра спешно отстранилась от графа, сделала непроницаемое лицо и направилась на улицу. Она хотела лично увидеть, чем занимаются её придворные.

Когда она оказалась снаружи, то увидела, что небо уже посветлело.

«Скоро наступит рассвет. Принесёт ли он с собой надежду?»

Среди потока людей Гвиневра различила сэра Алана. Он тоже заметил её и по одному взгляду понял, что она хотела поговорить.

– Государыня, – поклонился он, подойдя ближе.

– Все придворные заняты делом?

– Да, ваше величество. Придворные дамы направились на кухню. Барон Кристан со своими людьми привёз несколько повозок с водой и едой. Он направился обратно за новой партией. Воды нужно очень много. Здесь все колодцы закрыли.

– Другие лорды?

– Герцог Меллигенс в казарме старших рыцарей. Он там помогает в уходе. Несколько лордов помогают с телами погибших. Лорды Годвин, Теренс и Глойн опрашивают людей. Лорд Теренс ведёт записи.

– Отлично. Пусть опросят всех до единого, кто в состоянии говорить, – кивнула королева.

– Ох, совсем забыл, – вдруг спохватился сенешаль, – Господин епископ требовал его выпустить из крепости. Хотел обратиться к вам. Но сэр Ронан запер его в обеденной.

– Зачем ему покидать крепость?

– Говорил, что в доме господнем Бог его лучше слышит, – пожал плечами сэр Алан.

– А что с Ваймундом? Он здесь?

– Я его не встречал, – сенешаль вновь пожал плечами и виновато опустил взгляд.

– Постарайтесь его найти, сэр. Я хочу знать, что каждый придворный занят делом. Никто не останется в стороне.

– Да, ваше величество.

Королева хотела сказать что-то ещё, но тут увидела как один из рыцарей несёт на руках худенького ребёнка с ярко-рыжей копной волос.

«Джон!»

Гвиневра бросилась к нему. Рыцарь, что нёс мальчика, замер на месте, едва увидев её.

– Что с ним? – быстро спросила королева.

– Несу его к лекарям. Ещё недавно он сам ходил, помогал. А тут вот занемог.

В подтверждение его слов мальчик жалобно пискнул и схватился за живот.

– Поторопись же, – сорвалась Гвиневра. Рыцарь послушно зашагал дальше и она семенила рядом, не спуская с Джона глаз.

«Живи, мальчик!» – молилась она.

Кадваллон шёл следом. Он не задавал вопросов. Не врывался в её пространство. Просто сопровождал.

Они вошли в одно из строений, где среди кучи свитков, ступок, трав и свечей суеилось несколько человек. На одной кушетке лежал подросток и глотал какой-то отвар. Гвиневра чётко слышала бурчание его желудка. Рядом сидела леди Элейна.

– Давай, паренёк, нужно выпить всё до капельки, – приговаривала она нежным голосом и помогала ему держать чашу, из которой он пил.

Завидев королеву, Элейна лишь кивнула ей. Не смела отрываться от своей главной задачи.

– Помогите мальчику, – попросил рыцарь, положив Джона на свободную кушетку.

К нему тут же подбежал молодой лекарь.

– Давно ему поплохело? – спросил он, прощупывая живот мальчика.

– С полчаса как, – ответил рыцарь. Он чуть ли не дрожал. Постоянно глядел на мальчишку.

Лекарь заглянул в рот Джона.

– Покажи язык, мальчик, – сказал он и, после недолгого осмотра, констатировал, – Да, все признаки отравления налицо. Сейчас дам отвар. Он горький, но выпить надо.

– Он выпьет, – твёрдо ответил рыцарь, – Мой сын выпьет море, если так будет нужно.

Мужчина положил руку на хрупкое плечико Джона и чуть сжал его. Он держался ровно, и только по взгляду можно было понять, как сильно мужчина переживает.

– Это ваш сын, сэр? – спросила Гвиневра почти шёпотом.

– Мой сын Джон. А я его отец – сэр Томас из Широкого ручья. Недавно отдал мальчика в рыцарские казармы. Я уходил на войну. О нём некому было заботиться, – заговорил он быстро. Пытался хоть на минуту отвлечься от происходящего.

Королева кивнула несколько раз.

– Ваш мальчик станет сильным рыцарем, – она выдавила улыбку.

– Благодарю, ваше величество, – тихо ответил мужчина.

– Я буду защищать тех, кого люблю, – прошептал Джон, преодолевая сильную боль.

Сердце Гвиневры сжалось. Она не знала, увидит ли оруженосец следующий день, но она так надеялась...

– Мы все будем молиться за вас, юный сэр Джон, – она погладила мальчика по голове, склонилась и оставила на его лбу поцелуй. Он распахнул глаза и с таким удивлением поглядел на Гвиневру, что она вновь улыбнулась. Но эта улыбка была не вымученной, а искренней.

Ближе к полудню все придворные стянулись к обеденному залу. Старые дубовые двери распахнулись перед лицом королевы. Внутри пахло свечами и старостью. На небольшом каменном возвышении, где обычно обедали старшие командиры крепости, в окружении своей небольшой свиты восседал за столом епископ Благий. Он не поднялся с места, чтобы поприветствовать Гвиневру. Даже головы не повернул в её сторону.

Королева твёрдой походкой прошла к самому столу, остановилась возле Благия и повернулась к нему спиной, чтобы обратиться к придворным.

– Милорды и миледи, перед обедом мы все помолимся за здоровье рыцарей и оруженосцев, – она оглянулась на Благия, который с растерянным видом глядел на неё, – Господин епископ, вы не откажете нам в вашей милости? Прочтёте небольшую проповедь?

На какой-то миг он словно лишился языка. Только хлопал глазами, глядя то на Гвиневру, то на безмолвных придворных. Все ждали его ответа.

– Конечно, дочь моя, – наконец хрипло сказал он.

Благий поднялся, одёрнул рясу, шагнул к краю каменного возвышения. В наступившей тишине было слышно, как потрескивают свечи.

Он обвёл взглядом коленопреклонённых придворных – лордов в дорожной пыли, леди в помятых платьях, рыцарей, не успевших снять доспехи. И только потом его глаза остановились на Гвиневре.

– Господь Всемогущий, – начал он, и голос его, обычно скрипучий, сейчас звучал неожиданно мощно, наполняя каждый угол старого зала, – Ты видишь нас. Ты видишь каждого. Даже тех, кто думает, что укрылся во тьме.

Он сделал паузу. Слишком долгую.

– Сегодня мы стоим перед Тобой в скорби. Дети Твои, невинные агнцы, мечтавшие стать воинами Христовыми, умирают в муках. И мы вопрошаем: за что, Господи?

Голос его дрогнул – но не от скорби. От чего-то другого.

– Книга Чисел учит нас, – продолжил он, и глаза его сузились, – что грех отцов падает на детей до третьего и четвёртого колена. Но есть и другой грех – грех, что гнездится в самом сердце власти. Грех, о котором молчат уста, но который вопиет к небу громче любой молитвы.

Он снова посмотрел на Гвиневру. Теперь – в упор.

– Бывает, что правитель носит корону, но душа его черна, как сажа. Бывает, что трон стоит на песке, а не на камне верности. И тогда Господь посылает испытания. Не в наказание даже – в напоминание. Чтобы те, кто видят, ужаснулись. Чтобы те, кто спят, пробудились. Сегодня мы видим смерть. Завтра мы можем увидеть правду. Ибо нет ничего тайного, что не

стало бы явным, – он почти процитировал Евангелие от Луки, и это прозвучало как приговор. – Господь медлит, но Господь милостив. Он ждёт покаяния. Ждёт, когда грешник сам преклонит колени не перед камнем, а перед истиной.

Он замолчал. Тишина стала невыносимой.

– Помолимся же, братья и сёстры, не только о здравии отроков сих, – голос его снова стал елейным, – но и о том, чтобы Господь даровал прозрение тем, кто ещё блуждает во тьме. Ибо когда пастыри слепы – овцы гибнут. Аминь.

Он перекрестился первым, показывая пример.

Гвиневра стояла на коленях, чувствуя, как каменный пол леденит кожу сквозь ткань. Каждое слово Благия впивалось в неё, как терновый шип. Она всю молитву глядела в окно под потолком, в которое проникали солнечные лучи. Она не опускала взгляд. Не позволила себе взглянуть на епископа.

«Он знает. Или догадывается. Или просто бьёт наугад, надеясь попасть».

Рядом кто-то всхлипнул – то ли от молитвы, то ли от усталости. Гвиневра перекрестилась вместе со всеми, когда Благий закончил, и поднялась с колен первой.

– Благодарю вас, святой отец, – сказала она ровно, глядя ему прямо в глаза. – Ваши слова – истинное утешение для всех нас. Вы вселяете в наши сердца надежду.

Не оглядываясь на Благия, она прошла к столу на каменном возвышении и опустилась на скамью – туда, где ещё недавно восседал епископ со свитой.

Придворные замерли. Благий, всё ещё стоявший у края возвышения, сжал губы в тонкую линию. Глаза его недобро сверкнули.

– Господин епископ, – Гвиневра даже не повернула головы, голос её звучал ровно, будто она приглашала его на прогулку, – вы найдёте место среди братьев. Им сейчас нужна ваша молитва больше, чем мне – ваше общество за столом.

Несколько секунд Благий стоял неподвижно. Потом, не проронив ни слова, сошёл с возвышения и направился к дальнему концу зала, где ютились младшие священники и монахи. Свита потянулась за ним, как нашкодившие щенки.

Гвиневра проводила их взглядом и вдруг заметила то, чего не видела раньше: за Благием, кроме обычных монахов, шли двое незнакомых мужчин. Не священники – слишком широкие плечи, слишком тяжёлая походка. Рыцари. Но не те, кого она знала при дворе. Лица суровые, обветренные, с глубокими морщинами – такие бывают у людей, прошедших не одну войну. Один нёс в руке старый перештопанный плащ, другой постоянно оглядывался, будто ждал нападения.

«Откуда они?» – мелькнуло в голове Гвиневры. – «Раньше я их не видела. Может, приехали недавно? Или... всегда были рядом, просто я не замечала?»

Она заставила себя отвести взгляд. Сейчас не время.

– Леди Элейна, – Гвиневра указала на место рядом с собой, – прошу вас.

Элейна опустилась на скамью, бледная, с красными от слёз глазами. Руки её чуть дрожали, когда она взяла ложку.

Слуги внесли большой чугунный котёл с дымящейся похлёбкой – жидкой, почти прозрачной, в которой плавали лишь ломтики репы, ячмень и какие-то травы. Проходя вдоль столов, кухарка разливала похлёбку по глиняным мискам. Её помощник – молодой поварёнок раздавал кусочки ржаного хлеба. Из напитков – только вода в деревянных кружках и кислый яблочный сидр для тех, кто просил.

Ни мяса. Ни сыра. Ни вина.

В зале воцарилась тишина. Такая плотная, что слышно было, как кто-то шёпотом выругался из-за качества еды. Кто-то кашлянул – звук прокатился под сводами, как камень, брошенный в колодец. Ложка звякнула о край миски – и все вздрогнули.

Гвиневра ела медленно, заставляя себя глотать. Похлёбка была безвкусной, вода отдавала прелой древесиной, хлеб царапал нёбо. Но она жевала и глотала, потому что тело требовало сил, а сил не было.

Элейна рядом почти не притронулась к еде. Только водила ложкой по кругу, глядя в одну точку.

Гвиневра перевела взгляд на стол, где разместились фрейлины. Леди Мот, несмотря на почтенный возраст, держалась ровно – только губы чуть подрагивали над миской. Леди Исельда сидела бледная, невидящими глазами уставившись в стену. Рядом с ней леди Диана – та самая, что обычно молчала, – вдруг положила ладонь на руку Исельды и что-то прошептала. Исельда кивнула, не поднимая глаз.

Дальше, за длинным столом, сидели лорды. Годвин, как всегда, не выпускал из рук свою казначейскую книгу – сейчас она лежала перед ним, раскрытая на чистой странице, но он не смотрел на неё. Смотрел в миску и, кажется, не видел даже похлёбки. Теренс, законовед, что-то быстро писал на клочке пергамента, пристроив его на колене – не мог остановиться даже за едой.

А вот и Меллигенс. Герцог сидел во главе одного из столов, прямой, как кол проглотил. Рядом с ним – сэръ Габатис, его неизменная тень. Габатис не ел. Он вообще не двигался, только глаза его медленно обводили зал, цепляясь за каждое лицо. Верный пёс, охраняющий хозяина даже здесь.

Ваймунд сидел по другую руку от отца. Он тоже не ел – вертел в пальцах кусок хлеба, крошил его в миску, но в рот не отправлял ни крошки. Взгляд у него был отсутствующий, но Гвиневра заметила, как он то и дело косится в сторону дальнего угла – туда, где устроился Благий со своей странной свитой.

«Слишком часто смотришь, мальчик», – подумала Гвиневра. – «Интересно, что ты там высматриваешь?»

В другом конце зала Благий что-то тихо говорил своим – слишком тихо, чтобы разобрать слова. Двое незнакомых рыцарей сидели по обе стороны от него, как стража. Они не ели. Только смотрели. Смотрели на зал, на людей, на Гвиневру.

Она встретила взглядом с одним из них – и отвела глаза первой. Слишком тяжёлый был взгляд. Слишком ненавидящий.

Гвиневра перевела взгляд на другой конец зала, где за отдельным небольшим столом сидел Кадваллон. Рядом с ним – незнакомый мужчина, немолодой, с сединой в тёмных волосах и цепкими, умными глазами. Они о чём-то тихо переговаривались, склонив головы друг к другу.

«Кто это? – Гвиневра вгляделась в незнакомца. – Барон? Рыцарь? Я никогда его не видела. Или... видела, но не замечала? Странно. Очень странно».

Она вдруг поймала себя на мысли, что за эти месяцы при дворе появилось столько новых лиц, что она уже не уверена – кто свой, кто чужой. Кадваллон привёз своих людей, Благий обзавёлся рыцарями, Меллигенс притащил сына...

«Я должна была замечать это раньше», – с досадой подумала она. – «Сколько я пропустила? И что они все здесь делают?»

И вдруг – скрип.

Тяжёлый, протяжный скрип дубовых дверей.

Все головы повернулись к входу.

Бедивер стоял в дверях, тяжело дыша. Пыль покрывала его плащ, волосы слиплись от пота.

– Леди Морвенна прибыла! – голос его, сорванный ветром и бешеной скачкой, прозвучал под сводами зала, как боевая труба. – Она уже в лазарете.

На миг в зале стало тише, чем было. Тишина – и вдруг она взорвалась.

Кто-то выдохнул так громко, будто всё это время не дышал. В дальнем конце зала женский голос всхлипнул и зашептал: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе...». Ей вторили другие – крестились, шептали молитвы.

Лорд Годвин, сидевший с краю, уткнулся лицом в ладони и затрясся – то ли плакал, то ли смеялся от облегчения. Рядом с ним пожилой рыцарь, которого Гвиневра не знала, осенил себя крестом и прошептал: «Услышал Господь».

Даже на суровом лице лорда Меллигенса что-то дрогнуло. Он не улыбнулся – нет, это было бы слишком, – но его каменная маска на миг стала чуть мягче. Он переглянулся с кем-то из своих и коротко кивнул – то ли сам себе, то ли кому-то.

Барон Кристан сидел бледный, с опухшими от недосыпа глазами. Услышав весть, он перекрестился и уставился в свою миску, будто боялся поднять глаза.

Гвиневра медленно опустила ложку. На миг ей показалось, что она сейчас расплачется – от облегчения, от усталости, от всего сразу. Но она только кивнула.

Все испытали небывалое облегчение. Потому что все видели страдания детей. Видели смерть. Слышали предсмертные стоны и крики.

Но понимали ли все, что приезд леди Морвенны ещё не гарантировал спасения? Предвкушали ли все боль и разочарование, которое могут испытать, если леди из Гленмора не сможет ничего сделать?

Гвиневра надеялась, что Морвенна поможет. Но она уже морально подготавливала себя к возможной неудаче.

Краткий миг ликования и ожившей надежды прервался внезапно.

В дальнем углу, там, где сидел Благий со свитой, раздался какой-то звук. Рыцари, сидевшие по бокам от епископа, в один миг покинули скамью и упали на колени. Они синхронно возвели руки вверх и проговорили:

«Велик Господь! И велик Благий, что говорит истину Господню! Как сказал Благий, так пожелал и Бог! Так оно и свершится!»

Благий сидел неподвижно, глядя на них то ли с удивлением, то ли с гордостью, то ли с ужасом. Столько эмоций отразилось на его лице.

После восхвалений рыцари три раза перекрестились и вернулись на свои места. По залу пробежал взволнованный шёпот. Кто-то из фрейлин ахнул, прикрыв рот ладонью. Кто-то предпочёл делать вид, что ничего не видел.

Гвиневра насторожилась. Незнакомые ей до этого дня рыцари, громко славили имя Благия, сравнивая его с Богом.

– Элейна, передай графу Кадваллону, что я хочу с ним поговорить после обеда, – склонившись к наперснице прошептала королева, – А Бедивера усади к нам за стол.

Элейна только кивнула. Она быстро поднялась с места, просеменила сначала к рыцарю. Они обменялись приветствиями. Тепло. С улыбками. Затем Бедивер зашагал к столу, а Элейна пошла к графу. Быстро склонилась к нему и спустя миг Гвиневра поймала на себе его взгляд. Сосредоточенный. Серьёзный. Стальной.

Его глаза переместились на Благия.

«Он понял».

Бедивер тяжело опустился на деревянную скамью, поймал на себе взгляд королевы.

– Как они? Много... – он запнулся, выдохнул, – много погибших?

К горлу Гвиневры подступил ком. Она отвела взгляд. Не могла смотреть в серые глаза рыцаря, полные надежды и горя.

– Много, – коротко ответила она и заставила себя поглядеть в глаза Бедивера. Она не стала бы говорить точное число, хоть и знала его. – Будем надеяться, что больше не станет. Если леди Морвенна оправдает наши надежды, то весь этот кошмар закончится.

Рыцарь молчал. Долго. Он лишь перевёл взгляд на Элейну, которая вернулась на место. Кивнул ей или своим мыслям.

– Как с поисками виновника?

– Лорд Теренс и лорд Годвин руководят допросом. Опрошено уже около сотни человек. Никто ничего не видел, – королева потёрла переносицу, – Было бы странно, будь иначе.

– Нет даже подозреваемых?

Королева обвела взглядом придворных, которые теперь бодрее хлебали из мисок и даже завели оживлённые беседы.

– Все подозреваемые здесь, – сказала она, – Все, кроме одной.

Бедивер проследил за её взглядом. Стал всматриваться в лица придворных. Брови его нахмурились. В глазах блеснула сталь.

– Любой, значит, – сказал он тихо, – А как понять, кто именно?

Обед подошёл к концу. Придворные стали медленно разбредаться – кто-то устало, кто-то торопливо, будто боялся опоздать на что-то важное. Фрейлины разделились: одни, самые бледные и измученные, поплелись на кухню – греть воду, перебирать травы, делать хоть что-то, лишь бы не сидеть без дела; другие, те, в ком ещё теплились силы, направились в лазарет или в казармы – к тем, кто ещё дышал. Лорды тоже расходились. Кто в конюшни – отправляться за новой партией воды и провизии. Кто в казармы – менять тех, кто уже валился с ног. Кто продолжать допрос. Дело было у каждого.

Гвиневра проводила их взглядом и вдруг поймала себя на мысли, что за этим столом, на этом каменном возвышении, она сейчас – как на острове. Люди уходят, расходятся, а она остаётся. Всегда остаётся.

Она увидела сэра Ронана, замершего у двери, и подозвала его одним жестом руки. Рыцарь подошёл быстро, бесшумно – выучка Камелиарда чувствовалась в каждом его движении.

– Государыня, – поклонился он.

– Следил за Ваймундом?

– Да, ваше величество. Он ухаживал за несколькими рыцарями. Ни с кем не разговаривал.

– И с герцогом?

Ронан чуть помедлил, будто перебирал в памяти увиденное.

– У меня создалось впечатление, что они не ладят, – сказал он и чуть пожал плечами, будто сам удивлялся этому наблюдению.

– Интересно, – задумчиво протянула Гвиневра. Солнечный луч, пробившийся сквозь узкое окно под потолком, упал ей на руки, и она на мгновение залюбовалась игрой света на коже. Странно – в этом аду, среди смерти и вони, солнце всё так же светило. Всё так же грело. Всё так же не замечало людского горя.

– Продолжай следить. Так мне будет спокойнее.

– Да, государыня.

Ронан поклонился и направился к выходу, но на полпути вдруг замер. Всего на секунду. Гвиневра заметила это и подняла глаза.

В дверях стоял Ваймунд.

Он не прятался. Не делал вид, что случайно оказался здесь. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, руки скрещены на груди, и в упор глядел на Ронана. Губы его кривились в усмешке – невесёлой, злой, понимающей.

«Он знает», – мелькнуло в голове Гвиневры.

– Он знает, что за ним следят, – раздался рядом приглушённый голос Кадваллона.

Гвиневра вздрогнула. Она не слышала, как граф подошёл – а он стоял в двух шагах, и тень от его фигуры падала на неё, закрывая от солнца.

– Сэр Ронан дилетант, – Кадваллон покачал головой, и в голосе его послышалась не столько насмешка, сколько сожаление. – Не умеет прятаться в тених. Слишком прямой, слишком честный. Хороший воин, плохой шпион.

– Зачем вы приказали следить за сыном герцога? – вдруг спросил Бедивер, возникая с другой стороны.

Гвиневра перевела взгляд с одного на другого. Два рыцаря, два мира. Бедивер – прямой, как меч, Кадваллон – изогнутый, как змея. И оба сейчас смотрели на неё, ожидая ответа.

– Он... не вызывает доверия, – призналась Гвиневра. Сказала и сама удивилась, как жалко это прозвучало. Не по-королевски. Почти по-девчоночьи.

Бедивер хмыкнул, покосился на Кадваллона и пробурчал:

– Чем дальше в лес...

– Достаточно, Бедивер, – осадил его Гвиневра. – Ступай, отдохни. Элейна, проследи за нашим рыцарем. Пусть поспит.

Элейна, всё это время сидевшая чуть поодаль и наблюдавшая за этой сценой широко раскрытыми глазами, мгновенно поднялась. Лицо её, ещё недавно серое от усталости, вдруг озарилось слабой, но тёплой улыбкой.

– Да, государыня, – сказала она и, подойдя к Бедиверу, тронула его за рукав. – Идёмте, сэр.

Бедивер покосился на неё, на её тонкие пальцы, сжимающие грубую ткань его плаща, и вдруг – Гвиневра готова была поклясться, что ей не показалось – в его глазах мелькнуло что-то... тёплое. Он не улыбнулся, нет. Но суровые складки у рта чуть разгладились.

Они пошли к выходу, не соблюдая положенной дистанции. Плечом к плечу, на равных.

«Раньше он держался чуть позади», – подумала Гвиневра и коротко улыбнулась. Хорошо, что они есть друг у друга. Хорошо, что среди всего этого кошмара хоть что-то идёт правильно.

В зале стало тихо. Только муха билась о стекло в высоком окне, да где-то в дальнем углу кашлянул поварёнок.

– Вы хотели поговорить со мной, – тихо произнёс Кадваллон.

Гвиневра подняла на него глаза. Он стоял так, что солнечный свет падал ему на лицо, и в этом свете его черты казались вырезанными из камня – резкие, красивые, чужие. Но глаза... глаза смотрели на неё прямо, без тени трепета или страха.

Она перевела взгляд в дальний угол зала.

Благий и его свита не ушли. Они сидели за своим небольшим столом, и все уставились на неё. На них. На королеву и графа, стоящих рядом под солнечным лучом. Рыцари Благия смотрели не мигая. Тяжело. Ненавидяще.

Гвиневра физически ощутила эти взгляды – как прикосновение холодных пальцев к шее.

– Думаю, это не самое подходящее место, – сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Кадваллон проследил за её взглядом. На мгновение его лицо окаменело – он увидел то же, что и она. Потом усмехнулся. Коротко. Зло.

– Тогда нам лучше уйти.

Он протянул ей руку.

Гвиневра замерла. Его ладонь – раскрытая, тёплая, с длинными пальцами, которые умели держать меч, перо и, наверное, горло врага, – ждала.

– Я лишь помогаю беременной королеве подняться на ноги, – сказал он тихо, и в уголках его губ дрогнула усмешка. Не та, холодная и хищная, которую приходилось видеть довольно часто. Другая. Почти человеческая.

Гвиневра робко вложила свою ладонь в его. Пальцы сомкнулись – крепко, но не больно. Он потянул, и она поднялась со скамьи с неожиданной лёгкостью. На миг оказалась совсем

близко – так, что почувствовала запах его плаща: дорожная пыль, лошадиный пот и что-то пряное, неуловимое.

Она отстранилась первой.

Краем глаза Гвиневра заметила Благия. Епископ сидел неподвижно, вцепившись пальцами в край стола, и смотрел на них. Взгляд его – обычно масляный, приторный – сейчас был пуст. Остекленевший. Мёртвый.

Что-то внутри Гвиневры застыло. И одновременно – ликующе дрогнуло.

Солнце заливало зал. Пылинки танцевали в лучах.

Гвиневра выпрямилась, одёрнула платье и, не оглядываясь на Благия, шагнула к выходу.

Кадваллон шёл рядом, плечом к плечу. Его присутствие по-своему успокаивало королеву. Но в то же время она не могла избавиться от неприятного предчувствия. Кадваллон притягивал к себе и отталкивал одновременно. Тем интересней казалась его персона.

Они покинули обеденный зал быстро, но без спешки – Гвиневра чувствовала спиной взгляды рыцарей Благия, и это заставляло её держаться прямо, не оглядываться, не показывать страха.

Кадваллон вёл её по узкому коридору, потом свернул налево, толкнул тяжёлую дубовую дверь – и они оказались в пустом классе.

Здесь совсем недавно учили оруженосцев грамоте. Вдоль стен тянулись грубо сколоченные скамьи, у дальней стены стояла кафедра, на которой всё ещё лежала раскрытая книга – кто-то читал вслух мальчишкам, а потом пришла беда, и книгу забыли. Пыль танцевала в солнечных лучах, пробивающихся сквозь узкое окно. Где-то на подоконнике валялась забытая деревянная игрушка – лошадка с отбитым ухом.

Гвиневра замерла на пороге. На миг ей показалось, что сейчас сюда вбегут мальчишки, рассядутся по скамьям, и чей-то строгий голос прикажет им открыть псалтырь.

Но было тихо.

Кадваллон закрыл дверь и прислонился к ней спиной, скрестив руки на груди. Он смотрел на Гвиневру.

– Милорд, вы наверняка...

– Видел, как в безумном приступе воины Благия молились после появления Бедивера, – перебил он. Быстро, хлётко, будто резанул мечом. – Это нехорошо. Более того – смею предположить, что это опасно.

Гвиневра не обиделась на то, что её перебили. Она вообще перестала обращать внимание на такие мелочи в разговорах с ним. Она смотрела ему в глаза – и видела там не холодный расчёт, а... тревогу? Неужели он тоже боится?

– Фанатики, – сказала она. – Верные Благию. Сколько их?

Кадваллон чуть покачал головой.

– Полагаю, что много, раз они нашли смелость выползти на свет. – Он помолчал, и в тишине класса его слова прозвучали особенно зловеще. – Возможно, мы с вами проморгали рождение целого культа.

Гвиневра подошла к ближайшей скамье, провела рукой по грубо струганной поверхности. Под пальцами – шершавое дерево, царапины, вьевшиеся чернила. Здесь учили детей. Здесь они выводили буквы, мечтая о подвигах. А теперь кто-то из них уже не проснётся.

– Что делать? – спросила она, не оборачиваясь. – Ждать? Бороться?

– Для начала нужно выяснить, кто их пастырь.

– Благий. – Гвиневра резко обернулась. – Разве не очевидно?

Кадваллон встретил её взгляд. И вдруг – впервые за весь их разговор – на его губах мелькнуло что-то, похожее на горькую усмешку.

– Мне тоже так показалось. Сначала. – Он сделал шаг вперёд, и солнечный свет упал ему на лицо, высветив резкие тени. – Потом я увидел его лицо. Он сам их боится. Если он и породил их, то он точно их не контролирует. Есть кто-то ещё. И его надо найти. Пока не стало слишком поздно.

Гвиневра смотрела на него и чувствовала, как внутри неё борются два чувства: страх и... облегчение? Она не одна. Он видит то же, что и она. Он думает. Он ищет выход.

«Почему я хочу ему верить?»

– Вы так осведомлены... – сказала она вслух. Это прозвучало почти как вопрос.

Кадваллон усмехнулся – на этот раз открыто, без горечи.

– Изучал подобные прецеденты в истории других стран, – ответил он. – Подобные культы фанатиков могут в считанные дни захватить власть над городом, если не встретят должного сопротивления. Хуже, если в их ряды вступят солдаты.

Гвиневра отошла к окну. Солнце грело плечи, но внутри всё леденело.

– Почему всякий раз становится только хуже? – спросила она тихо. Кулаки сжались сами собой, ногти впились в ладони до боли. – Почему?

За её спиной раздались шаги. Кадваллон подошёл почти вплотную – так, что она почувствовала его дыхание у своего затылка.

– Чем тернистей путь, – прошептал он, и голос его звучал не как утешение, а как напоминание, – тем драгоценней награда.

Гвиневра обернулась.

Он стоял в солнечном свете, и глаза его – эти стальные, холодные глаза – сейчас смотрели на неё с такой... такой человеческой усталостью, что у неё перехватило дыхание.

«Чем сильнее я буду доверять ему, тем больше мне будет от его ножа в спине», – подумала она.

Но отвести взгляд не могла.

– Найдите их, – сказала она наконец. – Найдите того, кто за этим стоит. И сделайте это быстро.

Кадваллон склонил голову – коротко, почти незаметно.

– Я уже ищу, ваше величество.

Гвиневра кивнула и шагнула к двери. На пороге остановилась.

– И ещё, – сказала она, не оборачиваясь. – Берегите себя.

И вышла, оставив его одного в классе, полном солнечного света и теней.

В лазарете стоял тяжёлый дух – травы, пота, болезни и страха. Морвенна сидела над ступкой, растирала что-то в пыль, добавляла воды, смотрела на просвет, качала головой и выплёскивала в ведро.

– Не то, – бросала она коротко. – Не то. Опять не то.

Гвиневра помогала Элейне в уходе за оруженосцами. Те, кто ещё мог глотать, пили воду маленькими глотками. Те, кто не мог, лежали неподвижно, и только слабое дыхание говорило, что они ещё живы.

Джон лежал в углу, на отдельной лежанке. Рядом сидел его отец и держал сына за руку. Гвиневра подошла к ним, когда Элейна отошла за чистой тканью.

– Держится, – тихо сказал сэр Томас, не глядя на королеву. Глаза его были красные, осунувшиеся. – Держится, ваше величество.

Он замолчал. Джон дышал часто, с хрипом. Глаза его были закрыты, но веки подрагивали – будто он видел что-то страшное там, внутри себя.

Гвиневра опустилась на колени рядом с лежанкой, взяла мальчика за другую руку. Ладонь была горячая, сухая, пальцы слабо сжались в ответ.

– Джон, – позвала она тихо. – Ты слышишь меня?

Веки дрогнули, приоткрылись. Мутные глаза мальчика с трудом сфокусировались на её лице.

– Ваше... величество... – прошептал он.

– Я здесь, – ответила Гвиневра. – Я никуда не уйду.

В другом конце лазарета Морвенна вдруг вскрикнула от злости:

– Да что ж это такое! – она швырнула в угол очередную пустую склянку. – Что ж за дрянь такая?

Она подошла к столу, где лежала её старая, потрёпанная книга в кожаном переплёте, и с силой хлопнула по ней ладонью.

– Я знаю, что ты где-то здесь, – прошипела она книге.

Лекари жались по углам, боясь подойти. Морвенна листала страницы, бормоча, тыкая пальцем в рисунки, качая головой.

Джон закашлялся. Кашель был страшный – сухой, надрывный, от которого сотрясалось всё тело. Сэр Томас вцепился в его руку, побелел весь, но молчал.

– Пить... – прошептал мальчик. – Пить хочу...

Элейна поднесла к его губам кружку с водой. Джон сделал глоток, и его тут же вырвало – жёлчью, слизью, чем-то тёмным.

Гвиневра закрыла глаза на секунду.

«Господи, только не он. Только не этот мальчик».

И вдруг из дальнего угла лазарета раздался громкий звук. Морвенна с силой хлопнула ладонью по столу.

– Да что ж такое! – рывкнула она так, что лекари подпрыгнули. – Мальчишка! – крикнула она в сторону двери, где жался перепуганный помощник. – Принеси мне эля! Живо!

Паренёк метнулся и исчез быстрее, чем мышь под веник. Вернулся через минуту с большой кружкой, протянул Морвенне дрожащими руками.

Морвенна отхлебнула – и скривилась так, будто ей поднесли уксус.

– Ты что мне принёс?! – заорала она. – Это же кислятина! Ты чем меня поить собрался, дурень?!

Паренёк вжал голову в плечи, готовясь к смерти.

И вдруг Морвенна замерла.

Кружка застыла в воздухе. Глаза её, ещё секунду назад полные ярости, стали пустыми – а потом в них вспыхнуло что-то. Огонь. Понимание.

– Кислятина... – прошептала она. – Кислятина!

Она грохнула кружку на стол, рванула к своей книге, лежащей на подоконнике, и начала лихорадочно листать, бормоча под нос:

– Кислая среда... прокисшее молоко... забродивший сидр... Точно! Точно!

Лекари замерли, боясь дышать. Гвиневра поднялась с колен, не сводя глаз с Морвенны.

– Вот оно! – закричала Морвенна, ткнув пальцем в страницу. – Вот, смотрите! Болотная гниль! «Ведьмина свеча»!

Она подбежала к столу, схватила ту самую мутную воду, что принесли из казармы, плеснула в плошку, добавила уксуса – и вода на глазах помутнела, пошла пеной, запахла тем самым...

– Да! – Морвенна тряхнула кулаком в воздухе. – Я знала! Я знала, что это она!

И тут же заорала на лекарей:

– А вы чего стоите?! Живо готовьте отвар! Корень лопуха, мел, молоко парное, быстро! Лазарет взорвался движением. Морвенна раздавала указания, ворчала на медлительных лекарей, контролировала всех.

В сердце Гвиневры затрепетала надежда. Ей оставалось только ждать, когда леди из Гленмора вынесет свой вердикт.

Ещё одна бессонная ночь опустилась на крепость Каменный Кулак. Морвенна только и успевала, что варить очередную порцию отвара. А все придворные и здоровые обитатели крепости бегали по казармам и отпаивали больных.

Покоя не было ни больным, ни здоровым. И вот, наконец, минула ночь. Все больные получили лекарство, а здоровые – заслуженные часы отдыха.

– Я провела осмотр мальчиков, которые приняли лекарство первыми, – устало сказала Морвенна, выйдя из лазарета.

Гвиневра в окружении знати и рыцарей стояла во внутреннем дворе крепости. Утренний воздух был свеж и прозрачен, но никто не замечал ни его, ни солнечных лучей, только начавших золотить зубцы стен. Десятки пар глаз устремились на травницу из Гленмора. Во всех теплилась надежда и застыл страх.

– Они пошли на поправку, – наконец, с улыбкой возвестила Морвенна. – Через несколько дней встанут на ноги.

На краткий миг повисла тишина. Такая, в которой слышно было, как где-то за стеной заржала лошадь и как ветер шевелил пожухлую листву. Кто-то выдохнул – так громко, будто всё это время не дышал. Кто-то всхлипнул.

И вдруг Бедивер упал на колени.

Он не произнёс ни слова, но поглядел на леди с такой благодарностью, с таким благоговением, будто увидел перед собой не смертную женщину, а саму Деву Марию, сошедшую с небес.

Гвиневра встала на колени вслед за рыцарем. Каменный двор был холоден и твёрд, но она не чувствовала этого.

– Миледи, вся Логрия должна стоять перед вами на коленях, – громко сказала королева, и голос её дрогнул. – Ибо вы спасли наше будущее.

Следом за королевой на колени встали и все остальные – лорды, леди, рыцари, слуги. Стояли те, кто не мог опуститься – опирались друг на друга. Все глядели на Морвенну.

Лицо её выражало полную растерянность. Она открыла рот, хотела что-то сказать – и не смогла. Глаза заблестели, и в следующий миг она уже плакала. Плечи её тряслись, она закрыла лицо руками и плакала – не стыдясь, не сдерживаясь, впервые за эти сутки позволив себе быть просто уставшей женщиной, а не всесильной целительницей.

Заплакала и Гвиневра. Пролили слёзы и другие женщины, и даже некоторые мужчины – те, кто не спал двое суток, кто выносил тела, кто держал за руки умирающих мальчишек.

Во двор проникли первые солнечные лучи, выжигая всё отчаяние и всю печаль, что поселились в этих стенах.

«Но сколько же мы потеряли...»

Морвенна подошла к ней, вытирая слёзы рукавом, размазывая сажу по щеке.

– Государыня, прошу, встаньте. В вашем положении нельзя так напрягаться. – Она взглядела в лицо королевы. – Сколько вы не спали?

Гвиневра поднялась на ноги с помощью Морвенны и повернулась к остальным. Люди медленно вставали, отряхивали колени, но никто не уходил. Все ждали её слова.

– Леди Морвенна даровала нам надежду. Надежду на то, что оруженосцы и рыцари встанут на ноги и смогут в будущем защитить нашу страну. – Голос её окреп. – Но не будем забы-

вать тех, кто не выжил. И не будем забывать, что всё это произошло по вине чьего-то злого умысла. Очень скоро я добьюсь правды. Виновник будет найден. И жестокой будет его участь!

Никто не шевелился. Только ветер шевелил полы плащей, да где-то за стеной снова заржала лошадь.

Очень скоро все разошлись. Кто-то на долгожданный отдых, кто-то продолжать уход за больными, кто-то занялся бытовыми вопросами. Гвиневру же леди Морвенна и леди Элейна проводили в одну из казарм. Там рыцари освободили командирскую спальню – небольшую комнатку с тремя койками, застеленными грубыми солдатскими одеялами.

– Вам необходимо поспать, государыня, – заботливо сказала Элейна.

– Вот именно, – подтвердила Морвенна.

– А как же вы? Вы ведь тоже...

– За нас не беспокойтесь, ваше величество, – твёрдо сказала Морвенна, не дав ей договорить. – Как управимся со всем, так и отдохнём. А вам о ребёночке думать надо. Это же такое нелёгкое дело – создавать новую жизнь.

Королева сдалась и опустилась на одну из кроватей. Жёсткая, пахнет соломой и потом – но после двух суток на ногах это показалось ей мягче любой перины. Стоило только коснуться головой подушки, как тело налилось свинцовой тяжестью. Ноги и руки вдруг стали чужими, ватными. Глаза сомкнулись сами собой, едва за дамами закрылась дверь.

– Ваше величество.

Голос. Мужской. Настойчивый.

Гвиневра нехотя разомкнула веки. В комнате было темно – за окном уже сгустились сумерки, и только тонкая полоска закатного неба пробивалась сквозь щель в ставнях. Комок тревоги подступил к горлу, сердце забилось быстрее, ещё не понимая, но уже чуя беду.

– Что... что случилось? – спросила она, и голос прозвучал хрипло.

Рядом с кроватью стояли трое. Бедивер, Кадваллон, Меллигенс. Все в пыли, все с лицами, на которых читалось одно: опять.

– В столице беспорядки, – отчеканил герцог Олдред без предисловий.

Гвиневра рванулась с кровати – и мир покачнулся. Пол ушёл из-под ног, в глазах потемнело, в ушах зашумело. Она бы рухнула обратно, если бы чьи-то руки не подхватили её.

– Государыня!

Когда темнота отступила, Гвиневра обнаружила, что висит на руках Бедивера. Рыцарь смотрел на неё с такой тревогой, будто она была при смерти.

Краем глаза – через плечо Бедивера, через его надёжное, каменное плечо – она увидела Кадваллона. Он стоял в двух шагах, чуть выдвинувшись вперёд, будто в последнюю секунду рванулся следом. Рука его, наполовину протянутая, уже опускалась – понял, что не успел, что Бедивер оказался ближе.

На миг их взгляды встретились. В полумраке комнаты Гвиневра не могла прочесть его лица – только блеск глаз, только напряжённую линию рта. А потом он отвёл взгляд первым.

– Вам плохо? Позвать лекаря? – спросил Бедивер, и Гвиневра заставила себя встать на ноги крепко.

– Нет. Всё прошло. Просто резко встала.

Бедивер выпустил её из рук, но оставался сосредоточенным. На случай если она снова покачнётся.

– Что за беспорядки? Кто доложил?

– Один из командиров городской стражи прислал солдат. Сведений мало. – Меллигенс говорил сухо, рублеными фразами. – Я считаю, что мне нужно лично прибыть в Двуречье и разобраться.

«Я должна сама», – подумала Гвиневра, но сказать не успела.

– Это может быть ловушка, – спокойно, почти лениво произнёс Кадваллон. – Какой удобный случай для засады. Напасть на королеву по пути в столицу или выпустить пару стрел – нетрудная задача. Я считаю, что вам пока лучше оставаться в крепости. Мы с герцогом Меллигенсом и сэром Бедивером направимся в Двуречье, а потом проконтролируем, чтобы ваш обратный путь прошёл безопасно.

Гвиневра задумалась. В голове, ещё не до конца проснувшейся, мысли ворочались медленно, тяжело.

– Я понимаю, что вам кажется, будто вы должны быть там, – продолжил Кадваллон, не давая ей опомниться. – Но дело срочное. Ехать надо быстро, налегке. А вам в вашем положении быстрая езда – хоть верхом, хоть в повозке – нежелательна.

«Это слишком подозрительно».

Она перевела взгляд с одного на другого. Меллигенс – каменный, сжавшийся, как кулак. Бедивер – верный, готовый на всё. Кадваллон – спокойный, но в глазах что-то... тревога? Усталость?

«Что, если он решил предать? Что, если они с Меллигенсом заодно? Стоит им въехать в город, как герцога объявят новым королём».

А с другой стороны...

«Возле стен крепости пять сотен камелиардских солдат. Если трон падёт, армия отца поможет мне бежать в Камелиард».

– Бедивер, – сказала она наконец. Голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. – Возьми с собой столько рыцарей, сколько есть здоровых. Людей моего отца я вам не дам. Езжайте и разведайте обстановку.

Она посмотрела на каждого по очереди – долго, в упор.

– Я буду ждать послание от вас. Всех виновных – в темницу. Никто из бунтовщиков не должен умереть, пока я лично их не увижу.

Меллигенс коротко кивнул. Бедивер коснулся рукой сердца. Кадваллон чуть склонил голову.

Они ушли. Дверь закрылась, и в комнате снова стало тихо.

Гвиневра опустилась на кровать. Голова кружилась, но спать больше не хотелось. Погрузившись в тишину, королева погладила живот. Лёгкие, едва заметные толчки она ощущала с самого пробуждения.

– Все эти беды отнимают слишком много сил и внимания, – прошептала женщина, – Маме даже некогда порадоваться тому, как ты быстро растёшь, малыш.

Так она просидела ещё четверть часа, рассказывая своему ребёнку о своих чувствах.

После постного завтрака Гвиневра пришла в лазарет.

Внутри было шумно, людно, но как-то по-домашнему уютно. Вдоль стен стояли койки, на которых лежали мальчишки – кто-то дремал, кто-то тихо переговаривался. У дальней стены, у большого камина, где весело потрескивали дрова, в старом потёртом кресле сидела Морвенна. Гвиневра наконец-то смогла её внимательно рассмотреть.

Высокая, пышногрудая, в старомодном коричневом платье и сером шерстяном плаще, накинутом на плечи. Каштановые волосы с проседью были заплетены в тугую косу – ни один волосок не выбивался, хоть она и не спала двое суток. Круглое румяное лицо её светилось той

особенной, живой энергией, от которой у Гвинеvры вдруг отлегло от сердца. Светло-зелёные глаза Морвенны напоминали о весенних побегах, о первой зелени, о том, что жизнь продолжается, несмотря ни на что.

В руках у неё была железная кружка, наполовину наполненная элем.

Вокруг сновали лекари, слуги, придворные дамы. Кто-то впопыхах бежал с миской свежого отвара, кто-то вёл под руку бледного мальчишку, который только начал приходить в себя. Жизнь кипела, пыхла, дышала.

– Где мой папа? – донёлся до неё тоненький голос.

Гвинеvра обернулась. На ближайшей койке сидел Джон, бледный, но уже с каким-то живым огоньком в глазах.

– Я же сказала, мальчик. Я не слежу за вашими папашами, – по-матерински строго ответила Морвенна, даже не глядя в его сторону. – И за мамашами тоже не слежу. Моё дело – вас на ноги поставить. Твоё дело – отдыхать и набираться сил.

Джон потупил взгляд, лёг, отвернулся к стенке и накрылся покрывалом с головой.

Гвинеvра улыбнулась, поднялась и подошла к его кровати, мягко положила руку на детское плечико. Мальчик тут же скинул одеяло.

– Папа! – вскрикнул он, но увидев лицо королевы, стушевался. – Извините.

– Твой папа на время уехал в столицу.

– Он обещал быть здесь, со мной.

– Я знаю, Джон. – Гвинеvра чуть сжала его плечо. – Но иногда обещания, которые мы даём тем, кого любим, приходится нарушать ради тех, кому мы нужны больше. Твой папа сейчас нужен Логрии. А ты нужен ему живым и здоровым, когда он вернётся.

Джон дёрнулся, приподнялся на локтях.

– А что? Случилась беда? На столицу напали?

– Я сама ничего не знаю. Твой папа с другими рыцарями отправился узнать, что случилось. Нам с тобой остаётся только ждать, когда они вернутся.

– Жаль, что я не смог поехать с ними...

– Твоё время ещё придёт, юный Джон. Сейчас постарайся выздороветь.

– Хорошо, – кивнул он и откинулся на подушку, глядя в потолок.

Гвинеvра прошла по лазарету, поглядела на других мальчишек. Кто-то спал, кто-то болтал, кого-то осматривали лекари. Вернулась к камину, опустилась в кресло рядом с Морвенной.

– Самое страшное позади, – уставшим голосом проговорила та, отхлебнув эля.

– Вы совершили настоящее чудо, миледи. Мне вовек вас не отблагодарить.

– Ну что вы, государыня. Разве ж я это ради почестей делаю? – Морвенна махнула рукой.

– У меня у самой пятеро мальчишек. Самому младшему нынче четырнадцать будет.

– Пятеро детей? – Гвинеvра округлила глаза.

– Семеро. – Морвенна усмехнулась в кружку. – У меня ещё две дочери, государыня. Обе, кстати, прибыли со мной сюда.

Она указала пальцем куда-то в сторону. Гвинеvра проследила за её жестом.

У стола с травами стояла высокая девушка в простом дорожном платье. Тёмные волосы, светлая розоватая кожа, тонкие, но цепкие пальцы, ловко перебиравшие сухие листья. Она работала, не глядя на руки – делала это сотни раз. Движения точные, спокойные, без суеты.

– Вон та – Лисбет. Ей шестнадцать.

– Она очень похожа на вас, миледи, – улыбнулась королева.

– И слава Богу! – Морвенна рассмеялась – громко, открыто, заливисто. – Муженёк-то мой, как и вся его родня, – все коренастые и толстые. Благо, всем моим детям больше передалось от меня, чем от мужа. Теперь семейство Гленморов хотя бы не походит на стаю черноглазых поросят.

Гвиневра не удержалась и рассмеялась вместе с ней. Поразительно, как легко ей было с этой женщиной. Такой открытой, такой живой, такой настоящей.

В пыльное окно за их спинами пробивались лучи утреннего солнца, рисовали на каменном полу золотые дорожки. Какая-то птица уселась на подоконник и звонко зачирикала, будто тоже радовалась новому дню.

Вдруг один из мальчишек вскрикнул – не от боли, от неожиданности. Большая пчела, влетевшая в приоткрытое окно, кружила прямо над его головой. Паренёк замахал руками, пытаясь отогнать её.

Лисбет, не сказав ни слова, подошла к нему, ловко, без страха, накрыла пчелу небольшой стеклянной банкой, подхватила крышку и вышла на улицу. Вернулась через минуту, поставила пустую банку на место и снова взялась за травы, будто ничего не случилось.

Гвиневра проводила её взглядом. С каким спокойствием, с какой любовью к живому она это сделала. Не прихлопнула, не испугалась – просто взяла и выпустила.

– А где же ваша вторая дочь? – спросила она, оборачиваясь к Морвенне.

– Отправилась собирать травы неподалёку от крепости. С ней, конечно, и слуги, и охрана, и другие придворные дамы. Но даже будь она одна, я бы за неё не волновалась. – Морвенна отставила кружку и откинулась на спинку кресла. – Виола – настоящий рыцарь в юбке. Она до сих пор не вышла замуж, потому что ни один из тех, кто к ней сватался, не смог одержать над ней победу в честном поединке.

Гвиневра удивлённо подняла бровь.

– Она сказала, что выйдет замуж только за того, кто окажется сильнее её. И кто бы смог опспорить её условие? Ни один из моих сыновей не перечит Виоле. Честное слово, я думаю, что ей стоило родиться мальчиком.

– Может, в Камелоте ей найдётся достойная партия, – улыбнулась Гвиневра.

– Я потому её с собой и привезла. – Морвенна усмехнулась и несколькими крупными глотками допила эль. – Уж не может быть такого, чтобы в целом королевстве не сыскался мужчина сильнее моей дочери.

Гвиневра тоже улыбнулась, но краем глаза заметила, как за окном медленно плывут облака. Где-то там, за горизонтом, Бедивер, Кадваллон и Меллигенс уже въезжали в город.

«Интересно, что они там увидят».

Молитва и обеденная трапеза прошли спокойно. Рыцари Благия вели себя тихо – не пели, не славили епископа, просто сидели и ели, как все. Но Гвиневра всё равно чувствовала их взгляды. Они словно приклеились к её спине и не отпускали, даже когда она вышла из зала.

Теперь она сидела в пустом классе, где ещё вчера разговаривала с Кадваллоном. Солнечные лучи, как и тогда, проникали сквозь узкие окна, плясали на грубо струганных скамьях, на забытой деревянной игрушке, валявшейся на подоконнике. Пыль танцевала в воздухе.

Напротив неё, на неудобных ученических скамьях, расположились лорд Теренс и лорд Годвин.

– Как продвигается дело с допросами, милорды? – спросила Гвиневра, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Теренс ответил первым. Голос у него был скрипучий, как у старой двери, но слова падали чётко, без запинки:

– Никаких изменений, государыня. Никто ничего не видел и не слышал. Все клянутся, что ночь прошла тихо, а воду в бочки наливали из тех же колодцев, что и всегда.

Гвиневра взглянула на барона Теренса поверх стола – невысокий, худощавый, с морщинистым лицом, из-под тёмного головного убора с белым пером не видно ни волоса. Одет ста-

ромодно, но с той аккуратной элегантностью, которая не зависит от моды. И только глаза – живые, острые, как у ястреба, – смотрели на неё с той внимательностью, которая бывает лишь у людей, привыкших замечать каждую мелочь.

– Все слуги пришли сюда работать в разное время. – Гвиневра подалась вперёд. – Уделите особое внимание тем, кто пришёл недавно. Сверьте по спискам. Не пропал ли кто.

Годвин засуетился. Его гнусавый голос – Гвиневра узнала бы его из сотни – прозвучал торопливо, будто он боялся, что его не дослушают.

– Уже сверили, государыня. – Он прижимал к груди книгу в синем переплёте, ту самую, с которой не расставался. Тёмные усы его подрагивали. – Из служек, особенно молодых, несколько погибло от яда. И...

Он запнулся, и рука его машинально огладила усы – жест, который Гвиневра замечала у него в минуты волнения.

– И?

– Двое – пропали. – Годвин поднял на неё глаза и тут же опустил. – Мы не нашли их. Ни среди живых, ни среди мёртвых.

Гвиневра почувствовала, как внутри что-то оборвалось и тут же натянулось струной.

– Что же вы сразу не сказали? – Голос её зазвенел, и Годвин вжал голову в плечи, сильнее прижимая книгу к груди, будто она могла защитить его от королевского гнева. – Возможно, это те, кто причастен! Найдите их, живыми или мёртвыми!

Теренс остался невозмутим. Только глаза его блеснули – цепко, понимающе. На его морщинистом, худощавом лице не дрогнул ни один мускул.

– Этим уже занимаются, – проскрипел он.

– Кто?

– Сын герцога Меллигенса. Как его... – Теренс наморщил лоб, будто имя само по себе было ему неприятно.

– Ваймунд, – подсказал Годвин, не поднимая глаз и продолжая теревить край книги.

– Ваймунд, – кивнул Теренс. – И его люди. Они разыскивают пропавших.

Тишина упала в комнату, как камень в колодец.

– Ваймунд? – переспросила Гвиневра. Голос её звучал обманчиво спокойно. – Кто назначил его участником расследования? И почему я ничего не знала?

Годвин съёжился, стал ещё меньше. Он переключивал книгу с руки на руку, не зная, куда её деть, то и дело оглаживал усы и, кажется, мечтал сейчас оказаться где угодно, только не здесь. Теренс, напротив, сидел неподвижно, и только в его ястребиных глазах мелькнуло что-то – не то сожаление, не то досада.

– Простите, государыня, – затараторил Годвин. – Ваймунд сам вызвался помочь, герцог Олдред поддержал его. Мы решили, что разумно будет воспользоваться такой возможностью. Лишние руки, знаете ли, особенно когда все при деле...

– Ваймунд – просто сын герцога Олдреда. – Гвиневра сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться. В висках запульсировало. Она перевела взгляд с одного на другого: Теренс смотрел открыто, не отводя глаз, Годвин ёрзал, не в силах выдержать её взгляда. – У него нет должности при дворе. Он не может расследовать дело.

Она помолчала, глядя на пыльные солнечные лучи.

– Подобные вещи должны обсуждаться со мной, милорды. – Голос её стал тише, но от этого не мягче. – Но сейчас уже ничего не поделаешь...

– Мы можем отозвать сына герцога, – осторожно предложил Теренс. Его скрипучий голос звучал ровно, без тени страха. – Но кто тогда займётся розыском?

Гвиневра посмотрела на него. На его морщинистое, но живое лицо. На аккуратный головной убор, который сидел ровно, несмотря на все треволнения. На Годвина, который, кажется, сейчас растворится в воздухе от желания исчезнуть.

– Пусть пока всё будет как есть. – Она устало потёрла переносицу. – Сейчас нужно дождаться вестей из столицы. Вы свободны, милорды. Ступайте.

Они поднялись почти одновременно. Теренс поклонился коротко, по-военному, и в этом поклоне чувствовалась выправка, несмотря на его иссохшее тело. Годвин отвесил глубокий поклон, чуть не выронив книгу, и выскользнул за дверь первым, будто за ним гнались.

Дверь закрылась. Королева осталась одна в пустом классе, среди скамей, пыли и солнечного света.

«Почему? Почему Ваймунда становится так много?»

Отбивая неровный ритм пальцами по столу, Гвиневра погрузилась в свои мысли.

Комок подступил к горлу – плотный, горячий, мешающий дышать. Гвиневра сглотнула, но он не проходил.

«И почему Ронан не сообщил мне о розыске?»

Рыцарь обещал проследить за сыном герцога. Где он? Почему молчит? Если Ваймунд всё это время был в крепости и занимался поисками пропавших слуг, Ронан должен был видеть это. Должен был доложить.

Сердце пропустило удар, когда перед глазами всплыл взгляд Ваймунда. Тот самый, в дверях обеденного зала – как он смотрел на Ронана, усмехаясь, сложив руки на груди. Спокойно. Уверенно. Будто знал что-то, чего не знали они.

«Он понял, что за ним следят. И что-то сделал».

Гвиневра вскочила так резко, что скамья качнулась и едва не опрокинулась. Комок в горле не проходил, дышать стало трудно – не от страха, от дурного предчувствия, которое сдавило грудь железными обручами.

Она не обернулась – вылетела за дверь, и только стук каблуков затих в коридоре.

Несколько часов в крепости царила настоящая суета. Теперь все, кто мог, искали пропавшего рыцаря.

– Скажи, Элейна, он точно не уезжал в столицу с другими рыцарями? – с мольбой в голосе спросила Гвиневра.

– Нет, государыня. Его обязанность – защищать вас. Да и Бедивер его искал перед отъездом. Судя по всему – не нашёл, – наперсница опустила голову.

– Мне кажется, что надо мной и моими близкими навис злой рок, – выпалила королева, обессилено опустившись на деревянную лавку.

– Что вы, ваше величество? Это не так. Мы найдём сэра Ронана. Я верю в это.

В подтверждение её слов в комнату забежал юный оруженосец. Лицо его было белым, как мел, губы дрожали.

– Ваше... – он запнулся, сделал подобие поклона, – Ваше величество, мы кое-что... кого-то нашли... – парень опустил взгляд в пол, и Гвиневра увидела, как мелко трясутся его руки.

– Кого? Где? – спросила Гвиневра, пытаясь игнорировать холодок, пробежавший по спине от плохого предчувствия.

– Мужчину. В колодце.

Глава 14. Кто друг? Кто враг?

Гвиневра на негнущихся ногах шла за оруженосцем. Элейна семенила рядом, такая же бледная, как и её королева. Солнце клонилось к закату. В воздухе пахло дымом, соломой и осенью, которая уже вступала в свои права.

У колодца толпились люди. Придворные, слуги, оруженосцы. Все сохраняли немое молчание. Кто-то отбежал в сторону в попытках сдержать рвотный позыв.

– Ваше величество, – из толпы вышла Морвенна. – Вам не стоит это видеть.

Гвиневра проигнорировала её и прошла мимо людей, которые смиренно расступались перед ней.

– Ронан! – королева рухнула на колени перед телом рыцаря, дрожащими пальцами вцепилась в холодную мокрую ткань дублета.

Рыцарь был бледным, опухшим. Мокрые волосы налипли на лицо, синие глаза, широко распахнутые, смотрели в пустоту. Ногти на руках были содраны в кровь.

– Кто?! Кто это сделал?! – закричала Гвиневра.

У неё больше не было сил сохранять ледяное спокойствие. Больше не было сил, чтобы принимать удары. Хотелось бить в ответ.

– Ваше величество, – проговорила тихо Элейна и положила руку на плечо королевы.

Она неосознанно стряхнула руку наперсницы.

– Найдите виновного! Никто не покинет крепость, пока мне не приведут убийцу!

Вокруг воцарилась гробовая тишина.

– Ваше величество, – к ней подошла Морвенна и опустилась на колени рядом. – Нам нужно будет осмотреть тело. А вам в это время стоит отдохнуть.

– Отдохнуть?! – королева поглядела на травницу, но из-за слёз не различила её лица.

– Пока я отдыхала, Ронана кто-то убил! Пока я отдыхала, кто-то отравил все колодцы в этой крепости! Пока я отдыхала, кто-то устроил беспорядки в столице! И ты говоришь, что мне нужно отдохнуть?! – голос Гвиневры сорвался и она прошептала последние слова. – У меня нет права на отдых...

Морвенна ничего не ответила. Она лишь прижала королеву к себе, укрывая её рыдания от всех свидетелей.

– Боже, за что все эти испытания?.. – шептала Гвиневра. Слёзы лились из её глаз, не переставая. И нежные поглаживания по голове не успокаивали, а лишь доказывали ей самой, какая Гвиневра на самом деле слабая.

– Закройте ворота! – отдал кто-то приказ, – Никто не должен покинуть крепость!

– Помогите королеве, – приказала Элейна.

В следующий миг Гвиневра ощутила, как несколько рук подхватили её. Кто-то отнёс её в командирскую спальню, где она провела прошлую ночь.

– Этот отвар безопасен для ребёнка... поможет ей восстановить силы... нужно приглядывать... – доносились до королевы обрывки фраз. Кто говорил? Она уже не различала. Ей было всё равно.

В полутьме спальни чьи-то заботливые руки помогли ей выпить отвар, и вскоре королева погрузилась в тяжёлый сон без сновидений.

Гвиневра раскрыла глаза. Солнечный свет заставил её зажмуриться и отвернуться.

– Ваше величество, – донёсся тихий голос леди Элейны.

Гвиневра вновь раскрыла глаза, но увидела не свою наперсницу.

Возле кровати на грубо-сколоченной табуретке сидел граф Кадваллон. Его лицо было сосредоточенным, серьёзным. Элейна стояла за его спиной. Как всегда обеспокоенная, взволнованная.

– Я хочу домой, – вдруг сказала Гвиневра и повернулась на другой бок. Спиной почувствовала удивлённые взгляды, но больше ничего не сказала.

Она действительно хотела домой. Но куда конкретно, не знала. В Камелот? Нет. Там нет безопасности, нет спокойствия. В Камелиард к отцу? Нет. Там тоже интриги, тоже борьба.

«Наверное, стоило согласиться на предложение Ланселота. Пусть увёз бы меня на край Света...»

Гвиневра прикрыла глаза и не сдержала слезинку, которая прокатилась по её щеке и упала на тонкую подушку. За ней последовала другая.

– Ваше величество, – наконец, подал голос Кадваллон, – беспорядки в городе прекращены. Я приехал за вами.

– Я не уеду никуда, пока не будет найден убийца Ронана, – отрезала королева. Что-то похожее на детский каприз. Но Гвиневра больше не могла всё держать в себе.

– Это может занять недели, – твёрдо сказал граф.

– Значит вам стоит кого-нибудь отправить в замок за вещами.

– Это ни к чему. Я и так знаю, кто виновник. И вы это знаете.

Он замолчал в ожидании реакции Гвиневры. Но она продолжила лежать, отвёрнутая от него, и молчать. Не дождавшись ответа, Кадваллон поднялся с табурета, взял его в руки, обошёл кровать и поставил с другой стороны. Он присел и наклонился к лицу Гвиневры. Вгляделся в её черты. Заметил покрасневшие глаза и маленькие пятна влаги на подушке. Хотел что-то сказать, но не стал. Отстранился. Задумался.

Всё это время Гвиневра глядела в пустоту перед собой, не обращая на графа внимания.

Спустя несколько минут он, наконец, произнёс:

– Все они заплатят, Гвиневра. Но сейчас нужно найти в себе силы на борьбу. Ради вашего ребёнка. Ради себя. Иначе пережуют и выплюнут.

Он поднялся, откланялся и вышел из командирской спальни. Дверь закрылась. Гвиневра ещё долго лежала, глядя в стену. Потом медленно перевернулась на спину и уставилась в потолок.

«Ради ребёнка. Ради себя».

Она положила руку на живот. Толчок. Слабый, но живой. Как напоминание о том, что нужно жить. Нужно бороться.

«Да, малыш, ты прав. Я не могу сломаться сейчас».

– Элейна, – тихо позвала королева, – я хочу пить.

– Я сейчас отдам приказ.

Наперсница скрылась за дверью. Спустя несколько минут вернулась с кувшином воды и чистой железной кружкой.

Гвиневра залпом выпила две.

– Для вас приготовили купальню, государыня, – сказала Элейна, поправляя покрывало на кровати. – Не как в Камелоте, конечно. Простая, солдатская. Но вода горячая, истопники постарались.

Гвиневра представила: тесная каменная клетушка, деревянный чан, над которым поднимается пар, слуги с вёдрами, снующие туда-сюда по холодному коридору. Не роскошь – необходимость.

– Воды немного, но вам должно хватить, – Элейна опустила голову.

– В крепости нет воды для купален?

– Туда воду носили из большого колодца, – Элейна помолчала, теребя край платья. – Теперь он закрыт.

Она отвернулась, но Гвиневра заметила, как дрогнули её плечи.

– Прости, – тихо сказала королева. – Ты тоже устала. А я тут... капризничаю.

Элейна резко обернулась:

– Не смейте так говорить! Вы имеете право. После всего... – она сглотнула, сдерживая слёзы. – Я просто рада, что вы и ваш ребёнок живы.

Гвиневра протянула руку, сжала её ладонь.

– Тебе тоже стоит помыться и как следует отдохнуть, – королева улыбнулась. Наперсница хотела было возразить, но она крепче сжала её ладонь и покачала головой.

«Лучше не спорь».

Элейна сдалась. Она присела на край кровати рядом со своей госпожой. Они всё так же держались за руки. Чтобы хоть на краткий миг перестать чувствовать отчаяние и одиночество.

– Значит, воды для купален недостаточно... И как теперь быть рыцарям и оруженосцам? Не будут мыться – будут болеть, – задумчиво сказала Гвиневра.

– Граф Кадваллон предложил решение. Он сказал, что от реки Эббу можно провести канал. Это, конечно, займет много времени, но так в крепости всегда будет вода. Разве не гениально?

– Да. Хорошее предложение, – Гвиневра кивнула.

«На каждую проблему у него находится решение. На каждый вопрос есть ответ. Излишняя эффективность может стать губительной».

Проведя больше часа в скромной купальне, Гвиневра, наконец, смогла почувствовать себя вновь живой. Казалось, будто всю тяжесть прошедших дней она смыла вместе с грязью.

Надев скромное серое платье, предусмотрительно прихваченное Элейной, Гвиневра пыталась пальцами прочесать свои светлые волосы. Гвиневре чудилось, будто золото её волос потускнело и это навевало какую-то печаль, тоску по себе прежней.

– Да что ж он не разгорается? – тихо возмущалась Элейна, которая пыталась разжечь камин в их временном пристанище.

– Просто позови кого-нибудь из слуг, – посоветовала королева.

– Я сама умею. Просто кто-то принёс сюда влажные дрова, – наперсница всплеснула руками.

– Всё равно придётся кого-то отправлять за сухими, – Гвиневра улыбнулась.

– Видимо да.

Спустя полчаса в комнате уже горел огонь, выпуская в воздух небольшие искры с характерным потрескиванием.

Элейна прилегла на соседнюю кровать и через несколько минут уже спала – так крепко, как спят только после долгой дороги и бессонных ночей. Королева накрыла её вторым одеялом.

Гвиневра же присела в старенькое кресло перед камином, накрывшись тонким шерстяным одеялом.

Она тихо, почти шепотом рассуждала вслух:

– Кадваллон говорит, что я знаю, кто убил Ронана. Но он не назвал имя. Почему? Выглядит, будто он лишь подталкивает меня к определенным мыслям. Он знает, что я так думаю? Или хочет, чтобы я так думала? Смерть Ронана слишком громкая, слишком заметная. Все знают, кто он. Его убили, чтобы что-то сказать мне. Но что именно? И кто? Кто по-настоящему это сделал? – она прикрыла глаза на краткое мгновение. Перед глазами сразу появился образ. – Очевидным оказывается Ваймунд. Его взгляд в обеденном зале многое говорит. И Ваймунд знал, что Ронан следил за ним. И тем очевиднее, что он не стал бы убивать его. Ведь это сразу указывает на его вину. Если только убийство не было преднамеренным. Кто знает, может Вай-

мунд хотел проучить, напугать Ронана? Рассчитывал вытащить его позже или, что кто-то его обнаружит? И всё же это слишком неправдоподобно. Или слишком дерзко с его стороны. Если это его рук дело.

Гвиневра поднялась с места, прошла к небольшому окну. Солнце клонилось к закату. Во дворе крепости было оживлённо. Всё больше мальчишек вставали на ноги благодаря лекарству Морвенны. Многие оруженосцы хотели поскорее приступить к тренировкам, но рыцарь, что отвечал за них, постоянно их осаживал. Леди Морвенна велела освободить от нагрузок всех хотя бы на пару недель.

Королева вновь погрузилась в размышления.

«Кто ещё мог это сделать? Моргана? Зачем? Какой мотив? Чтобы добраться до меня, ей незачем расправляться с Ронаном. У неё было сотни шансов убить меня тысячью способов... Хотя, возможно она не хочет меня убивать. Хочет, чтобы всё вокруг меня рухнуло, чтобы я сама сдалась. Я бы именно так и хотела на её месте. Но я – не она. И всё же...»

Она вернулась в кресло. Вгляделась в языки пламени в камине.

– Благий? – тихо задала она вопрос в пустоту. – Они с Ронаном почти не контактировали. Разве только Ронан запер Благия с его свитой в обеденном зале. Слабый повод для убийства. Но если это сделали те рыцари-фанатики... нет. Для рыцарей слишком грязно. Если у них есть хоть малейшее понятие чести, они сразились бы с Ронаном на мечях. И всё же нельзя отбрасывать этот вариант. Настоящие ли они рыцари? Вполне возможно, что ещё вчера они грабили и убивали людей на дороге...

От следующего предположения ей было неприятнее всего. Гвиневра даже не хотела проносить свои мысли вслух, пусть и шепотом.

«Кадваллон. Его тоже нельзя исключать. Его мотив? Подставить Ваймунда. Если задуматься, то с самого появления сына герцога, именно Кадваллон высказывался о нём пренебрежительно, с намёками. А ведь сам Ваймунд не делал ничего, что могло бы указывать на его вину в чем-либо. Странно смотрел. Да, но молчал, оставался в стороне. Мог ли Кадваллон подставить Ваймунда? Мог. Зачем?»

Гвиневра откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

– Я не знаю. Я ничего не знаю...

Королева помассировала виски, выпрямилась и снова заставила себя рассуждать.

– Почему убили именно Ронана? Либо он что-то видел и слышал, либо кому-то помешал. Или оказался не в то время не в том месте? – она стала отбивать такт пальцами по спинке кресла. – Умышленно или по нелепой случайности, Ронана убили. Убили жестоко. Кадваллона в этот момент в крепости не было. Но его люди везде, подобно крысам, разнюхивают, следят. Кто сидел с ним за столом?

«Глупая Гвиневра! Почему сразу не разузнала?» – она сжала кулаки до побелевшей кожи. Теперь ей казалось, что она вообще не знала, что происходило у неё под носом. О каком правлении страной можно говорить, если для неё даже совладать с Камелотом и Двуречьем – непосильная задача?

– Нужно выяснить, где были Благий и Ваймунд... Но кто скажет правду? Как проверить?

Гвиневра поднялась с места снова. В этот раз она вышла из комнаты. Хотелось подышать свежим воздухом. И заодно понаблюдать.

«Я докопаюсь до правды».

Глава 15. За спиной

Кадваллон занял небольшую комнату в дозорной башне. Гвиневра не желала ни с кем видаться. В том числе с ним. Подозревала. Боялась. И он не осуждал её за эту осторожность.

«Пусть она будет осторожной. Это лучше, чем опрометчивость».

– Седрик, ты осмотрел всю территорию вокруг колодца? – граф обратился к своему приближённому. Он не был знатным, не был рыцарем. Простой сын обувщика, но очень умный. Вот уже около пяти лет он служил Кадваллону верой и правдой. Его главные качества – умение вовремя растворяться в толпе и внимание к деталям.

– Милорд, люди там всё истоптали. При всём желании ни один великий следопыт не нашёл бы там ничего полезного, – Седрик расстроенный опустил плечи и махнул рукой, будто отгонял назойливую муху.

– Надо подумать. Тело рыцаря уже осмотрели. Синяки, ссадины... Ясно, что он не сам спрыгнул в колодец, закрыв его после этого крышкой. Может... – граф запнулся, – Колодец. Колодец, Седрик. Надо обследовать дно!

– Так там же отравы, – парень удивленно вскинул брови.

– К чёрту твою отраву, – отмахнулся Кадваллон. – Немедля приведи туда всех, кого найдёшь. Слуг, солдат. Пусть вычерпывают воду ведрами, пока не осушат колодец. Посмотрим, что там на дне.

– Есть, ваша светлость, – Седрик подскочил с места и бросился бежать во двор.

Ещё одним качеством, за которое Кадваллон ценил Седрика, было умение действовать быстро и не задавать вопросов. Кадваллон сказал – Седрик сделал. И никто, даже под пытками, не вытянул бы из него лишнего слова.

– Попробуем поболтать с королевой ещё раз.

Граф, не спеша, покинул свою временную обитель.

Выйдя из башни он огляделся. Утро было серым, тяжёлым – тучи набухли влагой, солнце то и дело ныряло за них, и тогда двор погружался в сумрак. В воздухе висело напряжение, какое бывает перед грозой, но грома не было. Только тишина и запах приближающегося дождя, который всё не начинался.

Он не сделал и десяти шагов, как на пути возникла знакомая фигура.

Ваймунд был выше него на полголовы – Кадваллон успел заметить это ещё при их первой встрече. Сын герцога держался ровно, даже надменно, но тёмные волосы, собранные в низкий хвост, выглядели грязными, засаленными. Кадваллон едва сдержался, чтобы не поморщиться. Сам он не выносил грязи, и эти дни в крепости с её ограниченными запасами воды были для него настоящим испытанием. Видеть же человека, который даже не пытался привести себя в порядок, было почти оскорбительно.

– Милорд, – Ваймунд поравнялся с ним, мягко встроившись в такт его шагов. Руки он тут же спрятал за спину – Кадваллон заметил это движение. Точная копия его собственной привычки.

– Скажите, когда мы сможем вернуться в столицу?

На губах сына герцога играла вежливая улыбка. Но взгляд блуждал – по двору, по башням, по людям, снующим туда-сюда. Кадваллон ждал, пока Ваймунд посмотрит на него. Тот встретился с ним глазами, выдержал секунду, другую – и снова отвёл взгляд в сторону.

Они пошли бок о бок, неспешно, через внутренний двор. Ваймунд держал руки за спиной, плечи расправлены, шаг уверенный. Но Кадваллон видел: его взгляд по-прежнему ни на чём не задерживался. Он скользил по лицам, по стенам, по небу – везде, только не на собеседнике.

– Насколько мне известно, вам в столице делать нечего, – ответил граф. – Вы хоть сейчас можете отправляться в свой родной замок.

Ваймунд дёрнул уголок рта – не улыбка, скорее гримаса. И вдруг одним быстрым движением провёл пальцами по волосам, поправляя сальные пряди, выбившиеся из хвоста. Кадваллон отвёл взгляд, снова испытал омерзение.

– О, что вы, милорд. У меня в Двуречье есть незаконченные дела. – Ваймунд убрал руку за спину, снова принимая подражательную позу. – Я ведь приехал, чтобы урегулировать вопрос с задолженностью.

Они прошли мимо кузницы, из которой доносился громкий звон металла. Граф не торопился отвечать. Не хотел повышать голос.

– Разве мы с вами его не решили? – сказал он, когда звуки кузницы остались позади. – Насколько я помню, королева одобрила предложенный мною вариант, – Кадваллон позволил себе лёгкую усмешку.

Ваймунд наконец посмотрел на него. Две секунды. Три. Кадваллон выдержал взгляд, не моргая. Ваймунд снова отвёл глаза.

– Уверю вас, я никуда не уеду, пока лично не удостоверюсь в том, что долг выплачен. – Его голос стал тише, но твёрже. – Мой дорогой папаша, к всеобщему сожалению, не сильно-то разбирается в бумагах.

Он ухмыльнулся, но взгляд оставался сосредоточенным.

Они уже миновали половину двора, когда на их пути появились трое юношей – оруженосцы лет пятнадцати-семнадцати. Они несли какие-то свёртки, о чём-то оживлённо болтали, смеялись. Увидев лордов, мгновенно притихли, вытянулись и почтительно поклонились.

Кадваллон скользнул по ним взглядом и тут же забыл.

Но Ваймунд замер, хотя пареньки не преграждали ему путь.

Его взгляд вдруг остановился на том, что стоял справа. Высокий, худощавый, курносый парнишка с короткими светлыми волосами.

– Что-то не так, милорд? – тихо спросил другой оруженосец. Он выглядел немного старше двух других.

Ваймунд, будто очнувшись от наваждения, быстро кивнул оруженосцам – резко, даже грубовато.

– Ступайте.

Те переглянулись и поспешили прочь. Сын герцога проводил их взглядом. А Кадваллон следил за ним. Крайне странным показался ему этот взгляд.

Заметив, что за ним наблюдают, Ваймунд сделал, как и прежде надменное выражение лица, и пошёл дальше. Граф тоже продолжил путь. Теперь он внимательно следил за каждым движением Меллигенса-младшего.

– Уверю, я не оставлю вас в неведении, если что-то пойдёт не так, – Кадваллон улыбнулся открыто, почти дружелюбно. – Я всегда забочусь о порядке в документах.

– Я заметил, граф, – Ваймунд чуть повернул голову, на миг встретившись с ним взглядом, и тут же отвернулся. – Вы проявляете заботу не только о документах. Это многие замечают.

Он поглядел на здание, где расположилась королева. Прозрачный намёк.

– Поверьте, за вами замечают не меньше странностей, – со вздохом ответил граф.

Ваймунд коротко хохотнул – слишком громко, слишком театрально.

– Не сомневаюсь. Я ведь постоянно на виду.

Он развёл руками, обозначая свою невинность.

– Если позволите, милорд, – Ваймунд поправил ворот плаща, – мне пора. Дела. Нужно найти сбежавших слуг.

Он отвесил короткий, почти насмешливый поклон и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь. Кадваллон смотрел ему вслед. Ваймунд шёл быстро, но не бежал. Плечи прямые, спина ровная. И вдруг он остановился, повернул голову. Посмотрел куда-то в сторону.

Кадваллон поглядел туда же и увидел тех самых оруженосцев. Трое парней стояли в тени башни, над чем-то смеялись.

«Надо бы узнать, что это за паренёк. Никак его шпион?»

Граф развернулся и направился к зданию, где располагалась командирская спальня. Он быстро прошёл путь до знакомой двери и замер перед ней. Дал себе время, чтобы собраться с мыслями, затем коротко постучал.

Спустя минуту дверь открылась и из-за неё выглянула наперсница Гвиневры.

– Леди Элейна, сообщите королеве, что у меня есть важный разговор к ней. Это касается смерти сэра Ронана.

Придворная дама учтиво поклонилась и вновь скрылась за дверью командирской спальни. Кадваллон остался ждать. Прислонился плечом к стене, сложил руки на груди. Ждал.

Минуту. Две. Три.

За дверью было тихо. Потом слышались шаги, приглушённые голоса. Кадваллон не разбирает слов.

Наконец дверь открылась и наружу выглянула Элейна.

– Проходите, милорд.

Кадваллон вошёл. Элейна осталась ждать снаружи, прикрыв за ним дверь.

В комнате было сумрачно. Ставни приоткрыты, но свет едва пробивался – тучи, тёмные и тяжёлые, висели низко. Пахло сыростью, деревом и чем-то ещё – едва уловимым, женским. Кадваллон задержал дыхание на секунду, потом выдохнул.

Гвиневра стояла у окна спиной к нему. Золотистые волосы закрывали спину до поясницы. Серое платье, тот самый шерстяной плащ на плечах. Сейчас королева была больше похожа на простолоудинку. Кто-то вполне мог счесть её за крестьянку. Но Кадваллон ни за что бы не спутал. Даже со спины. Королевская осанка и высоко поднятая голова, грациозные движения. Это недоступно простым женщинам.

Гвиневра не обернулась на его голос.

– Вы хотели что-то сказать, милорд? – голос холодный, как сталь.

Кадваллон сделал несколько шагов вглубь, остановился у камина. Дрова прогорели, только угли тлеют, бросая на пол тёплый, умирающий свет.

– Я понимаю вашу осторожность, – начал он, глядя на её спину. – И, если честно, вполне одобряю её. Сейчас вы в положении, когда веры нет даже себе, своим поступкам. Но излишняя осторожность может привести к неверным выводам.

Гвиневра не двигалась. Только рука, лежащая на подоконнике, чуть заметно сжалась.

– Дайте угадаю, – сказала она. – Вы пришли сказать, что в смерти Ронана вашей вины нет.

Кадваллон позволил себе короткую усмешку – без веселья.

«Как всегда, чертовски близко к правде».

– Я пришёл сказать, что сейчас люди опустошают колодец от отравленной воды. Вполне вероятно, что на дне найдётся что-то полезное. Я ни за что не поверю, что сэр Ронан не смог перед гибелью оставить вам знак.

Она медленно повернулась.

Кадваллон встретил её взгляд. Зелёные глаза королевы напомнили ему о весенних заморозках – холодных, прозрачных, опасных для всего, что тянется к теплу.

– Что же вы надеетесь там найти? – спросила она.

– Малейшая зацепка поможет в расследовании. – Он выдержал её взгляд. – Но даже если там не будет ничего – очистить колодец от отравы само по себе полезное дело.

Он чуть улыбнулся, игнорируя холодную отстранённость. Она не ответила на улыбку. Продолжала смотреть прямо ему в глаза. От этого взгляда у любого пошли бы мурашки по спине. Но не у Кадваллона. Этот взгляд, от которого веяло презрением и опасливостью одновременно, был самым честным. А честность – это привилегия.

– Я хочу, чтобы вы пришли к колодцу, когда всю воду из него выльют, – сказал граф.

Гвиневра продолжала смотреть на него – изучающе, будто пыталась разгадать. Кадваллон не отводил глаз. Он наслаждался каждой секундой этого зрительного контакта.

– Спасибо, – сказала она, наконец, сухо. И отвернулась обратно к окну.

Разговор был окончен.

Кадваллон постоял ещё секунду. Потом склонил голову – лёгкий, почти незаметный поклон – и вышел.

За дверью его ждала Элейна. Взмолвленная, бледная.

– Всё хорошо? – тихо спросила она.

– Всё хорошо, леди Элейна, – ответил Кадваллон, коротко кивнув. – Позаботьтесь о королеве.

И пошёл прочь по коридору, оставив фрейлину у закрытой двери.

– Мы достигли дна, милорд, – отрапортовал Седрик. Он был красный, потный, но бодрый. Восемь часов непрерывной работы только раззадорили этого парня.

– Отлично.

Кадваллон вышел во двор вслед за своим помощником.

За день дождь так и не полил. К вечеру тучи унесло ветром – лишь редкие облака ещё цеплялись за небо, подсвеченные закатом. Ветер усилился. Он уже не был похож на летний, тёплый; в нём чувствовалось дыхание осени. С заходом солнца воздух обещал быть зябким.

У колодца сидели и стояли уставшие солдаты и слуги. Все были голодны, многие косились на выход из крепости, но никто не решался уйти без приказа.

– Вычерпывайте грязь, – распорядился Кадваллон, указывая паре солдат. – Найдите решётку или что-то вроде сита, – приказал он другой паре. – А вы – несите воду. Много воды, – обратился он к нескольким слугам.

Все принялись исполнять его указания. Никто не возмутился, хотя многие валились с ног от усталости.

Вскоре четверо солдат принесли мелкую металлическую сетку, снятую с одного из укреплений. Двое солдат вывалили на сетку два ведра жидкого ила.

– Лейте воду, только не спешите.

Две женщины черпали ковшами из бочек чистую воду и выливали сверху на ил. Грязь растворялась, стекала сквозь решётку, оставляя после себя только мусор. Мелкие веточки, старую медную монету, наконечник стрелы.

– Ещё! – приказал граф.

Процесс повторился. На сетке осталась мёртвая лягушка, ещё несколько монет и что-то маленькое, тёмное.

– Как идёт? – раздался за спиной Кадваллона голос Гвиневры.

Он обернулся. Королева стояла в нескольких шагах, закутавшись в плащ. Лицо её было бледным, глаза смотрели куда-то в сторону – на то место, где несколько дней назад лежал Ронан.

Кадваллон задержал на ней взгляд дольше, чем следовало. Заметил её отстранённость. Увидел, как она погружалась в болезненные воспоминания.

– Сами полюбуйтесь, – сказал он, возвращая внимание королевы к сетке.

Гвиневра подошла ближе, опустила взгляд на решётку. На металле, среди грязи и мелкого мусора, лежала железная фибула. Ромбовидная, с острыми краями. Поношенная, немного погнутая – возможно, в битве, – но без налёта и ржавчины.

– В воде пробыла недолго, – отметил Кадваллон.

Гвиневра скользнула взглядом по находке, не придав ей значения, и снова посмотрела в сторону, где лежало тело.

Кадваллон же протянул руку, взял фибулу, поднёс к глазам.

Он поднял голову и случайно перевёл взгляд на другой конец двора. Там, у конюшни, стоял Ваймунд в компании трёх или четырёх своих людей. Сын герцога смотрел прямо на них – но едва их взгляды встретились, тут же отвернулся, что-то оживлённо заговорив со своими спутниками.

Кадваллон заметил, как вздрогнула Гвиневра. Она проследила за его взглядом.

– Продолжайте, – бросил Кадваллон солдатам и, повернувшись к королеве, добавил тихо, – Пойдёмте. Надо кое-что проверить.

Они отошли от колодца. Кадваллон шёл быстро, Гвиневра – рядом, не задавая вопросов. Она только раз взглянула на фибулу, зажатую в его пальцах, и снова подняла глаза на него.

– В лазарет, – сказал он коротко.

Тело Ронана лежало на длинном столе, накрытое простыней. Помещение было наполнено ароматами трав и сладковатым запахом тлена. У окна, сложив руки на груди, стояла Морвенна.

– Леди Морвенна, – Кадваллон кивнул ей, проходя к столу.

Гвиневра замерла у входа. Её лицо побелело.

– Что случилось? – спросила она тихо.

Кадваллон не ответил. Он подошёл к телу, откинул край простыни, обнажив руки Ронана. Пальцы рыцаря были сжаты, но он осторожно разжал их.

На правой ладони были глубокие царапины. Кровь запеклась чёрными полосами, но Кадваллон видел: они не были похожи на раны, нанесённые в драке. Слишком ровные, слишком острые.

Он достал фибулу, повертел в пальцах, вложил в ладонь мертвеца.

Гвиневра подошла ближе.

Царапины на ладони Ронана в точности повторяли очертания фибулы – острые края, ромбовидная форма.

– Он держал её в руке, – тихо сказал Кадваллон. – Держал, когда его сбросили в колодец. А перед смертью вцепился в неё так, что металл оставил след на коже.

Он перевернул фибулу. С обратной стороны ничего не было. Ни инициалов, ни герба.

– Ронан успел оставить знак, – прошептала королева. – Кому она может принадлежать?

– Фибула старая, железная, – анализировал граф, – Грубая работа. Её носили не ради статуса, а из практичности. Ни один лорд, даже самый бедный, не позволил бы на себя такое нацепить. Значит это кто-то из простолюдинов. Солдат, прислуга... Либо это тот, кто презирает богатства и статусы.

– Если не найдём того, кто её носил, то не найдём убийцу.

– Я сейчас же начну поиск, – твёрдо произнёс граф, пряча фибулу в карман.

Они с Гвиневрой покинули лазарет. Прошлись по двору и остановились возле входа в одну из казарм.

– Как это у вас получается, граф? – спросила Гвиневра, когда они остановились у входа в казарму.

Кадваллон поднял бровь.

– Вы поразительно быстро решаете задачи, – пояснила она. – Не успела я осознать, что произошло, как вы уже находите выход. Это...

Она замолчала, подбирая слово.

– Подозрительно, – закончил за неё Кадваллон. – Я знаю.

Гвиневра посмотрела на него долгим взглядом.

– Но разве моя эффективность вам мешает? – спросил он.

– Ваша эффективность мешает другим, граф. – Она чуть склонила голову. – Как вам спится ночами?

Кадваллон усмехнулся, чуть пожав плечами.

– Я сплю вполглаза с кинжалом под подушкой, ваше величество.

Она смотрела на него ещё секунду. Потом кивнула – едва заметно, будто что-то для себя решила – и скрылась за дверью казармы.

Кадваллон остался один. Проводил её взглядом, потом перевёл глаза на фибулу, которую достал из кармана.

«Начнём».

Глава 16. В тени

– Значит, ты ничего не видела, – констатировал Кадваллон, помассировав висок. Старая кухарка утвердительно кивнула. Руки её, сложенные на животе, мелко дрожали – то ли от старости, то ли от страха.

– Я могу идти, милорд? – спросила она.

– Ещё кое-что. – Он достал из кармана фибулу, положил на стол. Железка глухо стукнула о дерево. – Видела её раньше?

Женщина взглядела в предмет, пожала плечами.

– Может, и видела. Тут почти все такие носят.

– Вглядиись внимательнее, – настойчиво произнёс граф.

Она наклонилась, разглядывая фибулу со всех сторон, потом помотала головой.

– Если у кого и видала такую, то не вспомню, у кого. Я же говорю – тут почти все такие штуки таскают. Моё дело – похлёбки наварить, а не цацки разглядывать.

Кадваллон откинулся на спинку стула, убрав фибулу обратно в карман. Он смотрел на кухарку долго, не моргая. Та не выдержала – отвела глаза, уставилась в пол. Не потому, что чувствовала вину. Потому что чувствовала разницу в статусе.

– Ступай, – сказал граф устало, махнув рукой.

Женщина спешно покинула комнату, притворив за собой дверь.

Кадваллон на мгновение прикрыл глаза, тяжело вздохнул и вновь достал железку, внимательно приглядевшись к ней.

За несколько дней были опрошены почти все обитатели крепости. Результат нулевой. Никто ничего не видел и не слышал.

Кадваллон сидел за столом, глядя на фибулу, повертел её в пальцах. Потом, внезапно разозлившись, бросил на стол. Железка глухо звякнула о дерево, качнулась и замерла.

– Выходит, зря старались, – глухо сказал граф. – Столько времени потрачено зря.

Он закрыл лицо руками. Седрик, стоявший у двери, замер, боясь дышать. В комнате было тихо – только дрова потрескивали в камине да где-то за стеной скреблась мышь.

Впервые за многие годы Кадваллон позволил себе эту слабость.

Дверь скрипнула. Раздались торопливые шаркающие шаги. Кадваллон поднял голову.

Мальчишка, что каждый вечер приносил дрова для камина замер на пороге. В руках у него была охапка поленьев. Он всегда делал свою работу быстро и тихо, по велению самого Кадваллона не произносил ни слова. Но в этот раз он не торопился уходить.

Подкинул дров в камин. Замер. Взгляд его упал на фибулу, лежавшую на столе.

У графа внутри всё застыло. То ли от страха перед ложной надеждой, то ли от предчувствия раскрытия правды.

– Знакомая вещь? – спросил он как можно спокойнее.

Мальчик вздрогнул, опустил голову. Пальцы его, сжимавшие край рубахи, побелели.

– Ты можешь мне всё рассказать, – мягко сказал Кадваллон.

Мальчик молчал. Только короткие взгляды бросал на дверь – будто хотел убежать.

Кадваллон поднялся, подошёл к нему. Остановился прямо перед ним – и вдруг опустился на пол, чтобы оказаться с ним лицом к лицу.

– Эта вещь, – он кивнул на фибулу, – возможно, принадлежала преступнику. Если ты расскажешь мне, что знаешь, мы сможем поймать его.

Он осторожно положил руку на плечо мальчика. Тот вздрогнул, но не отстранился.

– Тогда ты станешь настоящим рыцарем, – улыбнулся граф.

Мальчик наконец поднял глаза.

– Её носил рыцарь, которому я всегда приношу вино, – прошептал он. – Он заставлял меня молиться вместе с ними...

– С ними? Он не один?

– В обеденной. Там... – он запнулся, пытаясь вспомнить имя.

– Там епископ Благий. Эта фибула принадлежала его рыцарю?

Мальчик кивнул.

– Он никогда её не снимал, но теперь...

– Её у него нет.

Мальчик снова кивнул.

– Молодец. Ты настоящий рыцарь. – Кадваллон поднялся на ноги. – Но никому не говори, что ты сказал мне. Это опасно.

Служка снова покосился на дверь.

– Ступай.

Мальчик выскочил из комнаты быстрее зайца.

– Что теперь? – подал голос Седрик. – Задержим рыцарей?

– Не глупи, – покачал головой граф.

Он взял фибулу, покрутил между пальцев, и спрятал в карман. Затем направился на выход. Седрик пошёл следом, не задавая вопросов.

Преодолев двор, Кадваллон достиг главной казарменной постройки, в которой и обосновался Благий.

Кадваллон вошёл без стука. Благий, сидевший на кровати в ночной рубашке, вздрогнул, натягивая одеяло до подбородка.

– Прошу прощения за столь поздний визит, – произнёс граф, не дожидаясь приглашения.

– Увы, дело требует. Мне нужно опросить вас и ваших подопечных.

– Это возмутительно! – прошипел старик, и его лицо начало наливаться краской.

– И тем не менее.

– Мои люди – слуги Господа! Вы не имеете права...

– Я имею право, – Кадваллон даже не повысил голоса. В комнате было тесно, пахло старостью, ладаном и чем-то ещё – кислым, нездоровым. – Убит рыцарь, господин епископ. Королева приказала найти виновного. Таков порядок. Ваши люди будут опрошены. По одному. С записью показаний.

Епископ побагровел так, что, казалось, сейчас лопнет.

– Вы не понимаете, перед кем стоите, граф?

– Не стоит опускаться до подобного, господин епископ. – Кадваллон прошёл вглубь комнаты, опустился на старый стул у камина, скрестив ноги. – С вашего позволения или без него – я опрошу вас и ваших людей.

Благий открыл рот, чтобы высказать возмущение, но Кадваллон продолжил, не давая ему слова:

– Полагаю, вам и вашим людям Господа нечего бояться. Почему бы нам не соблюсти простую формальность? Вы дадите показания, я их запишу. Нехорошо получится, если королева затребует документ, а я не смогу ничего предъявить. Нас заподозрят в сговоре.

Граф развёл руками. В камине что-то громко щёлкнуло, выбросив сноп искр. Благий вздрогнул.

Сохраняя недовольное лицо, он всё же присел на край кровати.

– Давайте, – буркнул он. – Только быстро. Вы и так нарушили мой сон.

– Замечательно. – Кадваллон обернулся к двери: – Седрик!

Парень вошёл мгновенно, будто стоял у самого порога. В руках у него был пергамент и чернильница.

– Присядь за стол, будешь записывать.

Седрик кинул быстрый взгляд на графа – тот знал, что помощник не любит писать, почерк у него был корявый, и сам Седрик этого стеснялся. Но спорить не посмел. Устроился в углу, развернул пергамент.

– Может, уже приступим? – вспыхнул Благий.

– Несомненно. – Кадваллон подался вперёд, опираясь локтями на колени. – Итак, скажите, где вы были в вечернее и ночное время пять дней назад, когда погиб сэр Ронан?

– Конечно, я был здесь. – Старик говорил быстро, слова вылетали одно за другим, будто он боялся замолчать. – Совершил молитву перед сном и затем, разумеется, лёг спать.

– А ваши люди? Они соблюдают график, как и вы?

– Сестра Мария и брат Луциан по очереди дежурят у моей двери. На случай, если мне вдруг что-то понадобится. Остальные, я полагаю, тоже отдыхают в такое время.

– Вы полагаете? То есть, я правильно понимаю, что ваши люди вам не подконтрольны?

– Что это значит? – Благий вскинулся. – Конечно, они мне подконтрольны. Но я же не могу следить за ними и день и ночь.

– Разумеется. – Кадваллон кивнул, не отрывая взгляда. – А ваши рыцари? Давно они вам служат? Раньше я их не замечал в вашей свите.

– Под моим покровительством находятся не только сироты, старики и другие обездоленные. – Благий чуть расслабился, голос обрёл привычную елейность. – Многие рыцари после крестового похода хотят найти покой в служении Господу. А что плохого в том, что у церкви есть свой рыцарский орден?

– Конечно, ничего плохого. – Кадваллон чуть улыбнулся. – Во многих странах есть подобное. Но меня интересуют конкретно эти два рыцаря. Кто они? Откуда? Как давно они под вашим покровительством?

– Сэр Эдмунд и сэр Алрик пришли ко мне недавно. – Благий пожал плечами, и это движение вышло каким-то детским, беспомощным. – Об их прошлом мне известно немного. Были участниками крестового похода, служили в Риме, недавно вернулись в Логрию. Сейчас они служат при мне телохранителями. Они очень набожны и благочестивы.

– Настолько благочестивы, что презирают жажду к роскоши и блуду? – спросил Кадваллон, внимательно следя за реакцией епископа.

– Они презирают все семь смертных грехов. – Благий чуть улыбнулся. – Это свойственно всем истинным католикам. Разве нет?

– Разумеется. – Кадваллон обернулся к Седрику. – Ты всё записал?

Седрик, высунув от усердия язык, выводил последние буквы. Поднял голову, кивнул.

– Тогда не будем более препятствовать отдыху епископа.

Они откланялись и покинули каморку.

– Седрик, приведи сэра Эдмунда в учебный класс. Я буду ждать там.

Седрик тут же бросился искать одного из рыцарей Благия. Кадваллон же неспешным шагом прошёл по коридору почти до обеденного зала, остановился возле нужной двери. В прошлый раз он встречался здесь с Гвиневрой.

Открыв дверь, граф вступил в бездонную темноту. Едва проникающий звездный свет, почти не разбавлял тьму. Кадваллон снова вышел наружу, огляделся. Коридор был тёмным, сырым – одна свеча в железном подсвечнике едва разгоняла мрак, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени.

За его спиной раздались шаги. Он обернулся.

Молодой послушник шёл, судя по всему, по следу графа. В свете свечи его лицо казалось бледным, глаза блестели. Он вздрогнул, когда заметил фигуру Кадваллона и сделал вид, что идёт куда-то по своим делам. Но граф преградил дорогу.

– Зажги несколько свеч в помещении, – приказал он, кивнув на дверь класса.

– Прошу простить, но я служу епископу, – ответил послушник с поклоном.

Кадваллон подошёл к нему вплотную. Послушник был выше, но сейчас казался маленьким, съёжившимся.

– Не люблю прибегать к угрозам, – сказал граф тихо. – Но порой это необходимо.

Он наклонился к самому лицу монаха. Тот попятился, упёрся спиной в стену.

– Тебе стоит зажечь несколько свеч, – голос Кадваллона звучал почти ласково, – иначе ты отправишься служить напрямую Господу. На Небеса.

Послушник сглотнул. Потом, не говоря ни слова, метнулся в класс. Через несколько минут из-за двери показался свет – сначала тусклый, потом ярче.

Кадваллон вошёл. Свечей было много – штук десять, не меньше. Они стояли на столе, на подоконнике, даже на полу.

– Умница, – усмехнулся граф. – А теперь ступай служить своему епископу. Не бегай за мной по пятам.

Послушник выскочил из комнаты быстрее, чем Кадваллон успел моргнуть.

Граф усмехнулся и занял самый удобный стол в классе. Спустя несколько минут Седрик открыл дверь, пропуская в класс хмурого рыцаря. Эдмунд вошёл тяжело, будто нёс на плечах невидимую ношу. Скамья под ним жалобно скрипнула.

Кадваллон сразу обратил внимание на его плащ. На груди, у самого ворота, тускло поблёскивала ромбовидная железная фибула. Точно такая же, как та, что лежала у него в кармане. Только без вмятины.

«Отлично».

– Сэр Эдмунд, скажите, вы с сэром Алриком родственники?

– Не по крови. Но по духу. Не один бой прошли вместе.

Голос рыцаря был низким, тяжёлым. Он смотрел на графа в упор, и в его взгляде не было ни страха, ни почтения.

– Где вы находились вечером и ночью пять дней назад, когда был убит сэр Ронан?

Эдмунд задумался, поглядев вверх. Свеча на подоконнике вдруг дрогнула – сквозняк потянул от двери – и тени на стене качнулись.

– Скорее всего, спал.

– Кто-то сможет это подтвердить?

– Алрик. Мы в одной комнате с ним.

– А кто-то помимо Алрика?

– Может, кто из монахов. – Он почесал подбородок, и Кадваллон заметил, какие у него руки – широкие, в шрамах, с обломанными ногтями.

– Почему вы поступили на службу к епископу? Он платит больше короны?

– Мы не берём золота. – Эдмунд гордо приосанился. – Мы служим Господу и его наместнику – Благию. Мы не служим богачам с развращённой душой.

– И много вас таких?

– Меньше, чем грешников, но больше, чем святых.

Губы в шрамах растянулись в улыбке. Кадваллон заметил, что у рыцаря не хватает двух передних зубов.

– Почему вы считаете Благия наместником Господа?

– Так сказал нам пророк. – В глазах Эдмунда замерцал фанатичный блеск. – Когда пророк объявится, тогда всем станет ясно, кто истинный наместник Господа. Тогда все склонятся перед Благием.

Кадваллон постарался сохранить нейтральное выражение лица, хотя внутри всё сжалось.

– Жду с нетерпением явления вашего пророка. – Он кивнул. – На этом всё, сэр Эдмунд. Седрик, приведи сэра Алрика.

Рыцарь поднялся. Скамья снова скрипнула, теперь с облегчением.

– Я вижу, что вы мне не верите, граф. – Он навис над столом, и тень от его фигуры закрыла полкомнаты. – Но скоро вы убедитесь, что я говорил истину.

– Я верю вам, сэр. – Кадваллон даже не пошевелился. – Прощу, ступайте отдыхать.

Эдмунд вышел. Только тогда граф позволил себе выдохнуть. Он незаметно переложил руку с колена на пояс – туда, где под плащом был спрятан кинжал.

«Давненько я так не напрягался».

Спустя какое-то время в класс вошёл второй рыцарь. Алрик вошёл тише, чем его товарищ. Он был чуть ниже, чуть шире в плечах, и двигался с той особой осторожностью, которая бывает у людей, привыкших быть настороже.

Кадваллон сразу окинул взглядом его фигуру. Плащ держался на завязанных шнурах. В районе груди, на том самом месте, где у Эдмунда поблёскивала фибула, ткань была надорвана – небольшая прореха, которую даже не зашили.

«Значит, всё-таки это ты».

– Присаживайтесь.

Алрик опустил на скамью. В отличие от Эдмунда, он не смотрел на графа в упор – взгляд его блуждал по комнате, задерживаясь то на окне, то на двери, то на подсвечнике.

– Полночные допросы здесь в порядке вещей? – спросил он.

– Нет. В полночь я предпочитаю спать. Однако не всегда наши предпочтения играют важную роль.

– Наши желания часто греховны. И мы должны им противостоять.

– Проповеди оставим для нашего епископа. – Кадваллон подался вперёд. – Скажите, где вы были пять дней назад в вечернее и ночное время, когда был убит сэр Ронан?

Взгляд Алрика ушёл в сторону.

– Я в это время спал.

– Кто-то может подтвердить?

– Эдмунд. Мы с ним...

– В одной комнате. Да. – Кадваллон пристально посмотрел на рыцаря. – Кто-то кроме него сможет подтвердить ваши слова?

– Может, кто-то из послушников.

– Отлично. Откуда вы родом?

– Какое это имеет значение?

– Личный интерес.

Алрик помолчал.

– Я с Восточных границ.

– Герцогство Меллигенское?

– Рядом.

– Кто посвятил вас в рыцари?

– Отец Эдмунда. Это было в крестовом походе.

– Кто отец Эдмунда?

– Рыцарь Огмунд Серебряный. Он служил при Утере Пендрагоне.

– Спасибо, сэр. Вы свободны.

Алрик поднялся. Кадваллон не спешил его отпускать. Он смотрел, как рыцарь поправляет плащ, как одёргивает рукав.

– Сэр, – вдруг сказал граф. – Что с вашим плащом? Вы потеряли фибулу?

Алрик замер на секунду. Рука его дёрнулась к груди – туда, где должна была быть фибула – и тут же опустилась.

– Ах, это! – Он выдавил улыбку. – Потерял по пути из Камелота.

– Можете обратиться к кузнецу, – улынулся Кадваллон в ответ. – Пусть изготовят новую.

– Спасибо.

Рыцарь слегка поклонился и вышел. Только когда дверь за ним закрылась, Кадваллон позволил себе откинуться на спинку стула.

– Зачем столько вопросов? – тихо спросил Седрик. – Какая ценность в том, кто посвятил его в рыцари?

– Мне – никакой. – Кадваллон достал из кармана фибулу, покрутил в пальцах. – Это лишь для проверки реакции и правдивости ответов. Над вопросами о его прошлом он не думает. Отвечает быстро и честно.

Он поднял фибулу к свету. Железо тускло блеснуло в пламени свечи.

– Но на вопросе о фибуле он замешкался. Этого достаточно.

– Что теперь? – тихо спросил Седрик. – Доложим королеве?

Кадваллон спрятал фибулу обратно в карман, задержав пальцы на выпуклых краях.

– Да. Пора возвращаться в Камелот.

Он поднялся, одёрнул плащ. Седрик уже открыл дверь, но граф остановил его жестом.

– А ты, – голос его стал тише, жёстче, – передай всем: Благий и его стадо фанатиков должны быть под пристальным надзором. Нам больше не нужны неожиданности.

Седрик кивнул, не задавая вопросов.

– Ищите их гнездо, – добавил Кадваллон, выходя в коридор. – Где они собираются, с кем встречаются, о чём говорят. Всё, что найдёте – ко мне. И без шума.

– Понял, милорд.

Граф задержался на пороге, бросив последний взгляд на пустой класс. Свечи догорали, пламя металось, бросая на стены дрожащие тени.

– Завтра на рассвете выезжаем, – сказал он и шагнул в темноту коридора.

Седрик притворил дверь, и тени сомкнулись за ними.

Глава 17. Возвращение

– Нам нельзя их трогать. Пока, – сказал Кадваллон, сохраняя нейтральное выражение лица. Пальцы его, лежавшие на столе, чуть заметно сжались.

– Вы же понимаете, что они – угроза всему? – возмутилась Гвиневра, зло поглядев на графа.

Кадваллон выдержал её взгляд. Не отступил, не смягчился.

– Вы же понимаете, что мы не видим всей картины? У них свой культ. Их может быть уже тысячи. Тронем одного – разворошим всё гнездо. Так делать не следует.

Гвиневра помолчала. Она понимала, что Кадваллон прав, но в очередной раз признавать это вслух не хотелось.

– И что, я должна просто смотреть на них? Терпеть их присутствие?

– Мы до конца не знаем, связан ли Благий с Ваймундом. Остаётся только наблюдать.

– Да, вы правы, милорд, – кивнула королева, выдохнув. – Но мне будет трудно удержаться.

– Тогда постараемся свести к минимуму ваши встречи, – граф чуть улыбнулся.

Гвиневра прикусила нижнюю губу до боли. Ярость, что кипела в ней, приходилось сдерживать. Стоило лишь вспомнить бледное лицо Ронана, и тут же к горлу подступал ком, а в голове пульсировало:

«Справедливость. Возмездие. Мечь».

Она хотела воздать по заслугам всем – и Ваймунду, и рыцарям-фанатикам, и самому Благию. Но Кадваллон сказал, что нужно ждать. Кто-то из них обязательно оступится, допустит ошибку. И тогда королевская справедливость, приправленная женской мечью, достигнет каждого из них.

Гвиневра медленно прошлась по своей временной спальне, остановилась у окна.

– Если здесь нам больше делать нечего, то распорядитесь готовиться к отъезду, – бросила она через плечо.

– Полагаю, утром выступаем? – спросил Кадваллон, поднявшись из-за стола.

Королева кивнула.

Граф покинул спальню, а Гвиневра выдохнула с облегчением. Она наконец-то вернётся в столицу. И пусть порой стены Камелота давили на неё, мысль о собственной кровати заставляла тоскливо вздохнуть.

С наступлением рассвета всё уже было готово. Армия, слуги, придворные – всем не терпелось отправиться в путь. Но прежде Гвиневра хотела попрощаться с оруженосцами.

Мальчишки разных возрастов выстроились на просторной тренировочной площадке.

– Я не буду говорить красивых королевских речей, – громко сказала Гвиневра. – Я лишь хочу поблагодарить каждого из вас за то, что вы выжили. И хочу попросить прощения у каждого, кого мы спасти не смогли.

Она замолчала, перевела дыхание.

– Я ошиблась. – Голос её дрогнул. – Не предусмотрела подобной опасности. Теперь мы все будем начеку. Я обещаю, что каждый из погибших будет отомщён.

Оруженосцы молчали, опустив головы. Каждый из них потерял друзей, наставников.

Вдруг из толпы вышел Джон. Его рыжая копна волос переливалась медью на утреннем солнце, в руках он сжимал небольшой букет полевых цветов, собранных, видно, у крепостной стены.

– Ваше величество, мы все благодарны за то, что вы были с нами, – заливаясь краской, оборачиваясь на старших оруженосцев, проговорил он.

Гвиневра улыбнулась, наклонилась к мальчику и оставила на его лбу поцелуй. Она приняла букет из его рук.

– Настоящий рыцарь, – прошептала Гвиневра.

Джон, который теперь сливался с цветом своих волос, живо вернулся в строй. Пареньки, должно быть, подговорившие его на этот поступок, теперь стояли хихикая.

– Вы все – настоящие рыцари! Логрия гордится вами! – ещё громче произнесла королева.

Слова её повисли в утреннем воздухе, и на миг показалось, что сама природа затаила дыхание.

А потом тишина взорвалась.

Кто-то из придворных захолопал. Ему вторили другие – сначала робко, потом всё громче. Леди Мот вытирала глаза краем плаща, лорд Годвин шмыгал носом, не стесняясь слёз. Даже суровые рыцари, стоявшие позади, опускали головы, скрывая лица.

Но оруженосцы не аплодировали. Все они – от самых маленьких до тех, кто был почти взрослым, – как один, склонились. Не перед королевой. Перед всеми, кто был рядом в эти страшные дни.

Перед Морвенной, которая не спала ночами, спасая их жизни. Перед леди Элейной, которая держала за руки умирающих. Перед сэром Северином, который носил их на руках. Перед слугами, которые вычерпывали отравленную воду. Перед всеми, кто не ушёл, кто остался, кто боролся.

– Спасибо, – выдохнули они единым голосом. И этот детский, ломающийся хор прозвучал громче любой королевской речи.

– Настоящие рыцари, – прошептала Гвиневра, чувствуя, как слёзы жгут глаза.

И когда они выпрямились, она увидела в их глазах не только горе. Надежду. И это было дороже любых сокровищ.

Гвиневра ещё раз окинула взглядом строй, задержалась на Джоне, который теперь гордо выпрямился, и только потом повернулась к лошади.

Сэр Алан помог ей взобраться в седло. Леди Элейна, леди Морвенна и граф Кадваллон уже оседлали своих лошадей.

К Морвенне подошла высокая девушка. Она вела крупного жеребца под уздцы.

– А вот и моя Виола! – воскликнула леди из Гленмора. – А где же твоя сестра?

– Я за ней не слежу, – буркнула девушка.

Гвиневра рассмотрела её получше. Ростом она была выше Морвенны. Крепкое тело, со спины можно спутать с мужчиной. Она была одета в мужской дорожный костюм, без изысков. Длинные темные волосы, заплетенные в косу, опускались ниже поясицы. К поясу были приделаны ножны с мечом. Лицо же её было вполне миловидным, вот только нахмуренные густые брови и небольшой шрам на щеке могли кого-то оттолкнуть. Но королева почувствовала – под всей этой суровой бронёй прячется чувствительная девичья душа, желающая любви и заботы. Это было видно в её карих глазах.

– Ты её старшая сестра, – Морвенна на полтона повысила голос.

– Она уже не ребёнок. И я ей не нянька.

– Виола! Ты ведёшь себя непочтительно. Поприветствуй королеву, – ещё суровее произнесла леди из Гленмора.

– Прошу меня простить, – Виола почтительно поклонилась Гвиневре, на мужской манер.

Королева кивнула в ответ и слегка улыбнулась.

Кадваллон, уже сидевший в седле, перевёл взгляд с Виолы на Гвиневру и чуть заметно усмехнулся.

– А теперь иди за сестрой. Мы уже выезжаем, – сказала Морвенна.

– Мы вас догоним, – сказала Виола, развернувшись.

– Одни? – Гвиневра вскинула брови.

– Мне нечего бояться, – через плечо бросила девушка.

– Я восхищаюсь вашей смелостью. И всё же мне и вашей матушке будет спокойнее, если вас сопроводит сэр Алан, – тоном, не терпящим возражений, произнесла королева.

Морвенна кивнула. Виола повернулась к ним. На лице её было несогласие, но она снова почтительно поклонилась.

– Благодарю за заботу.

Все двинулись в путь. Процессия придворных растянулась на много метров. Солдаты Камелиарда в этот раз шли позади Гвиневры. Их равномерный марш убаюкивал, и вскоре у Гвиневры начали слипаться глаза.

Она очнулась от дрёмы, когда кто-то из придворных возвестил о приближении к столице.

Они въехали в Нижний город, и Гвиневра сразу заметила, какая напряжённая атмосфера там царила.

Узкие улочки, всегда полные криков, брани и детского смеха, сейчас казались вымершими. Грязь и нечистоты, как и прежде, хлюпали под копытами, но никто не ругался из-за разлетающихся брызг. Люди жались к стенам, провожая процессию настороженными, испуганными взглядами. Женщины прятали детей за спины. Мужчины, сбившись в небольшие группки, о чём-то перешёптывались, но стоило кому-то из всадников повернуть голову в их сторону – замолкали и отводили глаза.

Отряды солдат патрулировали каждый перекрёсток. Их было так много, что Гвиневра невольно сжала поводья. В такой страже нуждаются завоёванные города, а не собственная столица.

– Неужели было так плохо? – тихо спросила она у Кадваллона.

Тот не ответил. Только чуть покачал головой – жест, который можно было истолковать как угодно.

Нищие, обычно толпившиеся у каждой церкви и на каждом углу, исчезли. Даже у приюта, носящего её имя, было пусто. Гвиневра заметила это, и сердце её сжалось. Туда всегда стекались самые обездоленные – калеки, старики, женщины с младенцами. Сейчас там не было ни души.

«Попрятались», – поняла она. – «Или разогнали».

Дети – вездесущие, шумные, всегда готовые выбежать на дорогу за брошенной монетой – тоже исчезли. Только одна девочка, лет десяти, выглянула из-за угла, увидела всадников и, как испуганный зверёк, метнулась обратно, в темноту переулка.

Гвиневра проводила её взглядом и заставила себя смотреть прямо перед собой.

Через Ворота Благородства они проехали без препятствий. Стражники, узнав королеву, выпрямились и отдали честь. Но стоило лишь Гвиневре оказаться на центральной улице Верхнего города, как в груди застыл ледяной ком.

Здесь было не лучше.

Несколько домов – богатых, с резными ставнями и коваными решётками – стояли обгоревшими скелетами. В воздухе пахло гарью и сыростью. Несколько солдат помогали хозяевам разобрать завалы и найти уцелевшие вещи.

На торговой площади царил хаос. Разбитые прилавки, перевёрнутые бочки, обрывки тканей, валяющиеся в грязи. Жители разбирали то, что ещё можно было спасти, – кто-то тащил доски, кто-то выгребал из-под завалов уцелевшие мешки с мукой. Работали молча, не переговариваясь.

И снова – солдаты. Десятки, а может, и сотни. Они стояли на каждом углу, у каждого уцелевшего здания.

Увидев практически весь Камелотский двор, люди с любопытством провожали их взглядом. Из окон выглядывали жители. Кто-то выкрикивал:

– Королева вернулась!

– Королева!

– Нас защитит...

Кому-то возвращение королевы принесло облегчение. Кто-то оставался недоволен. Кому-то было всё равно. Находились и те, кто подозревал её в причастности к беспорядкам в городе.

– ...вернулась... всё закончилось... – услышала она обрывки фраз и огляделась.

Гвиневра встретила взглядом с женщиной, стоявшей на пороге обгоревшего дома. Та смотрела не с надеждой – с требованием. «Почему ты не защитила нас?»

Королева сжала поводья так, что побелели костяшки. Ей хотелось остановиться, сказать что-то, объяснить, что она здесь, что она вернулась, что...

«Не сейчас», – приказала она себе. – «Объясняться с ними некогда. Сначала – порядок. Потом – слова».

Она выпрямилась, подняла голову выше и, не глядя больше по сторонам, направила коня к замку.

У Каменного пояса процессию встречали.

Бедивер стоял во главе небольшого отряда рыцарей – человек двадцать, не больше. Рядом с ним, чуть впереди, заложив руки за спину, замер герцог Меллигенс. Его плащ был в пыли, лицо осунулось, но взгляд оставался твёрдым. Ворота были распахнуты – её ждали.

Позади, всё ещё растянувшись по узкой улице, маршировали солдаты Камелиарда. Пять сотен человек. Гвиневра видела, как жители Верхнего города жмутся к стенам, пропуская колонну.

Она подъехала ближе, придерживая коня.

– Ваше величество, – Меллигенс поклонился первым – коротко, по-военному. – Город ждал вашего возвращения.

Бедивер склонил голову следом.

– Я видела, милорд, – Гвиневра кивнула в сторону обгоревших домов. – Мы поговорим позже. Сейчас...

– Я распорядился освободить для солдат Камелиарда отдельную казарму, – перебил её Меллигенс. Голос его был сух, но в нём не было и тени вызова. – Чтобы избежать новых стычек. Мои люди уже приготовили помещения.

Гвиневра на миг замерла, удивлённая. Она ожидала споров, возражений, привычного ворчания о чужаках в стенах Камелота. Но герцог смотрел на неё спокойно, без привычной каменной маски.

«Это какая-то уловка?» – подумала она.

– Благодарю вас, милорд, – вслух ответила она, и в голосе её прозвучало больше тепла, чем ей бы хотелось. – Это разумное решение.

Меллигенс чуть склонил голову, принимая благодарность.

Гвиневра обернулась к лорду Горману, который ждал позади.

– Слышали, барон? Ваши люди будут размещены отдельно. Проследите, чтобы никаких ссор, и тем более – драк.

– Я прослежу, ваше величество, – Горман кивнул и отъехал, отдавая приказы колонне.

Гвиневра уже собиралась тронуть коня, когда сзади раздался топот копыт. Она обернулась.

По улице, ловко лавируя между солдатами и придворными, скакали две всадницы. Впереди – Виола, а чуть позади, на более спокойной лошади, ехала Лисбет – раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но счастливая. Следом за ними ехал сэр Алан. Он выглядел уставшим.

Морвенна, уже спешившаяся у ворот, сложила руки на груди.

– Долго же вы! – крикнула она, но в голосе её было не возмущение, а облегчение.

Виола осадила коня, спрыгнула на землю.

– Я же сказала – догоним, – буркнула она, но Гвиневра заметила, как она украдкой оглядела мать, проверяя, всё ли с ней в порядке.

Лисбет, напротив, не скрывала радости. Она соскочила с лошади и, подбежав к Морвенне, обняла её.

– Мы набрали столько трав! Виола нашла целую поляну...

– Потом расскажешь, – Морвенна мягко отстранила дочь, но руку с её плеча не убрала.

– Сейчас – в замок. И без глупостей.

Лисбет кивнула, а Виола, уже ведущая лошадь к коновязи, бросила через плечо:

– Я за ней присмотрю.

Морвенна только вздохнула, но Гвиневра заметила, как дрогнули её губы – в улыбке.

«Вот оно, счастье», – подумала королева, глядя на них. – «Страх за детей, радость, что они вернулись, вечная тревога и вечная любовь».

Она тронула коня, въезжая в ворота. Всадники потянулись за ней – Элейна, Кадваллон и другие придворные.

Гвиневра уже почти миновала стражников, когда заметила знакомое лицо.

Сэр Томас стоял во втором ряду. Он не скрывался за спинами других рыцарей, но и не выходил вперёд. Просто стоял и смотрел. В его глазах был вопрос, который он не смел задать вслух: «Жив ли мой сын?»

Гвиневра задержала взгляд на нём, чуть придержала коня. Вокруг суетились, кто-то докладывал Бедиверу, кто-то принимал лошадей, но она видела только этого человека – отца, который не спал все эти дни, который гнал лошадь в Камелот, не зная, встретит ли сына живым.

Она чуть заметно кивнула ему. И улыбнулась – той самой улыбкой, которую сберегла для этого момента.

Лицо сэра Томаса дрогнуло. Губы разжались, выпустив беззвучный вздох, а потом сложились в улыбку – робкую, ещё не верящую, но уже живую. Он опустил голову, коснувшись рукой сердца, и Гвиневра увидела, как дрогнули его плечи.

«Жив», – сказала она ему без слов. – «Твой сын жив».

Она тронула коня дальше, оставив его с этой вестью.

В зале Круглого Стола царил полумрак. Над массивной каменной плитой, за которой когда-то пировали величайшие рыцари Логрии, теперь горело лишь несколько свечей. Их дрожащий свет выхватывал из темноты лица – усталые, напряжённые, с глубокими тенями под глазами. По стенам плясали причудливые тени, делая знакомые черты чужими и зловещими. За окнами – глухая ночь, беззвёздная, тяжёлая.

Гвиневра сидела во главе стола, на месте, где когда-то восседал Артур. По правую руку от неё – Кадваллон, бледный от недосыпа, но собранный. По левую – Бедивер, как всегда с хмурым лицом. Рядом с ним заняла место леди Морвенна. Она, расслабившись, откинулась на спинку кресла и массировала себе висок.

Меллигенс, к удивлению Гвиневры, в этот раз сел ближе. Теперь он сидел справа от Кадваллона, а не напротив неё. Благий же практически терялся в тени. Он занял кресло чуть дальше герцога Олдредра. Вид у него был уставшим. И даже подавленным. Гвиневре на какую-то долю секунды даже стало жаль этого старика.

Меллигенс докладывал. Голос его, обычно сухой и ровный, сейчас звучал глухо, с непривычной хрипотцой.

– Их было около трёх десятков. Врывались в дома, вытаскивали всё ценное, но не ради грабежа. С безумными криками они всё громили и сжигали. Несколько домов знати сгорело дотла. Пострадали люди.

Он запнулся. Гвиневра впилась в него взглядом.

– Говорите, милорд. Что ещё?

Меллигенс перевёл дыхание.

– Жена барона Осберта из Торнклифа, леди Эльфрида, и две их дочери-подростка. Им... – он снова замолчал, сжав челюсть так, что желваки заходили под кожей. – Им клеймом прижгли... причинные места. А леди Эльфриде...

– Что? – голос Гвиневры резанул тишину, как нож.

– Ей отрезали груди, – выдохнул Меллигенс. – Она отдала Богу душу несколько дней назад. Барону уже отправили послание в его поместье. Он на лето уехал с сыном в Торнклиф. Дочерям велел остаться с матерью в столице.

Гвиневру сковал невыносимый ужас. Такое и в самом страшном сне не приснится. Она перевела взгляд на Благия. Тот сидел неподвижно, но в полумраке было видно, как побелели его пальцы, вцепившиеся в подлокотники.

– Вы можете объяснить это, епископ? – голос королевы звучал ровно, но сталь в нём чувствовала каждая тень в этом зале. – Свидетели слышали, что преступники выкрикивали ваше имя.

Благий дёрнулся, будто его ударили.

– Это провокация! – голос его сорвался на фальцет. – Даже среди верующих есть безумцы, которые...

Он спрятал дрожащие руки под стол, но Гвиневра уже заметила эту дрожь.

«Он боится. Не просто боится – в ужасе».

– Я надеюсь, после допроса задержанных мы узнаем больше, – холодно сказала она.

– Я занимаюсь этим лично, – пробасил Меллигенс. – Но ничего толкового от них не добьёшься. Они только молитвы читают и... просят их убить. Хотят поскорее воссоединиться с Богом, – он закатил глаза.

– Значит нужно применять более изощрённые методы, – проговорил граф Гвинедский будничным тоном.

– Если хотите принять участие, граф... – начал было говорить герцог.

– Я тоже хочу присутствовать на допросе, – вдруг подал голос Благий, и в нём прорезалась прежняя наглость. – Я должен знать, кто смеет пятнать моё имя в подобном деле!

– Господин епископ, – Кадваллон даже не повысил голоса, но в тишине зала каждое его слово звучало, как приговор, – вы заинтересованное лицо. После допроса преступники получают приговор. И, наверняка, смертный. Тогда с ними и побеседуете, когда будете отпускать им грехи.

Благий побелел. В перепалку с Кадваллоном он вступать не спешил. Только сглотнул и уставился в столешницу.

– Довольно, – Гвиневра обвела взглядом собравшихся. – Вы можете идти, лорд Меллигенс. И вы, господин епископ.

Двое молча покинули зал. Тяжёлая дверь закрылась за ними с глухим стуком, и в комнате стало тихо – только свечи потрескивали, да где-то в углу скреблась мышь.

Оставшиеся несколько раз переглянулись в полном молчании. Тени плясали по стенам, выхватывая то одно лицо, то другое.

– Думается мне, – Кадваллон не сдержал зевок и тут же прикрыл рот ладонью, – прошу прощения. Думается мне, что беспорядки в столице и отравление оруженосцев могут быть связаны. Слишком гладко ложатся события друг на друга.

– Это вполне возможно, – басом проговорил Бедивер, задумчиво почесав подбородок.
– Но почему казармы?

– Потому что это дети, – тихо сказала Гвиневра. – Будущие рыцари. И кто-то хорошо знает, что я не смогла бы остаться в стороне.

Она перевела взгляд на Морвенну. Та сидела, откинувшись на спинку кресла, с красными от недосыпа глазами, но взгляд её оставался цепким, профессиональным.

– Леди Морвенна, что за яд вы обнаружили?

Морвенна поморщилась, будто вспоминая что-то неприятное.

– Болотная гниль, – сказала она просто. – Местные ещё зовут её «ведьминой свечой». Растёт в топях, на вид безобидная травка. Но если смешать её вытяжку с прокисшим элем или кислым молоком – получается отравка, от которой человек умирает в судорогах за несколько часов. Оруженосцам повезло, что яда в колодце было недостаточно. Погибли только те, у кого здоровье и до того было слабым.

– Такая трава растёт в северных землях? – спросила Гвиневра.

– В болотах растёт. А болота есть везде, – Морвенна пожала плечами. – И на севере, и на юге, и на востоке.

– Вот именно, – зло произнёс Бедивер. – На севере есть болота. Моргана могла...

– Могла, – перебил его Кадваллон. Голос его звучал устало, но в глазах горел холодный огонь. – Но это ещё ничего не доказывает. Болота есть везде. Траву могли доставить откуда угодно.

– Защищаешь эту ведьму? – Бедивер подался вперёд, и в полумраке блеснули его глаза.

– Я лишь не хочу исключать того, что отравителем мог оказаться кто-то из союзников, – Кадваллон оставался спокойным, будто не замечал его напора. – Моргана могла подкупить кого-то. А может, здесь есть кто-то третий, действующий в своих интересах.

Повисла тишина. Гвиневра смотрела на Кадваллона, и в голове её билась одна мысль:

«Кто-то третий. Или кто-то, кто сидит с нами за одним столом».

Она перевела взгляд на дверь, за которой скрылся Благий. На его пустое кресло. На тени, пляшущие по стене. На лицо графа Гвинедского. Что-то в груди стянулось в тугий узел. Она заставила себя отвести взгляд.

– Это редкая трава? – спросила Гвиневра.

Морвенна пожала плечами.

– В землях Гленмора – да. В других владениях не скажу. Я её видела всего один раз в жизни – когда наставник показывал мне гербарий.

– Этот яд малоизвестен, – Гвиневра обвела взглядом сидевших за столом. – Ни один из королевских лекарей о нём не знал. Его трудно воспроизвести?

Морвенна усмехнулась – горько, без веселья.

– Ваше величество, я могу сказать только одно: даже мой старый наставник, царствие ему небесное, не мог его воссоздать. У него были записи, подробные, с рисунками, с пропорциями. И всё равно – каждый раз выходила кислая жижа, а не яд. То слишком слабая, то слишком быстрая, то вообще не та. Я знаю эту дрянь только потому, что она описана в его бумагах. И ещё потому, что он надиктовал мне признаки отравления – чтобы я узнала, если с таким столкнусь. Как в воду глядел, – она покачала головой. Помолчала, собираясь с мыслями. – И главное: долго он не хранится. Есть отравы, которые можно держать годами в тёмном углу, ждать удобного часа. А этот... даже если законсервировать – выдохнется. Превратится в болотную жижу, от которой разве что живот прихватит.

Гвиневра подалась вперёд.

– Насколько быстро он теряет свойства?

Морвенна встретила с ней взглядом. В полумраке её глаза блеснули пониманием.

– День, – сказала она коротко. – Максимум – два. Если его сварили больше двух дней назад – он бы уже не сработал. Или сработал бы не так, как нужно. Даже если бы вылили в колодец бочку.

В зале повисла тишина. Свечи дрогнули от сквозняка – кто-то открыл дверь в дальнем конце коридора? – и тени на стенах качнулись, будто ожили.

Кадваллон медленно выпрямился в кресле. В полумраке его глаза блеснули холодным, расчётливым огнём.

– Значит, – проговорил он, и голос его звучал ровно, но в нём прорезалась сталь, – тот, кто это сделал, сварил яд не раньше чем за два дня до отравления. И значит, он был там. В Каменном Кулаке. Или недалеко оттуда.

Бедивер сжал кулак так, что хрустнули костяшки. Звук этот в тишине прозвучал так громко, что эхом отскакивал от стен.

Все молчали.

Тишина стала другой – не той, что бывает от усталости. Это была тишина осознания. Каждый из сидящих за столом понимал: преступник рядом. Или был рядом ещё пару дней назад. Может быть, он сидел с ними за одним столом. Может быть, они встречали его в коридорах. Может быть, он улыбался им и желал доброго утра.

Бедивер смотрел в одну точку перед собой. Глаза его, обычно твёрдые, как сталь, сейчас казались пустыми – он считал. Считал, сколько человек прошло через казармы за последние дни. Сколько чужих лиц могло затесаться среди своих.

Морвенна первой отвела взгляд. Устало потёрла переносицу – жест, который Гвиневра уже ловила у себя сотни раз.

– Приготовить такой яд смог бы лекарь или травник с огромным опытом, – сказала она глухо. – Это не для новичков.

Кадваллон кивнул, обдумывая её слова.

– За такими людьми слухи и легенды ходят по пятам, – сказал он. – Их знают в округе. К ним приходят за помощью – или за смертью. Спрятаться такому человеку трудно. Попробую что-нибудь разузнать.

Он поглядел на Гвиневру. В его взгляде читался вопрос: позволите?

Гвиневра ответила коротким кивком.

– Мне кажется, это как искать иголку в стоге сена, – тихо сказала она, и в голосе её впервые за весь вечер проскользнула усталость. Не королевская, не парадная – человеческая.

– На самом деле – нет, – Кадваллон чуть покачал головой. – Я же говорю: такие люди не могут жить невидимками. У них есть ученики, есть знакомые, есть те, кому они помогли – и те, кому отказали. Кто-то обязательно вспомнит.

Он говорил уверенно, и в этой уверенности чувствовался не просто расчёт – опыт. Он знал, о чём говорит. Знал, как искать тех, кто не хочет, чтобы их нашли.

– Что ж, это обнадёживает, – вздохнула Гвиневра.

Она обвела взглядом сидящих за столом. Тени плясали по лицам, делая их чужими. Бедивер – каменный, сжавшийся, как пружина. Морвенна – усталая, с красными глазами, но всё ещё цепкая. Кадваллон – собранный, холодный, готовый к действию. Элейна – бледная, сжимающая в пальцах край плаща.

И пустое кресло Благия. Тень от свечи падала на него так, что казалось – в нём кто-то сидит. Смотрит. Ждёт.

– Мы найдём его, – сказал Бедивер. Тихо, но так, что каждое слово отозвалось эхом под сводами.

Никто не ответил.

– Всем отдыхать, – сказала Гвиневра. – Завтра будет долгий день.

Зал Круглого стола опустел. Свечи оплыли, фитили чадили, и в полумраке каменные стены казались ещё более холодными, ещё более чужими. Гвиневра сидела неподвижно, глядя на тёмное пятно на столе – там, где когда-то Бедивер поставил кружку с элем, и кружка оставила след.

Она не слышала, как открылась дверь. Не слышала шагов. Просто подняла глаза – и он уже сидел напротив.

Мерлин.

В свете догорающих свечей его лицо казалось высеченным из камня – и в то же время живым, тёплым, почти человеческим. Он смотрел на неё и молчал.

Гвиневра ждала. Минуту. Две.

– Ты хочешь что-то сказать? – не выдержала она.

Мерлин чуть склонил голову. Улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у неё всегда бежали мурашки. Будто он знал что-то, чего не знала она. Будто видел всю её жизнь от начала до конца и уже знал, чем всё кончится.

– Я хочу выслушать, – ответил он.

Гвиневра усмехнулась – горько, устало.

– Хорошо. – Она перевела дыхание. – Я выскажусь.

Королева твердо поглядела на колдуна. Улыбка не сходила с его лица.

– Сначала я верила, что твоё возвращение что-то значит. Что судьба на моей стороне. Что раз ты здесь – значит, я иду правильным путём.

Она замолчала, собираясь с мыслями.

– Теперь я понимаю, что ошиблась. На моём пути встают всё новые и новые испытания. Будто сам Господь не желает, чтобы я шла этим путём. Будто каждый мой шаг – это борьба, и каждый следующий шаг – ещё более тяжёлая борьба.

Мерлин слушал. Не перебивал. Не утешал. Просто слушал.

– Но я продолжаю идти, – сказала Гвиневра, и в голосе её появилась та самая сталь, которую она так старательно в себе воспитывала. – Потому что должна. Потому что Логрия нуждается во мне. Потому что мой ребёнок...

– Твой ребёнок, – перебил вдруг Мерлин, и голос его прозвучал тихо, но так, что Гвиневра замолчала на полуслове. – Ты правда думаешь, что дело в ребёнке?

Она замерла.

– А в чём же ещё? – спросила она, и в вопросе этом было столько вызова, сколько она не позволяла себе с ним никогда.

Мерлин посмотрел на неё долгим, пронзительным взглядом. Свеча догорала, тени плясали на его лице, делая его то молодым, то древним.

– Ты знаешь, Гвиневра, – сказал он. – Ты всегда знала.

Она хотела возразить. Хотела сказать, что он ошибается, что он ничего не понимает, что она...

И вдруг поняла, что не может.

Тишина заполнила зал. Гвиневра смотрела на свои руки, лежащие на столе, и видела их будто впервые. Руки королевы. Руки, которые подписывали смертные приговоры. Руки, которые гладили по голове умирающих мальчиков. Руки, которые сжимали рукоять Эскалибура в тот первый день, когда она решила: я буду править.

– Я... – начала она и замолчала.

Мерлин не торопил.

– Я не могу остановиться, – сказала она наконец. Голос её звучал глухо, будто она признавалась в преступлении. – Не потому, что Логрия погибнет без меня. Не потому, что мой ребёнок...

Она сглотнула.

– Я хочу, чтобы они запомнили меня. – Слова вырывались с трудом, будто она вытаскивала их из самой глубины души. – Чтобы через сто лет, через двести лет, когда будут говорить о королях Логрии, они не забывали добавить: «А после Артура правила Гвиневра. И правила она твёрдой рукой». Чтобы никто не смел сказать: «Слабая женщина, вдова, случайно оказалась у власти». Чтобы...

Она замолчала, потому что горло перехватило.

Мерлин ждал.

– Я честолюбива, – прошептала Гвиневра. – Я прикрываюсь благородством, а на самом деле... я просто хочу быть первой. Хочу, чтобы моё имя знали. Чтобы меня боялись. Чтобы мной восхищались.

Она подняла глаза на Мерлина. В них стояли слёзы – но не стыда, не раскаяния. Какие-то другие.

– Ты это хотел услышать?

Мерлин медленно покачал головой.

– Я ничего не хотел услышать, – ответил он. – Я хотел, чтобы ты услышала себя.

Он поднялся. Свеча догорела, и зал погрузился в полумрак, но Гвиневра всё ещё видела его лицо – спокойное, мудрое, почти печальное.

– Честолюбие – не грех, Гвиневра, – сказал он тихо. – Грех – обманывать себя, что ты делаешь это не ради себя.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– Ты боишься, что твой путь ведёт в пропасть, – сказал он, не оборачиваясь. – А я тебе скажу: все великие пути ведут в пропасть. Вопрос только в том, что ты увидишь на дне.

Дверь закрылась.

Гвиневра осталась одна в темноте. Слёзы текли по щекам, но она не вытирала их.

«Я честолюбива», – повторила она про себя. И впервые это слово не прозвучало как приговор.

Она долго сидела, глядя на пустое кресло. Потом медленно поднялась, подошла к окну и распахнула ставни. Ночной воздух, холодный и свежий, ворвался в комнату. Гвиневра глубоко вдохнула. И выдохнула. Как учил Галахад.

Глава 18. Игра начинается

– Войдите, – донёсся из-за двери голос королевы.

Кадваллон моментально открыл дверь и шагнул вглубь комнаты. В руке он держал свиток, перевязанный грубой бечёвкой.

Гвиневра сидела у камина, в руках – вышивание, которое явно служило только для того, чтобы занять пальцы. Увидев его, она отложила работу.

– Ответ от Роланда, – коротко сказал граф и сломал печать на её глазах.

– Интересно, что он написал? – она отложила в сторону вышивание, устроилась в кресле поудобнее и всё своё внимание обратила на Кадваллона.

Он не ответил сразу. Подошёл к камину, развернул письмо, давая себе время собраться с мыслями. Сегодня королева выглядела иначе. В её глазах горел тот самый огонь, который он так ценил. Живой и непокорный.

– Ну? – с нетерпением произнесла она.

– Сейчас, ваше величество, – граф усмехнулся. – Дайте насладиться.

Он встал так, чтобы свет падал на пергамент, и начал читать. Слова Роланда лились с его губ с лёгкой, почти смакующей интонацией.

«Госпоже Моргане, достойнейшей из дочерей Пендрагонов...»

– О, уже неплохо, – прокомментировал он. – «Достойнейшая» – это он явно перегнул.

Гвиневра фыркнула, и он продолжил, чувствуя, как внутри растёт предвкушение. Главное было впереди.

«Сам я, как вам, должно быть, известно, недавно овдовел. Дом мой осиротел, сердце моё ищет утешения...»

– О, Боже, – простонала Гвиневра. – Он что, собирается предложить ей руку и сердце?

– Собирается, – Кадваллон не скрывал улыбки. – Слушайте дальше.

«И подумал я: а не соединить ли нам не только земли, но и судьбы? Брак между нами укрепил бы союз и раз и навсегда решил вопрос о наследнике. Я, конечно, человек немолодой, но ещё крепкий, а вы, госпожа, – женщина в самом расцвете...»

– Он хочет сделать с Морганой наследника? – перебила Гвиневра. – Да Моргана прикажет его четвертовать за одну только мысль о подобном.

– Если бы это читала настоящая Моргана – непременно, – согласился Кадваллон. – Но мы-то знаем, что она не прочтёт. А это, – он помахал письмом, – лучшее, что я видел за последние годы.

«Если же предложение моё покажется вам излишне смелым, – продолжил он, – то позволю себе напомнить, что есть и другой путь. Королева Гвиневра недавно овдовела, траур её когда-нибудь закончится, а я, как-никак, лорд с землями и титулом. И если в Камелоте мне будет оказан более тёплый приём...»

Он читал, и каждое новое слово Роланда было как удар – жалкий, трусливый, но удар. Когда Кадваллон дошёл до места про «королеву Гвиневру, которая недавно овдовела», она вскочила с кресла, забыв про плед и он упал на пол.

– Что?! Этот старый боров намекает, что приедет свататься ко мне?!

На лице её отразилось недоумение вперемешку с брезгливостью.

Кадваллон сложил письмо, опустился в соседнее кресло и с наслаждением откинулся на спинку, наблюдая за королевой. Она заметалась по комнате, и в каждом её движении чувствовалась ярость. Красивая. Живая.

«Она даже не представляет, как хороша в гневе, – подумал он. – И как опасна».

– Да как он смеет?! – Гвиневра мерила шагами комнату. – Я королева Логрии, регент, мать наследника, а он... он... старый боров!

– Как это... точно, – заметил Кадваллон. – А я всё думал, кого же Роланд мне напоминает, – граф приглушённо рассмеялся.

– И вы ещё смеётесь?! – Гвиневра поглядела на него тем самым взглядом, который так нравился Кадваллону.

– Я восхищаюсь, – поправил он, и в его голосе не было и тени насмешки. – Этот человек только что дал нам в руки всё, что нужно. Жадность, тщеславие, глупость – всё в одном письме.

Немного успокоившись, королева вернулась в кресло, накинула на колени плед.

– Что делаем дальше? – спросила она, пытаясь вернуть своё дыхание в норму.

Кадваллон поднялся, подошёл к столу, где лежали перья и чернильница. Взял всё необходимое для письма и вернулся. Он развернул чистый пергамент, поглядел на Гвиневру.

– Мы должны заставить его поверить, что у него есть шанс. Пусть думает, что Моргана... заинтересована. Что она рассматривает его предложение. И тогда он напишет ещё. И ещё. А в каждом следующем письме будет всё больше грязи.

Гвиневра задумчиво перевела взгляд на перо в его руке. В её глазах боролись гнев и холодный расчёт.

– Это отвратительно, – сказала она, наконец.

– Это политика, – поправил он. – Разница невелика, согласен.

Гвиневра посмотрела на него долгим взглядом. Потом усмехнулась – горько, но с каким-то новым чувством.

– Вы знаете, милорд, порой мне становится жутко рядом с вами.

Он не ожидал этих слов. Внутри что-то дрогнуло – непрошеное, неуместное. Он подавил это чувство, позволив себе лишь лёгкий наклон головы.

– Лучший комплимент за сегодня. Итак, диктуйте.

Она продиктовала письмо – чётко, холодно, с каждым словом затягивая петлю на шее Роланда. Кадваллон писал, и где-то на краю сознания отмечал, как уверенно она выбирает слова. Ни одного обещания, но иллюзия интереса – полная.

Когда он закончил и перечитал письмо вслух, она кивнула.

– Думаете, этого достаточно?

– Этого более чем достаточно, – он спрятал письмо за пазуху. – Роланд теперь будет думать, что Моргана вот-вот согласится. А мы будем получать письмо за письмом.

Он помолчал, чувствуя, как напряжение отпускает. Взгляд его упал на неё – укутанную в плед, уставшую, но довольную.

– И всё же... «старый боров» – это было сильно. Я запомню.

– Запоминайте, – она уже отвернулась к огню. – Можете использовать при случае.

– Непременно.

Он направился к двери. Уже взялся за ручку, но остановился.

«Подходящий момент», – подумал он и обернулся.

– Вы понимаете, что это только начало?

Она подняла голову.

– Что вы имеете в виду?

Он медленно вернулся к креслу, опустился, давая себе время. Разговор предстоял непростой.

– Роланд не единственный, кто уже строит планы.

– Объясните.

Он откинулся на спинку, повернулся лицом к Гвиневре, взгляделся в её черты.

– При дворе шепчутся. Вы не слышите, потому что не хотите слышать. А я слышу всегда. Это моя работа.

– И что же они шепчут?

– То, что траур однажды закончится, как и написал Роланд, – он говорил ровно, буднично, словно обсуждал погоду. – Королева молода. Королеве нужен муж. Королеве нужен защитник. Королева не сможет защитить...

Она хотела возразить, но он поднял руку.

– Дайте закончить. Меллигенс уже примеряет корону, – Кадваллон чуть заметно усмехнулся, разгладив усы. – Он будет говорить о стабильности, об опыте. Он будет намекать, что без мужа вы не справитесь. Вы же заметили, как он изменился в своем поведении? Наверное, Ваймунд подсказал. Сам он, кстати, тоже не прочь увести вас под венец. Будут и другие молодые лорды, которые увидят в вас шанс подняться. Будут старые, которые захотят прибрать к рукам всё, что у вас есть. Будут умные, которые попытаются убедить вас, что брак – это единственный способ удержать трон.

Он чуть ближе наклонился к ней, голос стал тише, но от этого – только пронзительнее:

– Я здесь, чтобы сказать вам: как бы вы не сопротивлялись, лорды будут давить. Если вы читали поэму Одиссея, то должны понимать, что сейчас вы подобны Пенелопе. Вот только лорды Логрии не будут ждать десятки лет. Придётся выбирать.

Она смотрела на него, и в её глазах он читал благодарность и страх. Страх не перед ним – перед тем, что он говорил правду.

– Вы хотите, чтобы я выбрала вас, – сказала она.

Он позволил себе чуть заметную улыбку.

– Я хочу, чтобы вы выбрали с умом. Если этим умным выбором окажусь я – я не буду против. Если нет – я уйду. Но я не хочу, чтобы вы ошиблись из страха или отчаяния.

– Вы претендуете на мою руку? – спросила она.

Он встретил её взгляд. Без игры. Без уловок.

– Да. Претендую.

Она молчала. Секунду. Две. В камине щёлкнуло, выбросив сноп искр.

– Почему?

– Потому что я могу дать вам то, чего не даст никто другой.

– Что?

Он посмотрел на неё. На её руки, сложенные на животе. На лицо, освещённое огнём. На тени под глазами, которые не скрывала даже королевская маска.

– Возможность править. Возможность вырастить не марионетку, а кукловода.

Она замерла. Он видел, как слова вошли в неё – глубже, чем она ожидала.

– Сейчас у вас есть время. Но оно идёт неумолимо быстро. Дитя появится на свет. И ему нужна не только мать. Ему нужен наставник. Но кто? Бедивер? Меллигенс? Из ребёнка вырастит второй Артур. Король, который любит войну, и не любит политику – обречён.

Он помолчал.

– Я не предлагаю вам любовь, Гвиневра. Не предлагаю страсть. Я предлагаю партнёрство. Союз двух людей, которые понимают цену власти. Которые не будут врать друг другу. Которые смогут вырастить достойного правителя.

– А если я не захочу замуж вообще? – спросила она. – Если я решу править одна?

– Тогда вам придётся стать сильнее, чем вы есть, – ответил он. – Сильнее, чем любой мужчина. Потому что они не отстанут. Они будут точить когти, ждать вашей слабости, искать щели в вашей броне. Вы сможете противостоять им всем? Сможете уберечь своего ребёнка от их влияния?

Она смотрела на него. Он видел: она хочет сказать «да». Хочет верить.

Но в её глазах – тень сомнения.

– Я не знаю, – призналась она тихо.

Он кивнул.

– Это честный ответ. Подумайте. У вас есть время до конца траура.

Он поднялся. На этот раз – действительно уходя.

– Кадваллон.

Он обернулся.

– Спасибо, – сказала она. – За честность.

– Не за что, – ответил он. – Мы теперь в одной лодке, помните? Если она утонет – утонем оба.

Он задержал взгляд на её лице – на секунду дольше, чем следовало. Потом развернулся и вышел, закрыв за собой дверь.

– Я повторю вопрос: кто среди вас главный?

Голос Кадваллона был хриплым. Горло саднило – он задавал вопросы без остановки уже который час. И каждый раз слышал в ответ несуразную чушь. В висках болезненно пульсировало – от спёртого воздуха темницы, криков заключённого и собственных действий.

Угли в жаровне успели остыть и разгореться вновь столько раз, что он сбился со счёта. Инструменты – щипцы, иглы, клещи, ножи – лежали на столике ровными рядами, кроме тех, которые Кадваллон уже откинул в сторону в кратких приливах гнева.

Рыбак по имени Симон, пристёгнутый к железному стулу, не мог держать голову прямо. Она клонилась к груди, и каждый раз, когда Кадваллон задавал вопрос, он с усилием поднимал её, глядя на палача безумными, воспалёнными глазами.

Сейчас он застонал, дёрнувшись в ремнях, и улыбнулся. Улыбка была кривой, сломанной – от неё у Кадваллона по спине пробежал холодок.

– За мои страдания... м-м-м... я получу... награду на Небесах! – голос его срывался, но в нём было что-то торжествующее.

Кадваллон медленно поднялся с деревянного стула. Спина затекла, ноги занемели – он не замечал этого, пока не встал. Подошёл к жаровне, взял щипцы. Рукоять была горячей, он чувствовал это через плотную перчатку. Подошёл к Симону.

– Кто вас собрал? – спросил он, поднося щипцы к лицу рыбака. – Кто заплатил?

Симон смотрел на раскалённый металл, и на миг в его глазах мелькнул страх. Но только на миг. И тут же сменился безумным фанатичным блеском.

– Господь... – прошептал он. – Господь собрал нас. А вы... вы все сторите.

Кадваллон ухватил щипцами его левое ухо и сжал.

Крик, который вырвался из груди рыбака, был нечеловеческим. Он бился в ремнях, рвал их, выгибался, но Кадваллон держал крепко. В воздухе повис запах палёной кожи, смешанный с потом, кровью и мочой. Кадваллон почувствовал, как комок подступил к горлу, но продолжал держать, стиснув зубы. Когда Симон обмяк и перестал дёргаться, он бросил щипцы обратно в жаровню. Угли зашипели, выбросив сноп искр.

Кадваллон сел на деревянный стул, чуть подался вперёд.

– Где вы собираетесь? – спросил он. – У вас есть место, где вы встречаетесь? Кто вас ведёт?

Фанатик глухо рассмеялся. По его подбородку стекали слёзы, слюни, сопли – всё смешалось в омерзительную кашу. Кадваллон не отвёл взгляда. Смотрел прямо на него.

– Для меня... уже уготовано место в Раю! – выкрикнул рыбак. Глаза его горели, безумные, пустые. – А тебе... тебе – гореть! Гореть!

Он дёрнулся, пытаясь плюнуть, но слюна упала на его собственное колено.

Кадваллон ухмыльнулся.

– Как интересно. Поразительная преданность. Или настоящее безумие.

– Никто из нас... – Симон закашлялся, и его тело сотряслось от боли. Сломанные рёбра давали о себе знать. – Никто не скажет вам...

– Можешь не продолжать, – прервал Кадваллон и поднялся, стягивая с рук перчатки. – Прежде чем попасть в Рай, тебе самому придётся гореть. Долго и мучительно.

Он развернулся и вышел, оставив Симона захлёбываться собственным смехом. Смехом, от которого кровь стынет в жилах.

За дверью Кадваллона ждал Седрик. Помощник стоял, прислонившись спиной к стене, лицо его было белым, губы сжаты. Увидев графа, он только тяжело вздохнул – слова были лишними.

Кадваллон прислонился к холодному камню, закрыл глаза на секунду. Руки дрожали – он посмотрел на них, сжал в кулаки. Заставил себя успокоиться.

Лишь спустя несколько минут он смог оттолкнуться от стены, и пошёл прочь по сырому коридору. За спиной, сквозь тяжёлую дверь, всё ещё доносился тихий, безумный смех.

Вернувшись из купальни, граф рухнул плашмя на свою кровать.

Покои его были просторными – для знатного гостя здесь было всё, что нужно: широкий стол, тяжёлые гардины на окнах, камин, в котором ещё тлели угли, бросая на стены красноватый, дрожащий свет. Но Кадваллону здесь всё казалось чужим. Перина была недостаточно жёсткой, одеяло – недостаточно тонким. Кровать скрипнула, когда он перевернулся на спину, и этот звук раздражал.

Он закрыл глаза. В темноте под веками всё ещё стоял Симон. Его сломанная улыбка. Его пустые, безумные глаза. Запах палёной кожи, казалось, вьелся в кожу, и никакая вода не могла смыть его.

Никто из задержанных фанатиков не выдал ничего. И пытки, под которыми Кадваллону выдавали все свои секреты даже самые суровые воины, оказались бесполезны. Молитвы и мысли о Рае каким-то образом помогали этим людям выносить любую боль.

«Как заставить говорить этих безумцев?» – граф устало вздохнул.

Он стал вспоминать истории, которые когда-то читал о подобных случаях. Обычно фанатиков сжигали без суда и следствия. А порой это фанатики захватывали города, верша суд над «неверными».

Граф представил, что бы смогло его выдать свои тайны. Пытки? Боль? Угрозы? Нет.

«Одиночество», – мысль стрелой вонзилась в его сознание.

Кадваллон резко поднялся. Влажные волосы налипли на лоб, он убрал их одним небрежным движением, накинул халат. На столике у кровати стояла кружка с водой – он схватил её, выпил залпом, не чувствуя вкуса. Холодная вода обожгла горло, саднящее после долгих часов допроса.

За окном стучал дождь. Мелкий, осенний, настойчивый. Капли били в стекло, и этот звук был единственным, что нарушало тишину. Где-то далеко, за стенами замка, сверкнула молния – свет на секунду залил комнату, выхватив из темноты тёмные балки потолка, массивную спинку кровати, его собственную тень на стене.

– Седрик! – голос его прозвучал резче, чем он хотел.

Помощник появился в ту же секунду, будто стоял за дверью. Он был готов к любым приказам.

Кадваллон ходил по комнате, от камина к окну, от окна к столу. Босые ступни ступали по холодному каменному полу, и это было почти приятно – чувствовать хоть что-то, кроме усталости.

– Нужно найти подходящего человека, – сказал он, задумчиво потирая подбородок. – Бедняка, который за деньги сделает всё, что угодно. Он должен быть из Нижнего города.

– Для чего? – спросил Седрик.

Кадваллон не ответил. Он снова прошёлся по комнате, и тени плясали за его спиной, повторяя каждое движение.

– Посмотрим, сколько они продержатся...

– Кто? – недоумевал помощник.

Наконец граф остановился, поглядел на парня. В красноватом свете камина его лицо казалось высеченным из камня – усталое, но спокойное. И только глаза горели тем холодным, расчётливым огнём, который Седрик знал так хорошо.

– Отправляйся к начальнику тюрьмы. Передай мой указ: тех фанатиков – изолировать друг от друга. Так, чтобы они даже слышать друг друга не могли. Кормить и поить их в полной темноте. Пусть стража хранит молчание. И... пусть носят доспехи, не показывают лиц.

– Зачем это всё? – голос Седрика дрогнул.

– Одиночество заставит их говорить, – Кадваллон усмехнулся. – Когда человек остаётся в темноте, без звуков, без лиц, без времени – его разум начинает ломаться. Он начнёт слышать голоса. Видеть то, чего нет. И когда мы посадим к нему нашего человека, он примет его за своего. За друга. За ангела. За кого угодно. И расскажет всё.

Седрик вскинул брови. Должно быть, ужаснулся. Но не спросил больше ни о чём.

– Передай указания тюремщикам. А сам – в Двуречье. Найди бедняка. Умного. Такого, кто сможет войти в доверие.

– Когда это понадобится? – спросил Седрик.

– Когда я скажу.

Помощник кивнул и уже двинулся к двери, но Кадваллон остановил его:

– И, Седрик. Человек этот не должен знать, на что идёт. Скажешь ему, что нужно будет только говорить. Сидеть в камере и говорить. Остальное – наша забота.

– Гениально, милорд, – Седрик чуть улыбнулся, и в этой улыбке было что-то похожее на гордость.

– Знаю, – ответил Кадваллон. – А теперь иди.

Дверь закрылась, и граф остался один.

Он подошёл к окну, отодвинул тяжёлую гардину. За стеклом – чернота, только дождь стучит, и редкие молнии вспарывают небо, на мгновение превращая двор в бледную, призрачную картину. Внизу, у ворот, мелькнул факел – стражник сменился на посту.

На губах Кадваллона заиграла улыбка. Одна из тех, от которых Гвиневра порой чувствовала холодок по спине. Он довольно разгладил усы, представив, как сыграет эта партия.

«Сначала – одиночество. Потом – страх. А потом...»

Он вернулся в постель, надеясь поспать хоть несколько часов. Кровать скрипнула под его весом, дождь за окном стучал ровно, монотонно, убаюкивающе. Кадваллон закрыл глаза.

В темноте под веками всё ещё стоял Симон. Но теперь граф думал о другом. О том, как этот фанатик заговорит. О том, как найдёт главного среди них. И возьмёт под свой контроль.

Улыбка не сходила с его лица.

Глава 19. Праздник урожая

Последующие две недели прошли на удивление спокойно. Сентябрь подходил к концу. В воздухе пахло опавшей листвой и сыростью от долгих дождей. К счастью, в канун дня святого Михаила над Камелотом, наконец, появилось солнце.

Гвиневра уединилась в своём кабинете, погрузившись в изучение отчётов. Казна короны пополнилась. Кадваллон всё же сумел договориться с герцогством Меллигенским – Гвиневра не спрашивала, как именно, не хотела знать. И даже граф Роланд, для которого уже была готова удавка, выплатил короне всё, что полагалось.

Королева мысленно улыбнулась.

«Не зря графство Гвинедское считается богатейшим в стране».

Она отложила в сторону очередной свиток с бесконечными цифрами и откинулась на спинку кресла. Положила руки на округлившийся живот и погладила.

– Ты сегодня чересчур активный, малыш, – с улыбкой прошептала Гвиневра. Ответом послужил очередной толчок.

Живот её рос очень быстро. Каждое утро она просыпалась от толчков в животе. И в течение дня ей казалось, будто ребёнок в её чреве уже тренируется, чтобы после рождения сразу взять в руки меч и сесть на коня.

Но вместе с тем, Гвиневру наконец-то покинула утренняя тошнота и головокружения. Теперь она ела с большим аппетитом и чувствовала себя такой же энергичной, как десять лет назад.

– Ваше величество, – Бедивер вошёл без стука, что само по себе говорило о тревоге. – Барон Осберт из Торнклифа прибыл. Просит аудиенции.

Гвиневра выпрямилась. Сердце ухнуло вниз. Короткий покой снова оборвался внезапно.

– Это тот, чью жену... убили? – уточнила королева.

– Да, – подтвердил рыцарь. – Он с сыном. Дочери его всё ещё в лазарете.

Гвиневра кивнула, чувствуя, как к горлу подступает ком. Она уже знала, зачем пожаловал барон. Он хотел требовать смерти преступников. И она уже знала, что пока не способна это ему дать.

– Примите его, ваше величество, – тихо сказал Бедивер. – Он имеет право.

– Я знаю. – Она поднялась, одёрнула платье, положила руку на живот. – Зови.

Бедивер открыл дверь и внутрь кабинета вошёл мужчина лет сорока с мальчиком лет двенадцати. Бедивер остался стоять у двери, сложив руки на груди. Он не вмешивался в разговор, но по его взгляду Гвиневра поняла: он сочувствует барону.

Осберт вошёл тяжело, будто нёс на плечах непомерную ношу. Он был одет неброско, но опрятно. Его обветренное лицо было бледным. Глаза, полные скорби, устремились на королеву.

Мальчик, стоявший за его спиной, сначала глядел себе под ноги. Когда отец вывел его вперёд, он поднял голову. Гвиневра успела заметить, что сын совсем не похож на отца – тонкие черты лица, светлые волосы, большие серые глаза. Совсем другой.

«Наверное, унаследовал черты погибшей матери», – подумала она. И тут же, словно змея, в сознание вползла другая мысль: «Или слухи о её неверности были правдой».

Она мысленно укорила себя за эту жестокость. Но мысль уже пришла, и её было не прогнать. Впервые за продолжительное время Гвиневра вспомнила о своём грехе.

«А если мой ребёнок не будет похож на Артура? Если у него будут светлые волосы и голубые глаза, как у...»

Она не закончила. Заставила себя вернуться в реальность.

Барон с сыном поклонились, соблюдая приличия.

– Приветствую вас, ваше величество. Я – барон Осберт из Торнклифа. Это, – он похлопал мальчика по плечу, – мой сын – тоже Осберт.

– Добро пожаловать, – королева указала на стулья, предназначенные для гостей, приглашая их присесть.

– Нет, спасибо, ваше величество. Мы ненадолго.

– Я знаю, по какому вы вопросу пришли. И всё же, присядьте, пожалуйста, – сказала Гвиневра голосом, не терпящим возражений.

Отец и сын приняли приглашение и заняли свои места. Тогда королева тоже опустилась в кресло.

Время близилось к полудню. В окно кабинета падали яркие тёплые лучи, в которых танцевали пылинки, сверкая золотом. За окном послышался шёпот ветра. Осенью он стал чуть громче, но ещё не веял зимним холодом.

– Раз вам известно, зачем я пришёл, – начал Осберт, – я не буду ходить вокруг да около. Я требую казни преступников, нанёсших мне и моей семье оскорбление.

– Это ваше право, – кивнула Гвиневра. – И я хочу вас заверить в том, что казнь обязательно состоится. Но не сейчас.

– Не сейчас? Почему?

– Милорд, идёт расследование. Пока мы не узнаем имя зачинщика – мы не можем казнить тех, кто это имя знает.

– Плевать мне на имена! – вскипел барон, подскочив с места.

– Прошу, милорд, – басом проговорил Бедивер. – Сохраняйте спокойствие.

Осберт бросил на рыцаря недовольный взгляд, но вернулся на место.

– Казнь – это лишь вопрос времени. Я думаю, вам не хотелось бы, чтобы подобное пережил кто-то ещё, – твёрдо сказала Гвиневра. – Для этого нужно закончить расследование и найти всех преступников.

– И сколько оно будет длиться? – Осберт скептически поглядел на королеву. Без тени страха.

– Столько, сколько понадобится.

– Это очень расплывчатое число, не находите?

– Милорд, я понимаю, в каком состоянии вы сейчас пребываете, но всё же прошу не выходить за рамки дозволенного, – голос королевы стал стальным. – Вы предстали перед королевой-регентом. Как смеете вы усомниться в моей справедливости?

Барон стушевался, отвёл взгляд. Его сын напрягся, втянул голову в плечи, но Гвиневра заметила, как он украдкой посмотрел на неё. В его глазах не было ненависти – только усталость. Такая, какая бывает у взрослых, прошедших войну.

– Вы не так поняли, – начал оправдываться Осберт.

– Я всё прекрасно поняла, – оборвала Гвиневра. – Настоятельно рекомендую вам забрать детей и вернуться в свои земли. Так вам всем будет проще пережить потерю. Когда придёт время предать преступников суду, я пришлю вам приглашение. Вы сможете выступить на стороне обвинителей и потребовать того наказания, какое посчитаете справедливым. Что касается сгоревшего дома в Верхнем городе: я велю выделить из казны средства на восстановление всех зданий, что пострадали в ту ночь от огня.

Осберт поглядел на неё снова. Теперь в его глазах появилось нечто иное – не страх, не восхищение, а что-то похожее на уважение.

– Благодарю, государыня, – проговорил он. – Вы так мудры. Да хранит вас Господь.

– Пусть Господь сохранит и вас, милорд, и вашу семью. Я искренне соболезную вашей потере. Ступайте.

Он поднялся, взял сына за руку и направился к двери. Мальчик, проходя мимо, снова посмотрел на Гвиневру. Она встретила его взгляд и не отвела глаз.

Дверь закрылась.

Гвиневра опустила в кресло, чувствуя, как дрожат руки. Бедивер молчал, глядя на неё.

– Я не могу дать им то, что они хотят, – сказала она тихо. – Не сейчас.

– Они подождут, – ответил он. – Вы дали им надежду.

– Надежду? – она усмехнулась. – Или пустые обещания?

Бедивер не ответил. Только подошёл и положил руку на её плечо. Она не отстранилась.

За окном шумел ветер. Пылинки всё так же танцевали в солнечных лучах. А Гвиневра смотрела на дверь, за которой скрылся мальчик с чужими глазами, и думала о том, что её собственный ребёнок, возможно, тоже не будет похож на отца.

И кто тогда поверит, что он – наследник Артура?

После обеда и короткого отдыха королева вошла в большой пиршественный зал.

Там уже кипела работа. Слуги сновали между столами, кто-то устанавливал тяжёлые железные подсвечники с сотнями свечей, кто-то таскал охапки дров для огромных очагов. В углу двое парней спорили, как лучше поставить длинные дубовые скамьи, чтобы гостям было удобно, и, не сойдясь во мнениях, затеяли возню. Один из них обо что-то запнулся и с грохотом рухнул, увлекая за собой соседа. Скамья, которая и была предметом их спора, со страшным грохотом упала на каменный пол, создав в зале протяженное эхо. Следом за скамьей со стола была стянута светлая скатерть с разложенными приборами. Ложки и ножи со звоном попадали вниз. На краткий миг все люди в помещении замерли и повернулись в сторону, откуда донёсся шум.

Сэр Алан, руководивший приготовлениями, строго поглядел на виновников. Те, покраснев, быстро поднялись и принялись собирать рассыпавшиеся ложки и ножи. Гвиневра сдержанно улыбнулась и покачала головой.

Из королевской кухни, которая располагалась рядом, доносились весёлые возгласы поваров и кухонных работников – кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то рассказывал шутки, кто-то ругал поварёнка, и всё это сливалось в тот особенный, предпраздничный шум, который Гвиневра любила с детства. В воздухе уже витал аромат свежего хлеба и варёных овощей, смешанный с запахом воска и древесины.

– Всё готово, ваше величество, – докладывал сэр Алан, разворачивая длинный свиток. – На главных площадях Двуречья установлены столы. В тавернах и пекарнях, с которыми мы заключили договор, уже почти всё готово. Праздник будет ничем не хуже, чем в предыдущие годы. Сцены для бродячих артистов готовы, фокусники и жонглёры уже в городе. Стража переведена на усиленный режим.

Гвиневра кивнула, не перебивая.

– Ворота будут открыты с рассвета до заката, но на ночь закроются. Каждый входящий будет проверяться. Мы не пустим никого, кто не сможет назвать своё имя и причину визита.

– Это разумно, – сказала она. – А что с теми, кто придет издалека? Лорды со свитами?

– Для них – отдельные ворота. Именной список. Лорд Меллигенс лично проверяет каждого. Постоялый двор Верхнего города предоставит ночлег всем высокородным гостям. А те, что не захотят там остановиться, найдут своё пристанище в увеселительных домах. Кто-то захочет уединения и арендует отдельный дом в Верхнем городе.

Гвиневра снова кивнула, и сэр Алан пошёл дальше следить за приготовлениями.

Приглашённые лорды постепенно съезжались в столицу. Кто-то спешил явиться ко двору, чтобы выразить своё почтение или посетовать на свои проблемы. Кто-то привёз отчёты о восстановлении, кто-то – тревожные вести.

Граф Этельстан из Долины Низовья, что граничила с графством Гвинедским и захваченной землёй Морганы, докладывал, что на его границах видели её разведчиков. Лорд Кенрик из Шервудского леса жаловался, что волки расплодились и режут скот. Лорд Освальд из Низких холмов привёз обозы с зерном – дань за этот год.

Гвиневра принимала дары, выслушивала жалобы, обещала помощь. И чувствовала, как между ней и этими людьми растёт стена. Они смотрели на неё с надеждой, но в глазах некоторых было и другое: ожидание. И она боялась это ожидание не оправдать.

Когда солнце уже заходило за горизонт, Гвиневра приняла в своих покоях Кадваллона.

Она сидела в кресле у камина, накинув на плечи тёплый плащ, хотя в комнате было не холодно. Просто она замёрзла. Не телом – душой. Последние дни выдались тяжёлыми, и этот разговор предстоял нелёгким.

Кадваллон вошёл без стука, но на пороге остановился в ожидании её кивка. И дождался. Сначала он подошёл к камину, бросил взгляд на огонь, потом повернулся к ней.

После его своеобразного предложения брака они почти не виделись. Он часто отсутствовал в замке или только создавал видимость своего отсутствия. Но в те редкие встречи Гвиневра стала ловить себя на том, что не может подолгу смотреть ему в глаза.

Осознание того, что граф, как и многие другие лорды, уже примерял себе новый титул, задевало её. Это заставляло женщину чувствовать себя добычей, а лордов – стаей охотничьих псов. Она всё ещё носила траур по Артуру. А её уже поставили перед выбором. Она не имела права думать о других мужчинах. Но думала. И порой ненавидела себя за это.

Иногда ей в голову приходили и совершенно безумные мысли, как она считала.

«Будь моя власть непоколебима, я могла бы выбрать Ланселота. И никто не посмел бы противиться моему выбору».

На эту мысль она лишь горько усмехалась. Её власть не была незыблемой. А любовь к Ланселоту, судя по не унимающимся слухам, не была такой уж тайной. Взять рыцаря Озёрного в мужья – всё равно, что признать правдивость этих слухов.

Королева, наконец, поглядела на графа. Он, как всегда, был спокоен и собран. Стоял у камина, сложив руки на груди, и ждал.

– Вы что-то хотели мне сказать, милорд? – спросила она.

Он чуть улыбнулся – той самой улыбкой, которую она уже научилась различать среди его масок.

– Да, кое-что важное, — проговорил мужчина тихо и улыбка сошла с его лица.

Гвиневра нахмурилась в ожидании продолжения.

– Вы теряете людей, – сказал Кадваллон, и в голосе его не было мягкости. Только правда. – Они напуганы. Устали бояться неизвестности. Они видели, как горят дома, как убивают соседей. Они видели, как вы уехали, видели, как вы вернулись. Они не знают, что вы делаете, чтобы их защитить.

– Я не могу изменить всё за неделю, – голос её был сух. В груди она ощутила укол — вины или досады. Сама не поняла.

– Я не прошу вас изменить что-то в одночасье. Я прошу вас показать, что вы пытаетесь. – Кадваллон подался вперёд, и в его голубых глазах сияла сталь. – Завтра, перед началом праздника, вы выйдете к народу. Скажете им, что вы стараетесь сделать их жизнь лучше. Что вы видите их боль. Что вы будете защищать их.

– Я и так это делаю, – возразила она.

– Этого мало. Им нужны не слова. Им нужна вера, что вы сможете. – Он говорил быстро, жёстко, не давая ей опомниться. – А вера приходит через то, что они видят. Поэтому после

праздника я предлагаю ужесточить меры в столице. Комендантский час. Обыски домов. Показательные наказания для тех, кто сеет слухи. Люди увидят, что длань королевы может дотянуться куда угодно.

– Вы предлагаете запугать людей?

– Я предлагаю показать, что вы контролируете ситуацию. Страх – это не враг, Гвиневра. Это инструмент. Нужно уметь им пользоваться.

Она молчала. Внутри неё боролись два чувства: понимание, что он прав, и отвращение к тому, что она должна будет сделать.

Кадваллон, словно чувствуя её сомнения, сделал шаг ближе.

– Этого мало, – сказал он. – Вы должны не просто наказывать. Вы должны быть рядом с ними. Посещать городские монастыри. Выслушивать жалобы. Подавать милостыню из своего кошелька. Пусть они видят вас. Пусть знают, что королева не прячется за стенами замка, а ходит по их улицам, дышит их воздухом, знает их горе.

Гвиневра замерла.

Она вдруг вспомнила Камелиард. Своё детство. Отца, который брал её с собой, когда объезжал город. Он останавливался у лавок, разговаривал с торговцами, крестил детей у церкви, слушал старух, которые жаловались на соседей. Он делал это не из любви к народу – она знала. Он делал это потому, что народ был его щитом. Пока люди любили его, никто не смел поднять на него руку.

«Как я могла забыть?» – подумала она. – «Отец учил меня этому с детства. А я спряталась в замке и жду, когда ребёнок решит все мои проблемы».

– Пока фанатики под руководством Благия или кого-то ещё склоняют людей на свою сторону, – продолжал Кадваллон, – вы остаётесь недосягаемой для людей. Вы бездействуете.

Она хотела возразить, но он поднял руку.

– Дайте закончить. Если ребёнок окажется от Артура – это хорошо. Лорды присягнут ему. Но если нет? – его голос стал тише, но от этого только острее. – Если нет, вас никто не убережёт. Ни армия вашего отца, ни Меллигенс, ни я. Народ сожрёт и вас, и вашего ребёнка, и всех, кто попытается вас защитить.

Гвиневра почувствовала, как кровь отлила от лица. Даже Кадваллон сомневался или догадывался о её измене. Или он знал. Королева хотела бы спросить, но так она только подтвердила бы свою вину. Потому прикусила язык и постаралась сохранить внешнее спокойствие.

«Это уловка, Кадваллон? Считаешь меня грешницей? Тогда почему до сих пор помогаешь мне?»

Вопросы возникали в голове один за другим, но так и остались не озвучены.

– Но если вы сделаете так, что людям будет всё равно, от кого этот ребёнок, – продолжил Кадваллон, наклонившись ближе, и она видела каждую морщинку у его глаз, – если вы дадите им веру, что при вас они будут сыты, спокойны, защищены, тогда лорды не посмеют и пальцем тронуть вас. Потому что гнев людской пожрёт их в тот самый миг, как они решат отлучить вас от трона.

Она смотрела на него. В его глазах не было угрозы. Не было жалости. Только правда. Та самая, от которой хотелось спрятаться, но нельзя.

– Такова ваша стратегия? – спросила она тихо.

– Да, – ответил он. – Это стратегия, которую избирают лишь самые мудрые правители. А их за всю историю мира не так уж много. Артур умел вести людей за собой, но он не знал, куда их вёл. В свои грёзы. Вы должны вести народ к процветанию, к реальности. И сейчас время, когда нужно бороться за каждого человека. Чтобы потом эти люди боролись за вас.

Она отвела взгляд. Смотрела на огонь, на тени, пляшущие по стенам, на свои руки, лежащие на животе.

– Я забыла, – сказала она. – Отец учил меня этому с детства. А я забыла.

– Теперь вспомнили, – ответил Кадваллон. – Завтра вы выйдете к народу. Не как королева-вдова, не как королева-мать. Станьте частью этого народа или сделайте вид. Люди больше тяготеют к тем, кто с ними на равных. И люди ненавидят тех, кто выше их по статусу. Пусть они верят, что статус – это неважно, что вы слышите каждый голос в толпе и делаете для них всё возможное.

Он выпрямился.

– А теперь – отдыхайте. Завтра долгий день.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

– И ещё, – сказал он, не оборачиваясь. – То, что я сказал о народе... это касается и меня.

Если вы сделаете их своими, я не смогу вам навредить, даже если захочу.

Он вышел. Дверь закрылась.

Гвиневра осталась одна. Смотрела на огонь и думала о том, что он сказал. О том, что она забыла. О том, что народ – это не просто толпа, которая требует еды и зрелищ. Это сила. Стена. Щит. И она почти потеряла его.

Женщина положила руку на живот. Ребёнок толкнулся – слабо, будто спрашивая, всё ли хорошо.

– Всё будет хорошо, – прошептала она. – Я не дам тебя в обиду.

Утро выдалось ясным, но холодным. Золотые листья кружились в воздухе, падая на мокрую от росы брусчатку.

После церковной службы Гвиневра вышла на главную площадь Верхнего города в сопровождении свиты. Люди расступались, пропуская её. Кто-то кланялся, кто-то смотрел исподлобья. Дети тянули руки, чтобы коснуться её плаща.

Она поднялась на помост, и голоса стихли не сразу – сначала те, кто был ближе, потом дальше, и, наконец, площадь замерла. Гвиневра оглядела сотни глаз, устремлённых на неё. В них читалось разное: надежда, любопытство, страх. Кто-то смотрел с обожанием, кто-то – исподлобья, с недоверием. В дальнем конце площади она заметила мужчину в тёмном плаще, который не снял шапку, когда все обнажили головы. Его взгляд был тяжёлым, холодным. Рядом с ним стояла женщина, прятавшая лицо под платком, и Гвиневра не видела её глаз, но чувствовала: там не радость.

Она перевела дыхание, отгоняя напряжение, которое сжимало грудь.

– Жители Двуречья, – голос её, усиленный акустикой площади, прокатился над толпой.

– Я не буду говорить красивых речей. Скажу правду.

Толпа затихла.

– Этот год был жесток к нам. Мы потеряли короля. Мы пережили смуту. В наших домах пылал огонь, и на наших улицах лилась кровь. Я знаю, что вы потеряли близких. Я знаю, что вы боитесь.

Она замолчала, давая словам осесть.

– В ту ночь, когда в городе бушевали убийцы, меня не было в Камелоте. Я была в крепости Каменный Кулак. Потому что кто-то отравил колодцы с водой, и там умирали дети. Наши дети. Оруженосцы, которые должны были стать рыцарями, защитниками Логрии.

Она говорила, и в её голосе не было оправдания. Только боль.

– Я держала за руки умирающих мальчиков. Я видела, как они уходят. И я не могла быть в двух местах сразу.

В толпе кто-то всхлипнул. Женщина с ребёнком на руках перекрестилась.

– Я не прошу меня простить. Я прошу понять и поверить. Те, кто сеял смуту, будут наказаны. Те, кто убивал, грабил, жёг дома, ответят за свои преступления. Следствие идёт. И

когда виновные будут названы – они будут казнены. Публично. Чтобы каждый видел: закон Логрии не дремлет.

По толпе прошёл шёпот. Кто-то одобрительно закивал, кто-то сжал кулаки.

– Все, кто пострадал в ту ночь, получают от короны деньги на восстановление домов. Каждый, кто потерял близких, получит помощь. Я помню о тех, кто погиб. Их было не трое и не десять. Их было больше. И я скорблю по каждому.

Она перевела дыхание.

– Но есть и другая правда. Мальчики в Каменном Кулаке выжили. Большинство из них. Им помогли все – леди Морвенна, которая не спала ночами, леди Элейна, которая держала их за руки, слуги, солдаты, каждый, кто был рядом. Мы справились. И мы справимся здесь. Вместе.

Она обвела взглядом толпу. Глаза, устремлённые на неё, менялись. В них появлялось что-то новое. Тень доверия и хрупкая надежда.

– Но чтобы выжить, мы должны быть осторожны. Ради вашей безопасности я вынуждена ввести в городе новые порядки. Будут проверки. Будет комендантский час. Будут обыски. Это не потому, что я не доверяю вам. Это потому, что я не доверяю тем, кто прячется среди вас.

Она сделала паузу.

– Я не могу сделать всех счастливыми. Но я обещаю: я сделаю всё, чтобы вы были в безопасности. Чтобы ваши дети росли без страха. Чтобы Логрия стала страной, о которой мечтал Артур.

Она подняла руку.

– А сейчас – празднуйте. Ешьте, пейте, радуйтесь. Вы заслужили этот день.

Она кивнула, и слуги начали раздавать еду, разливать вино. Кто-то из толпы крикнул: «Да здравствует королева!» Ему вторили другие. Аплодисменты прокатились по площади, сначала робко, потом громче.

Гвиневра смотрела на людей, на их лица, и видела: не все рады. Женщина в платке так и не подняла голову. Мужчина в тёмном плаще отвернулся и начал пробираться к выходу. Но большинство смотрело на неё иначе, чем прежде.

«Кадваллон был прав», – подумала она.

Она спустилась с помоста. Элейна подхватила её под локоть.

– Всё хорошо, ваше величество, – шепнула наперсница. – Вы были...

– Я была честна, – перебила Гвиневра. – Надеюсь, этого достаточно.

Она вынула из кошелька пригоршню серебряных монет и протянула слугам, чтобы те раздавали детям. Но сама осталась на площади.

– Я пройду по улице, – сказала она Элейне. – Одна. Нет, не одна, – поправилась она, заметив, как побледнела наперсница. – Но без помпезности.

Королева двинулась к Стене Благородства. Люди расступались перед ней, кто-то кланялся, кто-то тянул руки. Рыцари и придворные шли за ней, не приближаясь, но и не отставая. Она шла медленно, вглядываясь в лица, запоминая их.

И вдруг из толпы выбежали двое детей – девочка лет семи и мальчик чуть постарше. Стражник шагнул было вперёд, но Гвиневра остановила его взглядом.

Девочка, краснея, протянула ей маленькую деревянную фигурку солдата, грубо вырезанную.

– Это для вашего малыша. Пусть играет, когда родится, – пролепетала она. – Мы с братом сами сделали.

Гвиневра опустила на корточки, принимая игрушку. Сердце её сжалось.

– Спасибо, – сказала она. – Это самый лучший подарок.

Мальчик, смущаясь, сунул ей в руку тёплую булочку, завернутую в чистую тряпицу.

– Свежая, – сказал он. – Мама испекла.

Гвиневра взяла булочку, поднесла к лицу, вдохнула запах. Увидев выжидающие лица детей, надкусила.

– Передайте маме, что это самый вкусный хлеб, который я ела.

Дети, сияя, убежали обратно в толпу.

Гвиневра выпрямилась, сжимая в руках игрушку и хлеб. В глазах стояли слёзы, но она не плакала. Она смотрела на этих детей, на их родителей, на всех, кто пришёл сегодня на площадь, и думала о том, что Кадваллон был прав.

«Они не просто толпа. Они – моя стена. Мой щит. Моя надежда».

Она пошла дальше, и толпа расступалась перед ней, но теперь в их глазах было не только любопытство и страх. Было что-то ещё. То, что она не умела назвать, но чувствовала душой.

Она подошла к воротам, отделяющим Верхний город от Нижнего. После того, как они распахнулись, она с короткой заминкой вышла. К тем, кто ждал её столь же сильно, сколько и ненавидел.

Запах изменился ещё на подходе. Здесь не было духов и аромата летнего вина – здесь пахло дымом, жареным мясом, кислым элем, луком и чем-то ещё, что Гвиневра не могла определить, но что было в Нижнем городе всегда. Пот. Страх. Жизнь, которая не знает, что будет завтра, и потому ценит каждую минуту сегодня.

Ноги утопали в грязи. Кто-то из придворных охнул, пытаясь удержать равновесие, но Гвиневра шла не останавливаясь.

Площадь в Нижнем городе была больше, чем наверху. Грубее. Честнее. Посередине горели огромные костры, и над ними на вертелах медленно вращались туши быков и свиней. Жир капал на угли, шипел, взлетал искрами. Кто-то из кухарок мазал мясо травами, и ветер разносил этот запах по всей площади, смешивая его с запахом свежего хлеба, который только что вынули из печей.

Столы ломились от еды. Караваи, горы яблок, бочки с квашеной капустой, пироги с рыбой, вяленая оленина, мочёная брусника в больших мисках. Эль лился рекой – его разливали из бочек прямо в кружки, и кружки переходили из рук в руки.

Музыканты играли веселую, залихватскую мелодию. Парень в рваной рубахе отбивал дробь на бубне, двое дудочников вторили ему, а седой скрипач, закрыв глаза, водил смычком так, что даже у Гвиневры ноги сами просились в пляс. Дети бегали между взрослыми, выкрикивая что-то, смеясь, – живые, шумные, обычные.

Люди танцевали. Не так, как наверху – чинно, в парах, соблюдая дистанцию. Здесь танцевали все вместе, взявшись за руки, кружась, топая, хлопая. И пели. Громко, нестройно, но от души.

А потом кто-то увидел королеву.

Музыка оборвалась на полуслове. Дудочники опустили руки, бубен затих, скрипка замолчала. Танцоры замерли, нелепо раскинув руки. Кто-то опустил кружку, кто-то прижал к себе ребёнка. Лица были растерянными, испуганными. Кто-то уже начал опускаться на колени, кто-то, наоборот, попятился, будто надеялся слиться с толпой, стать невидимым.

Гвиневра не остановилась. Она прошла сквозь расступающуюся толпу, поднялась на сцену, где только что акробаты показывали свои умения, и обернулась к людям.

Ветер дул ей в лицо, холодный, осенний, пахнувший дымом и рекой. Она вдохнула его глубоко, чувствуя, как плащ тяжелеет на плечах.

– Жители столицы! Народ Логрии! – голос её прозвучал громко, но не надменно. Она не говорила с ними сверху вниз. Она говорила с ними, как равная. – Сегодня у нас праздник!

Тишина. Только костры трещат да где-то вдалеке плачет ребёнок.

– Несмотря на войну, несмотря на гибель нашего короля, мы смогли собрать хороший урожай. Мы не погибнем от голода этой зимой! Королевские лесопилки заготовили достаточно дров. Нам не грозит и смерть от холода!

Кто-то выдохнул – так громко, что, казалось, все услышали.

– Но это не значит, что мы в безопасности! – голос её стал твёрже. – Моргана всё ещё жива! И жива её идея – разрушить Логрию! Чем больше людей поверит лживым слухам, распускаемым её людьми, тем быстрее погибнет наша страна!

Она откинула плащ.

В толпе прошёл вздох. Кто-то охнул, кто-то перекрестился. Её живот, уже округлившийся, был виден всем.

– Я знаю, – сказала она тише, и в этой тишине каждое её слово было слышно так же ясно, как если бы она кричала. – Вам всем нужна надежда. Вот она.

Она положила руку на живот.

– Наследник короля Артура скоро придёт к нам. И что он увидит, едва его глаза откроются? Озлобленных, жестоких людей? Или народ, праведный и добрый, за который его отец отдал свою жизнь?

В толпе кто-то всхлипнул. Женщина в рваном платке закрыла лицо руками. Мужчина рядом с ней снял шапку, и ветер зашевелил его седые волосы.

– Я лишь хочу призвать вас к благоразумию! – голос её сорвался, но она не остановилась. – Пока кто-то очерняет моё доброе имя, пока кто-то призывает к расправе над другими людьми, вы должны сохранять стойкость своего духа! Ради погибшего короля Артура Пендрагона! Ради его наследника, который должен будет занять трон Логрии!

Она перевела дыхание. Комок подступил к горлу, но она говорила.

– Он ещё не родился, а даже когда родится, он не сможет какое-то время защищать вас! Он сам нуждается в защите! Так помогите же мне защитить его!

Слеза скатилась по её щеке. Она не вытерла её. Пусть видят. Пусть знают: она не железная. Она – мать. Она – королева. Она – такая же, как они.

Тишина длилась ещё мгновение. А потом – всё взорвалось.

– Мы защитим! – крикнул кто-то из толпы, и этот крик подхватили другие. – Королева Гвинева! Да здравствует наследник Артура! Да здравствует Логрия!

Люди аплодировали, плакали, смеялись. Кто-то упал на колени, кто-то тянул к ней руки. Музыканты, опомнившись, заиграли снова – ту же весёлую, залихватскую мелодию, и теперь она звучала не как вызов, а как клятва.

Гвинева стояла на сцене, и ветер трепал её волосы, и слёзы текли по щекам, и она не прятала их.

Когда шум утих, королева обвела взглядом людей.

—В честь праздника я повелеваю раздать серебряные монеты! – громко сказала она и толпа зашумела пуще прежнего.

Люди стали толпиться, жались ближе к помосту. Рыцари, что несли небольшой сундук, поставили его и открыли. Придворные стали набирать в ладони горсти монет и раздавать их с помоста. Рыцари следили, чтобы самые ушлые из горожан как можно скорее покинули первые ряды.

Люди подходили, кланялись, крестились, а некоторые просто смотрели – долго, молча, будто пытались запомнить её лицо.

Гвинева вынула из кошелька пригоршню серебряных монет. Слуги рядом раздавали хлеб и пироги – всем, кто протягивал руки. Но детям Гвинева давала монеты сама.

Маленькая девочка, лет пяти, сжимала серебряную монету в кулачке так крепко, что побелели костяшки. Гвинева наклонилась к ней, погладила по голове.

– Трать с умом, – прошептала она.

Девочка не ответила. Только смотрела на неё огромными глазами, в которых отражались костры.

Один старик стоял у ближайшего столба, опираясь на палку, и смотрел на неё пустыми, усталыми глазами. Когда подошла его очередь, Гвиневра протянула ему хлеб. Он не взял. Тогда она сняла с плеч свой плащ и накинула ему на плечи.

– Зачем, королева? – прохрипел он.

– Потому что вы замёрзли, – просто ответила она.

Что-то в его лице дрогнуло. Он медленно опустился на колени, коснулся её руки. Она не отстранилась.

Когда пришла пора уходить, люди не хотели её отпускать.

– Оставайтесь! – крикнул кто-то, и этот крик подхватили другие. – Оставайтесь!

Гвиневра обернулась. Подняла руку. Толпа затихла.

– Я вернусь, – сказала она. – Обещаю.

Она не знала, сможет ли сдержать это обещание. Но они поверили.

У ворот она обернулась в последний раз. Костры догорали, музыка играла, люди танцевали. И ей показалось, что они танцуют громче, чем прежде. И поют веселее.

– Звезде не место среди камней, – тихо сказала Элейна, когда они вышли за ворота.

Гвиневра ничего не ответила. Она смотрела вперёд, на стены Камелота, который ждал её. Но в ушах у неё всё ещё звучала музыка. И запах дыма и жареного мяса, казалось, навсегда въелся в её одежду и волосы.

Гвиневра вернулась в Камелот, когда солнце уже клонилось к закату. В коридорах пахло едой – из кухонь доносился звон посуды, крики поваров, шипение масла на сковородах. Она почти бегом поднялась в свои покои.

Леди Мот уже ждала её с водой и чистой одеждой.

– Скорее, – бросила Гвиневра, сбрасывая платье, которое пропахло городом. – Всё уже готово?

– Все лорды собрались, – ответила пожилая фрейлина, помогая ей переодеться. – Ждут только вас.

Гвиневра села перед зеркалом, и леди Мот принялась распутывать её волосы, приглаживая, укладывая, закрепляя корону. Двигалась она быстро и ловко – за эти годы её руки привыкли к королевским волосам не хуже, чем к молитвеннику.

Когда фрейлина вышла, Гвиневра осталась одна. Она посмотрела в зеркало. Королева смотрела на неё – безупречная, спокойная, с короной, водружённой на тщательно уложенные волосы. Но Гвиневра знала: это только маска.

Взгляд её упал на туалетный столик. Там, среди прочих флаконов и шкатулок, стояли духи. Тот самый флакон из горного хрусталя, с густой тёмной жидкостью внутри. Подарок Кадваллона.

Она взяла его в руки, повертела. Стекло было гладким, прохладным. Она помнила, как впервые открыла его, как аромат окутал её.

Тогда она использовала их, не думая. Просто потому, что ей нравился запах.

Сейчас всё было иначе.

Она знала, что он претендует на её руку. Знала, что этот аромат – не просто подарок. И если она нанесёт его сегодня, на праздник, где будет он, где будут все лорды... что это значит? Что она показывает свою заинтересованность? Что она согласна?

«Или я просто хочу чувствовать этот запах?» – спросила она себя.

Ответа не было.

Она смотрела на флакон, и в голове крутились мысли, которые она не хотела слышать. Он подарил ей эти духи в первый день их знакомства. Тогда она не придавала этому значения. А сейчас? Сейчас она знала, что он опасен. Что ему нельзя доверять.

И всё равно хотела почувствовать этот аромат на своей коже.

«Глупость», – сказала она себе. – «Слабость».

Она поставила флакон на место. Сделала шаг к двери. Остановилась.

Обернулась.

Взяла флакон, открыла, капнула на запястья, на шею. Аромат окутал её – тёплый, пряный, чуть горьковатый. Она задержала дыхание на секунду, потом выдохнула.

Почему она это сделала? Она не знала. Или не хотела себе признаваться.

Пиршественный зал гудел. Столы ломились от яств – зажаренные кабаны, лебеди в перьях, пироги с рыбой и мясом, горы яблок, мочёная брусника в больших мисках, сыры, мёд, вино, эль. Воздух был тяжёлым, горячим, пропитанным запахом еды и свечного воска.

Фальк появился в зале одним из первых, ещё до того, как гости начали рассаживаться. На голове его красовалась забавная деревянная корона – грубо вырезанная, с кривыми зубцами и наспех покрашенной медной краской, которая уже начала облезать. Он носил её с такой гордостью, будто она была из чистого золота.

– Дорогу! Дорогу его величеству! – кричал он, пробираясь между столами, и те, кто узнавал его, смеялись. – Король Фальк Первый собственной персоной! Прочь с дороги, смертные!

Он забрался на своё обычное место – на скамью у стены, откуда был виден весь зал, и принялся высматривать объект для шуток.

Слуги сновали между столами, ловко обходя гостей, меняя блюда, доливая вино в кубки, унося опустевшие тарелки. Кто-то из них споткнулся о подвернувшуюся под ноги собаку, едва не выронив кувшин, но удержал равновесие, только досадливо чертыхнулся.

Собак было много – штук шесть, а может, и больше. Они бродили под столами, выискивая объедки, тыкались мордами в колени, скулили, когда кто-то прогонял их. Две крупные, серые, с длинными ногами и узкими мордами – подарок Кадваллона, – держались ближе к королевскому столу. Одна из них, молодая и, видимо, самая наглая, уже успела трижды подойти к Гвиневре, положив тяжёлую голову ей на колени.

Гвиневра рассеянно погладила её, но собака не унималась, всё тыкалась носом в её руку, выпрашивая кусок.

– Сидеть, – негромко сказал Кадваллон.

Собака мгновенно поджала хвост и отошла, устроившись у его ног.

– Какая послушная, – заметила Гвиневра.

– Дрессировать собак намного проще, чем людей, – усмехнувшись, сказал граф. – По крайней мере, мои собаки знают, чего я от них хочу.

Королева не успела ответить – к ней склонился сэр Алан.

– Ваше величество, барон Кристан просит слова.

Гвиневра едва сдержала вздох. Она кивнула, разрешая.

Барон подошёл, отвесил поклон. Лицо его раскраснелось от выпитого вина, но стоял он на ногах крепко. В руках он держал небольшое блюдо с румяными пирожками, украшенными узорами из теста.

– Ваше величество, – начал он, и голос его звучал громче обычного, – позвольте преподнести вам скромный дар. Мои жена и дочери пекли их сегодня с утра. С лучшими пожеланиями. За ваше здоровье, за наследника, за Логрию!

Он низко поклонился, протягивая блюдо.

Гвиневра взяла пирожок, поднесла к лицу, вдохнула аромат. Сдобное тесто, яблоки, мёд. Пальцы чувствовали тепло – пирожок был свежим.

– Передайте вашей семье, – сказала она, опуская угощение обратно на блюдо, – что я ценю их труд и преданность. Надеюсь увидеть их на воскресной службе.

Она улыбнулась – тепло, благодарно, но пирожок так и остался лежать на блюде.

Кристан просиял, поклонился ещё раз и, пятась, отошёл от стола, чуть не столкнувшись с пробегавшим мимо слугой.

Гвиневра перевела взгляд на Кадваллона. Он смотрел на неё, и в уголках его губ дрогнула усмешка.

– Осторожность лишней не бывает, – заметил он тихо.

– Беспечность – роскошь для меня, – ответила она так же тихо.

Он чуть склонил голову, принимая ответ.

Гвиневра взяла кубок, поднесла к губам и не отпила.

Гости рассаживались, слуги разливали вино, в зале стоял тот особенный гул, который бывает перед большим пиром – ещё не шум, но уже не тишина.

И вдруг этот гул стих.

Гвиневра подняла глаза.

Бедивер поднялся из-за стола. Место его было недалеко от королевы – по правую руку, среди высших рыцарей. Он был в парадном плаще, с гербом на груди, и выглядел так, будто собирался в бой, а не на праздник.

Он протянул руку Элейне.

Та сидела среди фрейлин, бледная, с глазами, полными слёз, которые она ещё не пролила. Когда Бедивер протянул руку, она на мгновение замерла, будто не веря, а потом вложила свою ладонь в его.

Он помог ей встать.

Они шли медленно, держась за руки, между столами, мимо замерших придворных. Бедивер – прямой, как его меч, но Гвиневра видела, как дрожит его рука, сжимающая пальцы наперсницы. Элейна – с высоко поднятой головой, но щёки её пылали, и она не могла скрыть улыбки.

Они остановились перед королевой.

Бедивер чуть наклонил голову, и его бас, привычный к командам на плацу, сейчас звучал тихо, почти неслышно для тех, кто сидел дальше.

– Ваше величество, – сказал он. – Мы с леди Элейной хотим получить ваше благословение на брак.

В зале стало так тихо, что Гвиневра слышала, как потрескивают свечи.

Она смотрела на них. На Бедивера – верного, сурового, непоколебимого, который сейчас стоял перед ней с лицом, на котором она никогда не видела такого выражения. Не страх. Не гордость. Это были смущение и надежда.

Поглядела на Элейну – свою наперсницу, которая прошла с ней через годы. Которая держала её за руки, когда умирали оруженосцы. Которая была рядом, когда не было сил быть сильной. Сейчас она смотрела на Гвиневру с любовью, и глаза её блестели.

Гвиневра почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она поднялась.

– Встаньте на колени, – сказала она, и голос её прозвучал мягче, чем она ожидала.

Бедивер и Элейна опустили на колени на каменный пол. Руки их не разжались.

Гвиневра сняла с шеи тонкую золотую цепочку – ту, что носила ещё с Камелиарда, память о матери. Она всегда думала, что отдаст её дочери. Но сейчас знала: нет лучшего момента.

– Бедивер, – сказала она, – ты был верным рыцарем Артура. Ты стал моей опорой, когда рушился мир. Я не знаю человека, которому могла бы доверить свою жизнь больше, чем тебе.

Гвиневра повернулась к Элейне.

– Элейна, ты была мне сестрой, когда у меня не было никого. Ты держала меня, когда я падала, и не дала сломаться. Я не знаю женщины, чьё сердце было бы чище твоего.

Она протянула цепочку, соединив их руки.

– Вы дали мне надежду. Пусть же ваша жизнь будет полна ею. Я благословляю ваш союз. Будьте счастливы.

Элейна всхлипнула, не сдержавшись. Бедивер сжал её руку, и Гвиневра увидела, как дрогнули его губы в робкой редкой улыбке.

– Встаньте, – сказала она. – Негоже будущим супругам стоять на коленях в день праздника.

Они поднялись. Бедивер, не отпуская руки Элейны, повернулся к гостям, и те – кто-то первым, кто-то следом – начали аплодировать. Негромко, но искренне. Кто-то из фрейлин утирал слёзы, кто-то из рыцарей стучал кубками по столу.

Фальк, сидевший за одним из столов, крикнул:

– Да здравствуют молодые! – и тут же получил от соседа локтем в бок: ещё не молодые, ещё только жених и невеста.

Но Гвиневра видела, как он улыбается. Как улыбается Меллигенс – каменный Меллигенс! – и даже на его суровом лице что-то смягчилось. Как Кадваллон поднял кубок, глядя на неё, и чуть заметно кивнул.

Она села на место, чувствуя, как дрожат руки. Элейна и Бедивер вернулись за свой стол, и теперь они сидели рядом – ближе, чем прежде, и Гвиневра заметила, что он не выпускает её руки.

– Это вы устроили? – тихо спросил Кадваллон.

– Что?

– Такая трогательная помолвка, —граф подлил в свой кубок вина. – Благородный рыцарь и прекрасная дама. И оба из ближайшего круга королевы.

Гвиневра покачала головой.

– Я, как и вы, граф, только наблюдаю.

Кадваллон глядел на неё долго, пристально. Королева улыбнулась и принялась осматриваться.

Пир продолжался. Гости пили, ели, смеялись. Кто-то уже громко спорил о налогах, кто-то рассказывал охотничьи истории, кто-то пытался танцевать прямо между столами, но слуги ловко уворачивались, пронося блюда.

Граф Роланд сидел через два места от Кадваллона. Достаточно близко, чтобы Гвиневра видела каждый его подбородок. Каждый глоток, который он делал. Каждую каплю эля, стекающую по его губам и падающую на колени. Он был в парадном камзоле, который трещал по швам, и улыбался – самодовольно, уверенно, будто уже чувствовал себя хозяином положения.

Гвиневра смотрела на него и чувствовала, как внутри закипает холодная, злая усмешка.

«И это чудовище думает, что я или Моргана согласилась бы на его предложение?»

Она перевела взгляд на Кадваллона. Он тоже смотрел на Роланда, и на его губах играла та самая улыбка – лёгкая, почти незаметная, но Гвиневра научилась её читать.

– Считаете, недостаточно хорош для вас? – тихо спросил он, наклонившись к ней.

Он улыбнулся, когда в нос ударил знакомый аромат и поглядел на Гвиневру с неммым вопросом.

«Использовали мой подарок. Это значит «да»?»

Гвиневра усмехнулась, отведя глаза.

– Мне кажется, что это я не дотягиваю до его уровня.

Кадваллон приподнял бровь и немного отстранился.

– До его уровня в весе? Или в количестве подбородков?

Гвиневра не сдержалась. Смех вырвался тихий, почти беззвучный, но настоящий. Впервые за долгое время она смеялась не потому, что надо было поддержать разговор, не потому, что этого требовал этикет. Просто – смеялась.

Кадваллон смотрел на неё. Не отводил взгляда. Ловил каждую её эмоцию, каждую морщину у глаз, каждый отблеск свечей в зелёных глазах. Улыбался.

– Вы очень редко это делаете, – сказал он.

– Что?

– Смеётесь.

Она посмотрела на него. Смех затих, но тепло осталось.

– Раньше это было чаще.

Он кивнул и отвернулся. Молодой темноволосый парень подошёл к графу и, склонившись, начал что-то шептать на ухо. Королева не стала пытаться разобрать, что именно он шептал. Она повернулась к герцогу.

Меллигенс, сидевший справа от Гвиневры, молчал, но когда слуга в очередной раз наполнил его кубок, он поднял голову, посмотрел на неё.

– Хороший пир, – сказал он, грустно улыбнувшись. — Жаль, не все смогли на нём присутствовать.

Гвиневра встретила его взгляд.

– Жаль не только вам, милорд.

– И всё-таки, я думаю, что Артур был бы счастлив узнать, что Логрия продолжает жить, — герцог поднял кубок и отпил.

– И продолжит впредь, — сказала королева и тоже отпила немного вина.

Меллигенс повернулся к сыну, что-то тихо сказал ему. Ваймунд поднял глаза и встретился взглядом с Гвиневрой.

— Ваше здоровье, — чуть склонив голову, Ваймунд выпил содержимое своего кубка.

Гвиневра кивнула ему, но не ответила на его улыбку. Она отвела взгляд. Почему-то видеть его за своим столом Гвиневре было столь же противно, как видеть Роланда.

Благий за своим столом не пил. Он сидел, вжавшись в кресло, и подпирал ладонью голову. С виду казалось, будто старика мучают головные боли. За его столом сидели и другие служители церкви. В том числе Эгидий. Он тихо переговаривался с каким-то седым монахом. Встретившись с Гвиневрой взглядом, священник улыбнулся ей так, как не мог улыбнуться никто другой. Гвиневра улыбнулась в ответ, взглядом пообещав, что обязательно подойдёт к нему позже.

Пир был в самом разгаре, когда Фальк впервые подскочил к Гвиневре. Она как раз слушала поздравления от лорда Годвина, и шут терпеливо ждал, крутя в руках яблоко, пока тот не отошёл.

– Ваше величество, – прошептал он, наклоняясь к самому её уху. – Я только что узнал удивительную вещь.

– Какую же? – спросила Гвиневра, делая вид, что ей скучно, хотя внутри уже закипало любопытство.

– Лорд Этельстан из Долины Низовья, – Фальк сделал паузу, наслаждаясь моментом, – тайно встречается с хозяйкой трактира «Кривой петух» в Двуречье. И его жена, говорят, уже год не разговаривает с ним.

Гвиневра усмехнулась.

– Откуда ты это узнал?

– А я лично слышал, как он нахваливал Суровую Кэт другим лордам. Говорит, что у неё такие большие и мягкие...

— Довольно, шут, — прервала Гвиневра. – Соблюдай хоть немного приличия!

Она покачала головой, но улыбнулась. Фальк поклонился и растворился в толпе.

Через некоторое время он снова появился – на этот раз у стола, где сидели дети одного из лордов. Трое мальчишек и девочка лет семи смотрели на него с восторгом.

– Смотрите, смотрите! – Фальк вытащил из рукава серебряную монету и ловко спрятал её в кулаке. – Где монета? Где? А вот она!

Он выудил монету из-за уха удивлённого мальчика, потом из носа девочки, которая завизжала от восторга. Дети хохотали, тянули к нему руки, а он раскланивался, сдвинув свою деревянную корону на затылок.

– Ещё! Ещё! – кричали они.

– В другой раз, – сказал Фальк, подмигивая. – Королю нужно следить за порядком.

Гвиневра почувствовала голод только, когда в зал внесли блюда с запеченной олениной. Одна шуплая служанка осторожно поставила перед королевой тарелку. Гвиневра с большим аппетитом приступила к трапезе, и мясо, прожаренное с чесноком и розмарином, таяло на языке. Она закрыла глаза на секунду, позволяя себе насладиться вкусом.

Она отрезала ещё, подцепила вилкой тушёный пастернак, макнула в мясной сок. Вкус был насыщенным, пряным, настоящим. Королева ела быстро, но не жадно – с каким-то почти забытым удовольствием, не замечая ничего вокруг.

А потом почувствовала взгляд.

Она подняла глаза. Кадваллон сидел, откинувшись на спинку кресла, и смотрел на неё. Не на зал, не на гостей, не на собак, что бродили под столом. На неё. И смотрел таким взглядом, каким не смотрел на неё даже Артур. Это был не просто интерес. Это было удовольствие, азарт, желание.

Гвиневра быстро посмотрела по сторонам.

«Если хоть кто-то заметит, как он на меня смотрит...»

Королеве было страшно даже думать о том, какие слухи может породить подобный случай.

Но, к счастью, все придворные были заняты пиром. Кто-то наблюдал за выходками шута. Кто-то уже спал лицом в тарелке. Кто-то не прекращал поглощать угощения и запивать вином и элем.

– Что? – прошептала Гвиневра, застыв с вилкой у рта.

Кадваллон чуть склонил голову, и в уголках его губ дрогнула усмешка. Не та, холодная и хищная, которую она знала. Другая.

– Ничего, – ответил он тихо, так, чтобы никто не услышал. – Просто смотрю.

– Вы смотрите слишком... —она не могла подобрать слова.

– Я смотрю слишком... —граф улыбнулся чуть шире.

—Прекратите.

—Слушаюсь, ваше величество.

Гвиневра посмотрела на него. Он уже отвернулся, подносил кубок к губам, делая вид, что смотрит на кого-то из гостей. Но краем глаза – она чувствовала – всё ещё следил.

Она усмехнулась – не королевской улыбкой, не вежливой, а той, что вырывалась сама собой, когда она забывала, кто она и где. И снова взялась за вилку.

Она доела всё, что было на тарелке, до последнего кусочка. И почему-то от этого простого, телесного насыщения на душе стало легче, чем от всех королевских речей за сегодня.

Гвиневра снова оглядела зал. Глаза сразу зацепились за рыжую шевелюру шута. На этот раз он стоял за спиной лорда Эдвина из Дорсета, который не так давно жаловался на лес – и, вытянув лицо, передразнивал его манерную осанку. У лорда была привычка задирать подбородок, глядя на собеседников свысока; Фальк задрал подбородок так высоко, что едва не упал на спину.

– Мой лес! Мой! – шептал он, передразнивая голос лорда. – Все леса мои! И дубы мои, и берёзы мои, и даже зайцы – мои!

Соседи по столу давились от смеха. Сам лорд Эдвин, который, к счастью, был уже достаточно пьян, чтобы не заметить, только недоумённо оглядывался.

Очередной визит Фалька к королевскому столу случился, когда Гвиневра обсуждала с Кадваллоном предстоящие расходы на армию. Шут подлетел, запыхавшийся, с хитрой улыбкой на веснушчатом лице.

– Вашество, я только что узнал, – шепнул он, – что граф Глостер принёс на пир кинжал. Гвиневра нахмурилась.

– Кинжал?

– Да-да, – закивал Фальк. – Прямо за голенищем сапога. Я сам видел, когда он наклонился за упавшей салфеткой. Красивый такой, с рубином на рукояти. Говорят, он с ним никогда не расстаётся. Но на пир-то, вашество, на пир!

Он отступил на шаг и замер, ожидая реакции.

Гвиневра перевела взгляд на Кадваллона. Тот уже смотрел на графа Глостера – немолодого, сурового лорда, который сидел в дальнем конце стола и мрачно что-то жевал.

– Проверьте, – тихо сказал Кадваллон одному из стражников, стоявших у стены. – Вежливо. Если найдёте – заберите и верните утром. Скажите, что королева заботится о безопасности гостей.

Стражник кивнул и исчез. Через минуту он уже стоял рядом с гостем, что-то тихо говорил. Глостер сначала побагровел, потом что-то буркнул и, наклонившись, вытащил из-за голенища кинжал. Стражник принял его с поклоном и отошёл.

Гвиневра заметила, как граф бросил взгляд в её сторону – не злой, скорее смущённый. Она подняла кубок, кивнула ему. Он кивнул в ответ.

– Молодец, шут, – тихо сказала она.

– Я ваши глаза и уши, ваше величество, – прошептал шут, прижимая руку к груди. – А иногда и нос.

– Нос?

– Нюхать, где жареным пахнет, – он подмигнул и исчез.

Спустя время Фальк снова оказался в центре внимания. На этот раз он стоял на коленях перед престарелой леди Мот, которая сидела среди фрейлин и с достоинством потягивала вино.

– О прекраснейшая из дам! – провозгласил Фальк, воздев руки к небу. – Ваша красота затмевает солнце! Ваша мудрость превосходит мудрость самого царя Соломона! Ваши годы – лишь доказательство того, что вино с годами становится только лучше!

Леди Мот, которая была настолько стара, что помнила ещё короля Утера, смотрела на него с каменным лицом.

– Я хочу просить вашей руки, миледи! – Фальк прижал руки к сердцу. – Мы будем жить долго и счастливо, и я буду каждый день приносить вам утренний эль, и чесать вашу любимую кошку, и...

– У меня нет кошки, – сухо заметила леди Мот.

– Заведём! – не сдавался Фальк. – И назовём её в вашу честь!

Леди Мот на мгновение замерла. Потом уголок её губ дрогнул, и она, не сдержавшись, рассмеялась – тихо, сквозь зубы, но искренне.

– Встань, дурак, – сказала она.

Фальк вскочил, отвесил низкий поклон и, пятясь, отошёл, продолжая кланяться. За соседним столом кто-то захлопал, кто-то крикнул: «Держись, Рыжий!» Он раскланялся и вскоре снова исчез в толпе.

Гвиневра смеялась над выходками шута вместе с гостями

А потом – дверь распахнулась.

В зал вбежали несколько человек. Один из них, молодой парень в дорожной одежде, пробился сквозь толпу слуг к Кадваллону, склонился, что-то быстро зашептал. Граф слушал,

не меняясь в лице, потом взял из рук гонца небольшой свёрток. Парень отступил, растворился в толпе.

Кадваллон развернул свиток, взгляделся в строки. И вдруг – его лицо изменилось. Глаза расширились, брови взлетели вверх. Он повернулся к Гвиневре, и сказал громко, так, чтобы все слышали:

– Ваше величество!

Голос его прозвучал взволнованно, но в глазах, на секунду встретившихся с её взглядом, Гвиневра прочла спокойствие.

«Пора», – поняла она.

Она взяла письмо, взгляделась, хотя знала каждое слово наизусть. Подняла голову. Голос её, холодный, стальной, разрезал шум пира:

– Стража!

В зале стало тихо. Сначала те, кто сидел ближе к королеве, потом – дальше. Ложка звякнула о край тарелки – и этот звук прозвучал как выстрел. Музыканты замерли с поднятыми смычками. Собаки, почуяв неладное, попрятались под столы.

– Немедленно схватить графа Роланда Мерредида!

Роланд вскочил так резко, что его бокал опрокинулся, вино разлилось по скатерти. Он отшатнулся, едва не снёс пузом тарелки с закусками.

– Меня? – голос его сорвался на фальцет. – Я не понимаю... Ваше величество! За что?

Гвиневра не ответила. Она передала одно из писем герцогу Меллигенсу. Тот развернул, пробежал глазами и начал читать. Вслух.

– «Я получил ваше послание. Вы предлагаете мне земли и титул в обмен на верность. Но я не наёмник, чтобы продаваться за золото. Я потомок древнего рода, и моя цена – корона...»

Роланд побелел. Стражники схватили его за руки, но он уже сам валился на колени, тяжело, грузно, едва не увлекая их за собой.

– Это не я! – закричал он. – Это не моё письмо! Кто-то подделал! Ваше величество, клянусь...

– Уведите его в темницу! – голос Гвиневры прозвучал громко, и в нём не было и тени сомнения. – Праздник окончен. Немедленно соберитесь в тронном зале.

Стражники с трудом выволокли Роланда. Он цеплялся за дверные косяки, кричал, но его голос таял, удаляясь по коридору.

Придворные поднимались из-за столов. Кто-то был бледен, кто-то, наоборот, покраснел от выпитого и никак не мог понять, что происходит.

Меллигенс вернул письмо Гвиневре, посмотрел на неё прямо.

– Я предполагал такое, – сказал он негромко. – Роланд всегда хотел находиться где-то посередине. Глупец.

– Он не глупец, – ответила Гвиневра. – Он предатель. И он ответит за это.

Она поднялась на ноги. Взгляд её скользнул по лицам придворных – испуганным, растерянным, любопытным. Задержался на епископе. Епископ сидел неподвижно, вцепившись в край стола, и смотрел на неё так, будто видел впервые. Или будто знал, что скоро настанет его очередь.

Гвиневра перевела взгляд на Кадваллона. Тот чуть заметно кивнул.

Королева вышла из пиршественного зала, чувствуя на спине сотни взглядов, а в душе какую-то пропасть.

Глава 20. Священный город

Внимание, читатели!

Здесь и далее в этой главе текст, выделенный курсивом, означает речь на латыни.

Лионель открыл глаза. Пахло соломой, жареным мясом, свежим хлебом. В маленькое окошко пробивался луч света, в котором плясали сверкающие пылинки. Рыцарь потянулся, не желая покидать постель, пусть и не самую удобную. Но чувство долга оказалось сильнее желания отдохнуть.

Накануне вечером, когда достиг Рима, он остановился в первом попавшемся трактире. С трудом – то ли жестами, то ли ломаной латынью – объяснился с хозяином. За пару серебряных получил комнату на ночь, горячую похлёбку и кувшин кисловатого вина. И лошадь его привели в порядок – это было главное.

Лионель потерял счёт дням, что провёл в пути. Пересёк залив, горы и поля. Столько раз сбивался с пути, что само слово «дорога» вызывало тошноту.

«Все дороги ведут в Рим... – усмехнулся он про себя. – Чушь собачья».

Спустя час после пробуждения рыцарь уже шёл по улицам Рима, любуясь непривычной архитектурой и жителями.

Город не походил на Двуречье. Хотя оба таили в себе века истории, тайн и легенд. В Риме всё было по-другому. Красиво, но обветшало. Мраморные колонны, которые должны были поражать воображение, торчали из земли, как гнилые зубы. Стены, помнившие императоров, облупились и местами обвалились. А между руин, словно репейник, пробивалась жизнь – жалкие лачуги, огороды, коровьи лепёшки на древних камнях.

Столько раз Лионель с Галахадом воображали себе, как придут в этот город паломниками.

«Интересно, понравилось бы тут ему?» – подумал рыцарь, разглядывая античные монументы.

В душе он испытывал трепет и досадливое разочарование. Раньше, когда он слышал «Рим», его воображение рисовало что-то великолепное. Сейчас он видел город, утративший былое величие. Он был таким же грязным, как и другие, – и внешне, и изнутри. Грязь таилась в глубине глаз жителей. Здесь так же было всё пропитано грехом. Люди воровали, убивали, насиловали. Ярко-одетые женщины на узких улочках зазывали рыцаря «в гости». И только, глядя на старинные храмы, Лионель чувствовал, что этот город хранит в себе гораздо больше, чем можно увидеть с первого взгляда.

Навстречу по улице пробежало стадо овец и коз. Их гнал пастушок с белой собачонкой. Мальчишка что-то прокричал Лионелю – наверное, ругался, что рыцарь преградил путь его отаре. Лионель только улыбнулся. Пастушок махнул на него рукой и побежал дальше, сверкая босыми пятками.

Рыцарь вышел на широкую улицу, мощенную крупным, выщербленным временем камнем. Солнце уже поднялось выше, и город оживал – из дверей высовывались заспанные лица, где-то залаяла собака, закрипели колёса телег.

Он остановил первого, кто попался под руку, – толстого торговца, который тащил на плече мешок с чем-то тяжёлым.

– Простите, – начал Лионель на латыни. – Где мне найти папу римского?

Торговец уставился на него так, будто рыцарь спросил дорогу в ад. Проробормотал что-то невнятное, перекрестился и, прибавив шагу, исчез за углом.

Лионель вздохнул. Огляделся, поймал на себе несколько любопытных взглядов. Но стоило ему к кому-то подойти или обратиться с расстояния, люди тут же уходили или делали вид, что им некогда. Никто из встреченных им жителей не понимал латыни. А местного диалекта Лионель не знал.

Спустя час упорных попыток найти проводника, рыцарь раздражённо выругался, напугав проходившую мимо старушку. Она, перекрестившись, припустила так быстро, что Лионель удивился. Он-то думал, что все старухи немощные.

После очередной неудачной попытки расспросить прохожего, он уже собрался идти наугад, когда его окликнули:

– *Тебе нужно к Папе Римскому?*

Лионель обернулся.

Мужчина невысокого роста, в простой серой тунике, стоял, прислонившись к стене и жуя яблоко. Лицо его было смуглым, обветренным, глаза смотрели насмешливо, но беззлобно.

– *Да*, – ответил Лионель, чувствуя невероятное облегчение. – *К нему. Где его найти?*

– *Иди туда*, – мужчина махнул рукой в западном направлении. – *Увидишь большую церковь. Самую большую. Рядом с ней – дворец. Там он живёт.*

Он махал так усердно, что чуть не выронил огрызок.

– *Благодарю*, – поклонился Лионель.

Мужчина кивнул, откусил от яблока и, насвистывая, пошёл дальше.

Лионель пошёл в указанном направлении. Улицы петляли, сворачивали не туда, упирались в глухие стены. Где-то вдалеке виднелась колокольня, но как к ней пройти, было неясно.

Он остановился, оглядываясь, и в этот момент услышал за спиной мерный стук копыт.

Всадник в лёгкой кольчуге, с мечом на поясе, ехал неспешно. На плаще у него была вышита эмблема – скрещённые белые ключи на синем фоне.

Рыцарь заметил его, придержал лошадь.

– *Ты заблудился?* – спросил он на латыни. Чисто, правильно.

– *Ищу, где живёт папа римский*, – признался Лионель.

Рыцарь усмехнулся.

– *Тебе нужен Латеранский дворец. Ты на полпути к Тибру. Поворачивай обратно, у фонтана сверни налево, потом прямо, через площадь. Увидишь базилику Святого Иоанна – дворец сразу за ней. Не пропустишь.*

– *Спасибо*, – Лионель чуть склонил голову.

– *Не за что*. – Рыцарь кивнул. – *Откуда ты?*

– *Из Логриш*, – с гордостью в голосе сказал Лионель.

– *Не слышал о такой стране*. – Незнакомец пожал плечами, улыбнувшись.

– *Она далеко отсюда*, – с тоской ответил Лионель.

– *Мир велик. Даст Бог – ты вернёшься на родину.*

Рыцарь тронул коня и скрылся в конце проулка.

Лионель посмотрел ему вслед.

«Латеранский дворец, – повторил он про себя, запоминая. – Базилика Святого Иоанна».

Лионель зашагал к фонтану, надеясь не заблудиться снова.

Латеранский дворец оказался не таким, как его представлял Лионель. Он ожидал увидеть неприступную крепость с зубчатыми стенами, но перед ним возвышалось здание из светлого камня, больше похожее на огромную базилику. Колонны, мозаики, широкие лестницы. И никаких укреплений.

«Наверное, они полагаются на Бога», – подумал рыцарь, усмехнувшись.

У входа стояли стражники – четверо, в кольчугах, с мечами на поясах. На их плащах была вышита эмблема, которую Лионель уже видел сегодня: скрещенные ключи.

Один из них, широкоплечий, с густой бородой, преградил ему дорогу.

– Кто ты? Что нужно?

Лионель перевёл дыхание. Латынь давалась ему легко, но волнение сбивало.

– Я посланник королевы Гвиневры Пендрагон из Логрии. У меня есть письмо, предназначенное святейшему отцу папе Теодату Первому. Прошу аудиенции.

Стражник протянул руку.

– Дай мне письмо.

– Я должен передать их лично его святейшеству.

– Жди здесь.

Он исчез за дверью.

Время тянулось медленно. Лионель стоял, чувствуя, как солнце припекает плечи, и старался не обращать внимания на любопытные взгляды прохожих. Кто-то из стражников искоса поглядывал на него, но не заговаривал.

Наконец дверь открылась. Привратник покачал головой.

– Сейчас тебя не могут принять. Приходи в другое время.

– Вы сказали, что это срочно? – возмутился Лионель.

– Здесь все дела срочные. Тебе придется подождать.

– Сколько?

– Всегда по-разному, – пожал плечами мужчина. – Как повезёт.

Лионель громко вздохнул. Внутри кипела ярость. Но он понимал, что от привратника мало что зависит. Пока ему не дадут команду, он не впустит на порог никого.

– Спасибо, – глухо сказал рыцарь и отошёл от деревянной двери. Он опустился на землю, оперся спиной на стену. – Буду ждать.

Привратник коротко усмехнулся, покачав головой, и скрылся за дверью.

Прошёл день. Потом второй. На третий Лионель перестал их считать.

Каждое утро он приходил к воротам Латеранского дворца. Каждый вечер уходил ни с чем. Стражники уже узнавали его в лицо, но не впускали его внутрь.

– Папа занят, – отвечали ему.

– Приходи завтра.

– Не можем тебя принять.

Лионель приходил.

Он стоял у ворот с утра до вечера, прислонившись к колонне, сложив руки на груди. Не просил, не требовал – просто ждал. Как пёс, который застыл у двери хозяина и не уйдёт, даже если его пнуть.

Стражники привыкли. Кто-то даже здоровался с ним по утрам. Кто-то предпочитал не замечать.

На четвёртый день пошёл дождь. Лионель не ушёл. Промок до нитки, продрог до костей, но остался стоять. Стражники косились на него, перешёптывались, но не прогоняли.

На пятый день ожидания Лионель встретился с посыльным епископа Благия.

Тощий, сутулый, с бегающим взглядом – послушник из свиты Благия. Лионель запомнил его по лицу, напоминающему морду хорька. Он появился у ворот Латеранского дворца утром, попробовал получить аудиенцию у папы. Но так же остался ни с чем.

В его глазах читалось то же самое бессилие, которое Лионель чувствовал сам все эти дни.

«Не приняли», – понял рыцарь. – «Как и меня».

Он проводил послушника взглядом. Тот зашагал прочь от дворца быстрым шагом.

Лионель пошёл следом.

Он не прятался, но двигался бесшумно, держась на расстоянии. В Нижнем городе Рима, где улицы были похожи на запутанные кишки, потерять из виду цель было легко, но Лионель не отставал.

Послушник свернул в тёмный проулок между двумя обветшалыми зданиями.

Лионель ускорил шаг.

Он настиг его у глухой стены, схватил за шиворот и прижал к камням так, что послушник охнул и выронил сумку.

– Тихо, – прошептал Лионель. – Пикнешь – пожалеешь.

Послушник узнал его. Глаза расширились от ужаса, лицо стало белым, как мел.

– Не надо... – залепетал он. – Я ничего...

– Заткнись.

Лионель обыскал его быстро и умело – вывернул карманы, забрал всё, что нашёл. Несколько монет, письмо с печатью Благия, клочки пергамента с какими-то заметками, нацарапанными торопливым почерком.

Послушник хватал ртом воздух, пытался вырваться, но Лионель держал крепко.

– Прошу... Это всё, что у меня есть...

– Теперь нет.

Лионель отшвырнул его в сторону и поднял с земли потрёпанную сумку. Послушник упал на колени, заскулил, но рыцарь уже шёл прочь.

Ближайшая таверна оказалась через два дома. Лионель толкнул дверь, вошёл в полупустой зал, прошёл к камину, где догорали угли.

Хозяин поднял голову от кружки, но, встретив взгляд рыцаря, решил не вмешиваться.

Лионель бросил в огонь письмо и клочки пергаментов с записями. Вытряхнул из сумки всё, что было. Ещё одно письмо, чистые пергаменты, пара яблок и горсть орехов.

Закинув ещё одно письмо в огонь, Лионель собрал всё остальное обратно в сумку. Он наблюдал, как пламя быстро обращало бумагу в пепел, когда послушник влетел в таверну.

– Что вы делаете?! – закричал он, бросаясь к камину. – Вы... вы не имеете права! Это собственность епископа!

– О чём это вы? – спокойно спросил Лионель, наблюдая, как догорают последние клочки.

Послушник заметался, пытаясь выхватить из огня хоть что-то, но обжёг пальцы и отшатнулся.

– Вы ответите за это! – завопил он. – Епископ...

– За что? Я нашёл вашу сумку среди улицы. Какое счастье, что её не успели утащить местные воришки, – он бросил сумку послушнику.

Тот быстро заглянул внутрь и увидел, что ни первого, ни второго писем не было.

– Вы?! – послушник, разъярённый, подступил к Лионелю, желая наброситься на него с кулаками.

Рыцарь наотмашь влепил ему пощёчину тыльной стороной ладони. Посыльный Благия отлетел назад, плашмя упал на пол и застонал.

– Такова ваша благодарность? – Лионель подошёл к нему, поставил ногу на его грудь и чуть надавил. – Мне стоит пожаловаться епископу. Мало того, что вы теряете ценные бумаги, так ещё и пытаетесь обвинить в этом рыцаря королевы. Мне кажется, что вы пьяны. Даже на ногах устоять не способны. Боже, кто служит епископу? Какой позор для церкви...

Послушник смотрел на него с ненавистью и страхом. Из разбитой губы выступила кровь.

– В-вам не поверят! – прохрипел он.

– Это уже не важно. Вы не оправдали надежд, возложенных на вас. Лучшая возможность избежать наказания – не возвращаться, – рыцарь холодно усмехнулся, убрал ногу с груди послушника и повернулся к хозяину, который так и замер с кружкой в руке.

– *Прошу прощения*, – сказал рыцарь, доставая монету и бросая её на стол. – Хотя за такое представление заплатить должно бы мне.

Хозяин молча взял монету.

Лионель вышел на улицу. Сердце колотилось где-то в горле, но на душе было спокойно.

«Что бы не было в тех письмах, оно не достигнет преосвященства. И не навредит Гвиневре».

Утром шестого дня Лионель стоял на том же месте возле ворот Латеранского дворца. Он чувствовал изнеможение, но продолжал ждать встречи с Папой.

«Ещё немного», – уговаривал он себя. – «Ещё немного».

На седьмой день, когда он уже приготовился к очередному отказу, ворота распахнулись.

На пороге стоял не стражник.

Высокий, худощавый мужчина в алой мантии и круглой шапочке на затылке. Волосы тёмные с обильной проседью, гладковыбритое лицо, тонкий крючковатый нос и круглые, почти чёрные глаза, которые смотрели так, будто видели человека насквозь. Что-то в его облике напомнило Лионелю хищную птицу – ястреба или коршуна.

Он говорил на латыни с мягким, певучим акцентом – французским, понял Лионель.

– *Ты стоишь тут седьмой день. Неужели твоё дело такое важное?*

– *Я бы не проделывал такой путь ради пустяка. Моя королева просит милости его преосвященства. Прошу, отведите меня к Папе! Если откажете, я буду караулить у ворот день и ночь, пока не упаду замертво!* – протараторил рыцарь с надеждой и мольбой.

Мужчина в мантии чуть склонил голову, и в его круглых глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

– *Поразительное упорство.* – Он помолчал. – *Я наблюдал за тобой из окна. Каждый день. Ты разве что не ночевал под дверью.*

– *А если б остался ночевать, меня приняли бы сразу?* – съязвил он, и тут же испугался сказанного. – *Прошу простить мою грубость*, – склонив голову, произнёс рыцарь. – *Порой мой язык быстрее моего разума.*

Незнакомец замер на секунду. Потом его тонкие губы дрогнули – сначала в удивлении, потом в настоящей, почти человеческой улыбке.

– *Разум часто заставляет человека льстить и лгать. Я ценю правду, какой бы грубой и неприятной она ни была.*

Он отступил в сторону, жестом приглашая войти.

– *Следуй за мной.*

Они шли длинными коридорами, мимо мозаик и статуй, мимо замерших в почтительных поклонах клириков. Мужчина шёл быстро, но Лионель успевал за ним. Плечи прямые, голова поднята – он не хотел выглядеть просителем.

– *Как тебя зовут?* – спросил он рыцаря, не оборачиваясь.

– *Меня зовут Лионель, святой отец. Я рыцарь Круглого стола из Логриш.*

– *Я кардинал-епископ Ремигий*, – он, наконец, обернулся, и его чёрные глаза снова впились в лицо Лионеля. – *Рад знакомству*, – он чуть улыбнулся. – *Ты здесь ради своей королевы. Не ради короля.*

Рыцарь помедлил с ответом. Мысль об Артуре больно резанула сердце.

– *Мой король пал на поле боя*, – ответил Лионель. – *Моя королева носит под сердцем его дитя. Это последняя надежда на то, что наша страна не падёт.*

Кардинал остановился.

– *Твоя королева... красива?*

Лионель не ожидал этого вопроса. Он поглядел на спину кардинала, который продолжал идти вперёд, несколько не смутившись своего вопроса.

– *Она достойна*, – сказал он, наконец. – *Это главное.*

Ремигий издал смешок, поравнялся с Лионелем.

– *Большинство людей не могут даже вообразить женщину на троне. Как ей удалось?*

– *Она... она верит в идеалы нашего почившего короля*, – ответил рыцарь, но чувствовал неуверенность в собственных словах.

– *Это не так*, – твёрдо произнёс Ремигий. – *Женщины не верят в идеалы мужчин. Ты это знаешь. Неужели в вашем королевстве не оказалось мужчины, который смог бы осадить эту женщину и взять корону?* – он холодно улыбнулся.

Лионель ощутил, как кровь прилила к голове. В животе завязался тугой узел ярости. Этими вопросами Ремигий пытался загнать его в угол.

«Чего ты добиваешься?»

Он дал себе небольшую паузу, чтобы успокоиться. Одно неверное слово, одно резкое движение – и вся его поездка в Рим могла потерять всякий смысл.

– *Этот вопрос нужно задавать не мне*, – рыцарь усмехнулся. – *Если есть возможность, можете лично отправиться в Логрию и познакомиться с королевой Гвиневрой. Судить о ней с моих слов – величайшая ошибка, которую может допустить человек.*

Кардинал, удовлетворённый его ответом, кивнул. Он не воспринял слова Лионеля, как вызов или оскорбление. И рыцарь этому порадовался в душе.

Дальше шли молча и без остановок.

Они остановились перед высокой дверью из тёмного дерева, украшенной резьбой. Ремигий коснулся ручки, но не открыл.

– *Помни*, – он повернулся к Лионелю, и в его глазах не было ни насмешки, ни жалости – только спокойное, холодное внимание. – *Папа – не король. Он наместник Христа. Перед ним преклоняют колени не из страха, а из благоговения.*

Лионель кивнул и Ремигий открыл дверь..

В зале было тихо. Высокие сводчатые потолки, беленые стены, несколько свечей в железных подсвечниках. Запах ладана, такой умиротворяющий, донёсся до Лионеля. Он на мгновение задержал дыхание и быстро огляделся. В воздухе под потолком витала дымка от свеч, которая в свете лучей солнца, создавала причудливые серо-голубые узоры.

У дальней стены, в деревянном кресле с высокой спинкой, сидел человек в белой сутане. Папа Теодат Первый.

Лионель подошёл ближе и опустился на одно колено, склонил голову.

– *Я Лионель, рыцарь Круглого стола, рыцарь королевской гвардии королевы-регента Логрии*. – голос его звучал ровно, без дрожи. – *Приветствую вас, ваше святейшество, и прошу принять из моих рук письмо от королевы Гвиневры Пендрагон и её скромный дар.*

Папа слушал внимательно, не перебивая. Его бледное, измождённое лицо не выражало ни удивления, ни радушия – только спокойное, чуть усталое внимание.

Когда Лионель закончил, Папа одним движением руки подозвал его ближе.

Рыцарь поднялся и подошёл. Вложил в его руку письмо, скреплённое восковой печатью с гербом Пендрагонов, и небольшой свёрток.

Что внутри – Лионель не знал. Не имел права заглядывать. И только надеялся, что содержимое свёртка действительно будет иметь ценность в глазах Папы Римского.

Теодат сломал печать, развернул пергамент, пробежал глазами первые строки. Потом, не говоря ни слова, передал его Ремигию.

Кардинал принял письмо, чуть склонил голову и начал читать вслух. Голос его был низким, с мягким французским акцентом, каждое слово падало в тишину чётко, как удар молота.

Лионель слушал, не поднимая глаз.

Ремигий читал медленно, иногда поднимая глаза на Лионеля. В его взгляде мелькало что-то странное – то ли любопытство, то ли насмешка, то ли одобрение. Рыцарь не мог разобраться и потому каждый раз отводил глаза.

Когда кардинал закончил, он положил письмо на стол и развернул свёрток. Из грубой ткани бережно, как самое хрупкое сокровище, достал тёмный сморщенный шип.

Терновый шип из Венца Господня.

Ремигий держал его на раскрытой ладони, словно боясь сжать пальцы. Передал Папе.

Теодат принял реликвию, поднёс к прищуренным глазам, разглядывая. На его бледном лице впервые за весь разговор мелькнуло что-то живое – не улыбка, но тень её.

– *Твоя королева знает, как расположить к себе людей*, – заметил Ремигий, и в его чёрных глазах блеснул странный огонь.

Лионель выпрямился.

– *Моя королева делает всё ради блага Логрии и её народа.*

Папа поднял голову. Посмотрел на Лионеля долгим, внимательным взглядом.

– *Сын мой*, – сказал он, и голос его звучал устало, но твёрдо, – *я очень ценю то, что твоя королева передала нам такую ценную реликвию. И её обращение действительно не может остаться не услышанным.*

Он помолчал, взгляделся в терновый шип в своих руках.

– *Но нам нужно время, чтобы принять верное и справедливое решение. Приходи сюда через три дня. Ты получишь мой ответ.*

Лионель почувствовал, как внутри всё сжалось – не от страха, от досады. Ещё три дня ожидания.

Но он знал: спорить опасно.

Рыцарь снова опустился на одно колено, склонил голову.

– *Да будет воля ваша, святейший отец.*

И вышел.

Лионель перестал считать часы – они тянулись бесконечно, как нити из мотка, который никак не кончался. Он гулял по Риму, пытаясь убить время, но тревога грызла изнутри.

Все ли хорошо дома?

Он представлял Камелот – стены, которые казались вечными, но теперь, на расстоянии, вдруг показались хрупкими. Что, если он вернётся к руинам? Что, если за эти месяцы Моргана собрала силы и ударила? Что, если...

Он отгонял эти мысли, но они возвращались.

Нашёл ли Ланселот Галахада?

Лионель вспомнил брата – его светлые волосы, его лёгкую, почти небрежную улыбку, его голос, когда он пел баллады у костра. И вдруг осознал: он здесь, в Риме, совсем один. Ни брата, ни товарищей, ни королевы, никого, кто мог бы подставить плечо.

Тоска сковала сердце.

Он шёл по узкой улочке, не разбирая дороги, и сам не заметил, как вышел к месту, где заканчивался город и начинался пустырь. Редкие ветхие постройки показывались то тут, то там. На небольшой лужайке паслись коровы. Несколько женщин, бедно одетых, вступили в перепалку. Они громко кричали и активно жестикулировали. Лионель предпочёл обойти их стороной.

На небольшом пригорке он заметил забавную картину. Уже знакомый ему пастушок стоял посреди дороги, оперев руки в бока, и отчитывал одну из овец. Белую, с облезлым боком, которая, судя по всему, отбилась от стада.

Овца стояла неподвижно, жевала жвачку и смотрела на него бессмысленными жёлтыми глазами.

Белая собачонка носилась у ног пастуха, тьякала, подпрыгивала, будто защищала овцу от хозяина. Мальчик пытался её отогнать, но она не унималась, и, в конце концов, он плюнул, махнул рукой и зашагал прочь.

Овца, проводив его равнодушным взглядом, неторопливо пошла следом.

Собачонка, победив, затыкала ещё громче. Она бежала позади всей небольшой процессии, не давая овце свернуть с пути или отстать.

Лионель смотрел на эту сцену и чувствовал, как уголки губ сами собой тянутся вверх. Тревога отступила – хотя бы на несколько минут.

Рыцарь развернулся, пошёл обратно в город. Снова погружившись в тревожные думы, он достиг центральной части города.

В воздухе пахло пылью и чем-то сладким – может быть, мёдом, может быть, переспелыми фруктами с тележки, что стояла у ближайшей стены.

По мостовой, цокая копытами, проехал всадник, скрывший лицо под капюшоном плаща. Из распахнутого окна одного из домов доносилось пение – монотонное, тягучее, похожее на молитву. Пахнуло ладаном.

Лионель свернул на широкую улицу – и замер.

Навстречу ему двигалась процессия. Чёрные носилки, крытые бархатом, двенадцать носильщиков в одинаковых тёмных рясах. Впереди шли монахи, позади – женщины в траурных накидках, с закрытыми лицами. Кто-то тихо плакал, кто-то просто шёл, опустив голову.

Лионель отступил к стене, пропуская процессию. Сердце кольнуло – не от страха, от памяти.

Он смотрел на чёрные носилки и видел другие.

Вспомнил, как хоронили короля.

Траурная процессия, растянувшаяся по улицам Двуречья. Женщины, бросающие цветы под ноги королевы. Мужчины, которые не стеснялись слёз.

И Гвиневра – бледная, прямая, с лицом, на котором не было ничего, кроме ледяного спокойствия. Она не плакала тогда. Он не видел, чтобы она плакала при всех. Но он знал, что ей тогда было тяжелее всех. И тяжело до сих пор. Какой бы сильной не казалась Гвиневра, Лионель знал – душа её изранена.

Процессия прошла. Плач, шёпот, шаги – всё стихло. Лионель постоял ещё немного, глядя вслед, потом тряхнул головой и зашагал дальше.

Солнце клонилось к закату. Длинные тени накрывали древний город, делая его чужим, почти враждебным. Люди расходились по домам – кто-то нёс корзину с покупками, кто-то тащил за руку уставшего ребёнка, кто-то просто шёл, сгорбившись, глядя себе под ноги.

Лионель пошёл к трактиру.

Ноги гудели от долгой прогулки. Аппетит разыгрался.

Рыцарь составил в голове короткий план:

«Еда. Сон. Приём у Папы».

Засыпая, он слышал, как где-то за стеной стучат глиняные кружки и кто-то горланит песню на чужом, незнакомом языке.

Он вспомнил Камелот. Вечерний зал, свет свечей, голоса друзей. Брата. Бедивера. Королеву.

«Завтра, – сказал он себе. – Завтра всё решится».

Лионель пришёл к Латеранскому дворцу, когда небо над Римом только начинало светлеть. Розовые отсветы ложились на древние камни, где-то вдалеке пели петухи, город просыпался.

Он не стал ждать.

Кулак застучал по дубовым воротам – глухо, настойчиво, раз за разом. Тишина. Ещё удар. Где-то за стеной послышалась ругань, потом тяжёлые шаги.

Ворота приоткрылись. На пороге стоял привратник – заспанный, растрёпанный, с опухшими глазами. Его борода топорщилась в разные стороны. Он что-то невнятно пробормотал и попытался закрыть дверь обратно.

– *Постой!* – Лионель успел подставить ногу. – *На сегодня у меня назначена встреча у его святейшества.*

Привратник моргал, хлопал глазами, пытаясь понять, что от него хотят. Он снова забормотал на своём гортанном наречии и замахал руками, показывая: уходи, не время.

Лионель стоял на своём. Он не повышал голоса, но и не отступал.

Спор продолжался несколько минут – может, десять, может, двадцать. Лионель потерял счёт времени.

Наконец из-за спины привратника выглянул тощий мальчишка-послушник. Он что-то быстро сказал стражнику, сунул ему в руку маленькую бумажку и исчез.

Привратник развернул бумажку, посмотрел на неё, потом на Лионеля. И отступил, пропуская.

– *Входи,* – буркнул он.

Внутри было тихо. Где-то далеко, за толстыми стенами, слышались голоса – монотонное пение, шаги, скрип дверей. Но в коридорах, по которым вёл Лионеля молчаливый служитель, царил тишина.

На этот раз его не повели в большой зал.

Служитель остановился перед невысокой дверью из тёмного дерева, толкнул её и жестом пригласил войти.

Кабинет оказался небольшим, тесноватым – сундуки, свитки на полках, письменный стол, заваленный бумагами. Пахло воском, старым пергаментом и полыньёю.

Первое, что бросилось в глаза – большой деревянный крест на стене. Распятие, покрашенное когда-то золотистой краской, но теперь облезлой, потрескавшейся. В отсветах утреннего солнца, пробивавшегося сквозь узкое окно, оно казалось живым – израненным, уставшим.

Ровно под крестом, в деревянном кресле с высокой спинкой, сидел папа Теодат.

Он выглядел древним. Не так, как три дня назад – тогда он казался просто усталым. Сейчас в его облике было что-то от старого дерева, которое держится только потому, что корни ушли слишком глубоко. Глаза – светлые, почти прозрачные – смотрели устало, но в них была твёрдость, которой не хватало многим молодым воинам, которых Лионель знал в Камелоте.

– *Сын мой...*

Голос папы звучал тихо, почти шёпотом, но в тишине кабинета каждое слово было слышно отчётливо.

Лионель опустил на одно колено, склонил голову.

– *Святейший отец...*

Папа поднял руку, останавливая его.

– *Встань.*

Лионель поднялся.

Папа некоторое время молча смотрел на него.

– *Я несколько раз читал письмо твоей королевы.*

Он замолчал. В кабинете было слышно, как где-то за стеной чирикает птица – наверное, в клетке.

Папа хотел продолжить, но дверь отворилась.

Ремигий вошёл бесшумно, как тень. Его чёрные глаза скользнули по Лионелю, задержались на секунду, потом перешли на папу.

Он подошёл к Теодату, склонился, поцеловал его руку. В этом движении не было подострастия – только дань уважения. И встал подле Папы, чуть позади.

– *Вы уже объявили своё решение?* – спросил кардинал.

– *Нет. Ты как раз вовремя,* – Папа поглядел на Лионеля в упор.

Рыцарь замер. В голубых глазах Теодата не было ни торжества, ни сомнения – только спокойная, тяжёлая определённая.

– *Женщина на троне – это необычно,* – Папа говорил медленно, будто взвешивал каждое слово. – *Это может быть опасно.*

Он перевёл взгляд на Ремигия. Тот чуть склонил голову, давая понять, что слушает.

– *Но кардинал пожелал лично узреть первую королеву-регента.*

Ремигий позволил себе короткую улыбку – уголками губ, беззвучно. В его чёрных глазах мелькнул странный, почти хищный блеск.

– *В письме королева Гвиневра Пендрагон создаёт впечатление доброй христианки.* – Папа снова посмотрел на Лионеля. – *Пусть же кардинал Ремигий, назначенный легатом, возглавит делегацию и посетит Логрию. Он сможет решить спор с епископом от моего имени и вынести решение касательно вашей королевы.*

Он замолчал. В кабинете стало тихо – даже птица за стеной притихла.

– *Сможет ли она сохранить христианский мир в вашей стране, или поведёт вас во тьму преисподней... известно лишь Господу Богу.*

Папа поднялся с кресла – медленно, опираясь на посох. Ремигий шагнул было помочь, но Теодат остановил его взглядом.

– *Вы отправитесь завтра на рассвете.*

Лионель переводил взгляд с одного на другого.

Папа был серьёзен. Даже больше – озабочен. В складках у рта, в напряжённых бровях читалась тяжёлая дума, будто он принимал решение, которое могло обернуться чем угодно.

Ремигий, напротив, сохранял расслабленность. Стоял чуть расслабленно, даже небрежно, но Лионель знал: это только видимость. Глаза его внимательно изучали рыцаря. Он улавливал каждый взгляд, каждый жест.

Лионель шагнул вперёд, приблизился к папе. Опустился на одно колено. Протянул руки. Теодат возложил свои персты на его ладони – тонкие, с длинными суставами, с желтоватой кожей, испещрённой старческими пятнами. Лионель склонился, прикоснулся губами. И почувствовал запах старости.

Не тот, что бывает от болезни или грязи. Другой. Тяжёлый, сладковатый запах увядания, который он знал по покоям умирающих.

Он не отстранился. Поцеловал. Поднялся.

Папа смотрел на него сверху вниз – и в его светлых, выцветших глазах не было страха. Только усталость.

– *Иди с Богом, сын мой.*

Лионель вышел из Латеранского дворца, когда солнце уже поднялось над крышами.

Он ожидал, что тяжкий груз, давивший на сердце все эти дни, исчезнет, как только он услышит решение Папы. Но сейчас, стоя на ступенях и глядя на просыпающийся город, он понимал: один груз сменился другим.

Сомнения ушли. Осталась тревога. Тревога за Логрию, за брата, за королеву.

Он сжал в руке пергамент с папской грамотой – плотный, твёрдый, с тяжёлой печатью.
«Я сделал то, что обещал», – сказал он себе. – «Остальное не в моей власти».

И всё же небольшое облегчение он испытал. Он выполнил поручение королевы. Он не подвёл. И мысль о возвращении домой на мгновение согрела его душу.

Он зашагал по знакомой дороге к трактиру. Город просыпался – открывались ставни, скрипели колёса, где-то за углом ругалась торговка.

Лионель шёл и думал о том, что завтра на рассвете они выезжают.

«Только бы не вернуться к руинам», – взмолился он, поглядев на голубое небо.

Глава 21. Осенний холод

Кадваллон открыл глаза и некоторое время просто смотрел в потолок.

Ему показалось, что он сомкнул веки всего на секунду. Но в узкую щель между портьерами пробивался сероватый, ещё не успевший порозоветь свет – небо за окном светлело. Значит, он всё-таки поспал. Сколько – час? Два? Не важно. Организм требовал своё, и Кадваллон давно научился не спорить с тем, что нельзя победить.

Он поднялся с постели. Простыни были смяты, подушка сбилась – он ворочался во сне. Граф прошёл к небольшому столику у стены, где стоял кувшин с водой, налил в кружку, выпил залпом. Вода была прохладной, с лёгким привкусом меди – из местного колодца.

Он открыл окно, из которого слышались первые звуки пробуждающегося замка: скрип телеги во дворе, чей-то приглушённый голос, лязг металла – стража менялась у ворот. На графа дыхнуло морозным воздухом и, словно, принесло какое-то облегчение. Он замер у окна на несколько минут, с прикрытыми глазами, наслаждаясь утренней свежестью. Так мысли приходили в порядок.

Кадваллон провёл рукой по лицу, чувствуя щетину, и в этот момент дверь тихо скрипнула.

Слуги вошли без стука – он сам разрешил им это много лет назад, ещё в Гвинед. Старый цирюльник Уилл, и его дочь – Райс.

Уилл служил ему с тех пор, как у Кадваллона начала расти борода. Он был молчалив, но иногда, во время бритья, рассказывал истории из жизни простого люда – о неурожаях, о драках в тавернах, о том, что более всего беспокоит людей. Кадваллон ценил эти рассказы. Они были его окном в мир, который он не посещал, но который нужно было понимать.

Райс появилась в помощницах недавно – отец взял её с собой в Камелот, надеясь выдать замуж за какого-нибудь торговца или ремесленника в столице. Он сам говорил об этом Кадваллону перед отъездом из Гвинеды: «Ей уже девятнадцать, милорд. Пора».

Девятнадцать. В её годы другие женщины уже растили детей.

Райс была некрасива в привычном смысле этого слова. Но в ней было что-то, что заставляло мужчин задерживать на ней взгляд дольше, чем следовало. Кадваллон замечал это раньше – и сейчас заметил снова, едва она переступила порог.

Тёмные волосы, заплетённые в тугую косу, падали на спину. Бледное лицо, чуть тронутое веснушками, тонкая линия губ. Но главное были глаза – большие, серые, с каким-то странным, влажным блеском. Когда она смотрела на человека, казалось, что она видит его насквозь. Или хочет увидеть.

Она не старалась привлечь внимание. Никаких ужимок, никаких томных вздохов. Но каждое её движение было плавным, почти текучим.

Когда она наклонилась, чтобы поставить таз на столик, прядь волос выбилась из косы и упала на щеку. Она не поправила её.

Кадваллон поймал себя на том, что смотрит на эту прядь.

Взгляд скользнул ниже – по нежной бледной шее, по ключицам, открытым воротом простого серого платья. И замер на полпути к мягкой округлости груди, которую ткань не скрывала, но и не подчёркивала.

Он заставил себя отвести глаза. Присел на стул и откинулся на спинку.

– Доброе утро, милорд, – сказал Уилл, поклонившись.

– Доброе утро, – ответил Кадваллон, чувствуя, как во рту снова пересохло.

Райс тем временем намочила полотенце в тёплой воде, отжала и, подойдя к нему, протянула. Он взял его из её рук.

Их пальцы встретились.

Всего на секунду. Её пальцы были холодными. Его – горячими.

По телу Кадваллона пробежали мурашки – быстрые, как искры. Он едва заметно одёрнул руку, будто обжёгся.

«Какая глупость», – упрекнул себя граф.

Он приложил полотенце к лицу, закрыл глаза, попытался расслабиться. Но мысли о служанке не давали этого сделать.

Это было бы приемлемо, будь ему лет двадцать. Тогда-то молодой граф не давал проходу многим женщинам в своём замке. Но те времена давно прошли. Кадваллон перестал тратить своё время и силы на случайные скоротечные связи, когда ему исполнилось тридцать. И с тех пор у него появилось гораздо больше времени на дела государственные.

Уилл развернул кожаный свёрток: узкое бритвенное лезвие с костяной рукоятью, маленькие ножницы, баночку с жирной мазью.

– Что в городе слышно? – спросил Кадваллон, не открывая глаз.

– Люди ждут публичной казни, – ответил цирюльник. – Поговаривают, что казнить будут не только графа, но и его детей.

– Как быстро расползаются слухи, – усмехнулся Кадваллон.

Прошёл лишь один день с момента, когда схватили графа Роланда, всех его слуг, рыцарей и солдат. И одного дня народу хватило, чтобы разузнать или додумать правду. Благо, что Кадваллон заранее распорядился закрыть все входы и выходы из столицы. Одного случайного человека, охочего до вознаграждений могло быть достаточно, чтобы его план рухнул.

Граф снял полотенце, отдал. Райс приняла его. На этот раз она сделала это осторожно, не касаясь.

Кадваллон заметил это. И почему-то испытал лёгкое, почти незаметное сожаление.

Уилл зачерпнул мазь из баночки – густую, пахнущую животным жиром и можжевельником – и начал наносить на щёки и подбородок Кадваллона.

Граф закрыл глаза.

Но краем сознания он всё равно чувствовал присутствие молодой дочери цирюльника. Слышал её дыхание. Знал, что она стоит в двух шагах, смотрит на него.

Он не открывал глаз.

Но мурашки на руках не проходили.

Уилл уже заканчивал бритьё – провёл лезвием по подбородку последний раз, ловко, привычно, когда дверь с грохотом распахнулась.

В комнату влетел Седрик.

– Милорд! – выдохнул он, едва переводя дыхание. Лицо его было красным, лоб блестел от пота. – Один из узников... заговорил!

От резкого звука и внезапного появления рука Уилла дрогнула. Кадваллон почувствовал, как лезвие разрезает кожу на подбородке – коротко, остро, почти без боли. Но кровь выступила сразу.

– Да чтоб тебя черти задрали! – не сдержался граф, подскакивая с места.

Он выхватил из рук Райс чистую салфетку, прижал к ранке. Белая ткань мгновенно пропиталась алым.

Седрик замер на пороге, виновато опустив голову.

– Простите, милорд... вы же сами приказали докладывать немедленно...

Кадваллон, не слушая бормотания Седрика, отнял салфетку от лица и взглянул на алые пятна.

«Если бы лезвие оказалось ниже...»

По спине графа пробежали мурашки, и в тот же миг ярость охватила его.

– Больше никогда не смей так врывать в мои покои, – медленно, чётко и громко произнёс он, а потом повернулся к цирюльнику, который, видно, тоже чувствовал себя виноватым.
– А ты – впредь будь осторожнее. Следующий порез могу не пережить не только я.

Уилл и Седрик поклонились с извинениями.

Кадваллон ополоснул лицо в тазу с водой и забрал из рук Райс последнюю сухую салфетку, задержав взгляд на её лице. Девушка была напугана. Это было видно по её поджатым губам, по дрожащим ресницам, по пульсирующей жилке на шее.

Кадваллон вытер влагу с лица. Кровь остановилась. На светлой ткани остались лишь едва заметные алые крапинки.

Граф собрал все салфетки и кинул их в камин, где догорали последние дрова. Ткань вспыхнула, съёжилась, превращаясь в пепел.

Кадваллон перевёл взгляд на Уилла и Райс. Цирюльник уже собрал инструменты в небольшую кожаную суму, дочь держала таз в руках, опустив глаза.

– Ступайте, – махнул он рукой.

Они поклонились и вышли. Кадваллон проводил взглядом юную Райс. Такая прямая спина. Не у каждой благородной дамы такая осанка.

Он чуть тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, и повернулся к Седрику.

– Так значит, заговорили наши узники...

– Пока только один, – ответил Седрик, всё ещё тяжело дыша после быстрого бега. – Я поставил под дверь своего парня. Он записывает каждое слово.

Кадваллон довольно улыбнулся, разгладил пальцами усы, но коснулся подбородка и тут же отдернул руку.

– Что говорит?

– Я сам толком не понял... – парень озадаченно почесал затылок, – Надеюсь, что вы поймёте из записей.

Кадваллон кивнул, обдумывая услышанное.

– Как закончит болтать – записи ко мне, а нашу подсадную утку – в следующую камеру.

– Понял, милорд, – Седрик поклонился.

Он вышел в коридор, а граф принялся одеваться. Наверняка королева уже была на ногах, и Кадваллон надеялся застать её в добром настроении.

Утро только начиналось, но день обещал быть долгим.

Кадваллон нашёл Гвиневеру в её кабинете. Солнце только выглянуло из-за горизонта – осенью оно вставало всё позже и позже, словно само небо не хотело просыпаться. За окном царил первый заморозок: листва и трава были покрыты утренним инеем, который уже начинал таять под натиском робких солнечных лучей. Вдали, над крышами замка, тянулись косяки перелётных птиц – клин за клином, на юг, туда, где тепло и не нужно бороться за каждый день.

Кадваллон перевёл взгляд на Гвиневеру. Она сидела в своём кресле, положив руку на округлившийся живот, и смотрела в окно. В её глазах была тоска – не та, что бывает от усталости или боли, а глубокая, давняя, привычная. Она провожала взглядом птиц.

«Она хотела бы улететь с ними», – понял Кадваллон. – «Покинуть Камелот, Логрию, всё это...»

Он не закончил мысль. Потому что знал: она не улетит. Она останется. Даже если бы могла выбрать – осталась бы. Это и делало её королевой.

– Милорд, вы, наверное, шутите? – Меллигенс вскинул брови. На лице его застыло негодование.

Кадваллон перевёл взгляд на герцога. Тот сидел напротив, прямой, как копьё, сложив руки на столе. Но пальцы его чуть заметно сжимались – то ли от напряжения, то ли от сдерживаемой ярости.

– Напротив – я вполне серьёзен, – возразил граф, откидываясь на спинку кресла. – Назначить временного управителя – разумное решение. Такие владения не должны пустовать.

– Я не об этом, – герцог поправил рукав – жест, который Кадваллон видел уже сотни раз. Поправил и тут же сжал руку в кулак. Костяшки побелели. – Почему вы считаете, что именно барон Кенрик подходит на эту роль?

– У него богатый опыт, хорошая армия. А главное – его верность безукоризненна. – Кадваллон чуть улыбнулся, глядя Меллигенсу прямо в глаза. – А вы хотите предложить для этого кого-то другого? Может, вашего сына?

Герцог Олдред не сдержал нервного кашля. Кадваллон заметил, как дёрнулась его челюсть – желваки заходили под кожей, и он понял: попал в точку. Меллигенс действительно хотел поставить сына. И сейчас сдерживался из последних сил.

Кадваллон усмехнулся и взглянул на Гвиневру.

Она продолжала смотреть в окно. Рука всё ещё покоилась на округлившемся животе. Вдруг королева легонько вздрогнула, опустила взгляд на живот и чуть улыбнулась.

«Наверное, толкается», – подумал граф, сдержав улыбку.

Беременность поразительно шла королеве. Чем больше становился её живот, тем мягче делались её черты. Но сейчас, в этом утреннем свете, она казалась не мягкой – уставшей. И красивой той красотой, которая не бросается в глаза, а остаётся в памяти.

– Ваше величество, что вы скажете? – задал вопрос Кадваллон, привлекая её внимание.

Она рассеянно взглянула на карту, разложенную на столе, потом подняла на него вопросительный взгляд.

«Она потеряла нить разговора».

– Герцог предлагает на место управителя своего сына. Я же – лорда Кенрика. Что вы думаете?

Гвиневра перевела взгляд на Меллигенса. Тот сидел, выпрямив спину, сложив руки на столе. Но Кадваллон видел: его левый кулак до сих пор сжат.

– Решение нужно принять сегодня, – произнёс герцог, и голос его звучал глухо, с металлическими нотками. – Отряд должен выступить до заката.

Он пытался давить. Авторитетом. Опытном. Тем, что когда-то его слово значило больше, чем слово любого другого лорда.

Кадваллон не дрогнул.

– Нужно решить, когда провести суд над Роландом, – отстранённым тоном произнесла Гвиневра.

Намеренно ли она меняла направление разговора? Граф этого не знал. Он не выразил удивления на своём лице, хоть и оказался в замешательстве. Ровно, как и герцог Олдред.

– Полагаю, он пройдёт после полного обыска его замка, – ответил Меллигенс после недолгой паузы. – Не раньше, чем через месяц.

– Зачем так тянуть? – удивился Кадваллон. – Его письма к Моргане уже у нас. Там его печать, его почерк. Чем раньше мы проведём суд, тем лучше для всех. Тем более, что благороднейшие лорды пока в столице. Если не проведём суд сейчас, то нам придётся ждать до весны.

– Вы правы, граф, – кивнула Гвиневра.

Меллигенс сжал губы. Кадваллон заметил, как напряглись его плечи – он буквально кипел внутри, но сдерживался.

– Из-за поспешных действий мы можем попасть в неловкое положение, – процедил он сквозь зубы.

– Не знай я вашей верности своей клятве, – Кадваллон чуть склонил голову, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая насмешка, – я бы решил, что вы хотите защитить предателя.

Герцог побелел. В одно мгновение. Кадваллон видел, как дёрнулась его рука, будто он хотел схватиться за оружие. Челюсть его напряглась так, что желваки заходили под кожей. Он смерил графа взглядом, от которого многим стало бы не по себе.

Кадваллон выдержал его взгляд. Спокойно. С лёгкой усмешкой, которую Меллигенс, наверное, ненавидел больше всего на свете.

– Довольно, милорды, – повысила голос Гвиневра. – Проведём суд завтра. Передайте всем благородным лордам, что все они обязаны быть на суде. Мнение большинства решит судьбу графа Роланда.

Когда она говорила так твёрдо, так уверенно, Кадваллон испытывал какую-то необъяснимую эмоцию. Не гордость – нет. Что-то другое. Что-то, что он не решался назвать даже мысленно.

– Что касается управителя – тут я тоже вынуждена согласиться с графом, – продолжила она. – Нужен человек с опытом, с армией, с авторитетом. Барон Кенрик был одним из военачальников Артура. Ваш сын, лорд Меллигенс, не участвовал ни в одной из войн. Как он сумеет расположить к себе людей, чьего лорда вот-вот казнят?

– Тем более, барон сам уроженец графства Мидлэндшир, – добавил Кадваллон, не скрывая довольной улыбки. – И чуть ли не национальный герой. Его послушают. Ему подчинятся.

Меллигенс смерил его взглядом – холодным, тяжёлым, полным сдерживаемой ярости. Он не ответил. Только кивнул – резко, как рубанул.

– Быть посему, – буркнул он и поднялся из-за стола.

Кадваллон смотрел ему вслед. Герцог вышел, не поклонившись. Дверь за ним закрылась с глухим стуком.

Гвиневра перевела взгляд на Кадваллона. В её глазах – усталость. И что-то ещё. То, что он не умел читать.

– Мне нужно абсолютное большинство на суде, – тихо сказала Гвиневра.

– Лорды побоятся говорить в защиту Роланда, – кивнул Кадваллон. – Каждый из них печётся о своей шкуре. А уж после казни...

– Никто не посмеет поднять головы? – королева холодно усмехнулась.

– Им всем есть, что терять.

В кабинете повисла тишина. Гвиневра, размышляя о чём-то, уставилась на карту королевства, что лежала перед ней.

– Мидлэндшир – одно из богатейших владений Логрии. Кенрик – это временная мера. Полагаю, вы уже решили, кому отойдут эти земли?

Гвиневра только улыбнулась. Она не посмотрела в глаза графа. Боялась, что он всё прочтёт в её глазах. Но он и так знал ответ.

– Когда свадьба сэра Бедивера с леди Элейной?

Она пожала плечами.

– Может через месяц... Не хочу, чтобы такой праздник омрачила казнь предателя. Всё должно утихнуть к тому моменту.

Кадваллон кивнул. Разумное решение.

Он откланялся и оставил Гвиневру наедине со своими мыслями.

Наступил вечер.

Кадваллон сидел за своим столом, вглядываясь в кривой почерк. В камине потрескивали дрова, в воздухе пахло дымом, вином и прохладой осеннего вечера из приоткрытого окна. С улицы слышалось ржание лошадей, работа кузниц и неуёмный гул людских голосов – город жил своей жизнью, не зная и не желая знать о тех тенях, что стужались в замке.

Граф потягивал летнее вино из тяжёлого серебряного кубка. Тёплая жидкость приятно обжигала горло, и к щекам его прилило тепло – не румянец, нет, граф не краснел даже после третьего кубка, но лёгкое, почти незаметное оживление.

Он чувствовал не усталость, но какое-то тягучее утомление, когда веки тяжелеют, а мысль о сне становится соблазнительной, почти запретной.

Он потянулся, разминая шею – и поморщился. Плечи ныли, затылок был словно каменный. Должно быть, продуло утром, когда стоял у окна. Хорошо бы попариться, прогреться, чтобы кто-нибудь размял эти узлы... Он отогнал эту мысль. Некогда.

Граф вгляделся в текст:

«Наш отец всё знает. Ему всё ведомо. И каждого из нас он приведёт на праведный путь».

«Бред», – оценил Кадваллон, но продолжил читать.

«Меня отец нашёл в подворотне. Грязного и больного. Он протянул мне руку и я прозрел. Он отвёл меня к моим братьям. Тогда я понял, что не одинок».

– Отвёл к братьям... Куда?

Надеясь найти ответ, граф продолжил читать записи, которые принёс ему Седрик.

«Отец сказал, что когда придёт время – мы вместе изменим всё. Тогда Благий исполнит своё предназначение. Тогда все мы сможем искупить свои грехи».

Кадваллон прочитал всё, что было записано. Этот сумбурный набор проповедей. Из имён – только Благий. Но этот загадочный «отец» не давал ему покоя.

– Седрик, передай всем – пусть ищут «отца».

– Что, милорд? Отца? – он, не понимая, уставился на графа.

– Есть кто-то, кого фанатики называют «отец». Вполне вероятно, что он их лидер. Рыцарь епископа упоминал некоего пророка. Возможно это один и тот же человек, – Кадваллон устало помассировал висок, – Пусть твои люди внимательно слушают разговоры на улицах. Я надеюсь, так мы найдём их гнездо.

– Слушаюсь, милорд, – Седрик склонил голову. – Это всё?

– Нет.

Граф задумчиво пробежался по нескольким строчкам.

«Вознесение их будет болезненным, но очищающим. Только через боль мы получим проход в Рай. Так говорит отец наш. Все грешники, и даже королева, должны пройти через очищающую боль».

– Найди сэра Бедивера и пригласи его ко мне.

Седрик скрылся за дверью, а Кадваллон продолжил перечитывать слова фанатика, чувствуя, как иррациональный страх захватывает его. Он вспомнил безумный взгляд Симона, его жуткий смех. Сознание нарисовало ужасающую картину: сотни таких людей на улицах Двуречья и, быть может, в стенах замка, готовые умереть за идею и за неё же убить.

«Это нужно остановить», – подумал граф, откинув пергамент с записями на стол. Снова взял кубок, отпил глоток. Вино тёплым ручьём потекло в горло, но в этот раз не согрело.

В дверь коротко постучали.

– Войдите, – пригласил Кадваллон, и в следующий миг перед ним уже стоял Бедивер.

Кадваллон окинул его быстрым взглядом. Прямая спина, сложенные на груди руки, каменное лицо. Взгляд суровый, но без вызова.

«Не кланяется, – подумал граф. – И не пытается угодить. Держится ровно. Знает своё место. И знает разницу в статусах».

– Хотели меня видеть? – спросил Бедивер.

– Присаживайтесь, – граф указал на стул напротив себя.

Рыцарь не стал мяться. В два шага преодолел расстояние и опустился на стул. Взглянул на графа прямо, без усмешки, без страха, без заискивания. Так смотрит человек, который не боится потерять то, чего у него нет.

– Вина? – предложил граф.

– Я предпочитаю эль, – отрезал Бедивер.

– Извините, эля у меня для вас не припасено, – улыбнулся Кадваллон. Рыцарь сохранил на лице холодное безразличие.

– Ну? – пробасил он, выразив недовольство. – Зачем вы хотели меня видеть?

«Не любит ждать», – отметил Кадваллон. Протянул записи.

– Прочтите, сэр.

Бедивер взял пергамент, нахмурился. Читал медленно, иногда возвращаясь к уже прочитанному – видимо, непривычный почерк и сбивчивые фразы давались ему с трудом. Кадваллон наблюдал за ним, потягивая вино. Заметил, как дёрнулась щека рыцаря на слове «королева», как сжались его пальцы.

«Он не глуп, – подумал граф. – Он просто другой. И это делает его одновременно сильным и уязвимым».

Бедивер отложил бумаги в сторону, вопросительно посмотрел на графа.

– И что это?

– Это мысли одного из одержимых, что сидят в темнице. Я надеюсь, вы поняли, чем опасны такие люди?

– И чем же? Замолят меня до смерти?

Кадваллон усмехнулся – холодно, без веселья.

– О, бросьте, сэр. Когда придёт время действовать, они не будут молиться. Точнее, будут не только молиться. То, что случилось в Двуречье пару недель назад, покажется вам детским лепетом. Они будут убивать всех, кто не с ними. Будут сжигать тех, кого посчитают грешниками. И главная их цель – королева.

Бедивер подался вперёд. Его кулаки, лежавшие на коленях, сжались.

– Они не приблизятся к ней и на сотню шагов, – голос его был глухим, но твёрдым.

– Мы об этом не можем судить, – возразил Кадваллон. – Мои люди за прошедшие две недели не нашли ни следа этих фанатиков в городе. Люди молчат.

– Может, их и нет? Может, мы их напугали тогда?

Кадваллон заметил, как Бедивер чуть расслабил плечи – будто сам хотел в это поверить.

– Полно, сэр, – граф холодно улыбнулся. – Они есть. Среди нас. И их больше, чем мы смеем надеяться. Буря может разразиться в любой момент. Потому я прошу вас – усилие охрану королевы. И ещё – перепроверьте своих гвардейцев. Самых религиозных стоит держать от Камелота подальше.

Бедивер выпрямился. На его лице не дрогнул ни один мускул, но Кадваллон заметил, как напряглась его челюсть.

– Мои рыцари – проверенные люди. Я с уверенностью могу доверить свою жизнь каждому из них.

– Свою жизнь можете доверить. Но не жизнь Гвиневры, сэр.

Кадваллон произнёс это тихо, почти ласково, но Бедивер замер. Его взгляд стал тяжелее.

«Попал в точку», – понял граф.

– Я говорю это не потому, что хочу вас обидеть, – добавил он, отводя глаза первым. – А потому, что остерегаюсь за безопасность королевы. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Бедивер молчал. Секунду. Две. Потом кивнул – резко, как рубанул.

Кадваллон заметил, как беспокойство промелькнуло на его лице – тень, которую он тут же спрятал. Но граф успел её увидеть.

– Мои люди делают всё, чтобы найти гнездо этих безумцев и их лидера, – сказал он.

– Разве это не Благий? – спросил он после паузы.

– Нет. Это точно не он. – Кадваллон покачал головой. – Я вообще считаю, что епископ в этой игре не более, чем пешка.

Бедивер посмотрел на него долгим взглядом. В глазах его читалось что-то – то ли сомнение, то ли удивление. Он хотел спросить что-то ещё, но передумал. Кивнул:

– Понял.

Он встал, коротко кивнул и вышел из покоев Кадваллона.

Граф смотрел ему вслед, пока дверь не закрылась.

«Когда ты получишь титул графа Мидлэндшира, – подумал он, – ты станешь вести себя иначе?»

Он не знал ответа. И это его беспокоило.

Кадваллон допил вино, поставил кубок на стол. Подошёл к окну, выглянул вниз. Двор жил своей ночной жизнью: факелы, тени, голоса. Где-то внизу прошёл патруль – двое солдат, молча, держа руки на мечях.

«Пока всё тихо. Ещё есть время».

Граф закрыл окно, задёрнул шторы. Опустился в кресло и принялся в очередной раз перечитывать записи слов фанатика. Он надеялся найти ещё хоть малейшую зацепку. Но не нашёл.

Слова стали расплываться, превращаясь в одно неразличимое пятно. В конце концов, граф не заметил, как глаза его слиплись и он погрузился в тягучий, как мёд, сон.

Из дремоты его вытянул тихий стук в дверь. Кадваллон раскрыл глаза, протёр их. В камине догорали последние угли, комнату наполнял полумрак, в котором плясали причудливые тени.

– Войдите.

Дверь отворилась бесшумно. Внутри скользнул Седрик, а следом, чуть медленнее, вошёл Давид – барон Высоких рудников, кузен графа.

В его облике чувствовалась та же порода, что и у самого Кадваллона: прямые плечи, спокойный, чуть отстранённый взгляд, твёрдая линия губ. Но было в нём и другое – то, что приходит только с годами и опытом. Серебристые нити в тёмных волосах, делающие его старше. Морщины, избородившие лоб и уголки глаз – следствие не столько возраста, сколько привычки подолгу вглядываться в чужие записи, разбирать чужой почерк, искать истину там, где другие видели только бумагу.

Они были схожи. И Кадваллон знал это. Знал, что многим обязан этому человеку – манерам, выдержке, умению ждать и наносить удар в нужный момент. Давид не учил его намеренно. Он просто был рядом. И Кадваллон, сам того не замечая, впитывал его повадки, его спокойствие, его способность оставаться невозмутимым, когда вокруг рушился мир.

Сейчас, глядя на него, граф подумал: «Я становлюсь им. Или уже стал?»

– Добрый вечер, милорд, – произнёс Давид, чуть склонив голову. В его голосе не было подобострастия – только спокойная, почти сухая учтивость. Он не ждал приглашения. Прощёл вглубь покоев, опустился на стул напротив Кадваллона – так, словно это место всегда принадлежало ему.

Из своей дорожной сумки, потёртой, выдавшей вида, барон выложил на стол книги. Три толстых тома в кожаных переплётах, с медными застёжками, и несколько свёртков пергамента, перевязанных грубой бечёвкой.

– Записи из монастырей, – пояснил он, откидываясь на спинку стула. – Те, что не удалось скопировать, – он помолчал, – пришлось позаимствовать.

Кадваллон улыбнулся – краешком губ, без обычной холодной усмешки. С Давидом он мог позволить себе эту слабость.

– Вина?

Кузен кивнул – коротко, без лишних слов.

Граф жестом подозвал Седрика. Тот быстро подошёл, безмолвно, как тень, поставил на стол ещё один серебряный кубок и налил свежего вина им обоим.

Не дожидаясь распоряжения, Седрик вышел, притворив за собой дверь.

Кадваллон взял свой кубок, отпил глоток. Давид последовал его примеру. Несколько секунд они молчали – как люди, которым не нужно заполнять паузы пустыми словами.

– Рассказывай, – сказал наконец Кадваллон.

Давид не торопился.

Он откинулся на спинку стула, взял кубок, сделал небольшой глоток. Вино оставило на его губах тёмный след, и он промокнул его тыльной стороной ладони – жест, который Кадваллон видел сотни раз за долгие годы, проведённые вместе. Барон не спешил. Он наслаждался тишиной, теплом камина, сладостью летнего вина – теми мгновениями покоя, которые выпадали так редко.

Терпение Кадваллона не было безграничным, но он знал: ожидание того стоит. Кузен никогда не тратил слов попусту. Если он медлил, значит, собирался с мыслями или готовил удар.

Наконец, барон отставил кубок в сторону. Провёл пальцем по обрезу одной из книг, лежащих на столе, будто проверяя, не забыл ли чего.

– Благий умудрился наделать десяток-другой бастардов по всей Логрии, – сказал он ровно, будто перечислял цены на рынке. – Некоторых я уже видел лично.

Он помолчал. В камине щёлкнуло, выбросив сноп искр.

– Им и их мамашам не повезло выжить.

Кадваллон замер. Внутри что-то оборвалось. Не сердце. Сердце он давно научился не слушать. Что-то другое. Какое-то глубинное, почти животное омерзение.

– Я взял их под свою опеку, – продолжал Давид, и голос его стал чуть тише, но от этого только жёстче. – И, до поры до времени, спрятал в одном из своих поместий. Когда придёт время – они заговорят. И Благию не понравится то, что они расскажут.

Кадваллон слушал. Волосы на его затылке встали дыбом.

Даже он, знавший о людях многое, не представлял себе подобного. Благий – епископ, наместник Бога на земле, хранитель душ – брюхатил молодых монашек из года в год. Не одну, не двух. Десятки.

– И он спокойно спит по ночам, – покачал головой Кадваллон.

– А чего бы ему и не спать? – Давид отпил вина, горько усмехнулся. – Не он же подышает с голода на улице, заклеимённый, опозоренный. Пока.

Он поставил кубок на стол, и в тишине комнаты этот звук прозвучал почти как приговор.

Кадваллон молчал. Переваривал.

– Ты уверен, что они заговорят? – спросил он, наконец.

– Они уже готовы, – ответил Давид. – Им нечего терять, кроме своей жизни. А жизнь эта, милорд, – он усмехнулся, но в глазах его не было веселья, – немногого стоит.

Кадваллон кивнул.

– Сколько их?

– Бастардов пока семеро. Из них трое без матерей. Уже этого достаточно, но я не оставивал поиски.

– Продолжай, – сказал граф. – И держи их в тайне. Никто не должен знать, где они.

– Разумеется, – Давид кивнул на книги и свитки. – Записи сохраните у себя. По датам многое уже совпало. Епископ навещил монастырь, а через несколько месяцев оттуда выгоняют девушку с пузом или ребёнком на руках. Из тех детей, что я нашёл, почти все очень похожи на своего папашу.

Он произнёс это с той же ледяной отстранённостью, с какой докладывал о ценах на зерно или передвижении войск. Но Кадваллон знал его достаточно хорошо, чтобы заметить: пальцы Давида, лежащие на столе, чуть заметно дрожали.

Не от страха. От ярости.

Они снова замолчали.

Кадваллон смотрел на огонь, и в его голове одна за другой складывались детали мозаики. Благий – лицемер. Благий – преступник. Благий – пешка в чьей-то игре.

– Это очень хорошие новости о плохих вещах, – подытожил граф.

Давид усмехнулся, допивая вино.

– Главное, что не наоборот.

Кадваллон глухо посмеялся – коротко, безрадостно. В камине снова щёлкнуло, и по комнате разнеслось тепло, которое не могло согреть.

– Что касается отравителя, – произнёс барон, задержав взгляд на лице Кадваллона. – В Логрии известно лишь два имени великих целителей. И один из них давно умер. Он и был наставником леди Морвенны.

Кадваллон кивнул. Он помнил эту историю.

– Второй – некий Лягушатник. – Давид поморщился, будто само имя вызывало у него отвращение. – Никто не знает, как он выглядит. Последний раз появлялся на людях лет десять назад. Сейчас неизвестно, жив ли он вообще.

– У него мог быть ученик, – заметил Кадваллон.

– Мог... – Давид пожал плечами.

– Об этом ничего не известно?

– Не известно...

– Значит, тупик.

Давид встретил его взгляд.

– Пока – да.

Слово «пока» повисло в воздухе. Не обещание, не надежда.

Кадваллон взял кубок, но пить не стал. Смотрел на тёмную поверхность вина, на отражение пламени в серебре.

– Что думаешь о Лягушатнике?

– Думаю, что его не существует, – ответил Давид без колебаний. – Или он умер. Или он – выдумка. Слишком удобно: великий целитель, которого никто не видел. Имя, похожее на насмешку.

– Или он существует, – возразил Кадваллон. – И очень хорошо прячется.

Кузен не ответил. Только чуть склонил голову – жест, который Кадваллон знал много лет: «Ты можешь быть прав. Но доказательств нет».

– Почему его зовут Лягушатником? – спросил граф.

– Версии разные. Кто-то уверял, что он добывал отраву из лягушек. Кто-то говорит, что этот целитель очень похож на лягушку. Самая правдивая версия гласит: Лягушатник родом из болотистой местности и в рацион его входили лягушки.

Барон невесело улыбнулся.

– Из болотистой местности... – задумчиво повторил Кадваллон, – Это приближает нас к одной из версий.

– Моргана, – закончил Давид.

– Какая для неё выгода в отравлении кучки детей? Хоть и возможных будущих рыцарей...

– Из нас двоих только ты хорошо знаешь её, – сказал Давид без тени усмешки, – Только тебе могут быть ясны её помыслы.

При словах Давида Кадваллон невольно напрягся. Он не любил, когда кто-то упоминал о его связи с Морганой. А то, как это делал кузен, вовсе выбивало почву из-под ног. Давид, кажется, не заметил его напряжения – или сделал вид, что не заметил.

«Ты по-прежнему любишь бить точно в цель, кузен...»

– Я, пожалуй, пойду, – невозмутимо произнёс барон. Граф коротко кивнул.

Давид поднялся, поклонился – коротко, по-военному – и направился к двери.

– Давид, – окликнул его Кадваллон.

Барон обернулся.

– Береги себя, – сказал граф. Голос его звучал ровно, но Давид, знавший его много лет, услышал то, что было скрыто за этими словами.

– Всегда, – ответил он и вышел.

Дверь закрылась. Кадваллон остался один.

Он поднялся с места, размял спину и ноги – затёкшие от долгого сидения в одном положении. Позвоночник хрустнул, мышцы занули. Он потянулся, запрокинув голову, и замер так на несколько секунд, глядя в тёмный потолок.

Встреча с Давидом не принесла ему желанного облегчения.

Да, крах Благия стал ближе. Ещё немного – и епископ предстанет перед судом. Ещё немного – и его лицо, его имя, его «святость» будут растоптаны. Но лучше на душе от этого не становилось.

Напротив.

Мысль о тех девушках, которых вышвырнули из монастырей с пустыми руками и полными животами. О детях, которые росли без отцов, без имени, без права на нормальную жизнь. О тех, кто не выжил – потому что роды в грязном подвале или в придорожной канаве редко заканчивались хорошо.

Всё это оставляло на душе неприятный осадок. Липкий, горький, как прогорклое масло.

Кадваллон подошёл к камину, подбросил дров – угли ещё тлели, и через минуту слабое пламя лизнуло сухую кору. Он смотрел, как огонь пожирает дерево, и думал.

Думал о Моргане. Об отравленных детях. О Лягушатнике, кем бы он ни был.

«Зачем тебе это?»

Граф стал перебирать версии. Ни одна из них не вязалась с Морганой. Она не стала бы так мелко пакостить. Если Лягушатник и впрямь такой легендарный травник, целитель или отравитель, то почему не использовать его на полную?

Кадваллон помассировал виски.

«Отвлечь? От чего? Зачем?»

Граф вспоминал всё происходящее за прошедшие недели. Гвиневра покинула замок, чтобы спасти оруженосцев. Забрала с собой большинство придворных, камелиардскую армию. В её отсутствие в Двуречье произошли беспорядки. Не критично. И более того – о фанатиках стало известно.

«Предупреждён – значит вооружён».

С границ плохих вестей тоже не было.

«Так зачем же это было? Ошибка? Нет. Это точно не про неё».

Он открыл глаза, отошёл от камина. Взял со стола кубок, допил вино. Опустился в кресло, принялся перечитывать слова фанатика.

Граф не мог уловить связь между этими людьми. Но он чувствовал, что что-то здесь не так.

Почти всю ночь Кадваллон провёл в раздумьях. Стоило первым лучам выглянуть из-за горизонта, граф решил пройтись на свежем воздухе. Прохлада осени действовала на него благоприятно. Помогала собраться с мыслями и освежить взгляд на вещи.

Он прогуливался по увядающему саду, когда услышал оклик.

Алое солнце уже полностью показалось, но его лучи не грели по-летнему – только золотили пожухлую листву, делая её почти прозрачной. Редкие облака медленно плыли по бледно-голубому небу, отбрасывая на землю причудливые, быстро тающие тени. Где-то в кронах яблонь перекликались ранние птицы – тревожно, будто чуяли что-то, чего не видели люди.

– Граф Кадваллон.

Кадваллон медленно обернулся, холодно поглядев на Ваймунда. Тот приближался к нему широкими шагами. Пыльная дорожная одежда, потрёпанный вид.

«Только с дороги и сразу бросился искать меня?»

На лице Меллигенса-младшего застыла та самая елейная улыбка, которая графу была так неприятна.

– Какая неожиданная встреча, – Кадваллон вскинул брови.

Он пробежался взглядом по округе. Между стволами яблонь, у самой стены, мелькнуло что-то рыжее – знакомая шевелюра. Фальк делал вид, что собирает упавшие яблоки в подол рубахи, но Кадваллон знал: шут ничем не занимается простотак.

«Следит, – подумал граф. – Но за кем? За мной? Или за Ваймундом?»

Он не подал виду. Только отметил про себя и перевёл взгляд на сына герцога.

– Я искал с вами встречи, милорд, – почти елейным голосом произнёс Ваймунд.

– И зачем?

– Я слышал, вы ведёте допросы задержанных, – Ваймунд говорил небрежно, будто речь шла о погоде. Но Кадваллон заметил, как дёрнулось его веко – едва заметно, на секунду.

– Интересно, как продвигаются дела.

«Нервничает, – отметил граф. – Хорошо. Пусть нервничает».

– Пока ничего нового, – ответил он, пожимая плечами. – Фанатики молчат. А те, кто мог что-то видеть... вы сами знаете, как трудно найти свидетелей. Особенно живых.

Он вздохнул – естественно, без наигрыша – и посмотрел на Ваймунда в упор.

– Ваши поиски пропавших слуг, кстати, дали что-нибудь?

Ваймунд чуть заметно напрягся. Кадваллон уловил это движение – едва заметный сдвиг плеч, быстрый взгляд в сторону, пальцы, которые на секунду сжались в кулак и тут же разжались.

– Нашли тела, – ответил Ваймунд. – В небольшом лесу по пути на север. Их кто-то убил, – он, немного прищурившись, поглядел на графа.

– Я бы удивился, найди вы их живыми и невредимыми, – Кадваллон чуть улыбнулся. – Дело осталось за малым – найти убийцу. Могу пожелать вам удачи в этом нелёгком деле.

Он повернулся и пошёл дальше по аллее, усыпанной сухими листьями. Они шуршали под ногами – тихо, почти нежно. Ваймунд поравнялся с ним.

– Я хотел предложить вам... сотрудничество, – сказал он, понизив голос. – У нас могут быть общие интересы.

Кадваллон остановился. Посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Ветер донёс запах прелой листвы и чего-то ещё – кисловатого, неприятного. От Ваймунда, кажется.

– Какие именно?

– Как минимум один. Полагаю, вы тоже намереваетесь попытать счастья и предложить нашей королеве брак? – сын герцога криво улыбнулся, проведя пальцами по длинным волосам. Опять грязные, засаленные пряди, висевшие сосульками.

В груди Кадваллона в одно мгновение словно вспыхнул пожар. Необъяснимый, иррациональный. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу, как пальцы сами собой сжались в кулаки.

– Мне кажется, что подобное обсуждать не совсем прилично, – ледяным голосом отрезал граф. Он старался говорить ровно, но голос всё равно стал тише – и от этого только опаснее.

– И всё же вы не сказали «нет», – Ваймунд продолжал улыбаться, но в его глазах уже не было прежней самоуверенности. Он чувствовал напряжение, но не понимал его природы.

– Вы говорили о сотрудничестве? Что именно вы хотите? – разговор графу не нравился, и он спешил его закончить.

– Я мог бы предоставить вам некоторую информацию, – Ваймунд самодовольно усмехнулся. – Но не слишком дешево.

– Какое совпадение. Я как раз не плачу слишком много за информацию с сомнительной ценностью.

– Это касается фанатиков. Вы ведь ищите их лидера?

– Ищу. Назовите цену.

– Королева, – рубанул Ваймунд. – Хочу стать её супругом. Но из-за вас мне никак не подступиться к ней.

Мир сузился до одной точки.

Перед глазами графа будто возникла пелена. Только что он смотрел на Ваймунда – и вот в следующий миг он уже повалил его на землю одной ловкой подножкой. Сухие листья взметнулись в воздух, посыпались на плечи, в волосы. Кинжал был приставлен к горлу Ваймунда, и тонкая струйка крови уже потекла по металлу, смешиваясь с дорожной пылью.

Сын герцога замер, схватившись за руку Кадваллона. Глаза его расширились – в них читался неприкрытый, животный страх. Он дышал ртом, часто, как загнанный зверь. Одно неверное движение – и острое лезвие разрежет его горло.

Кадваллон наклонился к самому его лицу. Запах грязных волос ударил в ноздри, и граф поморщился.

– Я сделаю вид, что этого разговора никогда не было, – прошипел он. – И если вы хоть в половину столь умны, как хотите показаться, советую больше никогда ничего подобного не произносить.

Ваймунд смотрел на него. Страх в его глазах медленно таял, уступая место чему-то другому – холодной, злой усмешке.

– А вы не боитесь, граф? – прохрипел он, сплёвывая кровь с разбитой губы. – Если со мной что-то случится... это будет ещё одним доказательством.

– Доказательством чего? – Кадваллон не ослабил хватку.

– Того, что вы заодно с Морганой, – тихо сказал Ваймунд. – Я знаю, граф. Знаю, что вы до сих пор ей служите.

Внутри Кадваллона всё оборвалось.

Не сердце – сердце он давно научился не слушать. Что-то другое. Глубинное, почти забытое чувство, которое он считал мёртвым.

«Откуда?..»

Он не подал виду. Ни один мускул не дрогнул. Только глаза – чуть сузились, стали ещё холоднее, ещё непроницаемее. Но рука, державшая кинжал, замерла.

– Вы переоцениваете свои источники, – сказал он тихо. Спокойно. Так спокойно, что это было страшнее крика.

– Переоцениваю? – Ваймунд усмехнулся, чувствуя, что лезвие больше не давит. – У меня есть человек, которому посчастливилось выжить. Он знает маршруты, по которым вы доставляете Моргане ресурсы. Он знает, сколько денег вы ей отдали на борьбу с Артуром. Это ли не предательство? А если мы возьмём во внимание и некоторые улики, которые были обнаружены рядом с телами сбежавших слуг... – Ваймунд задумчиво вздохнул, наиграно, – Какое счастье, что вы не можете меня убить. Ведь стоит вам допустить такую оплошность, граф, и все эти сведения попадут в руки нашей королевы.

Он говорил это с такой лёгкостью, будто речь шла о погоде. Но Граф видел: он не блефует. Или блефует очень хорошо.

Но одно его смутило.

«Какие ещё улики?»

Кадваллон медленно, очень медленно убрал кинжал. Выпрямился. Ваймунд остался лежать на земле, не решаясь пошевелиться – но теперь уже не от страха.

– Чего вы хотите? – спросил граф, глядя на него сверху вниз.

– Сотрудничества. – Ваймунд поднялся, отряхнулся, провёл рукой по разбитой губе. – Вы можете мне добиться руки королевы. А я... буду хранить вашу маленькую тайну.

Кадваллон смотрел на него. Читал. Ваймунд был уверен в своих словах. Но вот Кадваллон сомневался. Убитые слуги не входили в его список важных дел.

«В твоих словах не всё так гладко».

– Вы переоцениваете мои возможности, – сказал граф. – И свою ценность.

Ваймунд смотрел на него. Страх в его глазах медленно таял, уступая место чему-то другому – холодной, злой усмешке.

– Как это хитро с вашей стороны, граф, – после недолгой паузы сказал Ваймунд, – Переводить подозрения на других лордов. Роланд только замышлял измену. Что же будет с вами, когда королева узнает правду?

Он усмехнулся.

– Письма Роланда вам любезно предоставила сама Моргана? Так ведь?

Кадваллон молчал. Не подтверждал. Не отрицал. Про подлог никому кроме Гвиневры и самого графа известно не было. Ваймунд не знал всего. Это уже хорошо.

– Я вот только не понимаю, зачем это Моргане? – Ваймунд приблизился к Кадваллону почти вплотную и говорил почти шёпотом. – Чего она хочет добиться? Вы не примкнули к ней, но и не служите королеве всей душой и телом. Осторожнее, граф. Так ведь можно навлечь на себя гнев сразу двух женщин.

Кадваллон смотрел на него. Внутри всё кипело, но он держал лицо.

– Ваши слова – это лишь слова, – сказал он так же тихо. – И за них придётся отвечать.

Рано или поздно.

Он помолчал.

– Когда лезете в клетку к медведю – не забывайте, что медведь не ведёт диалогов.

– Какое счастье, что вы не медведь, – Ваймунд усмехнулся, – и мы не в клетке.

Кадваллон остановил взгляд на свежей ране, из которой медленно сочилась кровь.

«Может всё же стоило резануть поглубже?»

– Вы так в этом уверены? – прошептал он.

На секунду – всего на секунду – в глазах сына герцога мелькнул страх. Быстро погашенный, но Кадваллон успел его заметить.

«Этого достаточно», – подумал граф.

– Подумайте над моим предложением, граф, – сказал сын герцога, разворачиваясь. – У вас есть время. Но не слишком много.

Он ушёл, не оглядываясь.

Кадваллон остался стоять на аллее, глядя ему вслед. Сухие листья шуршали под ногами, птицы кричали в кронах – мир не замечал того, что внутри графа только что рассыпалось на куски.

«Он знает слишком много, но недостаточно».

Краем глаза он заметил Фалька – шут стоял под яблоней, роняя из подола длинной рубахи яблоки, и смотрел на него во все глаза. В его взгляде не было страха. Только любопытство.

– Непростое утро? – улыбнулся Фальк.

Кадваллон ничего не сказал. Прошёл мимо.

Птицы в кронах умолкли.

«Одно радует, – подумал он. – Он сам указал на свою связь с фанатиками».

Глава 22. Казнить нельзя помиловать

В тронном зале было холодно. Поздняя осень пробралась в замок незаметно для всех. Но Гвиневра почувствовала прохладное дуновение и зябко поёжилась, понадеявшись, что этого не заметил никто.

Она сидела на троне, держа одну ладонь на животе, чтобы все видели: наследник у неё под сердцем растёт, набирается сил и готовится прийти в этот грешный мир.

Позади трона, за спиной королевы, замерли стражники. Больше, чем обычно. Бедивер распорядился – и Гвиневра не возражала. Пусть видят, что она под охраной.

Сам Бедивер сегодня отсутствовал – уехал в Каменный Кулак. Как командующий рыцарской гвардией, он обязан был регулярно проверять, как там дела. Гвиневра отпустила его без колебаний. Здесь, в тронном зале, она будет в безопасности.

Придворных было много – они заполнили зал, теснились у стен, перешёптывались, бросали любопытные взгляды на пустующее место подсудимого. Но право голоса имели не все. Только самые влиятельные лорды Логрии – графы, герцоги, несколько баронов, чей голос действительно что-то значил, – стояли в первых рядах, ближе к трону. Остальные могли только смотреть и слушать.

Гвиневра не спешила начинать. Она давила тишиной, заставляла ждать, думать, бояться.

Герцог Олдред и граф Кадваллон замерли в первых рядах, погружённые в свои мысли; под глазами последнего легли глубокие тени. Ваймунд стоял в отдалении от отца, улыбаясь чему-то своему. Благий, бледный как полотно, сверлил королеву взглядом, а рядом с ним худощавый, почти слепой священник что-то говорил ему. Придворные дамы, все с платочками наготове, жались друг к другу; и только Элейна, мечтая о свадьбе, выглядела по-настоящему живой.

Внезапно распахнулась дверь, и среди сдержанных тёмных одежд промелькнул ярко-красный кафтан шута. Он пружинистой походкой прошёл к трону, приветствуя по пути всех лордов. Фальк сел у ног королевы, улыбаясь ей самой жизнерадостной улыбкой.

– Что тебе нужно, шут? – тихо спросила она, – Здесь сегодня не до улыбок.

– Вашество, я не мог пропустить такое зрелище, – громким шёпотом ответил он. – Сколько шуток я смогу насочинять! – восторженно говорил он, не переставая улыбаться.

– Можешь остаться, но сохраняй молчание, – коротко кивнула Гвиневра.

– Кстати, – шут приблизился и перешёл на более тихий шёпот.

Гвиневра чуть склонилась и вдруг заметила настороженный взгляд Кадваллона. Он будто хотел прожечь Фалька взглядом, но лишь на миг, а потом отвёл взгляд в сторону.

– Сегодня в саду между вашим графом Кадваллоном и этим щенком Меллигенса что-то случилось? – улыбаясь, шептал шут.

– Что случилось?

– Сначала граф шёл один, затем к нему присоединился Ваймунд. Они шли и болтали. Потом – хоп! И вот уже Кадваллон повалил на землю Ваймунда. Приставил кинжал к его горлу. Он был зол. Очень зол.

– Надо же, – Гвиневра улыбнулась, стараясь не смотреть в сторону графа. Хотя понимала, что он наверняка знал, что Фальк не будет о таком молчать. – Я и подумать не могла, что Кадваллона кто-то сможет вывести из себя.

– Вот и я так удивился! – шут расширил глаза. – Жаль не удалось услышать, о чём был их спор.

«Судя по всему, спор этот мог быть о чём-то личном. Расскажет ли Кадваллон, если спрошу? Наверняка солжёт, или не расскажет всей правды. А что насчёт Ваймунда? Стоит спросить их обоих».

– Действительно, – кивнула Гвиневра и снова выпрямилась.

Она окинула взглядом тронный зал.

– Начнём же суд, благородные лорды, – громко произнесла она. – Приведите обвиняемого.

Роланда не ввели – его затащили в зал несколько солдат, буквально обливаясь потом и пыхтя от натуги. Граф Мидлэндшира упирался руками и ногами, сопротивляясь изо всех сил.

– Нет! Я не виновен! – кричал он, – Это не я! Не я!

– Граф Роланд, – громко сказала королева, – Если вы будете кричать и перебивать, я велю заткнуть вам рот кляпом. Или же суд пройдёт без вас. Вы просто не сможете себя защитить.

Роланд, бледный от страха и бессонных ночей, поглядел на Гвиневру. Сначала во взгляде был страх, но очень быстро он сменился на ярость.

– Государыня! Я не виновен, – сказал он уже более спокойным тоном.

Гвиневра видела, как дрожит граф. Руки его были скованы цепями, и видно было кровавые следы от наручников на его запястьях. А ведь прошло всего три ночи с момента его задержания.

– Молчите, граф. Вам дадут слово, – Гвиневра перевела взгляд с Роланда на законоведа лорда Теренса. – Прошу, огласите обвинение.

Лорд Теренс вышел вперёд. В руках он держал свежий пергамент, перевязанный тонкой бечёвкой. Развернул. Достал из нагрудного кармашка увеличительное стекло и начал читать.

Голос его был глух, но в тишине зала каждое слово разносилось под сводами.

– Граф Роланд Марредид из Мидлэндшира, – он сделал паузу, будто давая присутствующим время осознать, кто перед ними, – обвиняется в государственной измене.

В зале царил тишина. Все и так уже знали, за что судят Роланда.

– В тайной переписке с Морганой Пендрагон, – продолжал Теренс, – известной мятежницей и врагом короны. В подготовке вооружённого мятежа против королевы-регента Гвиневры Пендрагон. В сговоре с целью захвата власти и передачи земель Логрии под контроль Морганы Пендрагон.

Он перевернул пергамент. Читал дальше:

– В подтверждение обвинения представлены письма за подписью графа Роланда Марредиды, скреплённые его личной печатью. В письмах этих граф Роланд называет Моргану Пендрагон «истинной наследницей Пендрагонов» и выражает готовность оказать ей военную поддержку в обмен на брак и возможность стать королём Логрии.

Роланд дёрнулся, но стражники держали крепко. Он не кричал – только тяжело дышал, глядя на Теренса с ненавистью и страхом.

Он сложил пергамент и поднял глаза на Гвиневру.

– Обвинение зачитано, ваше величество.

Гвиневра кивнула.

– Прежде чем мы начнём, пусть каждый, кто будет говорить здесь, вспомнит, перед чьим лицом он произносит свои слова.

По её знаку вперёд выступил отец Эгидий, неся большое Евангелие в окованном серебром переплёте. Он раскрыл его на алтаре, установленном у подножия трона.

– Граф Кадваллон, – голос королевы был холоден. – Вы обвиняете. Вам и клясться первым.

Кадваллон спокойно подошёл к алтарю, положил руку на страницы и произнёс:

– Клянусь Всемогущим Богом и этой святой книгой, что мои слова – истина, а дело моё – правое.

Когда он отошёл, Гвиневра посмотрела на Роланда. Тот стоял бледный, сжав губы.

– Граф Роланд, – спросила она, – вы хотите очистить себя от обвинения клятвой? Найдётся ли двенадцать человек, готовых поклясться в вашей невиновности?

Роланд медленно обвёл взглядом зал. Лорды молчали. Даже те, с кем он когда-то делил хлеб, отводили глаза. Его никто не поддержал.

– Нет... – прохрипел он.

– Я даю вам слово для своей защиты, граф.

Его бледное лицо покраснело, а лысина покрылась испариной.

– Я не писал этих писем! И с Морганой никогда не имел никаких дел! – громко произнёс Роланд, трясая всеми своими подбородками. – Эти письма – подделка! Я бы никогда... – он запнулся, закашлялся, – никогда не поступился своей честью!

– Но чем вы это докажете? – спокойно спросила Гвиневра. – Письма написаны вашей рукой, на них стоит ваша печать.

– Откуда эти письма? – разъярённо спросил граф, тыча толстым пальцем на лорда Теренса, который держал их. – Кто их вам показал?!

– Граф Кадваллон, прошу, дайте свои показания. Как письма попали к вам в руки? – попросила королева.

Этот заранее подготовленный спектакль ей не нравился, но выбора не было. Ей необходимо избавиться от предателя и показать другим лордам, чем чреваты замыслы об измене.

Кадваллон вышел вперёд, повернулся к Роланду спиной.

– Эти письма мне передал стражник. Моргана сама решила передать их, прислав в Камелот гонца. Гонца задержан и допрошен. Он подтвердит верность моих слов. Судя по всему, условия, предложенные графом Роландом, не понравились Моргане, и она решила выдать нам его намерения.

– Подлец! – воскликнул Роланд. – Подлец! Ты сам повязан с этой ведьмой!

– Это было давно, милорд. Тогда Гвинед ещё был отдельным государством. Сейчас правители Гвинеда считаются вассалами Пендрагонов и хранят свою верность, – холодно ответил Кадваллон, не обернувшись.

– Это неправда! – дёрнулся Роланд, но стражники удержали его.

– Приведите гонца, – распорядилась Гвиневра, поймав взгляд Кадваллона.

Через несколько минут стражники ввели в тронный зал худощавого юношу в грязной дорожной одежде. Он упал на колени перед Гвиневрой и опустил голову.

– Кто ты? Как тебя зовут? – спросила Гвиневра.

– Робин... я... я Робин из Тягучей Рясы. Я служу гонцом коро... госпожи Морганы.

– Ты будешь говорить под присягой, – сказала королева. – Помни: ложь перед Богом – это гибель души.

Робин поднял на неё испуганный взгляд. Верхняя губа его была разбита, нос совсем недавно сломан. Он переводил взгляд с Евангелия на Гвиневру, потом на Кадваллона, который стоял неподвижно, не глядя на него.

– Я... я понимаю, – прошептал юноша и встал у алтаря с раскрытой книгой.

Он протянул дрожащую руку и коснулся страниц.

– Клянусь... – голос его сорвался, он сглотнул и продолжил, стараясь говорить твёрдо: – Клянусь Всемогущим Богом и этой святой книгой, что буду говорить только правду.

– Говори, – приказала королева. – Кому и от кого ты доставлял письма?

Юноша поднял на Гвиневру робкий взгляд.

– Я... я доставляю письма своей госпоже многим лордам, – он перевёл дыхание и продолжил, – но в последние недели леди Моргана отправляла меня к графу Мидлэндшира.

– Ложь! – вскрикнул Роланд. – Я никогда не видел этого щегла!

– Вы лично передавали письма мне в руки и... и забирали ответы Морганы! – громко ответил юноша, выдержав злой взгляд Роланда.

– Это неправда! – взревел граф.

– Прошу сохранять тишину, – Гвиневра смерила взглядом всех присутствующих.

– Государыня, – чуть склонившись, подал голос герцог Меллигенс. – Мы не можем принимать на веру слова этого человека, – он бросил короткий взгляд на Робина. – Даже если он действительно служит Моргане – какой смысл ей раскрывать переписку с лордом Марредидом?

– Моргана известна своим коварством, – ответил Кадваллон. – Посеять смуту среди знати Логрии, подорвать доверие королевы к лордам. Разве это не очевидно?

– Но это может означать, что граф Роланд действительно не виновен, – твёрдо заявил лорд Меллигенс.

– Не виновен! – подтвердил Роланд, с надеждой поглядев на герцога. – Меня оговорили! Гвиневра подняла руку, требуя тишины.

«Это пора заканчивать», – устало подумала она.

– Не виновен? – медленно произнёс Кадваллон. – И вы, граф, всерьёз считаете, что королева поверит вам на слово?

– Моё слово – не пустой звук! Я верен своей клятве!

– Прошу, приведите ещё одного свидетеля, – громким ледяным голосом распорядился граф Гвинедский.

Один из стражников скрылся за дверью.

Все присутствующие замерли, казалось, даже перестали дышать. Роланд стал ещё бледнее, чем прежде. Дыхание его было прерывистым, а руки не перестали дрожать.

Спустя несколько минут в зал вошёл мужчина средних лет. Он не был скован цепью, но его дублет выглядел потрёпанным. Под конвоем он прошёл и опустился на колени перед троном.

– Приветствую вас, ваше величество.

– Кто ты?

– Я рыцарь и ближайший помощник графа Марредиды. Меня зовут Гарет Острый Глаз.

На краткий миг по залу прошла волна удивления. Гарет Острый Глаз был легендарным рыцарем Логрии. Не было в стране лучника, который смог бы превзойти его.

– Сэр Гарет, – сказала королева, – вы будете говорить под присягой. Помните: ложь перед Богом – это не просто клятвопреступление. Это проклятие на весь ваш род.

Гарет поднял голову. Его лицо было спокойно – слишком спокойно для человека, который предаёт своего господина. Он положил руку на Евангелие, и его голос прозвучал твёрдо, без тени сомнения:

– Клянусь Всемогущим Богом и этой святой книгой, что буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

– Сэр Гарет, – Гвиневра смотрела на него в упор, – вы пришли сюда свидетельствовать против вашего феодала?

– Я предаю свою клятву не из корыстных побуждений, – произнёс Гарет, и в его голосе не было сомнений. – Я верен своему господину. Но я служу не только ему. Я служу Логрии, памяти почившего короля Артура и его наследнику. Как могу я молчать, когда мой феодал предаёт нашу страну?

– Подлец! Предатель! – закричал Роланд, но Гарет даже не взглянул на него. Он смотрел на королеву.

– Уведите графа Роланда, – приказала Гвиневра. Слушать его ругань ей надоело.

– Нет! Не верьте ему! Он... он...

Роланда подхватили стражники и почти волоком потащили к выходу. Всю дорогу он не переставал выкрикивать оскорбления – в сторону Гарета, Робина, лордов, даже в сторону Гвиневры.

– Предатели! Вы все! Подлые трусы! Я невиновен!

Наконец его крики исчезли за дверями. Гвиневра почти незаметно вздохнула с облегчением.

– Сэр Гарет, продолжайте. Что вам известно?

– Я лично зачитывал графу письма Морганы. Видел, как он писал ответ на каждое из них. Пытался его переубедить, хотел, чтобы мой господин одумался. Но граф был непреклонен. Корона – вот о чём он мечтал.

Рыцарь замолчал. В зале повисла тишина – такая плотная, что Гвиневра слышала, как потрескивают свечи.

– Спасибо за вашу честность, сэр Гарет, – сказала она, и дала знак страже. Гарета и гонца вывели прочь.

Гвиневра обвела взглядом лордов. Все смотрели на неё. Ждали её слова.

– Вина графа Марредиды доказана, – произнесла она. – Я требую смертной казни. Если среди вас есть несогласные – сейчас самое время сказать слова в защиту лорда Роланда.

Она замолчала. Дала лордам время осознать.

Никто не подал голос. Никто не поднял руки.

– Так тому и быть, – твёрдо произнесла Гвиневра. – Я, Гвиневра Пендрагон, королева-регент Логрии приговариваю графа Роланда Марредиду к казни. Все его потомки лишаются титулов и права наследования земель Мидлэндшира и будут отправлены в монастыри. Казнь состоится на рассвете.

Королева поднялась с места и твёрдой неспешной походкой направилась к выходу.

Отчего-то в груди её завязался тугой узел. Но для сомнений было уже слишком поздно.

– Что же произошло в саду сегодня утром?

Гвиневра стояла у окна, глядела на плывущие по небу тёмные тучи. Кадваллон сидел в кресле, держа в руках какой-то свиток. Он выглядел расслабленным, но Гвиневра знала – он никогда по-настоящему не расслабляется.

– Шут не умеет держать язык за зубами, – граф усмехнулся.

Гвиневра повернулась к нему, выжидающе поглядела в холодные голубые глаза.

– Просто недоразумение. Ваймунд запнулся и упал. Я лишь помог ему подняться, – он пожал плечами и невольно поморщился. Быстро помассировал шею, и тут же отдёргнул руку, будто понял, что показал слабость.

– Недоразумение, – повторила Гвиневра, чуть улыбнувшись. – Но кинжал в вашей руке оказался у его шеи неслучайно.

– Ваше величество, – Кадваллон поднялся. – Это касается только меня и Ваймунда. Уверяю, вам не о чем беспокоиться.

– Всё, что происходит в Камелоте – касается именно меня. И я требую от вас правды.

Она подошла к нему ближе, по привычке держа руку на животе. Граф выдержал её настойчивый взгляд, снова усмехнулся.

– Ваше величество, вы думаете, что я вру?

– Недоговариваете.

– Если и так – это для вашей же пользы. Вам незачем вмешиваться в каждую ссору.

– Не расскажете вы – расскажет Ваймунд, – королева усмехнулась, подобно самому графу.

На какой-то миг его лицо утратило усмешку. Взгляд сделался стальным.

«Недоразумение, которое выбило вас из колеи, граф? Это явно что-то серьёзное. Что вообще могло вывести вас из себя?» – думала Гвиневра, пока наблюдала, как Кадваллон возвращает себе прежнее выражение лица.

– Уверен, он поведает вам ту же историю.

Гвиневра отвернулась, собираясь покинуть его покои, но остановилась на полпути.

– Граф Кадваллон, – сказала она, не оборачиваясь, – Вы можете держать меня за дуру ровно до тех пор, пока я вам это позволяю.

Он не ответил. Она не видела его лица и не могла видеть его реакцию, но знала, что очередной её удар достиг цели.

Гвиневра скрылась за дверью, оказавшись в пустом коридоре, где её ждали двое рыцарей. Она кивнула им, и они молча проводили её до королевской спальни.

«Он солгал, – думала королева. – Неумело. Слишком неумело для него. Значит, испугался. Но чего? Не того, что я узнаю о ссоре. А того, что Ваймунд может рассказать что-то другое».

У дверей своей спальни она остановилась.

– Приведите ко мне Ваймунда. Немедленно.

Его привели спустя четверть часа.

– Государыня, – он поклонился. – Чем обязан?

Гвиневра не спешила говорить. Она подошла к Ваймунду почти вплотную. Оттянула пальцем край воротника. Усмехнулась. Свежий тонкий порез не больше пары дюймов длиной предстал её глазам.

– Поранились во время бритья?

Она разглядела и небольшую ранку на его нижней губе.

– А это? Должно быть утром не различили дороги в саду и врезались в дерево, – она откровенно насмехалась над сыном герцога.

– Вам всё известно, – Ваймунд осторожно отстранился, поправил воротник.

– Что вы можете сказать на этот счёт? Я королева. Я должна всё знать, – Гвиневра отошла, опустила в кресло и жестом пригласила Ваймунда занять другое.

Он присел в кресло, но продолжал молчать, взглядевшись в огонь камина.

«Не спешит излагать свою версию событий. Как и Кадваллон, он очень осторожен».

– Почему вы до сих пор в столице? – спросила Гвиневра. Нужно было на время сменить тему.

Ваймунд провёл рукой по голове, поправляя волосы. Гвиневра заметила, что сегодня сын герцога выглядел опрятнее, чем прежде.

Гладко выбритое лицо с острыми чертами, длинные распущенные волосы выглядели чистыми. Даже одежда свежая, без малейшей складочки.

«Будто готовился к нашей встрече», – поняла королева и сдержала усмешку.

– Ваше величество, так пожелал мой отец. Ему нужна помощь, которую мне по силам оказать. К тому же я до сих пор занимаюсь поиском пропавших слуг из Каменного Кулака, – быстро отчеканил Ваймунд.

«Заранее приготовленный ответ?»

– И вы до сих пор не нашли их? – спросила королева и к удивлению своему заметила, что выражение лица Меллигенса-младшего резко изменилось.

Он молчал, но взгляд отвёл в сторону.

– Не томите, – нажала Гвиневра.

– На самом деле мои люди нашли тела. Не хотел вам говорить, пока сам не смогу убедиться, но вы не оставляете мне выбора, – он серьёзно поглядел на королеву, выпрямившись. – Двое пропавших слуг были найдены в лесу, недалеко от тракта. При них нашли вещи, указывающие на причастность лорда Кадваллона.

Гвиневра замерла. Казалось, даже перестала дышать.

– Вы уверены? – пытаюсь скрыть дрожь в голосе, проговорила она. – Это очень серьёзно.

– Пока неуверен, – покачал головой Ваймунд. – Тела доставят в Камелот к рассвету. Определять причину смерти незачем. Им просто перерезали глотки.

Кровь отлила от лица королевы, когда она представила себе подробную картину. Едва сглотнув ком, вставший в горле, она коротко вздохнула.

– Прошу прощения, – Ваймунд склонил голову, – Я не должен был говорить вам... В вашем положении не стоило...

– Утром граф напал на вас по этой причине? Вы сказали ему?

Ваймунд коротко кивнул.

– Вы свободны. Пока всё не выяснится – не советую вам выдвигать обвинения.

Ваймунд поклонился и поспешил удалиться. На пороге он задержался на секунду – будто хотел сказать что-то ещё. Но не сказал. Гвиневра заметила, как дёрнулся уголок его губ.

«Снова не можешь сдерживать улыбку, мальчик? – подумала она. – Есть повод для радости?».

Сын герцога всё же вышел, не проронив больше ни слова.

Гвиневра вдруг почувствовала, что замёрзла. Жар, исходивший от камина, не согрел её.

Она закрыла глаза и представила Кадваллона. Его холодные глаза. Его выверенные жесты. Его привычку просчитывать всё на несколько шагов вперёд. Такой человек не оставляет улики. Никогда.

«Значит, эти «вещи» при телах могут быть оставлены там намеренно. Кем угодно. Граф Гвинедский многим не по душе».

Она открыла глаза и посмотрела на огонь.

«Не по душе и Меллигенсу. Но что за глупая попытка его подставить?».

Она беспокойно поднялась с места, подошла к камину. Жар проник сквозь ткань одежды. Но Гвиневре всё ещё было холодно.

«И если подбросил улики Ваймунд, то он имеет прямое отношение к отравлению оруженосцев», – подумала королева и почувствовала, как сердце забилось быстрее.

«Однако, Ваймунд должен был понять, что таким нелепым ходом он только привлечёт внимание к себе, – Гвиневра глядела на языки пламени, словно погружённая в транс. – Если это не Ваймунд, то есть кто-то третий. Кто-то, кому мешает и тот и другой».

Она перебирала в голове их с графом разговор. Вспомнила, как Кадваллон поморщился, массируя шею. Как его лицо утратило усмешку, когда она упомянула, что расспросит Ваймунда.

«Он испугался, – поняла она. – Не улики. Не обвинений. А того, что Ваймунд может рассказать мне что-то... другое. Что-то, что Кадваллон не хочет, чтобы я знала».

Она встала, подошла к окну. За стеклом – темнота. В её глазах – холод.

От размышлений её отвлек толчок в животе.

– Да, ты прав малыш. Пора спать. Займусь этим после...

Она сняла шерстяное платье, оставшись в одной сорочке, и забралась на кровать. Сон ещё долго не шёл. Гвиневра ворочалась в постели, не переставая размышлять. И всё же заснула, когда дрова в камине почти прогорели.

Гвиневра не знала, зачем она вообще согласилась на это. Казнь могла быть тайной, могла свершиться в стенах замка, подальше от чужих глаз. Но нужно было показать всем – каждому, кто сомневался в её власти, – что королева не прощает предательства.

Утро встретило её холодом. Таким пронзительным, что, казалось, он проникал под самый мех её плаща и добирался до костей.

Гвиневра сидела на возвышении, укутанная в плащ, отделанный мехом горносталя. Белый, почти серебряный, он сливался с инеем, покрывшим деревянные ступени эшафота. Она неспроста выбрала именно этот мех. Белый горносталя – герб Кадваллона. Хотела ли Гвиневра ему скрыто пригрозить? Или досадить? Она и сама не понимала, но чувствовала, что так необходимо сделать.

Рядом, чуть позади, замерли бледная Элейна и усталая Морвенна. Отчего леди из Гленмора выглядела такой измождённой? Гвиневра не знала, и не спрашивала. У каждого свои заботы.

Сэр Бедивер вернулся в Камелот под утро. Он стоял по правую руку от королевы, молчаливый, как сама смерть. Его глаза скользили по толпе – сотням лиц, сотням пар глаз, в которых горело одно и то же: ожидание. Люди кутались в плащи, красноносые, озябшие. Из рта у них валил густой пар, смешиваясь с утренним туманом. Грязь на площади застыла, трава пожухла, изморозь покрыла собою каждый сантиметр Двуречья.

Люди ждали крови. И купцы, и ремесленники. Но более всего жажда кровавого зрелища горела в глазах обездоленных. Для них казнь знатного богача – лучшее развлечение. Своего рода возмездие за жизнь без нужды и голода.

Гвиневра перевела взгляд на палача. Он стоял у плахи, сложив руки на рукояти длинного меча. Лицо его скрывала чёрная маска – безликая, страшная. Таким и должен быть палач – не человеком, а орудием правосудия.

Чуть поодаль, среди других лордов, замер Кадваллон. Он не смотрел на эшафот. Погружённый в собственные мысли, он не обращал внимания на лорда, который что-то без остановки говорил ему. Кивал, но не слушал. Его лицо было непроницаемо.

«Интересно, о чём ты думаешь сейчас? – спросила себя Гвиневра. – Знаешь, что Ваймунд был у меня. Но не знаешь, что он мне рассказал».

Взгляд её скользнул по толпе – и замер.

Там, в задних рядах, среди десятков лиц, Гвиневра увидела его.

Не по-настоящему. Конечно, не по-настоящему.

Просто какой-то человек повернул голову, и свет упал на его лицо – тот же разворот плеч, та же прядь тёмных волос, упавшая на лоб. Та же манера держать голову – чуть набок, будто прислушиваясь к чему-то.

«Артур?»

Сердце пропустило удар. Она перестала дышать. Мир сузился до одной точки.

Человек повернулся – и чары рассеялись.

Другое лицо. Чужие глаза. Незнакомец, который даже не смотрел в её сторону.

«Я его похоронила, – сказала она себе. – Я сама омывала его тело. Я видела его мёртвым».

Она сжала подлокотник кресла. Взяла себя в руки.

Толпа зашумела, и этот шум прокатился по площади, как волна.

К эшафоту вели Роланда.

Он шёл сам. На этот раз его не тащили, не толкали. Наверное, гордость не позволила ему предстать пред людьми молящим о прощении человеком, которого волокут к плахе. Но Гвиневра видела, как дрожат его колени. Как бледно его лицо – блее, чем мех её плаща. Как он смотрит на плаху и не может отвести взгляд.

Его подвели к самому краю. Он поднял голову и посмотрел прямо на Гвиневру.

– Я не виновен, – сказал он, и голос его, хриплый, срывающийся, прозвучал на всю площадь. – И кровь моя будет веками жечь ваши руки!

Гвиневра не отвела взгляда. Но внутри у неё всё сжалось.

«А если он прав?» – промелькнуло в голове.

Она заставила себя не думать об этом.

Палач подошёл к нему, схватил за плечо, подталкивая к плахе. Роланд упал на колени – не из почтения, ноги просто подкосились. Он тяжело дышал, потом замер. Принял свою судьбу.

Палач поднял меч.

Гвиневра смотрела. Не отворачивалась.

Меч упал.

Звук был глухим, мокрым – не таким, как она ожидала. Голова стукнулась о доски эшафота, покатилась, оставляя тёмный след. Грузное обезглавленное тело завалилось на бок. Кровь брызнула на людей, стоявших ближе всего к эшафоту.

Толпа взревела.

И в этот миг Гвиневре стало дурно.

Мир качнулся. Она не поняла, что происходит. В ушах зашумело, картинка поплыла – и вдруг всё изменилось.

Теперь она стояла на эшафоте.

Не на трибуне, не рядом с тронном – на грязных, залитых кровью досках. В старой, мешковатой одежде, которая липла к телу от страха. Руки связаны за спиной. Голова опущена.

На помосте, там, где должны были быть её приближённые, замерли знакомые лица. Кадваллон – холодный, безучастный. Бедивер – как и прежде суровый, разочарованно глядел сквозь неё. Элейна – бледная, с глазами, полными слёз, которые она не смела пролить. И другие придворные – десятки пар глаз, равнодушных или осуждающих.

Над ней занёс меч палач.

«Нет!» – хотела крикнуть она, но не смогла.

Гвиневра открыла глаза. Заставила себя сделать вдох. Холодный воздух наполнил грудь, прояснил мысли.

Она сидела на своём месте. Над ней не было палача. Эшафот был пуст. Только тёмное пятно крови на досках напоминало о том, что здесь только что произошло.

Элейна держала её за руку.

– Ваше величество? Вам дурно?

– Всё хорошо, – Гвиневра сглотнула. – Просто... устала.

Она поднялась. Элейна шагнула вперёд, поддерживая её под локоть. Бедивер взял под руку с другой стороны. Гвиневра хотела отстраниться, но сил не было.

Она перевела взгляд на Кадваллона. Он смотрел на неё.

Их взгляды встретились – на секунду, не дольше. Она не знала, что он увидел. Но ей показалось, что он чуть заметно нахмурился.

Она развернулась и, не оглядываясь, пошла прочь с площади. За её спиной толпа всё ещё редела. Но Гвиневра уже не слышала их. Она слышала только стук собственного сердца.

И где-то глубоко внутри – тихий, настойчивый голос, который шептал: «Он был невиновен».

Она заставила себя не слушать его.

Гвиневра сидела в кресле у камина, укутанная в плед, и смотрела на огонь. Морвенна расположилась напротив, в руках – кружка с травяным отваром. Пахло мятой и чем-то горьковатым, от чего на душе становилось чуть спокойнее. Но не до конца.

Они молчали. Гвиневра не знала, зачем позвала её. Может, чтобы не оставаться одной. Может, чтобы кто-то сказал ей, что всё будет хорошо. Даже если это окажется ложью.

– Осень нынче холодная. Давно такой не было, – сказала Морвенна, поглядев в окно на темнеющее небо. – И зима обещает нам лютую стужу. Так всегда бывало после войны. Жизни,

которые не успел забрать меч – заберёт холод, – она отпила отвар. – Но те, кто выживут в мороз – будут жить долго. И всё им будет нипочём.

Женщина мягко улыбнулась Гвиневре и продолжила пить из кружки.

– Холодная осень... Раньше я представляла себя осенью, – сказала королева тихо. – Хоть и родилась весной, но именно осеннее увядание казалось мне чем-то... близким.

Морвенна не перебивала. Только отставила кружку и положила руки на колени.

– Я была будто бесплодной яблоней. Цвела, но не давала плодов. И с каждым годом увядала всё сильнее. Не снаружи – внутри.

Гвиневра замолчала. Положила руку на живот. Ребёнок толкнулся – слабо, будто спрашивал, всё ли хорошо.

– Но всё изменилось.

Морвенна смотрела на неё. В её глазах не было жалости – только спокойное, тёплое внимание.

– И среди осени бывает место летнему теплу, – Гвиневра говорила медленно, будто впервые слышала свои слова. – И даже старая бесплодная яблоня может однажды подарить вкуснейшие яблоки, хоть и подступает зимний холод.

Она повернулась к Морвенне. Улыбнулась – впервые за этот разговор по-настоящему.

– На всё воля Господа, и кто мы такие, чтобы перечить?

– Это так, – кивнула леди из Гленмора, – Мы можем только принять Его волю. Но значит ли это, что мы не должны бороться? За жизнь, за наших детей? Вы приняли смерть мужа, но не согласились принять участь королевской вдовы. И я никогда не перестану восхищаться этим решением.

Гвиневра несколько раз коротко кивнула, погружаясь в свои мысли.

«Леди Морвенна права – я не согласилась принять участь вдовы. Не покинула замок. Не закрылась в монастыре. Я начала свою борьбу. И должна её продолжить, – она погладила живот, чувствуя несильные толчки, – Ради своего ребёнка я буду идти до конца».

Глава 23. Последняя игра

Раннее утро накрыло Камелот туманом и изморозью. Озябшие слуги кутались в свои тонкие плащи, шмыгали красными носами. Они, выполняя разные поручения, часто покидали стены замка. Кто-то нёс дрова для очага, кто-то набирал воду в колодце. У каждого в этом замке было своё важное дело. Все в этом механизме работали на износ. От маленького чашника до самой королевы. И в случае поломки любого из них можно было заменить.

«Если из строя выйдет одна деталь механизма и будет заменена – механизм продолжит работу, как ни в чём не бывало. Никто и не заметит замены».

Наблюдая за суетой одной служанки, Гвиневра стояла у окна. На её плечи был накинут плащ с лисьим мехом. За спиной в камине потрескивали дрова, съедаемые жарким пламенем. И всё же Гвиневре было холодно. Она едва сдерживала дрожь.

– Ваше величество, – из-за спины раздался тихий голос Элейны.

Королева обернулась. Она и не заметила, что в её покои кто-то вошёл. Перед ней стояла наперсница, а чуть позади неё – Ваймунд. Он опустил взгляд и не смел поднимать глаз.

– Всё готово? – коротко спросила Гвиневра.

Сын герцога кивнул.

– Тела осмотрели, государыня. Кроме ран на шеях – ничего. В карманах у обоих было обнаружено вот это, – парень протянул раскрытую ладонь.

Королева подошла ближе и увидела в руке Ваймунда два небольших слитка серебра. Она взяла один, пригляделась. На слитке было клеймо Гвинеды. Проверив второй слиток, Гвиневра обнаружила на нём тот же самый знак.

– Это серебро отливают на руднике графа Кадваллона, – сказал Ваймунд.

Королева ничего не сказала. Только коротко кивнула. Прошла по комнате, задумчиво осматривая слитки. Наконец, она остановилась.

– Ступайте к себе, Ваймунд. О вашей находке никому ни слова. Я сама разберусь с этим, – она изучающим взглядом окинула сына герцога.

«Слишком скромный. Слишком тихий. Где же твоя нахальная улыбка, мальчик?»

– Я надеюсь, что могу рассчитывать на вас, – сказала Гвиневра, проницательно взглянув в глаза Ваймунда.

– Да, ваше величество, – ответил он и, наконец, проронил короткую полуулыбку.

Взгляд его, как это часто бывало, блуждал по комнате. Он избегал зрительного контакта с Гвиневрой. Будто боялся, что она прочтёт все его мысли.

– Ступайте, – распорядилась королева, сжав серебро в руке. На краткий миг королева представила, что сжимает горло графа Кадваллона.

Ваймунд ушёл, а Элейна задержалась.

– Что это значит, государыня? Лорд Кадваллон... он... он виновен? – нерешительно спросила она.

– Возможно, Элейна, – кивнула Гвиневра.

– Но ведь граф столько раз помогал вам, – прижав руки к груди, произнесла наперсница.

– Помогал ли он в самом деле? – грустно улыбнулась королева и опустилась в кресло.

– Я не могу поверить в то, что отравление мальчиков – его рук дело.

– Элейна, я только сказала, что возможно Кадваллон замешан в этом. А возможно кто-то хочет его подставить, – сказала Гвиневра, пытаясь поверить в собственные слова. Но в душе уже поселились сомнения.

– Надеюсь, что граф всё же верен вам, – пытаясь скрыть дрожь в голосе, произнесла наперсница.

Гвиневра только кивнула в ответ. Она и сама надеялась, но сердце подсказывало, что надежда эта тщетна.

Попрощавшись, Элейна ушла. Гвиневра же осталась наедине со своими мыслями, страхами, сомнениями и... надеждой.

Она провела в своих покоях весь день, доверив дела Совету. Один день передышки. Это уже много. И катастрофически мало.

Гвиневра читала небольшой отчёт из приюта Двуречья. Цифры неутешительные. В зиму осталось слишком много сирот, которых так и не смогли пристроить в семьи. Теперь обязанность по их содержанию легла на плечи королевы.

«Мне кажется, что на моих плечах слишком много всего умещается», – пронеслась мысль в голове.

– Но я сама это выбрала. Сама решила бороться, – вслух возразила Гвиневра.

Взгляд переместился на два серебряных слитка, которые лежали на столике перед ней.

«Мог это быть он?»

– Нет. Всегда такой осторожный и предусмотрительный граф Кадваллон не мог так глупо поступить, – ответила королева на свой вопрос. – Человек, который планирует на несколько ходов вперёд – расплачивается с безавшими слугами собственным серебром, а потом убивает их. Абсурд. Будь это действительно Кадваллон – никто бы не нашёл тел. Никто бы и не подумал на него.

Гвиневра кивнула собственным мыслям и немного успокоилась. Подозрения, ложные или нет, изводили её с самого утра.

Она отложила отчёт в сторону, откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Стоило только это сделать, как перед глазами всплыл образ Роланда в окровавленной рубахе.

«Я не виновен!» – кричал он.

Гвиневра вздрогнула и распахнула глаза.

«Похоже, душа графа теперь мучает меня», – вздохнула она.

Она не смогла уснуть ночью после казни. И не спала до сих пор. А ведь прошло уже больше суток.

– Не виновен... – проговорила королева задумчиво. По спине пробежал холодок и она плотнее закуталась в плед. – Никак призрак бродит по моим покоям и не даёт мне согреться.

Она уже с трудом могла собраться с мыслями от усталости. А внутри нарастал страх.

– Когда люди знают свою вину – они просят пощады... прощения... клянутся, что больше так не поступят, – рассуждала вслух Гвиневра. – Роланд только твердил, что не виновен. Мог ли он и впрямь быть невиновным?

Она вспомнила, как они с Кадваллоном писали письма. Тогда он доставал из кармана поддельную печать Морганы, писал её почерком.

Тревожная догадка уколола королеву и она резко поднялась с места. Едва не упала из-за того, что потемнело в глазах, но удержалась на ногах. Взгляд её прояснился, черты лица стали жестче. Она, накинув на плечи плащ, покинула свою опочивальню, прихватив с собой гвинедское серебро.

Рыцари молча следовали за ней, их шаги гулко отдавались от каменных стен. Путь до кабинета занял не меньше десяти минут, но они показались Гвиневре вечностью.

Она хотела убедиться в правильности своей догадки. И одновременно боялась этого.

«Понять, что доверилась не тому – неприятно. Но если доверила судьбу своего дитя, своего королевства? Доверила жизни...»

Из-за усталости мысли путались, перепрыгивая с одной на другую. Королева твёрдо решила отбросить их до поры.

В кабинете было темно и холодно. Гвиневра велела зажечь свечи, и стражники, справившись с поручением, остались за дверью.

Королева подошла к небольшому шкафу, в котором хранились документы и письма, полученные за последние пару месяцев. Она сама рассортировала их, когда выдался свободный день.

Найти вежливый ответ графа Роланда на приглашение на Праздник Урожая оказалось нетрудно.

Письма с его ответами Моргане лежали в ящике стола.

Достав их, Гвиневра села за стол, положила перед собой письма. Вгляделась в почерк, не разбирая текста.

– Точно та же печать. И даже воск не различается оттенком, – тихо рассуждала королева.

Она почувствовала некоторое облегчение, будто стало немного легче дышать. И всё же заставила себя изучить письма внимательнее, чтобы лишний раз убедиться в ошибочности своих догадок.

Гвиневра стала искать в письмах одинаковые слова, чтобы сравнить стиль написания.

– Вот, его подпись.

Почерк Роланда был размашистым и вполне разборчивым. И, судя по всему, аккуратнее всего он выводил своё имя и титул. Каждая буква казалась произведением искусства.

Свечи оплывали, фитили чадили. Гвиневра вглядывалась в строчки, но они расплывались. Усталость брала своё.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошёл Бедивер.

– Ваше величество, – он остановился на пороге, окинул взглядом разложенные бумаги. – Почему вы не спите? Уже далеко за полночь.

Гвиневра быстро собрала письма и отложила их на край стола. Подальше от рыцаря. В этот миг она почувствовала себя преступницей, пойманной с поличным.

«Если кто-то хотя бы допустит мысль о том, что меня обманули...» – лихорадочно пронесли мысли в голове.

Но Гвиневра заставила себя собраться.

«Никто не узнает, пока я сама во всём не разберусь».

– Не спится, – ответила она тихо. – Присядьте, сэр. Побудьте со мной.

Бедивер опустился в кресло напротив. Посмотрел на неё внимательно, но спрашивать ничего не стал.

– Мы давно не разговаривали, – сказала королева.

Она не переставала бросать взгляд на отложенные письма, и каждый раз заставляла себя вернуть взор на собеседника. В груди тлела тревога, и никак Гвиневра не могла её подавить.

– Мы видимся каждый день, государыня. И говорим каждый день, – ответил Бедивер, недоумённо поглядев на неё.

– Говорим о делах государства, о патрулях, о проблемах, – со вздохом сказала Гвиневра, грустно улыбувшись. – Как королева и рыцарь. Не как друзья.

– Долг перед Артуром лежит на ваших и моих плечах. На вас навалилась большая ответственность. Мой долг – облегчить вашу ношу.

– Ты хорошо справляешься.

– Вы тоже, государыня, – он улыбулся.

– Элейна каждый день говорит о предстоящей свадьбе. А если не говорит – её радость видно по глазам, – произнесла королева, – Я рада, что у вас всё так сложилось. Но один вопрос не даёт мне покоя.

– Какой же?

– Вы столько лет провели под крышей Камелота. Ты был подле Артура, Элейна – подле меня. А мы с Артуром были почти неразлучны. Почему же столько лет ваши сердца молчали?

Бедивер задумался. И во взгляде его появилась грусть.

– Все эти годы я и не думал о женитьбе. Я был верным мечём своего короля. Был его оружием. А у оружия не должно быть чувств. Только долг, – он сделал паузу, вздохнул, – Наверное, мне нужно было увидеть смерть своего государя, чтобы осознать, что я тоже человек и имею право на чувства. Леди Элейна... она всегда была для меня чем-то большим, чем наперсница королевы. И мне понадобились годы, чтобы признаться в этом самому себе.

Бедивер чуть заметно улыбнулся, склонив голову.

«Годы, чтобы признаться себе. Как же это знакомо».

– Лучше поздно, чем никогда, – улыбнулась в ответ Гвиневра. – Вы ещё успеете познать счастье и построить семью. Придёт время, когда ты будешь обучать владению мечём не чужих детей, а своих собственных.

Рыцарь смущённо улыбнулся.

– Дай Бог.

На какое-то время воцарилось молчание.

Мысли Гвиневры вдруг повернули в сторону рыцаря, для которого в сердце королевы было выделено самое потаённое место.

Почему Ланселот все эти годы молчал? Они виделись почти каждый день. Было ли это пыткой для рыцаря? Видеть любимую женщину рядом со своим другом и королём. Было ли это пыткой для неё самой? Любить двух мужчин одновременно. Каждого по-разному.

«Да. После той охоты я начала увядать ещё больше. Обнимал меня Артур, но мысли мои были о Ланселоте. И всё же... я любила Артура той любовью, которую никогда больше не смогу никому подарить».

– Близится наша с Элейной свадьба, – прервал рыцарь тишину, – Но меня печалит то, что мои товарищи не смогут разделить со мной радость. Лионель уехал давно, и до сего дня от него не было ни весточки.

– Он обязательно вернётся, Бедивер. И я надеюсь, очень скоро. И надеюсь, что принесёт он добрую весть.

– Не надо было посылать его. Тем более в одиночку, – покачал головой рыцарь, – Он бывает таким упрямым...

– Бедивер, он справится.

Рыцарь только кивнул, выдохнул. Будто только и хотел услышать эти слова.

– И Ланселот давно не давал о себе знать, – продолжил он, глядя куда-то в сторону. – Последнее письмо было больше месяца назад. Я послал гонца, но ответа пока нет.

При имени Ланселота сердце Гвиневры пропустило удар. И в тот же миг ребёнок в животе толкнулся – резко, требовательно, будто тоже услышал.

Она положила руку на живот, замерла.

Бедивер заметил этот жест и довольно улыбнулся.

– Сын Артура растёт, – сказал он. – Уже хочет поскорее появиться на свет.

Гвиневра растерянно улыбнулась в ответ.

«Или дитя Ланселота», – прозвучал упрекающий голос в голове.

Больших усилий стоило сохранить спокойствие на лице.

– Леди Морвенна сказала, что он родится в середине зимы, не раньше, – произнесла королева.

Бедивер кивнул. Они помолчали ещё немного.

– Вам нужно отдохнуть, ваше величество, – сказал он, поднимаясь. – Я подожду за дверью. Провожу вас в покои, когда закончите.

– Спасибо, Бедивер, – ответила Гвиневра.

Он вышел. Дверь за ним закрылась.

Гвиневра вновь взялась за письма. Снова принялась сравнивать.

Теперь она заметила различие. Каждая буква «р» в письме к Моргане была написана с элегантным завитком. В письме Роланда к Гвиневре этой детали не было.

Надежда, которая до сего момента теплилась в груди, покрылась трещинами.

«Значит, это был не Роланд...»

Королева дрожащей рукой открыла ящик стола. Достала свиток, который несколько дней назад ей передал Кадваллон. Отчёт о прибытии с рудников Логрии.

Она пробежалась глазами по тексту в поисках той самой буквы «р». И вскоре нашла.

«Это он, – поняла Гвиневра. – С самого начала это был он».

Сердце ухнуло вниз. Её надежда рассыпалась, уступив место обиде и ярости. Она сжала пергамент так, что побелели костяшки.

«Ты обманул меня, граф».

Встала. Подошла к двери. Открыла.

Бедивер обернулся.

– Сэр Бедивер, приведите ко мне графа Кадваллона, – сказала она, но спустя секунду добавила, – Нет. Притащите его волоком. Он должен испугаться.

Рыцарь, ухмыльнувшись, кивнул и ушёл с парой рыцарей. Гвиневра же начала подготавливать себя к предстоящему разговору. Внутри всё кипело от ярости, но она знала, что очень важно суметь вовремя остановиться.

– Подумать только... Всё это время я была на крючке. Как и все остальные! Он решил, что может управлять мной!

Гвиневра прошла по кабинету. Огонь свеч дрожал от движения воздуха. Тени плясали на стенах, будто насмеялись над ней.

– Ты ответишь за это, Кадваллон... – приговаривала королева.

В висках пульсировало от напряжения. На Гвиневру накатила внезапная слабость. От недосыпа или от волнения.

Ей пришлось вернуться в кресло, чтобы ненароком не упасть. Сохранность ребёнка – прежде всего.

В дверь коротко постучали и она резко распахнулась, внутрь под конвоем ввели графа Гвинедского. Он выглядел уставшим. Но не напуганным. Будто знал, что за ним придут. И был готов к этому. Даже одежда на нём сидела идеально. От осознания этого Гвиневра разозлилась ещё сильнее.

– Оставьте нас, – кивнула она рыцарям. После короткой паузы Бедивер кивнул своим парням и они ушли.

Кадваллон стоял напротив королевы – гордый, с идеальной осанкой и тем выражением лица, которое больше всего бесило Гвиневру. Он смотрел на неё сверху вниз, внимательно, с толикой любопытства и недоумения.

– Ваше величество? – спустя минуту тишины произнёс граф.

Гвиневра не стала ничего говорить. Лишь подвинула к нему ближе два письма. Одно – написанное Роландом, другое – написанное от лица Роланда, но рукой Кадваллона.

Граф бросил на письма короткий взгляд и вновь поглядел на королеву.

– Это...

– Это, – повторила Гвиневра. Она хотела, чтобы Кадваллон сам сказал, что это.

– Вы раскрыли мою маленькую хитрость, надо полагать, – он сдержал усмешку, но королева заметила, как дрогнули уголки его губ.

– Маленькую хитрость? Это обман, который послужил смерти невинного человека, – Гвиневре стоило большого труда не повышать голоса.

– Не такого уж невинного, если на то пошло.

Кадваллон стоял перед ней в открытой позе. Ни одного лишнего движения, ни единой попытки отвести взгляд. Он совершенно не чувствовал свою вину.

– Но он не был виновен в том, за что его казнили. Я казнила.

– Это не так важно, – граф взял в руки одно из писем, пробежался по строкам, кивнул какой-то своей мысли.

– Не так важно? Вы убили человека моими руками! Вы обманули меня!

Гвиневра выдохнула. Она всё же перешла на повышенный тон. Кадваллон оставался спокойным. Вернул письмо на место и снова устремил взгляд на Гвиневру. Он не отрицал, не оправдывался.

Королева достала из ящика стола два серебряных слитка и положила их поверх писем.

– Это нашли в карманах убитых слуг.

Она проследила за взглядом Кадваллона, за его реакцией, которой практически не было. Он лишь взгляделся в предметы на столе на короткий миг и покачал головой.

– Это моё серебро, – улыбнулся он, – Или было моим. Моё серебро многие покупают, и в том числе – корона.

– Это так, граф. И всё же история о том, что вы подкупили слуг серебром, отравили колодцы в Каменном Кулаке, а затем убили своих подручных – очень понравится многим лордам на суде. Как считаете? Найдётся ли дюжина среди лордов, которые смогут на Библии поклясться, что вы невинны?

Улыбка медленно сползла с лица графа. Он сделался серьёзным.

– Это уже не просто угроза. Это обещание, – кивнул он.

– Возможно вы забыли, граф, что вы всё это время находились подле королевы. Не подле глупой вдовы или своей сообщницы. Я смогла приговорить Роланда к смертной казни по лживому обвинению. Почему бы мне не лишить головы ещё одного графа? Соберу себе коллекцию черепов ложно-обвинённых господ Логрии, – Гвиневра холодно улыбнулась и сама себя испугалась в этот момент.

– Если бы вы действительно этого хотели, то, пожалуй, моя голова уже была бы где-то у ваших ног, – сказал граф, сдержав улыбку.

– С чего вы взяли, что я не хочу? Может мне прежде нужно услышать от вас правду?

– Тогда не в моих интересах эту правду вам рассказывать, – он снова сдержал усмешку.

Гвиневру будто обдало ледяной водой. Даже слыша угрозы, граф продолжал играть с ней. На краткий миг она даже усомнилась в его здравости ума.

«Стоит перед королевой, прекрасно осознавая вину, и продолжает улыбаться. Пусть и в мыслях, – с негодованием подумала женщина, – Одно моё слово, и я уничтожу тебя, граф».

– Тогда вы рискуете променять чистую быструю смерть на что-то менее приятное, – сказала Гвиневра вслух так тихо, что Кадваллону пришлось немного склониться к ней, чтобы слышать.

– Я нахожу мало приятного в отрубании голов, – вздохнув, ответил он.

– И, тем не менее, вы подставили человека и сделали всё возможное, чтобы подвергнуть его этой участи. Даже не побоялись обмануть свою королеву.

Граф не нашёлся с ответом. Он только бросил короткий смешок и вальяжно опустился в кресло напротив Гвиневры. Она едва сдержала своё недовольство. Только сжала подлокотник кресла так сильно, что побели пальцы.

«Нарочно выводишь меня на эмоции, граф?»

– У нас есть ещё примерно час до рассвета, – проговорила Гвиневра. – До первого луча я хочу узнать от вас правду. Всё, что вы скрывали.

– Боюсь, что на всю правду этого времени мне не хватит, – озадаченно произнёс граф и принял задумчивую позу, будто пытался собраться с мыслями.

Гвиневра не реагировала. Она откинулась на спинку кресла, положила ладони на живот и стала глядеть в окно. Часто её взгляд возвращался на Кадваллона, но она заставляла себя не смотреть на него.

Он же сидел молча, изучая её лицо. Так прошло какое-то время.

«Он всё ещё считает, что я не смогу казнить его?» – задалась вопросом королева. От этого предположения она снова разозлилась. Её терпение подходило к концу. – «Но я сама дала ему время до восхода солнца».

Воображение стало рисовать картины – одна ужаснее другой.

«Что, если он так и не заговорит?»

И она уже проигрывала в голове сцену, где ей приходилось вызывать стражу и Кадваллона садили в темницу. Потом – ложное обвинение, суд, казнь и непомерное чувство вины.

«Нет. Он должен сознаться. Должен раскаяться! Я не хочу отнимать его жизнь».

От последней мысли Гвиневре вдруг захотелось расплакаться. Так несвоевременно. Так по-детски.

В глазах защипало, но ни один мускул на её лице не дрогнул.

«Если он заметит...»

Она не хотела выглядеть слабой. Особенно в его глазах.

Гвиневра сделала вдох, тихий, незаметный, как ей казалось, и выдохнула. Слезы отступили. Но не странное чувство в груди.

– Роланд стал графом не по праву рождения, – голос Кадваллона разрезал тишину, и Гвиневра обратила на него взор, – Он был младшим из сыновей своего отца. А когда тот преставился, графом Мидлэндшира стал Джеффри, старший из трёх братьев. Роланд получил небольшой кусок земли на восточной границе Мидлэндшира и был сослан туда, будучи ещё совсем мальчишкой. В те времена Логрией правил король Утер. Времена были беспокойные, лорды часто бунтовали. И молодой граф Джеффри Марредид не был исключением. Присоединившись к северным лордам, он пошёл войной против Утера. Из крупных лордов только герцог Меллигенс сохранял свою верность короне. И он нашёл способ покончить с междоусобицей. Герцог пообещал юному Роланду поддержку, если тот поможет одолеть своих братьев. Роланд предал свою семью ради власти. Он сдал крепость Меллигенсу и так получил власть над графством Мидлэндшир. Объединив силы, они смогли подавить мятеж. Силы короля и двух лордов подчинили бунтующих лордов одного за другим.

Граф договорил и устремил свой взгляд на Гвиневру. Спокойный и собранный. Он ждал вопроса. И Гвиневре пришлось его задать.

– К чему вы это рассказываете?

– К тому, что до своего последнего вздоха Роланд чувствовал, что всем обязан герцогу Меллигенсу. Все годы, что правил, он укреплял свои крепости, наращивал военную мощь и заключал союзы с другими лордами. Мидлэндшир занимает большую территорию в самом центре Логрии. Если герцог Меллигенс однажды решит обратить свой меч против Камелота, как думаете, кто его поддержит? – он задал вопрос, не требующий ответа. – Избавиться от графа Марредиды – было моей первостепенной задачей. И не было иных способов это сделать, кроме этих писем, – он кивнул на поддельное письмо. – Да, я обманул вас. Но я сделал это не от великого желания, и не из корыстных побуждений, а потому, что иного выбора попросту не было. Теперь всё графство Мидлэндшир в ваших руках. Его нужно лишь вручить правильному человеку. И вы уже сделали выбор, не так ли?

Гвиневра молчала. Слов не находилось.

Тишина, повисшая между ними стала осязаемой, неудобной. Королева хотела сказать хоть что-нибудь, но не могла и рта раскрыть.

«Обманул, чтобы помочь мне?»

Недоверие, обида и слабая надежда боролись внутри неё. Или переплетались друг с другом, пытаясь создать новое необъяснимое чувство.

«И всё же ты обманул меня...»

– Полагаю, на сегодня правды достаточно? – Кадваллон сменил позу, будто намеревался встать на ноги.

– Нет. Это не всё, – королева пыталась собраться с мыслями, чтобы задать правильный вопрос. Но она не знала, какой вопрос был уместен. И внезапно, увидев в глазах графа усталое ожидание, она тихо спросила, – Что произошло в саду? Вы не потеряли самообладание, даже когда я пригрозила вам казнью. Что же такого сделал Ваймунд, что вы вышли из себя?

Граф усмехнулся, откинулся на спинку стула. Должно быть, этот вопрос он ожидал услышать меньше всего.

– Он сказал мне, что хочет жениться на вас.

Кадваллон, улыбаясь, разгладил пальцами усы.

«Снова доволен собой? Доволен, что вышел сухим из воды? Или пытаешься скрыть настоящие эмоции?»

Гвиневра ощутила, как тепло прилило к лицу. Ответ графа, не смотря на всё её недовольство, вызвал в ней давно забытые чувства. Те чувства, которые она считала нормальными в юности. Смущение смешалось с удовольствием, которое она испытывала, когда за её руку бились на турнире.

– И он считает, что это возможно? – стараясь сохранить безразличие в голосе и на лице, спросила Гвиневра.

– Судя по всему – да. И он считает, что я – помеха на его пути к вам. И к трону, – Кадваллон перевёл взгляд на свою руку, будто вдруг заметил что-то на ладони.

– Значит, ваше серебро при убитых слугах – его рук дело? – предположила королева.

– Я так не думаю, – Кадваллон продолжал разглядывать ладонь, изредка бросая взгляд на Гвиневру. Он вёл себя так, будто и не было никаких угроз от королевы, долгого молчания и признания вины.

– Почему?

– Он сказал мне об уликах, указывающих на меня, и был крайне уверен в том, что я действительно причастен. Он не так глуп, чтобы обстрять дело и тут же угрожать этим мне, – он покачал головой, перестав улыбаться. Взгляд стал серьёзным. В глазах появился холодный стальной блеск. – Скорее всего тут замешан кто-то ещё. И я хочу найти его. Вполне возможно, что Ваймунд сможет привести меня к тому, кто нам нужен.

– Как? – Гвиневра словно забыла, зачем и как привели к ней Кадваллона. Она видела решимость в его взгляде, слышала твёрдость в его словах и хотела верить ему. Отчаянно хотела верить.

«Если окажется, что он меня обманул только ради собственной выгоды, то как тогда я смогу носить корону? Как смогу внушить уважение к себе хоть кому-то из подданных?»

– Всё сводится всё к тем же фанатикам. И Ваймунд что-то сказал мне об их лидере. Если он не блефовал, то может и правда привести меня к этому человеку. Но для этого нам придётся подыграть.

– Снова игры? Вы серьёзно, граф?

Беспокойство, тревога и недоверие снова зашевелились где-то под кожей. Страх ошибиться был силён. Он заставлял анализировать каждое слово, каждое движение графа.

– Почему нет? Ронан погиб, когда следил за Ваймундом. И погиб от рук фанатичного рыцаря епископа. Между ними есть связь. Ваймунд хочет приблизиться к вам и считает, что не

может этого сделать из-за меня. Он знает, что я ищу логово фанатиков, их предводителя. И он предложил мне обмен, разумный по его мнению. Он выдаёт мне лидера, я отстраняюсь от вас.

Упоминание погибшего рыцаря сыграло свою роль. Гвиневра по-прежнему хотела наказать виновного. Хотела наказать всех, кто хоть как-то причастен.

«Если есть хоть малейший шанс, что Кадваллон прав, я воспользуюсь им. Но если нет...» Она не закончила мысль. И надеялась, что никогда её не закончит.

– Я всё ещё не понимаю, как вы всё это связали между собой, – задумчиво произнесла женщина.

– Ваше величество, я не прошу вас понять. Я прошу довериться мне.

– И вы снова обведёте меня вокруг пальца...

– Вряд ли у меня получится сделать это ещё хоть раз, – проговорил он со вздохом.

Они молча поглядели друг на друга.

– У вас потрясающе получается выкрутиться из любой ситуации, граф. Час назад я была намерена казнить вас, а сейчас вы снова просите вам доверять.

– Прошу прощения за свою наглость, – он улыбнулся, – Но мы оба хотим одного.

– Чего же?

– Процветания Логрии.

Повисла тишина.

«И как у тебя получается вывернуться из любого положения?» – думала Гвиневра. Её терзали сомнения. Ясно было лишь одно – Кадваллон точно не рассказал ей всего. Он привык дозировать информацию. Знал, что нужно давать ровно столько, сколько нужно для того, чтобы оставаться на плаву.

«Мы в одной лодке», – вспомнились Гвиневре слова. Она сама это сказала. В ту ночь, когда граф решил её обмануть и использовать.

Сейчас он смотрел на неё в ожидании ответа. Глубокие тени пролегли на его лице. Голубые глаза казались черными при свете нескольких свеч. На губах не играла привычная усмешка. Он был напряжён, но всем своим видом пытался не выдавать этого.

«Если Ваймунд действительно связан с фанатиками, то Кадваллон прав. Иного пути нет. Но довериться ему снова я не могу. Иначе буду выглядеть круглой душой. А если скажу «нет» и велю посадить в темницу? – рассуждала Гвиневра, не отводя взгляда от графа. – Если казню его? То сыграю на руку Меллигенсу и его сторонникам. Кадваллон один из немногих лордов, который может противостоять Меллигенсу. И как бы там ни было, он прав. Он ослабил герцога, избавившись от Роланда. Когда я пожалую титул графа и земли Мидлэндшира Бедиверу, моя позиция укрепитя. Сама я не смогла бы приговорить невиновного... Или всё-таки...»

Она не позволила себе закончить последнюю мысль.

Поглядела на Кадваллона холодно. Попыталась вложить в свой взгляд, в свой голос столько безразличия, сколько смогла в себе найти.

– Это последний раз, когда я играю в вашу игру, – произнесла Гвиневра.

– Благодарю, – поклонился граф, – Я могу идти?

Гвиневра кивнула.

– Доброй ночи, ваше величество.

Он скрылся за дверью.

Она не увидела его лица. Но ей показалось, что он чуть задержался на пороге. Словно хотел сказать что-то ещё. Но не сказал.

– Если и в этот раз я ошиблась, доверившись тебе, то вынесу смертный приговор без сожалений. И ты это знаешь, – проговорила Гвиневра графу вслед. Он не услышал этих слов. Но ему и не надо было их слышать. Он всё увидел в глазах королевы.

Глава 24. Чудовища в темноте

Кадваллон вошёл в свои покои, бесшумно закрыл за собой дверь и, наконец, выдохнул. Сердце предательски стучало, казалось, не в груди, а где-то в горле.

– Ну и ночка...

Он прошёл вглубь комнаты, обессилено рухнул в кресло, налил вина в бокал и сделал большой глоток.

«Что она делает со мной?»

Перед глазами возник образ Гвинекры. Разъярённой, какой он видел её час назад.

Сердце снова пропустило удар.

Большого труда стоило ему сохранить внешнее спокойствие. Он, хоть и знал, что Гвинева не глупа, но даже предположить не мог, что его обман раскроется так скоро.

«И всё же, она доверилась мне снова. Но почему?»

Он не знал ответа на этот вопрос. Точнее у него было несколько предположений. Но как узнать, какое из них ближе к правде?

Граф знал лишь одно: если она усомнится в нём ещё хоть раз, то он не уедет из Камелота живым.

«А значит – я не смогу помочь сестре».

Он осушил бокал залпом и с громким звуком поставил его на столик.

Мысли о сестре причиняли боль. А ведь Кадваллон даже не был уверен в том, жива ли она ещё.

«Моя милая Изольда...»

Кадваллон спрятал лицо в руках, пытаясь удержать в голове образ младшей сестры. Но с годами он размылся, превратившись в обломок сна.

Для всей семьи Изольда была погибшей при неясных обстоятельствах. И только Кадваллон знал правду и хранил её долгие годы.

«Я поклялся спасти тебя... но я не знаю, как».

Вместе с тем он задал себе вопрос:

«Почему я не рассказал Гвинева? Она требовала правды. Так почему я не смог?..»

Он откинулся на спинку кресла и устремил взгляд вверх. Высоко над его головой паук плёл паутину на люстре. Его не пугал огонь свечей, который легко мог спалить тонкие нити пряжи. Он плёл паутину, чтобы поймать добычу.

– На что ты надеешься? – прошептал Кадваллон. – За окном мороз. Вся твоя добыча уже погибла. И ты скоро погибнешь.

Он горько улынулся, мысленно сравнив себя с этим пауком.

– Может и я скоро погибну. Как считаешь, кто из нас продержится дольше?

Граф долго наблюдал за маленьким созданием над головой. Мысли его начали путаться, а веки с каждой секундой становились тяжелее. Он не заметил, как погрузился в сон.

Он проснулся от тихого голоса над самым ухом.

– Милорд, уже утро.

Это была Райс. Как всегда в своём простецком сером платье и с тугой косой, спадающей с плеча. Её лицо было так близко к лицу графа, что он разглядел бледные веснушки на её носу и щеках.

Увидев, что Кадваллон проснулся, Райс отпрянула, но он успел удержать её за руку.

– Ваша... светлость... – сбивчиво проговорила она, отведя взгляд в сторону.

- Где твой отец? – хрипло спросил граф.
- Он... простудился. Велел мне предупредить вас.
- Предлагаешь мне искать себе нового цирюльника?

Кадваллон неосознанно продолжал держать Райс за руку. Она и не пыталась высвободиться, но продолжала смущённо отводить взгляд.

- Это... необязательно, – тихо ответила девушка, – Я и сама могу... отец научил меня.
- Граф усмехнулся.
- Женщина-цирюльник? Это... интересно.

Девушка промолчала в ответ. Только немного прикусила нижнюю губу и скользнула взглядом по Кадваллону.

Поддавшись какому-то порыву, граф притянул Райс ближе. Она не сопротивлялась и опустилась ему на колени. Положила одну руку ему на грудь. Легко, почти невесомо. И устремила на него глаза. Серые, большие, с влажным блеском, который вызывал у Кадваллона странные чувства. Её губы приоткрылись, дыхание едва заметно участилось.

– Если я скоро умру, то не хочу жалеть о том, в чём себе отказал, – проговорил Кадваллон, склоняясь к шее девушки.

- Что, милорд? – спросила она с придыханием, когда ощутила на своей коже поцелуй.
- Не бери в голову.

Несколько дней пролетели, как один.

Кадваллон за эти дни не встречался с королевой. И старался выглядеть похожим на побитую собаку. Это давалось непросто, но было необходимым. Придворные, а особенно Ваймунд должны были поверить в то, что граф Гвинедский впал в немилость. И это вполне удалось.

Уже спустя несколько дней после непростого разговора с Гвиневрой, Кадваллона начали сторониться. Все, кроме леди Морвенны. И это не могло не удивлять графа.

Женщина с удовольствием прогуливалась с ним по саду и коридорам замка, пыталась поддерживать светскую беседу. Но то и дело, она проявляла свой непростой характер, пытаясь поддеть Кадваллона.

– Мне казалось, что вера нашей королевы в вас непоколебима, – сказала Морвенна, когда Кадваллон вскользь упомянул о небольшом недопонимании с Гвиневрой.

– Мне тоже так казалось, – вздохнув, ответил мужчина, всем своим видом показывая, что ему очень грустно это признавать.

– Но никто так и не сказал, в чём же дело, – всплеснула руками леди из Гленмора, – Может поделитесь? Кто знает, вдруг я смогу помочь?

Женщина улыбнулась. Кадваллону сложно было судить, насколько искренней она была, ведь он знаком с ней не так долго и за уловками её пока не заставал. Морвенна казалась ему вполне открытым человеком, которая скорее всё выскажет в лицо, нежели будет плести заговоры за спиной.

«Но нельзя быть уверенным ни в чём», – подумал граф.

– О, не стоит беспокоиться, миледи. Уверен, очень скоро мы с нашей королевой сможем найти компромисс, – улыбнулся он, – А теперь, прошу простить, у мен неотложная встреча.

Мужчина поклонился и быстрым шагом покинул королевский сад.

Ему хватало проблем и не хотелось, чтобы леди Морвенна стала одной из них.

– Подумайте как следует, граф, – донесся ему вслед голос леди из Гленмора.

Кадваллону пришлось обернуться и почтительно кивнуть ей. Женщина, улыбнувшись, развернулась и продолжила неспешно прогуливаться по саду.

Граф вошёл в замок, ощутив приятное тепло на щеках. Холодный воздух октября хоть и помогал собраться с мыслями, но куда лучше было находиться в уютном отапливаемом помещении.

В коридоре было безлюдно. Только редкие стражники стояли на своих постах, внимательно следя за порядком.

«Точнее, усердно пытаюсь не уснуть на месте», – ухмыльнулся граф, проследив за одним из стражей.

Молодой паренёк стоя, почти повиснув на копье. Когда Кадваллон проходил мимо него, он нарочно зашагал громче. Стражник вздрогнул и выпрямился, устремив взгляд в стену перед собой.

«В этом замке лучше не спать».

Из-за угла коридора на графа наткнулся мужчина. Высокий, в потёртой одежде, короткостриженный с гладковыбритым лицом. Через плечо перекинута старая сумка – такая же потрепанная, как и весь его вид.

Он не извинился, не опустил взгляд, не отступил в сторону, чтобы дать дорогу лорду.

«Интересно», – подумал Кадваллон и остановился напротив незнакомца.

Тот стоял на месте и смотрел прямо графу в глаза. Не дерзко, а скорее устало. Без любопытства, без стеснения.

И тут Кадваллон заметил странность.

Он не мог определить цвет его глаз.

Сначала ему показалось – чёрные. Чёрные, как уголь, как сама бездна. Граф моргнул – и глаза незнакомца стали серыми, холодными, как зимнее небо. Ещё секунда – и в них плеснуло зеленью, болотной, тягучей.

Кадваллон смотрел, не отрываясь, но не мог уловить ни оттенка, ни глубины. А незнакомец не моргал. Смотрел в упор, и света в коридоре было достаточно, чтобы разглядеть каждую морщинку на его лице. Но не глаза. Глаза ускользали, менялись, дразнили.

«Что за...» – мелькнуло в голове графа.

– Я вас раньше не встречал здесь, – проговорил Кадваллон.

– Правда? – спросил незнакомец.

На его лице появилась эмоция удивления.

– А я вот видел вас достаточно часто, – мужчина улыбнулся одним уголком рта.

– Представьтесь, – потребовал Кадваллон.

Что-то ему подсказывало, что этого человека не должно здесь быть.

– Зачем?

«Он не обращается ко мне «милорд». Это непочтение или незнание?»

– Затем, что я советник королевы и граф Гвинедский. Мне кажется, что вам здесь находиться нельзя. Вы не выглядите приглашённым гостем её величества.

– Всё верно. Меня не приглашали. Но я и не нуждаюсь в приглашении. Я там, где должен быть. А что насчёт вас?

Мужчина снова сделал подобие улыбки. Кадваллон вдруг понял, что поведение незнакомца и его дерзкий вопрос не вызвали в нём ни злости, ни раздражения.

«Но, как бы там ни было, лучше отдать его в руки страже. Лучше пусть проверят».

Кадваллон обернулся назад, чтобы окликнуть молодого стражника, который уже снова висел на своём копье.

– Стража!

Он повернулся к незнакомцу и обнаружил перед собой пустоту.

– Да, милорд! – стражник подбежал к нему.

Граф, не обращая на парня внимания, двинулся к повороту коридора, откуда появился незнакомец. Пусто. Длинный коридор был пуст. Ни звука шагов или бега. Ничего и никого.

– Сбежал...
– Кто, милорд?
– Ты не видел, с кем я разговаривал минуту назад? – раздражённо бросил Кадваллон.
– Нет, милорд. Прошу прощения.
– Меньше спать надо на службе, – строго сказал он, смерив паренька холодным взглядом.
– Прошу прощения.
– Возвращайся к службе. Ещё раз увижу, что висишь на копье – вылетишь из замка быстрее, чем успеешь проснуться.
Молодой стражник потупил взгляд, немного помедлил, но всё же вернулся на свой пост. Кадваллон продолжил путь, продолжая негодовать из-за упущенного незнакомца.
«Кто знает, кто он и почему тут околачивался...»

– Милорд!
Седрик ворвался в покои графа без стука и тут же потупил взгляд, упёршись в пол. Кадваллон отстранился от Райс. Та, не поднимая глаз, метнулась к двери, на ходу натягивая платье. Дверь за ней закрылась – и в комнате повисла тишина, которую нарушало только сбитое дыхание Седрика.
– Седрик, – голос Кадваллона был ледяным, – сколько можно повторять...
– Это срочно, милорд! – перебил парень, не давая ему закончить. – Я кое-что нашёл, когда следил за Ваймундом!
Кадваллон выдохнул. Поправил ворот рубахи, подошёл к столику, налил вина.
– Если твоя находка окажется пустяком, я велю тебя высечь.
– Это не пустяк, милорд.
– Так что же ты нашёл?
– Точнее... кого. – Седрик набрал в лёгкие побольше воздуха и затараторил: – Вам же известно, что Ваймунд купил в Верхнем городе дом? – он дождался короткого кивка графа и продолжил, – Каждый вечер он уходит туда. Сегодня рано утром он ушёл в замок, а я решил пробраться внутрь.
– И?
– Это оказалось легко. Дом стерегут всего двое стражников, и только снаружи. Я... я влез через окно на втором этаже. Обыскал всё. Нашёл вот эти бумаги.
Он вытащил из внутреннего кармана несколько смятых пергаментов. Кадваллон взял их, но читать не стал – только скользнул взглядом по верхнему листу.
– И это всё?
Седрик замялся.
– И мальчишек.
Граф замер. Его пальцы, державшие пергаменты, на мгновение сжались.
– Каких ещё мальчишек?
– Трое. В подвале. Прикованы к стене цепями. – Седрик сглотнул, голос его дрогнул. – Они... выглядели замученными, милорд. Но стоять на ногах могли.
– И что с ними?
– Я освободил их. Чтобы вывести, пришлось убить одного охранника. Тело я оттащил в подвал. Пока не найдут.
Кадваллон смотрел на него долгую секунду. Потом перевёл взгляд на пергаменты в руке.
– Где эти мальчишки?
– Я спрятал их здесь. В замке.
– В замке? – голос графа стал тише, но от этого только опаснее.

– В камере вашей служанки, – Седрик развёл руками.

Кадваллон сжал пергаменты в кулак.

– Вас никто не видел?

– Я был осторожен, милорд.

– Хорошо.

Он замолчал. Прошёлся по комнате, остановился у окна. Солнце уже зашло за горизонт, но его лучи всё ещё окрашивали кусочек неба в светло-оранжевый цвет.

– Зачем он их там держал? – спросил наконец граф.

Седрик не ответил. Опустил голову. Плечи его мелко дрожали – то ли от холода, то ли от омерзения.

– Ясно, – тихо сказал Кадваллон.

На миг ему показалось, что огонь в камине погас – настолько сильная дрожь прошла по его телу.

Он отвернулся от окна, подошёл к креслу, набросил на плечи плащ. Спрятал принесённые Седриком бумаги в ящик стола.

Запах трав, оставшийся после Райс, всё ещё витал в комнате. Кадваллон поймал себя на мысли, что ему жаль, что их прервали. Но понимал, что сейчас не до того. И, наверное, уже никогда не будет.

– Куда не посмотри – всюду сидит какая-нибудь тварь. Благий, Ваймунд и Бог знает, кто ещё.

Граф подошёл к двери.

– Отведи меня к ним.

– Слушаюсь, милорд.

Они вошли в тесное помещение, в котором уже двум людям было бы тесно. Но здесь их уже было четверо. На узкой соломенной кровати сидели трое парнишек на вид не старше пятнадцати лет. Худенькие, испуганные. Они опустили взгляды вниз, но одновременно подняли головы на звук открывающейся двери.

На старой кривой табуретке сидела пожилая женщина – Тильда-прачка. Она отвечала за чистоту и целостность всех одежд Кадваллона уже много лет.

Граф кивнул женщине и она с поклоном вышла в коридор. Седрик подошёл к мальчикам.

– Это господин, о котором я вам говорил. Он поможет и защитит вас, – тихо сказал он.

Паренёк, что сидел в середине, нерешительно кивнул.

Кадваллон присел на табуретку и внимательнее оглядел мальчишек. Тогда он обнаружил одну странную деталь. У всех троих были светлые вьющиеся волосы.

– Вы братья? – спросил граф спокойно.

– Нет, сэр, – хрипло ответил тот же паренёк посередине.

Кадваллон кивнул. Он вспомнил момент, когда в Каменном Кулаке Ваймунд странно смотрел на одного оруженосца. Тот тоже был кудрявым и светловолосым.

«Так вот что это был за взгляд. Мразь», – зло подумал граф.

– Как вас зовут?

Мальчишки молчали. Только один, что больше других шёл на контакт, тихо буркнул:

– Рональд.

– Откуда ты, Рональд? Где твои родители?

– Я... я всегда жил в Нижнем городе... я сирота, сэр.

– А вы?

Он поглядел на двух других. Оба хранили молчание.

«Они напуганы».

Кадваллон почувствовал, как сердце сжалось, но заставил себя не обращать на это внимания.

– Вы хотите, чтобы я помог вам? – спросил он мягко, – Не хотите больше попасть в беду? Все мотнули головой.

– Тогда вам придётся довериться мне.

Парни напряглись, опустили глаза на свои руки. Кадваллон, проследив за их взглядами, заметил кровавые следы на их запястьях.

– Хотите наказать этого ублюдка? – спросил он, сделав голос чуть твёрже. – Отомстить за все свои страдания?

Мальчишки подняли на него глаза. Интерес зажёгся в них.

– Но что... что мы можем? Он лорд, а мы...

– Если вы будете помогать мне, то сможете уничтожить этого червя однажды, – Кадваллон поглядел в глаза каждому из них по очереди.

– Как? – спросил Рональд.

– Это мы придумаем позже. А пока я отправлю вас в безопасное место, в своё графство. Вы будете учиться, наберётесь сил и опыта. И, когда придёт время, сможете убить Ваймунда.

Когда это имя прозвучало, паренёки вжали головы в плечи. Они боялись даже его имени.

– Но если кто-то узнает... что... что он с нами делал... Мы... нас могут... казнить, – заикаясь, сказал мальчишка, что сидел на правом краю.

– Никто не узнает. Это тайна, которую мы все унесём в могилу. Идёт?

Все трое кивнули.

– Так как вас всех зовут?

– Рональд, – уже увереннее повторил паренёк посередине.

– Свэн, – сказал парень слева.

– Родж... Роджер, сэр, – произнёс парень справа.

– Отлично. Рональд, Свэн и Роджер – отныне вы не сироты. Вы под моей опекой, а для всех остальных вы – сыновья погибшего рыцаря, сэра Вильяма Гвинедского. Никому не рассказывайте о своём прошлом, – Кадваллон кивнул Седрику, – Сегодня же отправь их в Гвинед. Пусть Йорк займётся их подготовкой. Им нужно дать достойное воспитание и привить нужные навыки.

– Да, милорд, – поклонился Седрик и поглядел на парнишек, – Поблагодарите господина, – шепнул он им.

Мальчишки, на манер Седрика, сделали неумелые поклоны.

– Мы ещё не скоро увидимся, – тихо сказал Кадваллон, – Берегите себя и слушайте наставника.

С этими словами граф вышел из каморки служанки.

Тильда-прачка сторожила у двери. Граф взглянул на неё и приложил указательный палец к губам. Поняв его жест, служанка покорно поклонилась.

Кадваллон возвращался в свои покои с чувством, которого давно не испытывал. Он сделал что-то важное и полезное. Помог страждущим и заполучил в своё распоряжение трёх будущих рыцарей, которые когда-нибудь сыграют свою роль в жизни или смерти Ваймунда.

Граф переступил порог своих покоев, бесшумно закрыл за собой дверь и выдохнул.

Он оглядел комнату, будто хотел убедиться, что никого, кроме него здесь не было.

Тишина. Только огонь в очаге потрескивал.

Граф подошёл к письменному столу, открыл ящик. Принесённые Седриком бумаги всё ещё лежали там. Взяв один лист, Кадваллон пробежался взглядом по строкам.

«Лекарь покинул столицу, господин. И он хорошо замёл за собой следы. Мои люди ищут его, но я не гарантирую, что нам удастся его поймать.»

С уважением, К.»

– Так-так, – тихо проговорил Кадваллон, – некий К работает на Ваймунда, который ищет некоего лекаря.

Он отложил письмо и взял следующее. Текстура бумаги и почерк указывали на то, что оно было написано не загадочным К.

«Мой дорогой Ваймунд, я с нетерпением жду, когда ты вернёшься. Без тебя я очень скучаю. Не могу нормально ни есть, ни пить, ни спать. Каждый раз, когда закрываю глаза, я вижу твоё лицо и слышу твой голос.

Матушка моя тоже о тебе справлялась. Говорит, что ты давно не заходил в гости. Ей нравится, что ты один способен выслушать все её истории, даже те, что она выдумала.

Ты обещал, что вернёшься осенью, но я сильно сомневаюсь, что это так. Дороги в ужасном состоянии и на них полно бандитов. Ты не дурак, чтобы путешествовать в таких условиях. Посему, я надеюсь, что мы увидимся хотя бы в середине весны. Моё сердце истосковалось по тебе.

С любовью, твой Лео»

Кадваллон отложил письмо в сторону и рассмеялся.

«Лео... спасибо тебе, Лео. За твою любовь».

Последняя бумага была не письмом, а документом, подтверждающим право на владение домом в Верхнем городе.

– Седрик. Ты собрал настоящее досье на Ваймунда, – кивнул граф. – Но и этого может оказаться недостаточно.

Он сложил все бумаги обратно в ящик. Налил себе вина и опустился в кресло перед камином.

«Поймаем Лео – поймаем Ваймунда. Поймаем Ваймунда – поймаем К, кем бы он ни был».

– К... кто это может быть? И лекарь... зачем Ваймунду лекарь?

Кадваллон отпил вина и уставился на огонь в очаге. Мысли металась от одной догадки к другой, подбирались и отметались версии. Ясно было лишь одно – за Ваймундом нужно пристально следить.

Следующий день прошёл тихо. Ни Совета, ни важных встреч. Граф занимался своими прямыми обязанностями – подсчитывал расходы королевской казны.

Он сидел в просторной комнате, которая ближе всех была к сокровищнице. Внутри мало света и много пыли. Многочисленные полки были заполнены свитками и журналами в кожаных переплётах – финансовые отчёты за многие годы.

В комнату вошёл лорд Годвин, как всегда, со своей синенькой книжицей в руках.

– Королева не поспешила на свадьбу своей фрейлины, – гнусавым голосом проговорил он, присаживаясь на скамью рядом с Кадваллоном.

– Она ничего не пожалеет для своих близких, – пожал плечами граф. – Когда будет свадьба?

– Сегодня обсудили дату. Все сошлись на том, что середина ноября – наиболее подходящее время.

– Прекрасно, – выдохнул Кадваллон и захлопнул увесистый фолиант, над которым сидел последние пару часов. – К счастью, с финансами дела обстоят неплохо. Одна небольшая свадьба не сильно ударит по карману королевы.

– Да, я уже всё подсчитал, – Годвин открыл свою книгу.

– Милорд, ответственность за свадьбу королева возложила на ваши плечи, – поднимаясь со скамьи, произнёс граф, – Я не стану вмешиваться ни в коем разе. Потом только сверим цифры и на этом всё.

Годвин как-то испуганно улыбнулся и закивал.

– Конечно-конечно, милорд, – прогнусавил он.

– До свидания, – попрощался Кадваллон и вышел в коридор.

Он возвращался в свои покои, когда в конце коридора заметил знакомую фигуру. Герцог Меллигенс – прямой, как копьё, в тёмно-синем плаще с серебряной вышивкой – шёл ему навстречу.

Граф нацепил маску смирения. Опустил взгляд, сделал шаг в сторону, пропуская герцога.

Меллигенс остановился. Окинул его взглядом – холодным, оценивающим.

– Граф, – голос герцога звучал ровно, без насмешки, но и без тепла. – Я слышал, у вас неприятности?

– Пустяки, – Кадваллон чуть улыбнулся, не поднимая глаз. – Женщины есть женщины.

Меллигенс хмыкнул, согласно кивнув.

– Берегите себя, граф, – сказал он, и в голосе его прозвучало что-то, отдалённо напоминающее участие. – В наше время друзья нужны, а враги... враги всегда найдутся.

– Благодарю за заботу, милорд, – Кадваллон сдержанно улыбнулся, быстро взглянув на герцога.

Меллигенс кивнул и направился дальше.

Граф смотрел ему вслед.

«Когда ты узнаешь правду о своём сынишке...»

Он представил лицо Меллигенса в тот момент, когда расскажет ему всё о Ваймунде.

От представленного зрелища он неосознанно усмехнулся. Спустя секунду вернул нейтральное выражение лица и пошёл дальше своей дорогой, но не успел и пяти шагов пройти.

Из-за угла появился Ваймунд. Он шёл следом за отцом, но почему-то отстал.

– Граф, – он улыбнулся – той самой елейной улыбкой, которая так бесила Кадваллона. – Что-то вы бледны. Не приболели?

– На здоровье не жалуясь, – ровно ответил Кадваллон. – А вы, я смотрю, в хорошем расположении духа.

– Есть отчего, – Ваймунд чуть склонил голову. – Королева сегодня была ко мне мило-стива.

– О, это же прекрасно. Именно то, чего вы хотели. Жду расплаты с нетерпением, – Кадваллон смерил Ваймунда пронзительным взглядом.

– Расплаты? – он вскинул брови, – Я что-то не припомню...

Парень устремил взгляд вверх, изображая задумчивость.

– Ах да. Вспомнил. Я не говорю о вашей с Морганой связи, а вы не стоите на моём пути, – Ваймунд нагло усмехнулся.

– Немножко не так, – терпеливо поправил Кадваллон, – Я не мешаю вам подобраться к королеве, а вы выдаёте мне информацию. Всё, что знаете о фанатиках.

Ваймунд не переставал улыбаться.

– Если честно, то знаю я не так много. Но настоятельно рекомендую прогуляться на северо-западную окраину Нижнего города. Мои люди сообщали мне, что там на улицах проповедуют бедняки в лохмотьях.

– Как я могу вам верить?

– Так же, как и я вам – никак, – сын герцога пожал плечами.

– Благодарю за честность.

Кадваллон, не прощаясь, пошёл своей дорогой.

«Ты даже не представляешь, как близок ты к своему падению», – подумал он, слушая звук удаляющихся шагов Меллигенса-младшего.

Внутри всё клокотало от нетерпения. Так и хотелось пойти к Гвиневре и выложить ей всю правду о нём.

«Но он тоже кое-что обо мне знает. Надо прежде позаботиться об этом».

Сумрак накрыл столицу, опустив на город холодный, липкий туман. Он просачивался сквозь щели в домах, оседал на крышах, делал факелы тусклыми и беспомощными. Кадваллон со своим верным помощником шёл по улице Верхнего города, переодетый в простого ремесленника. Грубый шерстяной плащ, местами потёртый, скрывал фигуру, а глубокий капюшон прятал лицо.

Седрик шагал рядом, ёжась от холода. Его дыхание вырывалось белыми клубами и таяло в темноте.

– Никого, – тихо сказал он. – Будто вымерли все.

– Или попрятались, – ответил Кадваллон, не замедляя шага.

На улицах столицы было немногочисленно. Те, кто ещё не успел укрыться в домах, торопились – кто с корзиной, кто с ребёнком на руках. Комендантский час вступал в силу, и никто не хотел проверять, насколько серьёзно стража относится к опоздавшим.

Ворота Благородства вздымались перед ними тёмной громадой. У створок, перегородив проход, стояли двое стражников.

Один – пожилой, с проседью в рыжей бороде, опирался на копьё, как на посох. Глаза его были красными, воспалёнными – то ли от недосыпа, то ли от дешёвого эля. Второй – молодой, почти мальчишка, с редкими усиками и выпученными от усердия глазами – сжимал древко так, будто оно могло выстрелить в любой момент.

– Куда? – рявкнул старший.

Кадваллон остановился, не подходя близко. Седрик замер за его спиной.

– В Нижний город, – спокойно ответил граф, стараясь говорить хриплее, чем обычно. – По поручению главы гильдии.

Он протянул документ – смятый пергамент с печатью, которую успел раздобыть днём.

Стражник взял, поднёс к факелу. Читал долго, шевеля губами.

– Раньше я вас здесь не видел, – сказал второй, вглядываясь в лицо под капюшоном.

– А я вот вас вижу часто, – Кадваллон чуть улыбнулся краем губ, не меняя позы.

На ум пришла недавняя встреча с незнакомцем в замке. Их диалог вышел похожим. Только вот теперь сам Кадваллон пытался инкогнито пробраться куда-то, преследуя свои цели.

Молодой стражник нахмурился, не поняв, шутка это или угроза. Старший отвёл взгляд от пергамента, окинул обоих тяжёлым взглядом.

– Значит, оружейники, – протянул он. – Чего так поздно? Вот-вот пробьёт комендантский час. Обратно уже не попадёте.

– Пришлось задержаться, – подал голос Седрик, стараясь скрыть дрожь. – Повозка сломалась у одной престарелой леди. Пока починили – стемнело.

– Переночуем в трактире, а утром вернёмся, – добавил Кадваллон, и в голосе его проскользнула нотка, которую он надеялся выдать за страх. – Если мастер Оливер не получит утром новые меха, нас могут и выпороть.

Стражники переглянулись. Старший пожал плечами, вернул пергамент.

– Будьте осторожны в Нижнем городе после наступления темноты, – сказал он. – Там сейчас... беспокойно.

– Благодарю за предупреждение, – Кадваллон кивнул и жестом подозвал Седрика.

Ворота со скрипом приоткрылись, пропуская их в темноту. Как только створки сомкнулись за спиной, Седрик выдохнул.

– Я думал, не пропустят.

– Пропустили бы в любом случае, – граф усмехнулся. – Но пришлось бы заплатить. Или раскрыть свою личность. А это – слухи, пересуды и возможности.

– Возможности? Для чего?

– Возможности для других уличить меня в чём-нибудь подозрительном.

Они зашагали по центральной улице Нижнего города. Редкие прохожие или шатались от эля, или жались в тень, подальше от незнакомцев. Под ногами неприятно хлюпала грязь, из разных сторон доносились возгласы пьяниц, ругань женщины и плач ребёнка.

Кадваллон внимательно оглядывался вокруг. Чем глубже заходили они в Нижний город, тем гуще становился туман и холоднее воздух. Редкий свет из окон не освещал путь, но служил маячками для направления.

– Ни одного стражника, – тихо сказал граф. – Это нехорошо.

– Милорд, улицы Нижнего города должно патрулировать несколько отрядов. Насколько я помню, Меллигенс велел выделить пару сотен человек.

– И где они все?

Парень только пожал плечами.

Они подходили к трактиру – самому популярному в Нижнем городе.

Здание в два этажа, старое, покосившееся, но видно было, что его стараются держать в порядке. Однако годы брали своё: стены поросли диким виноградом, листва которого давно потемнела и пожухла, а двери и окна давно пора было менять. Из небольших мутных окошек пробивался тусклый свет свечей, доносился гул голосов и пьяные выкрики.

– «Очаг Каталины», – прочитал Кадваллон название на вывеске. – Красноречиво.

– Той Каталине уже под девяносто лет. Сейчас трактиром управляет её внучка со своим мужем, – пояснил Седрик.

– Откуда ты знаешь?

Седрик улыбнулся.

– Милорд... это... мой небольшой секрет...

– Секрет, значит? – граф усмехнулся.

Когда Седрик так говорил, это означало только одно – женщина.

– Связался с местной девкой, которая посвящает тебя в историю города и его жителей?

– Милорд, – парень, засмуцавшись, опустил взгляд.

Граф только похлопал его по плечу.

Скрипучая дверь трактира распахнулась, и двое здоровенных мужиков выволокли наружу какого-то пьяницу. Тот упирался, цеплялся за косяки, но его всё равно вышвырнули с крыльца прямо в грязь.

– Твари! – заорал он, поднимаясь на четвереньки, и громко икнул. – Чтоб вам всем! Дора... Все ещё узнают... какая ты.

Он с трудом встал на ноги, покачнулся и, продолжая сыпать проклятиями, побрёл прочь, то и дело оглядываясь на трактир.

– К Доре больше ни-ни! Последнее отобрала! Жадная тварь...

– Дора – это нынешняя хозяйка, – тихо пояснил Седрик.

Кадваллон кивнул, не отрывая взгляда от трактира.

– Интересная, должно быть женщина.

– Не знаю, милорд.

Кадваллон пошёл дальше. Его не интересовали трактиры и их хозяйки. Он хотел увидеть ночной город. Не чтобы полюбоваться, но чтобы увидеть монстров, которые прятались в его темноте.

Как ни удивительно, долго себя ждать они не заставили.

Стоило немного отойти от «Очага Каталины», граф наткнулся на устрашающее зрелище. По улице, чавкая дорожной грязью, шёл босоногий строй – около полусотни людей в старых лохмотьях. Мужчины и женщины, старики и совсем юные. У некоторых в руках горели факелы, остальные шли, держась за руки, и в их глазах горел тот же странный, фанатичный свет.

Кадваллон схватил Седрика за руку и отступил в тень здания. Седрик замер, его пальцы сами собой легли на рукоять кинжала под плащом.

– Милорд, это они? – прошептал он.

– Они, – тихо ответил граф.

– Что будем делать?

– Пойдём следом. На расстоянии.

– И придёт час расплаты! – вещал молодой человек, шедший впереди строя. – Да не побоимся мы этого часа! Но бояться будут те, чьи души полны греха! Ибо поглотит их пламя очищающее! И будут они гореть и страдать! А чистые душой вознесутся без боли и мучений!

«Полсотни, – подумал Кадваллон, вжимаясь в холодную стену. – Полсотни безумцев, и никто их не остановил».

Фанатики шли, не таясь. Их шаги звучали в такт, лица были обращены вперёд, к невидимой цели. Кадваллон и Седрик двинулись следом, держась в тени домов.

– Отец наш спасёт наши души! Только его руки даруют нам очищение и прощение! Спасите себя и своих детей!

И тут впереди послышался шум. Крики. Лязг оружия.

Фанатики бросились врассыпную, ныряя в тёмные проулки. Те, кто держал факелы, швырнули их вперёд – в сторону отряда солдат, чтобы ослепить, сбить с толку, устроить завесу из огня и дыма.

Кадваллон рванул вперёд.

Он увидел солдат – человек двадцать, не больше. Они растерянно оглядывались, пытались понять, куда исчезли фанатики. Прямо перед ними догорали брошенные факелы, чадая и распространяя едкий дым.

– Чёрт вас дери! – выругался Кадваллон, наблюдая, как последние тени скрываются в переулках.

«Тупые солдафоны... – мысль обожгла его. – Неудивительно, что ни логова, ни лидера фанатиков до сих пор не нашли. Хоть бы один догадался проследить за таким вот отрядом».

– Кто такие? – вдруг спросил командир патруля, направляясь к графу. Он был грузным, с красным, обветренным лицом и маленькими, заплывшими жиром глазами. Он был в зелёном утеплённом дублете без доспеха, а меч болтался на поясе так, что до него было неудобно дотянуться.

«Прекрасно», – со вздохом подумал Кадваллон.

– Мы оружейники, – он достал из кармана документ. В темноте, освещённой лишь догорающими факелами да редкими отсветами из окон, разобрать печать было невозможно, но солдат даже не попытался.

– Комендантский час нарушаете, господа оружейники, – сказал солдат, не взглянув на пергамент. Он говорил с лёгкой усмешкой, будто забавлялся ситуацией. – Чего шлёпаетесь?

– Мы не специально, – ответил Кадваллон, стараясь, чтобы голос звучал покорно. – Шли себе в «Очаг Каталины», а тут «эти» на пути...

– Просто кучка юродивых, – пренебрежительно бросил командир патруля, махнув рукой в сторону, где скрылись фанатики. – Стоило из-за них нарушать порядок?

– А они разве не нарушают? – не сдержался Седрик.

– Они убежали, вы – нет. Нам не важно, кого задерживать за нарушение порядка. И тем более не важно, кому всыпят десять плетей за позднюю прогулку.

– Ах, вам не важно? – Кадваллон вскипел. Холодная ярость поднялась из груди, сжала горло. Пока он ломает голову, как добраться до фанатиков и покончить с ними, стражники в городе даже не пытаются их изловить. Они ловят тех, кто попался под руку.

– Мне за это больше не заплатят, – криво усмехнулся солдат, поигрывая эфесом меча. – А вы, похоже, люди пришлые, из Верхнего города. Значит, кошелёк у вас должен быть.

Кадваллон похолодел.

Он понял. Это не патруль в привычном смысле. Это вымогатели. Они не ищут фанатиков, они ищут тех, кто заплатит, чтобы его отпустили.

Седрик дёрнулся было, но граф незаметно остановил его жестом.

– Пройдёмте с нами, – сказал солдат и подхватил Кадваллона под руку. Пальцы его были цепкими, как клещи.

Кадваллон не сопротивлялся.

Седрика повели следом. Его лицо в свете догорающих факелов было белым, как мел.

«Это они зря, – подумал Кадваллон, шагая в ногу с конвоиром. – За такие вещи тоже бьют плетью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.